

Т. Чоргорр

Из-под снега

Они — обитатели сурового, холодного мира Голкья, где главный враг любого разумного — не себе подобные, а природные стихии. Но в это раз Зимнее перемирие нарушено, льётся кровь, и странный чужак, найдёныш кузнеца, оказывается в гуще событий. Он — нав из Тайного Города: убежища древних магических рас на изнанке современной Москвы. Увы, сам он не помнит, кто он, и как его занесло в снега Голкья. В перерывах между приключениями пытается вспомнить и разобраться.

«Была у зайца избушка лубяная, а у лисы — ледяная...»

Ночь, мороз. Небо в облаках, ни звёзд, ни месяца. Позёмка метёт по бескрайней равнине, обещая превратиться в настоящую пургу. Одинокий путник на тракте ощупью угадывает среди целины утопанный, накатанный след. Он не помнит, кто он. Куда идёт? Откуда? Зачем? Смутное воспоминание о чужих словах: «Не спи, замёрзнешь». Тень памяти о собственном высокомерном ответе: «Меня это не касается». Нелепое название — Яблоновый перевал, давно и страшно далеко.

Здесь и сейчас нет перевала, есть бесконечное ровное пространство, похожее на замёрзшее море. Усталость, пустота, ощущение полной бессмысленности пути. Оглушающая боль потери чего-то такого, без чего вряд ли получится жить. Он ещё дышит и кое-как переставляет ноги, но это ненадолго...

Кузнец Лемба возвращался с ярмарки. В чёрно-синем небе сияло маленькое белое солнце, и кузнец блаженно жмурился, подставляя ему лицо. Совсем бы хорошо, да ночная метель оставила после себя гряды застругов. Сани на них нещадно швыряло. Пока доедешь до дому, зад отвалится. В самом деле, пора размять ноги, погреться, дать облегчение упряжным зверям. Лемба на ходу ловко соскочил с саней. Побежал рядом, громким кличем оповещая снега о своей силе и удали. Звери завывали, защёлкали, заверещали, вторя хозяину. Бежать во весь дух, сверкая живым белым мехом посреди мёртвой белизны снегов — не высшее ли счастье и полнота бытия? Кузнец и его звери об этом не думали, они просто жили.

Вожак прынул в сторону, потянул с тракта всю упряжку, чуть не перевернул сани. Лемба хотел прикрикнуть, замахнулся бичом, но сам уже заметил, что привлекло внимание чуткого зверя. Из свеженаметённого сугроба, чуть повыше других, торчала чёрная палка.

Звери, азартно подвывая, рыли лапами снег. Кузнец смотрел. Он уже понял — чего тут не понять? Путник не вынес тягот пути и прилёг отдохнуть. На вечный покой. Живого, тёплого звери выкапывают иначе. Из-под снега показалась фигура в чёрной одежде, не похожей на мех. Клубочком на боку, спиной к ветру. Палка, торчавшая из сугроба, оказалась одним из двух длинных, изогнутых мечей в ножнах. Лемба отогнал зверей и принялся за дело сам. Воин непонятного роду-племени — это любопытно!

Тёмные волосы чужака забиты снегом и смёрзлись, а перед лицом снег рыхлый, значит, не дышал уже, когда замело. Помогая себе ножом, Лемба окончательно высвободил из снега застывшее до каменной твёрдости тело. Поднял на руки, удивился лёгкости по сравнению с другими подобными находками. Положил в сани, привязал. Мёртвых всегда увозили домой, заботясь о живых. Убирали падаль с тракта, чтобы не привлекала дикие стаи, и пополняли съестные запасы. В доме Лембы двуногие не питались двуногими: легко заразиться всякой поганью. А на корм зверям находка годилась... Но лишь после того, как кузнец разморозит тело, рассмотрит его и кое-кому покажет! Он подумал о Вильяре: настойчиво, чтобы мудрая услышала зов и пришла.

Дома кузнеца ждало множество хлопот, чад и домочадцев. Возиться с чужим мертвецом было некогда, Лемба только отвязал тело от саней и оттащил в чулан, иначе звери могли погрызть раньше времени. В чулане было достаточно тепло, чтобы труп до завтра немного оттаял, но не испортился.

Мечи Лемба с гораздо большим почтением отнёс в малую мастерскую. Вынул из ножен, иначе с холода отпотеют и могут заржаветь. Подивился чёрному, без блеска, металлу и непривычной форме клинков, их остроте и упругости, которые сразу оценил. Подивился простым и гладким, той же глубокой матовой черноты, рукоятям и ножнам. Совершенство отделки само себя украшало, как одежда из лучшего меха не нуждается в узорах из шнуров и бус... Прекрасное оружие — и чужое донельзя. Торговые караваны путешествуют по всему миру, работу кузнецов хоть с другого бока Голкья Лемба узнал бы. Однако он мог поклясться, что ни наяву, ни во сне не встречал ничего подобного. «Вильяра, где ты? Я нашёл кое-что любопытное! Любопытнее охоты и новостей с ярмарки!»

Лемба послал зов ещё раз и успокоился, дабы воздать должное бане, сытной еде и соскучившимся жёнам.

Вильяра примчалась наутро. Всего один могучий зверь и женщина на лыжах: мудрая не боялась диких стай даже ночью.

— Отдохнул ли ты с дороги, Лемба? Ты звал меня так громко, я думала, голова лопнет. Хотела при встрече стукнуть тебя по твоей, — попеняла кузнецу колдунья и тут же впиалась в его губы жадным поцелуем.

— Ненасытная! — Лемба перевёл дух и потянулся продолжить, но Вильяра уже выскользнула из объятий.

— Если твоя находка хоть вполовину так удивительна, как мне показалось по твоему зову, я отложу утехи на потом. Малое удовольствие после большого. Куда ты положил того бродягу?

— В чулан.

Мудрая по-хозяйски направилась вглубь дома. Лемба откатил в сторону круглую каменную дверь чулана, поднял повыше светильник.

— Этот? Лемба, в следующий раз, когда найдёшь в снегах что-то непонятное, сначала показывай мне, а потом уже оттаивай. Он жив.

Чужак лежал на каменном полу неподвижно, клубочком, спиной ко входу, как Лемба его и положил. Но выглядел спящим, а не мёртвым, опытные охотники не ошибаются в таких вещах. Лемба понял, что сглупил. Чужой воин в доме, даже без оружия, может доставить немало хлопот.

— Мне не пришло в голову. Только мудрый может выйти живым изо льда, огня и воды. Но какой же мудрый позволит себе уснуть в сугробе на обочине?

— Тот, кто отдал своему клану всё. Или выбрал слишком опасную дичь. Или проиграл битву. Мало ли? Но я знаю наших мудрых и не знаю это существо. Ты же сам видишь, это чужак.

Происходило непонятное, потому кузнец остался в дверях, а Вильяра шагнула к телу. На то она и мудрая! Глухо заворчала, скаля зубы. Провела по воздуху рукой:

— На этот раз тебе повезло, кузнец. Твой найдёныш жив, но в беспамятстве.

Наклонилась, перевернула тело на спину. Кузнец поднёс поближе светильник, теперь они могли рассмотреть чужака. Неудачливый путник оказался тощим и длинным, мало

похожим на массивных сородичей Вильяры и Лембы. Черты лица — странные, но не настолько, чтобы казаться отвратительными. Приснится иногда и не такое! Светлая кожа будто совсем не пострадала от мороза. Больше всего удивляли волосы. У северян они белые, искристые как снег. На юге рождаются серые и рыжеволосые. Лемба впервые встретил двуногого с угольно-чёрными волосами, бровями, ресницами. Одежда тоже удивляла. Не из шкур, как у северных охотников, не из тканых и вязаных ниток, как у южан, а будто свалена из глубочайшего пещерного мрака. Гладкая, без видимых швов и застёжек, но всё-таки одежда, не шкура.

— Ты говоришь, у него было с собой оружие?

— Для войны, не для охоты. Два меча, тоже чёрных. Отличная работа, но я никогда не видал подобного. Показать тебе?

— Мне интереснее дух и плоть, чем сталь. Лемба, отнеси его в мою любимую комнату, на шкуры. Там теплее и светлее. Там подходящая обстановка для приёма гостей.

Вильяра величаво восседала на стопке шкур. Рядом Лемба положил свою странную находку, отметив про себя, как нелепо смотрится чёрное существо на белом мехе. В комнате было светло и жарко, но мудрая приказала пододвинуть поближе жаровню и принести побольше светильников.

Вильяра внимательно разглядывала руку найдёныша, играла с ней, вялой и безвольной.

Приложила свою пятерню к его: пальцы колдуньи оказались на полторы фаланги короче, но сама ладонь — шире, мощнее. Вильяра вынула нож из ножен, подышала на широкое лезвие. Напевая заклятие, поймала затуманенной сталью отсвет углей. Лемба сторожко наблюдал за её действиями. Непредсказуемая ведьма могла одним движением отсечь чужаку голову. Могла, шутя, метнуть клинок в него, Лембу. Хороший охотник перехватит на лету или увернётся, плохого не жаль. Вильяра не стала делать ни того, ни другого, а легонько чиркнула остриём по ладони найдёныша. Выдавила из пореза несколько капель крови — чёрной? Слизнула, поморщилась, метко сплюнула в жаровню.

— Отрава! Хорошо, что твои звери были сытые, и тебе не пришлось в голову покормить их на месте. А если бы ты задержался на ярмарке денёк-другой. Если б дикая стая успела попить, ты хвастался бы мне белыми шкурами, доставшимися даром, — она провела пальцем по чёрной царапине. — Гляди-ка, зарастает. Он не только жив, но и здоров на зависть. Просто впал в спячку, как летний зверь.

Лемба фыркнул:

— Глупец, если надеялся долежать в том сугробе до весны. А почему он не просыпается в тепле?

Вильяра села, скрестив ноги. Подтянула к себе бесчувственное тело так, что голова найдёныша оказалась у неё на животе, будто на подушке. Стала медленно гладить, перебирать, пропускать сквозь пальцы короткие чёрные волосы. Провела ладонями по лицу чужака, легко коснулась сомкнутых век. Потом ладони ведьмы замерли на его висках, серебряные глаза закатились, она загудела низко, утробно, жутко. Белая грива встала дыбом на спине кузнеца — мудрая впервые пела рядом с ним песнь Познания. Звук перешёл в вой, взлетел до раздражающего уши визга и затих. Вильяра встряхнулась, посмотрела на Лембу холодно и жёстко:

— Это странная и, возможно, опасная находка. Будь я не Вильяра мудрая, а ты — не мастер Лемба, мы отвезли бы его подальше от жилья и через пару дней честно поделили

белые шкуры, — зрочки колдуньи сверкнули хищными искрами. — Он пришёл к нам с другой стороны звёзд. Кто-то напал на него по дороге, украл часть души. То ли его специально бросили подышать на морозе, то ли он вырвался и упал сюда сам, случайно. Я увидела не много. Меньше, чем обычно получается. Я не пойду по следу. Слишком опасная чужая охота, чтобы лезть из любопытства. А касается ли дело клана, я не знаю, посоветуюсь с другими мудрыми. Пусть пока он побудет в твоём доме. Вряд ли он в силах причинить заметный вред. Можешь пристроить его по хозяйству, а я поиграю с диковиной. Попробую его разбудить.

Кузнец нахмурил густые белые брови:

— Ты говоришь, он не в силах причинить вред?

— Я чувствую, он совсем не помнит себя. Может, будет совсем как младенец. Или тупой, как дыроголовый Румил. Но у этого мозги целы, он будет учиться заново. Мы научим его нашему языку и обычаям. Давай, пока спит, придумаем ему прозвище.

— Мудрая, зачем? Ты ведь можешь узнать настоящее имя?

— Я узнала. Но если мы будем звать его по имени, он быстрее вспомнит себя и уйдёт от нас. А мне скучно, зима только началась.

— А он вспомнит?

— Может быть. Да, когда-нибудь потом я желаю послушать, как он расскажет про свои похождения... Так как насчёт прозвища? Ты нашёл, тебе и называть.

— Иули — Тёмный?

— Не годится. Слишком близко к его сущности, всё равно, что имя. Но ты посмотри, какие у него волосы. Они похожи на твой лучший уголь, чёрные и блестят. Пусть будет Нимрин — Уголёк.

— Как скажешь, мудрая.

Вильяра плавным, вкрадчивым жестом взяла руки чужака в свои. Его пальцами как-то по-особому сжала и расцепила пряжку широкого пояса, вытянула ремень из-под спины лежащего, бросила кузнецу. Перегибая тело как куклу, его же руками расстегнула на нём сапоги. Ногтем большого пальца найдёныша чиркнула по странной одежде от горла до паха — чёрное разошлось, будто распоротая шкура. Охотница быстро, сноровисто сняла её совсем и принялась жадно разглядывать добычу. Лемба тоже посмотрел.

Бродяга не был истощён, как подумал кузнец, когда выкапывал из снега, клал в сани и носил по дому неправдоподобно лёгкое тело. Видимо, от природы такой: поджарый, сухой. Лемба видел в подобном сложении уродство, но мудрые падки на всё необычное, особенно со скуки. Он не сомневался, как именно ведьма намерена играть с чужаком, и тоже хотел получить удовольствие, наблюдая.

Вильяра скинула с себя меховые штаны — с курткой она, по обычаю охотников, рассталась на входе в тёплую часть дома. Легла рядом с чужаком. Укрыла его и себя пушистой шкурой, обняла, прижалась.

— Лемба, возьми все его вещи и хорошенько спрячь. Чтобы он не увидел, когда очнётся. Наша одежда ему широка, прикажи кому-нибудь из женщин перешить. И пусть они принесут сюда много еды, — колдунья прочитала в глазах кузнеца любопытство и лёгкую обиду, улыбнулась. — Иди спокойно. Смотреть пока не на что, он должен согреться. Я жду тебя.

Лембе в голову не пришло ревновать мудрую к странному найдёнышу, как его собственные жёны не ревновали мужа к ведьме. Даже младшая: трепетная, горячая, глупенькая Аю. Кузнец готов был зашибить на месте любого охотника, посягнувшего на его

женщин. Жены пригрозили б выдрать сперва глаза, потом сердце и печень беззаконной сопернице. Но мудрые стоят выше ревности. Они принадлежат всем и никому. Вильяра — ничья жена, ничья мать. Её объятия жарки, а кому их дарить, она решает сама. Это закон, завещанный от предков.

Колдунья задремала в тепле под шкурой, рядом с мужчиной из неведомого племени. Сон мудрых редко бывает просто отдыхом: иногда далёким и небезопасным путешествием, иногда лучшим способом быстро повидаться с собратьями.

В этот раз мудрый Нельмара, хранитель знаний, выслушал Вильяру и рассказал кое-какие подробности о существах, похожих на кузнеца найдёныша. Тысячи зим назад суровые воины Иули, именовавшие себя стрелами Тьмы, пришли в мир Голкья откуда-то из-за звёзд. Открыли Большие Врата, объявили, что ищут по всем обитаемым мирам дани и подчинения. Были приняты со всем возможными почестями, однако убрались несолоно хлебавши. Мудрые и вожаки кланов тогда убедили незваных гостей, будто взять с пещерных жителей, кроме вонючих шкур, нечего. В те времена это было почти правдой. Потом, на всякий случай, мудрые надёжно запечатали врата в свой мир. Что именно помогло, неведомо, но за данью тёмные больше не являлись.

«Будь осторожна, Вильяра, все они умело колдовали и были злы в драке. Но одинокий, беспамятный тёмный миру не слишком опасен. Убить его или вышвырнуть отсюда не составит труда. Сама не справишься, объединим усилия. Только постарайся выяснить, как он попал к нам, не придут ли следом его сородичи? Да и любопытно, откуда он вдруг свалился через столько зим?»

Тёплые отсветы углей и масляных светильников играли в серебристых глазах Вильяры, на её белых волосах. Облокотившись о свёрнутую валиком шкуру, мудрая смотрела, как две жены кузнеца, Тунья и Аю, вносят в комнату низкий столик с едой. Следом важно шествовал сам кузнец. Вильяра откинула шкуру со спящего найдёныша:

— Тунья, посмотри, надо подогнать ему штаны, куртку и обувь. Самые простые, из старья, как младшему слуге. Ты справишься без мерок, на глаз?

— Чего бы не справиться? А кто это?

— Подарок с ярмарки, муж вам потом расскажет, — перебила Вильяра.

— Идите, женщины, — приказал Лемба.

У мудрой своей причуды, и власть её велика. Однако кузнец не хотел, чтоб его жёны лишней раз пялились на чужого мужчину, пусть даже тощего и некрасивого. Хотя, словами об одежде Вильяра ясно обозначила будущее место Нимрина. Он поселится здесь на правах одного из бродяг, прибившихся к богатому дому на зиму. Кус мяса в похлёбке — плата младшим слугам за согласие на самую грязную работу и вечно опущенные глаза. Хозяйские жёны, если не дуры, на таких не зарятся. С дурами же разговор короткий...

Вильяра поднесла поближе светильник. Задумчиво, неторопливо разглядывала найдёныша, водила над ним кончиками пальцев. Кузнецу всё меньше дела было до их странной добычи, он любовался мудрой, всегда прекрасной и желанной. Однако обратил внимание: безволосая кожа чужака поначалу была почти белой, теперь посмуглела, приятно оттеняя снежную белизну Вильяры. Чёрная кровь отогрелась, побежала по жилам?

Женщина поставила светильник в нишу стены, подмигнула Лембе:

— Вот теперь, кузнец, пора смотреть.

— А не повредит ли тебе его семя? Если, говоришь, звери отравились бы?

— А я — мудрая. Я могу хоть целиком его сожрать, ничего мне не будет... А семя у него, я думаю, не ядовитое, — рассмеялась женщина. — Какой же ты, Лемба, заботливый и предусмотрительный. За то я тебя ценю, за то люблю...

Сказала, и нежно коснулась губами губ другого мужчины. Пока не поцелуй, приглашение к поцелую. Чужак глубоко вздохнул, лицо из расслаблено отсутствующего стало мрачным. Тонкие чёрточки бровей сошлись, челюсти сжались, по всему телу пробежала дрожь. Мудрая пропела заклинание, её горячие ладони затанцевали над кожей чужака, ласково взъерошили короткие чёрные волосы. Мужчина приоткрыл глаза. Тоже чёрные, кто бы сомневался! Совершенно пустые, бессмысленные. Колдунья снова приникла к его губам: жадно, требовательно. Он не сразу, но ответил на поцелуй, руки неуверенно потянулись обнять. Вильяра ласкала найдёныша, его тело исправно отвечало на ласку. Вот уже колдунья насела сверху, задвигалась вверх-вниз. Страстные стоны чужака вплелись в её тихое урчание, пальцы легли на белоснежные бёдра, стали задавать ритм. Кузнец сравнивал стати новой игрушки Вильяры со своими собственными и посмеивался. Подумал, мудрая расшевелит кого — или что — угодно:

— Ты на сосульки не пробовала надеваться? А на сухие сучья?

— Лемба, не мешай, подожди своей очереди...

Согласное, ускоряющееся движение двух тел, рычание, вскрики. Белая гривка по хребту Вильяры встала дыбом, женщина выгнулась, откинула голову назад, огласила комнату ликующим кличем.

Соскользнула с чужака, гибко склонилась к его лицу, заглянула в глаза. Пустота из них ушла, но не было там и удовольствия мужчины, излившего семя в прекрасную женщину. А что было, в такой непроглядной черноте не различишь. Мудрая вроде бы чувствовала смятение, страх, тоску, но не была уверена. После беседы с Нельмарой она готовилась ко всяким неожиданностям.

Чужак мгновенно — взгляд опытной охотницы едва уловил движение — перетёк подальше от неё, в угол. Лицо так же быстро стало очень собранным. Он резко спросил что-то. Повторил вопрос, видимо, на нескольких языках. Языки были Вильяре незнакомы, а смысл понятен: «Где я? Кто вы?». Это мало походило на поведение младенца или крепко стукнутого по башке, но пока не нападал, и ладно. Вильяра пропела заклятие понимания, дунула в сторону чужака, будто сдувая пух с ладони.

Указала на кузнеца:

— Мастер Лемба, кузнец, твой хозяин. Он подобрал тебя в снегах по дороге с ярмарки и отогрел. Ты в его доме.

Приложила ладонь к своей груди:

— Хранительница клана Вилья, мудрая Вильяра.

Показала на найдёныша:

— Нимрин, новый младший слуга мастера Лембы.

Колдунья отчётливо, медленно выговаривала слова, точно зная: силой заклятия звуки и смысл сольются в голове чужака воедино, он всё поймёт и запомнит.

— Повтори!

— Кузнец Лемба, мудрая Вильяра, — заминка, злой взгляд исподлобья. Уши из

смешных круглых стали вдруг острыми, почти как у настоящего охотника. Чужак буркнул что-то на своей тарабарщине, помотал головой из стороны в сторону.

Вильяра властно повысила голос:

— Ты — Нимрин. Нимрин — это ты. Повтори!

Чужак ещё раз, резче, помотал головой, в тёмных зрачках зажглись жёлтые искры. Колдунья, сменив тон, вкрадчиво промурлыкала:

— Нет? Не нравится? Так назови нам своё имя, дом, клан, и мы будем величать тебя правильно.

Вот тут стало очевидно, что найдёныш далеко не в порядке. Яростное сверкание глаз и злобный рык не могли обмануть мудрую. Будто чёрный зверь скалил зубы из ямы, крепко сидя на кольях.

— Не хочешь говорить?

Помотал головой.

— Не можешь?

Заминка, тот же жест.

— Не помнишь?

Кивнул.

— Да? Ты сам не помнишь? Вот и мы не знаем, кто ты. Если ты вспомнишь, или родня найдёт тебя, будет тебе имя, а может, и почёт с уважением. Но пока станешь жить здесь, отрабатывать свою похлёбку, и прозвище твоё будет — Нимрин. Можешь выбрать дорогу от порога, да в белые снега, держать не станем. Но зима входит в силу, второй раз тебя вряд ли так удачно подберут. Ты в хороший дом попал, бродяга, не тужи! Будешь умницей, проживёшь до весны. Сыт, в тепле, не в обиде... Нимрин, повтори! — голос Вильяры обволакивал, ласкал, лился нектаром.

— Нимрин, — мёртвым, бесцветным голосом отозвался чужак. Подтянул колени к груди, обхватил руками, спрятал лицо. Его трясло, мудрая заботливо накинула на худые плечи шкуру. Сто, а может двести ударов сердца все молчали: найдёныш, мудрая, кузнец у стола в углу. Впрочем, тот молчал не просто так, а сосредоточенно вгрызаясь в кусок вяленого мяса.

— Эй, Лемба, ты там один не сожри всё. Я голодна. Да и нового слугу в первый день надо накормить за хозяйским столом, как самого дорогого гостя. Нимрин, ты хочешь есть?

Найдёныш вскинул голову и твёрдо ответил:

— Да!

Легко поднялся. Взял одну из шкур, встряхнул и намотал на себя, связав лапы. Вторую накинул на плечи. Подошёл к столику с едой, зябко поджимая пальцы босых ног на каменном полу. В следующие полчаса кузнец с колдуньей убедились, что прожорливостью чужак не уступает хорошему охотнику, и куда только всё девается?

«Нимрин» — он так и эдак перекачивал в уме чужое слово, которым его обозвали. Имя, настоящее имя не вспомнить... Пока не вспомнить!

За чужим словом благодаря чужой магии вставал очень внятный образ уголька на широкой мозолистой ладони. И черта, уверенно проведённая по каменной стене. И целая галерея рисунков охоты на каких-то животных и... Что это рядом, посреди и поверх охотничьих сцен? Схемы? Чертежи? Какие-то зубчатые колёса, шкивы и блоки? Нимрин

совершенно точно видел подобное прежде, и оно плоховато сочеталось между собой. Пещерная роспись и наброски инженера? Обрывки образов и представлений из прошлой жизни путались со вновь внушёнными колдуньей. От попыток разобраться кружилась голова. А главное, ему совсем не было любопытно, не хотелось разбираться, но привычка — вторая натура... Ладно, позже!

Он рвал зубами вяленое мясо, старательно жевал, наедаясь за прошлое и впрок. Хотя понимал, что сосущую пустоту внутри не заполнить ни едой, ни знаниями. Возможно ли вообще её заполнить? Волна тоскливого, бессильного ужаса, волна апатии...

— Нимрин, с тобой случилась большая беда. Но ты живой, и ты будешь жить, я за этим прослежу, — горячая рука на плече, волна ласкового тепла по всему телу, участливый взгляд серебристых глаз из-под густых белых бровей.

Восприятие двоилось. Нимрин видел перед собой двух существ, не слишком-то похожих на него самого. Их коренастые фигуры производили впечатление несокрушимой мощи и некоторой неповоротливости, пока не начинали двигаться. А когда начинали... Драться с такими врукопашную, без магии и оружия, будет скверной идеей. Пока незачем, он просто прикинул по привычке... А лица — или морды? Нет, всё-таки лица, гармоничные по-своему. Мощные надбровья и челюсти, крупные, широкие носы с вывернутыми по-звериному ноздрями, большие заострённые уши. Волосы — искристый белый мех. Самый густой и длинный мех на голове и вокруг шеи, эдакая грива. Непомерно широкие белые брови сливаются с гривой на висках, срослись над переносицей, дорожкой заходят на нос. Выше бровей — небольшой островок лба. При том, нижняя часть лица у мужчины и женщины одинаково голая, без намёка на усы-бороды или какие-нибудь вибриссы. У обоих — чистая, упругая, атласно-белая кожа, признак здоровья и благополучной жизни... Ослепительная красавица и мужчина в расцвете сил, которого ценят не за внешность (заурядную), а за ум, характер и мастерство: так про них Нимрину внушили. Колдунья с титулом «мудрая» и глава дома, оба молодые да ранние.

Во что ему обойдётся их покровительство? Отчасти уже понятно, и не радуется. Но тварь, которая покалечила и едва не убила его, гораздо хуже. Нужно опомниться и собраться с силами...

Нимрин, чуть склонив голову, поблагодарил мудрую Вильяру и мастера Лембу за кров, стол и заботу, за обещание защиты. Местные формы вежливых обращений сами прыгали на язык, оставалось следить, чтобы речь не звучала подобострастно или фамильярно, а непростые местные звуки выговаривались, как следует. Судя по заинтересованным взглядам обоих, он справился с задачей. Пожалуй, даже слишком хорошо.

— На какую работу тебя поставить, Нимрин? — спросил кузнец. — Ухаживать за скотом, топить печи, долбить камень, колоть лёд, грести снег? Что ты умеешь делать?

— Мне кажется, я был воином и собирателем знаний. Только, увы, я мало не помню. Я готов делать любую работу. Если позволишь выбирать, лучше в тепле.

— Будет тебе тепло, — добродушно осклабился кузнец. — Небось, на всю жизнь намёрзся, бродяга?

Улыбнуться в ответ, пожать плечами. На всю, не на всю, а намёрзся он крепко.

— Кому ты так узко ушиваешь, Аю? — спросила любопытная Дини.

— Да вот, любезный привёз с ярмарки вместо подарков тварь чёрную, страшную и

костлявую, как поганый сон, — посетовала младшая жена кузнеца, сноровисто орудуя швейной иглой. — Им с мудрой Вильярой любопытно, видишь ли. А всему дому — страх.

— Погань и есть! — округлив глаза, подтвердила малышка Жуна, одна из кузнецовых племянниц. — От саней отвязывали труп трупом. А в тепле отлежался и задышал. Мы с Вяхи заглядывали в чулан, видели.

Вяхи, дочка кузнеца от старшей жены, сердито зыркнула на кузину, жестом показала, будто укорачивает чей-то болтливый язык.

— Почему никому не сказали? — рыкнула на девочек Тунья. — Хорошим охотницам пристало быть любопытными. Но молчать, когда заметили неладное, нельзя! А ну, пошли во двор грести снег! Чтоб до ночи в тёплых покоях ноги вашей не было! И ты, Дини, не расслаивайся, брысь на кухню.

Девчонки удрали, радуясь, что дёшево отделались: рука у Туньи тяжёлая. Когда затихли торопливые шаги, старшая жена начала журить младшую.

— Ума у тебя нет, Аю, одна жадность на побрякушки! Золотые серьги и бусы из синего жемчуга, а всё тебе подарков любезный не привёз? Летнюю луну тебе подавай?

— Не луну! Я зеркало просила. Стекло, какие делают в доме Арна.

— Глядись хоть в воду, хоть в зеркало, краше знахаркиной дочки не станешь, — скривившись, буркнула Тунья.

— Да неужто ты ревнуешь, любезная? — рассыпала смех колокольцами Аю.

Саму Аю считали очень красивой. Гораздо красивее худой, угловатой, нескладно длинной Туньи. Тунья — почти уродина. Сговор двух богатых домов привел Тунью в жёны Лембе, жениха и невесту особо не спрашивали. Не противны друг другу, и ладно. Вот родит Тунья мальчика, непременно когда-нибудь родит, исполнит долг, и сразу выгонит её любезный. Как снегом умыться, выгонит!

Аю кузнец брал уже по любви, став главою дома. Говорили многие, будто брал её за внешнее сходство с той самой знахаркиной дочкой, прежде — первой красавицей клана Вилья, ныне — его хранительницей.

— К мёртвым и мудрым не ревнуют, — отрезала Тунья. — А всё-таки тебе до неё, как зимней луне до летней.

Аю ловко перекусила нитку и взялась за следующий шов. Пусть Тунья хмурится каждый раз, когда в доме гостит мудрая Вильяра. Пусть делается от этого ещё некрасивее, чем обычно. Пусть ворчит на любезного, вместо того, чтобы хорошенько приласкаться к ним с мудрой. Не хочет знать, как хорошо на пушистых шкурах втроём...

Однако на этот раз кузнец выставил за дверь обеих жён. Остался в лучших покоях с Вильярой и чёрной поганью. Это — главный повод для недовольства Аю. Морщатся над переносом густые, прекрасные белые брови, яростно втыкается в потрёпанную шкуру игла.

Тунья, между тем, не перестаёт ворчать:

— Опять заболтала, дурёха, своими подарками-зеркалами. А не смей пугать детей новым слугой!

— А ты сама-то не боишься?

— А чего там бояться?

Тунья сердито передёргивает плечами: Аю — дурёха. Родилась глупенькой, а познав мужа, но так и не зачав дитя за пол-лета и осень, растеряла последний ум. Будет теперь

маяться до зимнего сна, стелиться подо всех и вся.

Тунья презрительно кривит губы: она сама даже весной сохраняла здравомыслие. За трезвый ум и хозяйственную сметку кузнец научился ценить навязанную ему жену. Теперь говорит, уезжая, и повторяет, возвращаясь: «Пока ты ведёшь мой дом, Тунья, моё сердце спокойно». Перед осенней ярмаркой сам выковал и надел жене на шею золотую гривну — доверенность на ведение всех дел. Редкая женщина может похвастать, что получила такое не от матери...

Аю всё талдычит о своём:

— Тёмный он насквозь, этот пришлый! Ярость и смерть на нём — чужая и его собственная. Неужели ты не видишь, Тунья?

— Я не смотрю в ту сторону. Пусть знахаркина дочь думает о таких вещах.

— Она-то подумает, а наш любезный?

Тунье всё труднее делать вид, будто ей всё равно. Она безмерно гордится своим кузнецом! Сны мастера Лембы пронзают миры, руки его творят небывалое наяву. Любое дитя знает: именно такие мастера меняют мир, остаются в сказках и в преданиях мудрых. Увы, не всегда они меняют мир к лучшему. Мудрые стоят на страже жизни и равновесия, но посвящённая клана Вилья слишком молода и любопытна сама. Знахаркина дочь скорее втянет друга юности в какие-нибудь безрассудства, чем предостережёт... Казалось бы, при чём здесь странный новый слуга? А всё-таки...

— У любезного ума побольше, чем у нас обеих! Но я тоже за этим прослежу. — Тунья закрепила последний узел на куртке, забрала у Аю штаны и отправилась вручать слуге его новую одежду.

Нимрин дремал в коконе шкур. Сладострастная возня кузнеца и колдуньи, их стоны, рыки и взвизги мешали ему уснуть крепче, но это хорошо, ведь где-то в глубине сна его подстерегает враг. Враг реальный и лютый. Подстерегает во сне. Удивительно, а сомнений-то никаких.

Присоединиться к чужим утехам хотелось всё больше, и в этом тоже мерещилось нечто неправильное. Навязанное извне? Слишком трудно провести границу между собой и миром, чтобы сказать наверняка... Слишком лень шевелиться... Вот же неугомонные!

Видимо, в какой-то момент он всё-таки погрузился в сон, потому что, когда высунул голову из-под шкур, кузнеца в комнате не было, а колдунья спорила с одной из женщин, приносивших еду.

О чём спорили, Нимрин спросонок не разобрал, а стоило шевельнуться, обе замолчали и уставились на него. Колдунья смотрела тепло и благожелательно, взгляд её собеседницы не обещал ничего хорошего.

— Это твоя хозяйка, Нимрин. Старшая жена мастера Лембы, распорядительница Тунья. Её ты будешь слушаться так же, как кузнеца, — на этих словах Вильяра слегка поморщилась, или показалось?

Нимрин склонил голову и бесстрастно-вежливо уточнил:

— А если хозяин и хозяйка дома велют мне разное, кого я должен буду слушаться?

Вильяра улыбнулась, Тунья оскалилась, разница разительная!

На вопрос ответила Вильяра:

— Веление хозяина выше веления хозяйки, моё веление — выше их обоих. Но если случится противоречие, ты сразу скажешь об этом тому, кто велел позже.

— А кого ещё я должен слушаться, кроме вас троих?

Вильяра не успела рта раскрыть, как Тунья рявкнула:

— Всех! Ты младший из младших слуг в этом доме. Здесь никого нет ниже тебя.

Теперь уже колдунья выскалила зубы, и отнюдь не на Нимрина:

— Он мой, Тунья. Мой и других мудрых. Я доверяю его вам с кузнецом. На время, чтобы вы позаботились о нём. Ты хорошо поняла меня, женщина?

Как ни странно, слова колдуньи остудили пыл хозяйки дома. Тунья низко склонила голову:

— Да, я услышала тебя, мудрая Вильяра.

— Посмотри мне в глаза, Тунья!

Жена кузнеца нехотя повиновалась. Колдунья тихо, на грани слышимости, завывала. Нимрин не взялся бы сходу воспроизвести этот звук, но заёмным знанием знал: именно так, заунывным воем без слов, звучат здешние песни и заклинания. Через миг обе женщины завывали в унисон, положив руки друг другу на плечи. Потом они вспомнили о третьем в комнате, разом оглянулись, и Нимрина будто подтолкнуло встать в круг и подпеть. Неожиданно, это оказалось легко, тянуть хором Зимнюю песнь умиротворения. Была ли в звуках магия, Нимрин не разобрал, но они в самом деле умиряли страсти. Тунья теперь смотрела на нового слугу более-менее доброжелательно. Вопрос, долго ли продержится эффект? Но думать о плохом Нимрину не хотелось. Вообще думать не хотелось, и это было неправильно. Может быть, он подумает об этом позже.

Вильяра слушала неумелую, но действенную песнь найдёныша. Кажется, она вложила в заклятие понимания многовато себя, не соизмерила силу. И когда будила — тоже. А, не беда, тем интереснее коротать зиму!

Мудрая отослала Туню прочь, и силою дара, жаром своим поманила к себе чужое существо. Голосом тоже позвала:

— Нимрин!

Он отбил колдовской зов, будто летящий в лицо снежок, не раздумывая. Похоже, его учили таким вещам, хорошо учили. Уставился исподлобья:

— Чего ты хочешь от меня, мудрая Вильяра?

— Ты желаешь завалить меня на шкуры. Ты очень сильно этого желаешь.

Он упрямо мотнул головой, сглотнул и ответил:

— Это твоё желание во мне. А я не знаю. Я опасаясь прикоснуться к твоему жару, прежде чем разберусь с собой.

— Ты живёшь одним моим жаром, Нимрин. Пока — только им. Это единственная защита от врага, идущего по твоему следу. Ты хочешь согреться, я хочу согреть тебя. Иди ко мне, Нимрин.

— Кувыркаться с тобой — единственный способ?

— Для тебя сейчас, да.

Вильяра не стала ждать новых вопросов. Она знала, что делает, знала, чего хочет. А у разодранного на части духа — откуда силы на сопротивление? Да и зачем сопротивляться-то?

Жар, ласковый и щедрый, наполнил тело Нимрина жизнью. Жар неистовый, неудержимо влекущий. Нимрин падал в пропасть, зажмурив глаза от блаженства и страха. Почему страха? Падал? Ну да, колдунья облапила его и опрокинулась навзничь, увлекая за собой. А губы её он нашёл сам, и груди, и... Вошёл туда, куда настойчиво приглашали. Смутно помнил привычку осторожничать, беречь женщину, а делал ровно наоборот. Вломился грубо и резко, зачастил. Вместо ожидаемого недовольства, едва не растаял в свирепом наслаждении Вильяры. Окончательно потерял края, верх и низ, желанное и нежеланное, своё, чужое...

Кончив, лежал, пустой и лёгкий, на груди колдуньи. Ощутил, как её горячий язык ласково щекочет ему ухо, потом шею. Кое-как выдернул себя из забытья, приподнялся, посмотрел в глаза — утонул в двух мерцающих серебристых омутах. Нет прошлого, нет будущего, лишь настоящее. Нет силы, нет воли... А что тогда вообще есть?

— Вильяра, кто я?

— Нимрин, — она ласково улыбнулась и снова притянула его к себе. — Не спеши, бродяга, ты ещё недостаточно согрелся. Твоя весна ещё не скоро.

Слова сказались сами:

— Ты — моя весна! Ты — моё великое солнце и светлейшая луна. Ты — тепло моего дома и пламя моего горна...

Нимрин осёкся. Дом у него, наверное, где-то был, а горна не было, точно. Что он несёт? И колдунья, разом напрягшись, перекадилась, подмяла его под себя, зарычала в лицо. Сперва

нечленораздельно, потом словами:

— Спрашиваешь, кто ты? Зеркало кривое! Эхо в пустой башке! Одевайся, и пусть тебе покажут твоё место. Дерьмо талое!

Укусит? Ударит? Нет. Встала, подобрала штаны, скользнула в них, рывком затянула вздёржку пояса. Пошарила на столике со снедью, рванула зубами найденный кусок. Скалила клыки, прожигала злым косым взглядом, пока он разбирался с обновками из чужих обносков.

Понял уже, что хозяйева дома не ходят в жилых комнатах обутыми и в куртках. Может, им жарко, а ему — нет. Без прямого приказа Нимнин не собирался мёрзнуть. Шнуруя завязки меховых сапог, отметил: руки знают, что делать, словно не в первый раз. Как Вильяра ухитрилась запихнуть ему в голову не только язык, но и бытовые навыки, и умиротворяющую песню-заклинание-завывание? Кстати, не пора ли завывать самому? Но свирепая гримаса на лице Вильяры уже сменилась задумчиво-печальной. Интересно, на какую большую мозоль Нимрин ей наступил?

Если подумать, горн — атрибут кузнеца, и здешний хозяин — кузнец. Колдунья обозвала Нимрина зеркалом, эхом. Нимрин случайно повторил речи Лембы? А чего злиться-то? Кузнец и колдунья вместе. Они делают друг с другом, что захотят, к полному взаимному удовлетворению. И не стесняются никого. Что не так? Любопытная загадка, если бы в Нимрине сохранилась хоть толика любопытства. Но кое-что он решил прояснить для себя сразу.

— Вильяра, я прошу прощения за опрометчивые слова.

Поймал ещё один тяжёлый взгляд, но колдунья не разъярилась вновь. Значит, можно продолжать.

— Я не знаю, чем я тебя задел. Но я надеюсь, ты не отказываешь мне в защите и покровительстве? Твоё обещание в силе?

Вильяра сморщила нос, фыркнула.

— Я храню свои обещания и не отказываюсь от данного тебе. Иначе ты сдохнешь, а я хочу видеть тебя живым. Вся зима впереди, скучно.

Нимрин встал со шкур, слегка поклонился — то ли колдунье, то ли столику с едой.

— Я благодарен тебе, о, мудрая.

— Повторишь в другой раз, когда ты в самом деле будешь мне благодарен. Иди. По коридору направо, вторая дверь по правой стороне.

Взгляд Вильяры неприятно сверлил спину, пока Нимрин откатывал круглый каменный диск, преграждавший выход из комнаты. Дверь гулко прогрохотала по аккуратно выдолбленным каменным пазам.

— За собой закрой! — донеслось вслед.

Нимрин не стал нарываться, молча закатил тяжёлую каменюку обратно. Похоже, слабаков в этом доме не водится. Нимрину дверь была по силам, но в позабытой прошлой жизни он явно привык, что большинство окружающих не просто слабее, а много слабее него. Здесь подобные привычки могли повредить. Сделал вывод, запомнил.

В коридоре оказалось холоднее, чем в комнате. Свод и стены отёсаны грубее, пол истёрт до гладкости и чисто выметен. Нимрин коснулся камня над головой, поскрёб ногтем. Песчаник или туф, плотный, однородный, но не слишком твёрдый. Самое то для катакомб. Выдолбили низковато и узковато, кузнецу Лембе — еле-еле пройти. Однако сухо и не душно. Запахи гари, нечистот, чего-то кухонного присутствовали, но не шибали в нос. В стенной

нише мерцал зелёным маленький светильник. Нимрин наклонился рассмотреть — в мутноватом стеклянном пузыре среди тёмного и рассыпчатого копошились мелкие светящиеся черви. Света они давали чуть-чуть, следующий светильник — за изгибом коридора. Сам Нимрин обошёл бы и вовсе без подсветки, а те, среди кого он жил раньше, вероятно, сказали бы: «Темень, хоть глаз коли!»

Пророкотала дверь, колыхнулся воздух, прошуршали шаги.

— Эй, ты всё ещё здесь? Ты светляков никогда не видел?

Вильяра задала вопрос скорее удивлённо, чем рассержено, потому Нимрин спокойно и честно ответил:

— Таких не видел. Или не помню.

— Иди уже, пустоголовый. Или ты забыл, куда?

— Вторая дверь по правой стороне.

— Вот и иди.

Тунья злилась и скоблила большую белую шкуру. Перелинявший на зиму зверь был прекрасен, силен и не собирался становиться новой курткой охотницы. Ха! Кто бы его спрашивал! Тунья тогда управилась со зверем в одиночку, и сейчас продолжала. Лучшую одежду, самую почётную, правильную, надёжную, охотник создаёт собственными руками, от начала до конца. Сам украшает простым и строгим, заповеданным предками узором или оставляет вовсе без украшений, кому как больше нравится. Нет, охотнику не зазорно принять одежду в дар, подарить, обменяться, но это особые, редкие случаи. Дети, старики, слабые ходят во всём дарёном, щедро изукрашенном в знак заботы. Целое послание можно составить, украшая одежду того, кто тебе дорог. Разгадывать узоры — любимая забава. Ещё некоторые мастера придумали шить одежду на продажу, бесприютные неудачники покупают себе это на ярмарках. А распоследнее дело — обноски с чужого плеча. Вытертые, драные, перешитые, со споротым узором, если был. Новому слуге Тунья отдала самую истрёпанную рванину, какую нашла...

Вот некоторых только вспомни! Дверь открывается, и то самое черноголовое пугало — на пороге. Пялится своими дурацкими тёмными глазищами, сообщает, зачем явилось.

— Распорядительница Тунья, мудрая Вильяра прислала меня сюда, чтобы мне указали моё место.

Голос без выражения, нелепая рожица, то ли страшная, то ли смешная, и тощая долговязая фигура.

— Лучшее твоё место — стоять на меже и гонять кричавок от сыти. Жаль, сейчас не лето!

Согласно склоняет голову:

— Жаль, не лето.

— Будешь грести снег, возить навоз, кидать уголь?

Отвечает тем же ровным голосом:

— Мастер Лемба обещал мне работу в тепле.

— Ну, раз обещал... Навоз или уголь?

Пугало вдруг встряхивается, подмигивает, скалит мелкие зубы:

— Нимрин та нимри, — уголёк к углю.

Вот так прямо и сказал, Тунья ушам не поверила. «Уголёк к углю, пар в туман, озноб к

морозу» — слова из погребального причитания. Да не для простых похорон, по охотникам воют без слов. Со словами хоронят мудрых и не поминают те слова всуе. Тунья фыркнула:

— Нет уж, младший из младших слуг! Навоз к навозу! Пошли. Надеюсь, шерстолапья тебя не затопчут.

— Кто?

Тунья не стала отвечать. Отложила скребок, взяла светильник и пошла впереди, показывая дорогу. Слуга потянулся следом молча и так бесшумно, что показалось, отстал. Оглянулась — пробрало жутью, будто узрела нежить из сказок-страшилок, Тень во плоти. Дальше погнала его впереди себя, подсказывая повороты. А в хлеву новый слуга вылутился на скотину, будто, правда, первый раз увидел. Поймал удивлённый взгляд Туньи, сглотнул и сообщил:

— Распорядительница Тунья, имей в виду, я ничего, совсем ничего не помню и не умею. Я ничего не знаю про этих ваших шерстолапов. Что едят, куда гадят, повадки, как управлять... Дети знают, а я нет. Научусь или вспомню, но пока могу только самую простую работу. Я сейчас сильный, но глупый.

Тунью передёрнуло ознобом от его слов. Нелепое пугало, да. А если представить, что с хорошим, правильным охотником случилась такая беда? Например, с ней самой? Или, хуже, с Лембой?

Тунья набрала в грудь побольше воздуха и рявкнула:

— Эй, Рыньи, ты тут?

Подбежавшего подростка наградила подзатыльником, сгребла в охапку, стиснула до возмущённого писка:

— Ну, тётъ!

Отстранила от себя, держа за плечи, заглядывая в хитрющие жёлтые глаза.

— Рыньи, я привела тебе новенького. Его кто-то стукнул по башке, и он забыл всё. Умеет только дышать, есть и ходить. Вильяра научила его словам, болтает он бойко, иногда даже слишком. Но что понимает, а что нет, я не знаю. Хвастает, что глупый, но сильный. Проверь. Поставь его на самую простую работу, чтобы не нагадил по дурости и сам не угробился. Глаз не спускай первое время. Учи всему.

Тут же оглянулась — новичок не слушал разговора, стоял столбом, рассеяно пялился на серые спины в загоне. Племянничек тем временем вывернулся из цепких лап Туньи.

— Ну, тётъ! Сколько можно ковыряться в навозе и пасти дураков? Я в кузницу хочу, подмастерьем. Ты обещала!

— Зима длинная, Рыньи. Сперва докажи, что ты по праву жуёшь мясо в этом доме. Пока у тебя получается. Говорю не от нашего родства, а от гривны, — Тунья со значением коснулась золотого обруча на шее, — А новичка, чтоб ты знал, нашёл и привёз сам мастер Лемба. Новичок зачем-то нужен мудрым и лично Вильяре. Позаботишься о нём хорошо, тебя заметят и поблагодарят.

— Ладно, — буркнул подросток, оборачиваясь к новенькому и разглядывая его в упор. — Ну и ну! Я таких, как ты, даже во сне не видал. Звать-то тебя как?

Новенький ответил:

— Не помню. Мудрая Вильяра и мастер Лемба называли меня Нимрином.

— А я Рыньи. Я здесь главный. Старший над младшими слугами. Будешь меня слушаться. Сперва походишь за мной, посмотришь, поучишься. Что непонятно, сразу спрашивай. Потом поставлю работать.

На самом деле, Рыньи просился в кузницу не слишком искренне. Глава дома Рамуи отправил внука учиться в дом Лембы, чтобы у них потом тоже был свой кузнец. А тётка приставила к делу, которое получалось у племянника лучше всего. Да, ухаживать за скотиной Рыньи умел и любил. Шерстолапы слушались его, как никого другого. Своенравные и опасные гиганты позволяли вычёсывать себя во всех местах, кататься верхом и даже таскать за хоботы. Рыньи видел малейшие перемены в их настроении ясно, как раскрытую ладонь... Так вот, шерстолапам Нимрин не понравился! Как пришёл вместе с Туньей, так они забеспокоились, будто почуяли хищника. То ли привыкнут к странному двуногому и примут, то ли нет. Проводя Нимрина по пещере-загону, объясняя, что здесь к чему и почему, Рыньи пристально наблюдал за своими подопечными. Шерстолапы буравили Нимрина свирепыми взглядами, переставали кормиться, матухи прятали за собой сеголетков.

— Не маши руками и не подходи близко к краю, могут сдёрнуть хоботом, — на всякий случай предупредил Рыньи новичка.

— Понял, — коротко отозвался Нимрин.

Обзорная галерея была выдолблена под потолком огромной пещерной залы так, чтобы снизу не достали. Кое-где высоты не хватало: Рыньи слышал, раньше шерстолапы не росли такими большими. Нимрин без подсказок определял опасные места и мягко, пльвуче скользил вдоль самой стены. Вылитая горная зверюга, честное слово! Шарил вокруг диковатым взглядом, что-то варил у себя в башке, а вопросов не задавал. Тогда Рыньи спросил его сам.

— Эй, Нимрин, тебя вся скотина боится?

— Не знаю, не помню. А они меня боятся?

— Да, и это плохо! Шерстолапы стараются затоптать всё, что их пугает. Они умные и внимательные, могут долго ждать удобного случая. Запомни, если видишь такой изгиб хобота хотя бы у одного, близко не подходи.

— Близко — это сколько? Как они нападают?

Рыньи мог рассказывать о повадках скотины до позеленения, своего и слушателя. Но стадо в пещере совсем перестало кормиться и сбилось в тесную кучу, хоботами и бивнями наружу.

— Пошли отсюда, быстро, — велел Рыньи чужаку. — Потом попробую приучить их к тебе. Если не привыкнут, пусть Тунья ищет тебе другую работу.

Нырнули с галереи в узкий коридорчик с лестницей, вышли в соседней зале, на нижнем уровне. Здесь шерстолапов не было, пятеро слуг сгребали с пола водорослевую сечку с навозом, грузили в тележки и увозили к навозному колодцу. Рыньи оценил объём работы, сделанной в его отсутствие, привычно прикрикнул:

— Имейте в виду, дармоеды! Пока не заменим подстилку в этом загоне, спать никто не пойдёт.

Вместо того, чтобы зашевелиться шустрее, слуги насупились, сдвинулись плечом к плечу, сжимая тяжёлые кулаки. Самый мелкий из горе-работников был выше Рыньи на голову и вдвое тяжелее. За Рыньи стояла власть дома, потому он не испугался сразу, только опешил. Приоткрыл рот, ища верное слово, чтобы окоротить подчинённых... Да что ж за

день такой! Шерстолапы бузят, и эти туда же! Нимрин молча встал рядом, готовый к драке. Пятеро громил мерзко заухмылялись, глядя на подростка и тощее нечто в обносках. Ясно же, в чью пользу расклад сил! Но когда Рыньи похолодел от страха, Нимрин вдруг положил руку ему на плечо и затянул Зимнюю песнь умиротворения. Рыньи поскорее подхватил напев. Пятеро бузотёров, нехотя, медленно, но всё-таки разжали кулаки и замкнули круг. Когда допели, Рыньи осталось перезнакомить всех и выдать Нимрину грабли, вилы, тележку. Рыньи подождал немного, убедился, что здесь дела пошли на лад, и отправился успокаивать скотину.

Самого его тоже потряхивало, несмотря на песнь. Неразлучная пятёрка теряла край. Как далеко они могли зайти сегодня? Что взбредёт им в голову завтра? Стыдно жаловаться Тунье, мол, не справляюсь с подчинёнными, а делать-то что?

Матёрые охотники, назвавшие себя Арайя, Руо, Фарна, Литсу и Му, объявились в доме кузнеца уже по снегу. Поклонились Лембе и попросились в услужение, хотя бы младшими слугами. Рассказали про снесённый оползнем дом. Сами, якобы, ездили на ярмарку, потому выжили, но без крова — это ненадолго. Зима мела на порог, кузнец пожалел живые души, принял, пустил. Беда в том, что живые души никогда не знали или напрочь забыли, каково быть младшими слугами. От грязной и нудной работы они быстро начали звереть. Отпросились на охоту раз, другой. В незнакомых угодьях ничего не добыли, вернулись пустыми. Или такие же охотники, как работники? Да чтоб их дикая стая взяла!

А шерстолапы до сих пор жались в круг, вот же скальный оборотень Нимрин! Но песню он запел очень, очень вовремя. Досада, что сам Рыньи не сообразил, а стоял да язык жевал!

Корноухая, старшая матуха, потянулась хоботом навстречу Рыньи, обдала теплом дыхания. Он поднырнул под бивни, обнял неохватную шею, прижался к косматому плечу. Корноухая изогнула хобот и ласково потрепала по спине ещё одного напуганного детёныша, раздула ему пушистую шерсть на затылке. Рыньи рассмеялся и принялся начёсывать скотине подмышку. Рядом с шерстолапами ему всегда было хорошо и спокойно. Он уже не понимал, как мог испугаться подчинённых? С чего решил, будто они нападут? Да нет, конечно! Брали на испуг, проверяли, каков он, старший слуга. Но ничего не сделали бы! Не спятили же они совсем, нарываться, чтобы мастер Лемба отказал им от дома?

Нимрин работал с размеренностью голема.

Едва колдунья обозначила его статус, едва он осознал своё плачевное состояние, так сразу решил: рвать жилы, выслуживаясь, он не будет, бунтовать — тоже. По крайней мере, сначала разберётся с собой, с врагом, с тем, как здесь всё устроено.

Он грёб навоз, кидал в тачку, возил, сбрасывал в колодец, гнал порожняк обратно, с каждым кругом двигаясь всё точнее и экономнее. Память тела не отозвалась на работу, как на знакомую. Интересной и приятной её тоже не назовёшь. Однако освоить легко, и сил хватает. А голова свободна — хорошо... Было бы хорошо, кабы не болезненная пустота на месте воспоминаний и жизненных планов. Разум барахтался, тонул в этой пустоте, дух изнывал от отчаяния, а тело исправно зарабатывало себе на ужин.

И так же исправно оно ответило на тычок в спину на краю колодца. Шаг в сторону, поворот, немного подправить чужое движение — толкавший сам чуть не загремел вниз. Загремел бы, но Нимрин придержал. Заглянул в расширенные мгновенным страхом зрачки, ласково улыбнулся:

— Ой, извини, что напугал, я такой неуклюжий. Ты — Руо?

— Выползок навозный! — рывкнул Руо, отступая от края и оттесняя подальше Нимрина.

— Ой, я не понял, это тебя так звать? — Нимрин приоткрыл рот, поднял брови, рисуя на лице выражение запредельной тупости.

— Ты — выползок навозный! Будешь выделяться или защищать хозяйского щенка, прибьём вместе с ним.

— А? — тупее некуда, но Нимрин превзошёл себя. — Я это... Я не выделяюсь. Я работаю.

— Вот и работай дальше, целее будешь.

— А ты не подкрадывайся сзади, а то испугаюсь и зашибу, — Нимрин постарался, чтобы прозвучало не угрожающе, а как бы даже виновато. Однако, если что, он честно предупредил.

Руо скроил брезгливую гримасу и больше ничего говорить не стал. Опорожнил тачку, покатил следом за Нимрином.

В пещере-загоне очень медленно, но верно воцарялась чистота. Нимрин исподволь наблюдал за пятёркой громил, явно гнушавшихся работой, делавших её «на отвяжись», спустя рукава. Самый здоровенный, Арайя, филонил больше всех, зато постоянно пенял товарищам, чтоб не спали на ходу. На него почти не огрызались, признавая за жожака. Ему же Руо шепнул на ухо, мол, поосторожнее с новеньким, чуть в колодец не скинул. Нимрин был далеко, на пределе слышимости, но разобрал шёпот и стал прислушиваться.

— Ты его, или он тебя? — вполголоса переспросил Арайя.

— Взаимно! Станцевали на краю. Ловкий, погань. А потом прикинулся тупым. Пожа-а-алуйста, не подкрадывайся со спины, а то испугаюсь и зашибу, — передразнил Руо.

— А я тебе говорил, не лезь. Может он вообще на нашей стороне будет.

— Зачем тебе эта образина, Арайя?

— Например узнать, почему он тебя в колодец не скинул. Я бы на его месте... Эй, Му, скоро привезут ужин. Пойди послушай, о чём поварята будут сплетничать с нашим старшеньким младшим.

Му бросил инвентарь и смылся, остальные продолжали вяло ковыряться в навозе. Что-то здесь назревало, возможно, бунт. Смердело грядущими неприятностями сильнее, чем дерьмом из того колодца.

Нимрину было плевать на распри в доме кузнеца, но лишь до тех пор, пока они не задевали его самого. Вильяра обещала ему защиту от врага, Лемба — кров и еду за работу. Может ли кто-то здесь предложить больше? Сомнительно, но хорошо бы разъяснить вопрос напрямую. Он догнал Арайю возле колодца.

— Эй, Арайя, поговорить надо.

— Чего тебе? — резко обернулся Арайя.

— Я слышал, ты сказал: на нашей стороне. Это то, про что я думаю? Вы тоже не хотите зимовать здесь младшими слугами?

— Тоже? — Арайя смерил Нимрина оценивающим взглядом с головы до ног, потом с ног до головы, презрительно скривился.

Нимрин расправил плечи, вздёрнул подбородок:

— Я крепко влип и потерял всё. Но я воин, а не скотник. Мне вот это, — он пнул тачку, — Поперёк горла. Просто деваться было некуда. Но если за вами сила...

Арайя наморщил низкий лоб, поскрёб в затылке, ещё раз смерил собеседника взглядом.

— Не путайся под ногами, чужак, и останешься жив. Младшие слуги в этом доме нужны будут всегда. О чём-то большем поговорим, когда я к тебе пригляжусь. Уж больно ты тёмный. То ли сожрёшь во сне, то ли растаешь, как Тень. Иди, работай, воин!

Нимрин сдержал рвущуюся с языка резкость и задал ещё один животрепещущий вопрос:

— А мудрые на вашей стороне есть?

Арайя на миг удивлённо расширил глаза, потом сощурился, поджал губы. Промолчит? Нет, выдержав паузу, всё-таки ответил с немалой гордостью:

— В неведомом клане, в бездомном доме найдётся всё. Но только для тех, кто очень хорошо ищет. Пошли, чужак, работа не зверь, в снег не зароется.

— Извини за напоминание, Арайя, я лучше всего отзываюсь на Нимрина.

Арайя панибратски хлопнул его по плечу:

— Бери тележку, Нимрин, и вперёд.

А рука-то тяжела. Плечо загудело, и стоило некоторых усилий, чтобы не пошатнуться.

Поговорив со скотиной, успокоившись и успокоив, Рыньи засел чинить старую сбрую. Шорничать он тоже умел, руки росли, откуда надо. Эх, может и в кузнецах с него когда-нибудь будет толк.

Дважды отвлекался, ходил проверить, как работают пятеро и один. На пятерых смотреть было тошно, на новичка — неожиданно приятно. Вроде, не спешил, не надсаживался, а дело спорилось. Можно подумать, трудится так всю жизнь. Хотя кто его знает, беспмятного? Где он раньше жил, что делал? Как забрался в тот сугроб, откуда мастер Лемба его откопал?

Дини и Насью прикатали с кухни тележку с ужином. Пока расставляли утварь в трапезной пещерке, Дини тараторила так, что в ушах звенело. Про странного чужака из сугроба она рассказала Рыньи ещё утром, а теперь делилась другими новостями, привезёнными кузнецом с ярмарки.

— Наш мастер — самый бесстрашный! Вернулся впереди обоза, один. А дикая стая, говорят, сожрала уже двух купцов.

— Да ну! — удивился Рыньи. — Зима только началась, снега мало, еды полно. Рано зверью жаться к жилью и тракту. Да и облава недавно была, кого не перебили, тех отогнали далеко.

— Вовсе не «ну»! — фыркнула Дини. — Лемба рассказал Тунье, та обсуждала с охотниками и старшими слугами. Мол, купцов ждали на ярмарке, да не дождались. Вопросы мудрого Латиру. Он послал зов, потом смотрел на огонь, на воду, на снег. Сказал, их нет в живых.

— А почему решили, что это стая?

— А кто? — расширила глаза Дини.

— В пурге заблудились, замёрзли. Или под лавину, или в полынью...

— Тогда как раз долго не было пурги. Помнишь, это те купцы, которые отдыхали у нас. До ярмарки с грузом — два-три дня. Отсюда выехали, туда не добрались.

Рыньи присвистнул:

— По набитому тракту, в тихую погоду? Два обоза?

— Так я о чём!

— И на тракте никто ничего не видел? Стая сожрала их вместе с санями, вместе с товаром?

— Лемба сказал, их могли взять на ночёвке, в стороне от тракта. Где-нибудь в береговых гротах, — вступила в разговор обычно молчаливая Насью. — Лемба и Тунья через несколько дней собирают большую облаву. Будут купцов искать, стаю гонять. И Вильяра с ними.

Рыньи поймал краем глаза какое-то движение в коридоре, обернулся.

— Му, ты чего припёрся? Хочешь сказать, вы всё закончили?

— Брюхо подвело, похлёбка стынет. До ужина никак не закончим, а после... Ты не бойся, Рыньи! Мы спать не ляжем, пока не перекидаем всё, — ухмыльнулся Му. Ухмылочка вышла поганая, но Рыньи в любом случае не собирался морить работников голодом.

— Хорошо, доделаете после ужина. Зови всех за стол.

На залихватский посвист Му все его дружки побросали уборочный инвентарь и куда-то побежали. Нимрин решил не отставать. Он слишком плохо знал лабиринт, именуемый домом кузнеца, чтобы ходить тут без провожатых. Где уже побывал, запомнил дорогу, но этого мало.

Очередная извилистая нора привела в умывальню. Вода несколькими струями била из стены в жёлоб на полу. Кому мало воды, в плошке нашлись куски мыльного корня, которые нужно было с усилием выкручивать и растирать в ладонях. Навык всплыл в памяти так же, как шнуровка обуви, Нимрин помянул Вильяру тихим незлым словом. Сок от корешков не давал пены, но грязь отъедал хорошо, оставалось только сполоснуть. Работники отёрли руки, умыли лица, напились. Вода была тепловатой и солоноватой, пощипывала язык пузырьками газа. Вкусная.

Ещё один коридор наверх. Небольшая, по сравнению с загонами для шерстолапов, прямоугольная зала. Длинный стол посередине уже накрыт к ужину. Скромненько, по сравнению с первым угощением у кузнеца, но Нимрин проголодался так, что не до разносолов. По одной стороне стола уже сидели две девочки-подростка и Рыньи. Пятёрка громил плюхнулась напротив, тесным рядком. Места на длинных скамьях осталось ещё на двадцатерых, садись, куда хочешь. Рыньи заметил стоящего Нимрина, показал глазами место рядом с собой. А почему бы и нет?

Нимрин присел за стол последним, и девочки тут же поднялись. Сняли крышку с котла и стали большими поварёшками разливать похлёбку по глазурованным керамическим мискам. Быстро раздали порции, начиная с Рыньи и обойдя всех по кругу. Нимрин получил свою еду раньше пятёрки, что бы это ни значило. Возможно, ничего? Ужинать-то пока не начинал даже старший по статусу Рыньи. Нимрин принюхался к супчику: должно быть съедобно. В густом зеленоватом вареве плавал изрядный кусок мяса и мелко нарубленные травы. Есть это предлагалось большой деревянной ложкой, вприкуску с белым овощем, нарезанным пластинами, в отдельной миске посреди стола.

Раздав похлёбку всем поровну, девочки вернулись на свои места. Рыньи стукнул по опустевшему котлу, и не успело затихнуть эхо, как все дружно зашуровали ложками. Сочное мясо легко разделялось на волокна. Сомнительное на вид зелёное варевое оказалось вкусным и сытным. Белый овощ смачно хрустел на зубах. Неплохо.

Трапеза началась первым блюдом, им же закончилась. Нимрин насытился, но не сказать, чтобы отяжелел. Соседи по столу откладывали ложки, довольно облизывались. Поражало полное безмолвие и то, как чинно вели себя все. Только когда последний

закончил есть — последняя, младшая из девочек — только тогда Арайя обратился к Рыньи.

— Рыньи, а давай, мы дочистим загон завтра? Там осталось немного, и новую подстилку настелить.

— Правда, Рыньи, неохота всю ночь корячиться. Давай, завтра? — подхватил Фарна.

Рыньи нахмурился.

— Дармоеды! Ладно, так и быть, новую подстилку набросаете завтра. Но старую чтоб дочистили сегодня. Я сказал! — и ещё раз стукнул по котлу в знак окончания трапезы.

В Рыньи как начальнике Нимрин разочаровывался всё больше. Чем там довольна Тунья ей видней. Но сколько бы парнишка на напускал на себя важный вид, а подчинённые помыкали им, как хотели. Он поставил задачу, они не выполнили. Плюнул, спустил на тормозах. И ладно бы потому, что побоялся настаивать на своём. Понятно, что пятёрка Арайи сожрёт его, не поморщась, и хорошо, если не в буквальном смысле. Но это Нимрину понятно, а Рыньи, кажется, нет. Даже после откровенного наезда, свидетелем которого Нимрин стал, парень не начал всерьёз их бояться или опасаться. Считает «своими» и не ожидает подлянки? В принципе, доверчив? А зря!

Арайя встал из-за стола, следом потянулись его громилы. Нимрин тоже направился на выход, но Рыньи велел ему задержаться. Девочки шустро убрали со стола. Они сверлили чужака любопытными взглядами с начала ужина и вот, похоже, дозрели до расспросов. Если начнут допытываться, кто он и откуда, он точно кого-нибудь покусает!

— Нимрин, а правда, что мастер Лемба нашёл тебя на тракте? — спросила одна из девочек, более старшая и серьёзная на вид.

— Мне так сказали, сам я этого не помню.

— А ты совсем-совсем ничего не помнишь, до того, как очнулся в доме мастера Лембы?

Воспоминание сохранилось единственное, и не из приятных. Нимрин поёжился. Прочёл во взглядах подростков любопытство и сочувствие. Собственно, почему бы не рассказать им немножко безвредной, бесполезной правды?

— Ночь, метель, накатанная колея... Наверное, это был тракт. Только не спрашивайте, куда я шёл. Я не помню.

— А вокруг ты не видел ничего странного? — спросил Рыньи.

— А что я должен был увидеть? Снег до окоёма, и с неба снег, — Нимрин прикрыл глаза, вздохнул поглубже, пережидая внезапную дурноту. — Знаете, помню ещё кое-что, только очень смутно. То ли наяву, то ли в бреду уже... Будто я кого-то спрашиваю, как бы мне найти мудрого. А мне отвечают, мол, ищи в неведомом клане, в бездомном доме.

Младшая девочка всплеснула руками:

— Ой, кто ж тебя к беззаконникам-то послал? Или ты сам вне закона?

Горестный вздох, который можно не сдерживать:

— Да не помню я!

Тут старшая девочка пихнула локтём младшую с таким видом, будто сделала невероятное открытие:

— Слушай, я поняла! Не просто дикая стая, а двуногая дикая стая. Беззаконники.

— Зимой?

Подростки переглянулись, на лицах — изумление, с примесью восторженного ужаса. Хоть бы объяснили убогому пришельцу, в чём тут дело. Но Рыньи погрузился в глубочайшую задумчивость, что-то высчитывая на пальцах, а девочки быстро сложили утварь на тележку и укатили прочь почти бегом. Рыньи на миг отвлёкся от подсчётов, буркнул раздражённо:

— Иди, работай, Нимрин. Сосульку в зад вам всем, и снежок в рот! Как тяжело с вами, двуногими! Когда уже Дюран вернётся с ярмарки?

Ругался Рыньи, подражая кому-то старшему, но так же неубедительно, как руководил. Нимрин мог бы дать парнишке совет, предупредить кое о чём. Только сам ещё не решил, на какой стороне назревающей заварухи ему встать. Или же тихо пересидеть в стороне?

— Ты где застрял? — попытался ухватить его за шкурку Арайя. — О чём трепался с хозяйскими щенками?

Нимрин, ускользнув от загребущих лап, ответил:

— Любопытные детки допытывались, не видал ли я чего странного на тракте, где меня нашли.

— И?

— Снег до окоёма, и с неба снег. Что ещё, по-твоему, я мог там увидеть?

Арайя прожёл его суровым, пристальным взглядом, но отстал.

Навоз до полуночи всё-таки убрали. Судя по тому, что работники не завалились сразу на боковую, никто из них особо не перетрутился. Расстелили несколько шкур в центре жилой пещеры, разложили доску для игры, уселись в кружок. Нимрин обживал свою спальную нишу, кутаясь в облезлые шкуры. Мышцы ныли от непривычной работы и всепроникающего промозглого холода, но спать он пока не хотел, да и опасался. Дремал с полуоткрытыми глазами, перебирал дневные впечатления и жалкие обрывки, смутные тени воспоминаний. Прислушивался к разговорам, наблюдал сквозь ресницы за чужой игрой.

Игра странным образом оказалась знакомой. Подбросить камушек с ладони. Пока летит, подобрать ещё несколько камней. Поймать подброшенный... Игровая доска — лишняя! Вместо неё должен быть горячий песок. И тёплое море неподалёку, и солнце в зените вместо свода пещеры. А самое главное, для правильной игры в камушки нужна весёлая рыжая девчонка, которая, сколько её ни обыгрывай, упорно не бросает игру, тренируется, надеясь на реванш.

Нимрин застонал сквозь зубы, когда всплывшая в памяти картинка померкла, не оставив почти никаких подробностей. Лишь зыбкое тепло и твёрдую уверенность, что когда-нибудь он вспомнит всё. Он стряхнул дремоту, устроился поудобнее и стал разбираться, по каким правилам играют в камушки здесь. Играли на еду, на что-то вроде орехов, а он был очень голоден. Стылый камень пещер тянул из тела слишком много тепла. Или оно до конца не оттаяло после того сугроба?

На очередном круге Нимрин подошёл и попросился в игру. Арайя пихнул в бок Руо, тот подвинулся, давая место. В общем, можно было не учить правила. Арайя показывал расклад, который нужно собрать с доски, и начинал первым. Остальные повторяли, передвигая доску по кругу. Нимрин оказался последним в очереди.

Пока фигуры были простые — Нимрин присоединился на пяти камнях в центре доски — никто не выбывал из игры. Здоровенные лапищи ловко подбрасывали, сгребали, ловили. Нимрин приглядывался к игрокам, как прежде к работникам, а пятёрка точно так же приглядывалась к нему.

Число камней на доске дошло до дюжины, и теперь их раскладывали всё дальше от центра. На тридцать втором круге Литсу не поймал подброшенный камушек и выбыл из игры, огласив пещеру обиженным рёвом.

— Это потому, что я мозоли натёр!

— Это потому, что ты спишь на ходу не только за навозной тележкой, — подколот его Арайя. — Поди поспи лёжа, полегчает.

На тридцать девятом круге отвалился Руо и молча утопал в свою нишу. На сороковом — рассыпал камни Фарна, но остался сидеть, наблюдая за игрой. Быстрый и резкий Му выбыл на сорок пятом круге и тоже остался досмотреть финал. Два игрока сидели теперь друг против друга. Руки мелькали над доской со страшной скоростью: обе руки Арайи, одна — Нимрина. Он не выделялся, просто следовал памяти тела. Может, в позабытых прежних правилах только так и можно было?

Пятидесятый круг, все камни по периметру доски. Арайя собрал их, Нимрин повторил. Насторожённо замер, уставился на противника, ожидая следующего расклада. Потный, азартно блестящий глазами Арайя откинулся назад и выдохнул:

— Фу! Ничья. Закончили. Ну, ты и шустрый, черныш!

Нимрин гибко потянулся, расправляя руки и плечи. Ответил с улыбкой:

— Мне совсем нечего было проигрывать, а жрать хочется. Сколько твои ребята должны мне в общей сложности? Восемнадцать орехов с Литсу, одиннадцать с Руо, десять с Фарны, пять с Му. Всего сорок четыре.

— В уме сосчитал? — в голосе Арайи послышалось нечто вроде уважения.

— Ну, да.

— Сейчас я отдам за всех, а потом мы сами между собой разберёмся. Пошли в кладовку.

Нашёл предлог перемолвиться наедине?

Двое стояли друг против друга, глаза в глаза. Арайя только что отсчитал орехи и передал Нимрину из рук в руки туго набитый мешочек. Невзначай воспользовался неровностью пола, чтобы глядеть на длинного собеседника сверху вниз:

— Ты понимаешь, что если бы ты выиграл, я бы тебя убил?

Нимрин ответил, безмятежно улыбаясь:

— Думаю, ты попытался бы, а дальше — вопрос везения. Но у меня не было выхода. Я не поддаюсь тем, кто может оказаться сильнее.

Арайя захохотал, хлопая себя руками по бёдрам. Выдавил сквозь смех:

— Ну, ты и умник! Как же я понимаю того, кто зашвырнул тебя в сугроб!

Повеселиться бы за компанию, да как-то не смешно.

— Эх... Мне бы узнать, кто это был! Вильяра не смогла или не захотела разбираться. Может, ты, Арайя, знаешь мудрого посильнее? Я больше ничего не хочу, только отомстить и вернуться домой. Сам, один я не справлюсь, нужен мудрый.

— А правда, что тебе колдовством всю память отшибло? — прищурился Арайя.

— Правда. Так как насчёт мудрого?

— Когда я возьму этот дом под свою руку, я спрошу мудрого, захочет ли он тебя видеть.

— И долго мне ждать?

— Если не станешь путаться под ногами, доживёшь.

Нимрин согласно склонил голову:

— Договорились.

Рыньи был в смятении. Страшная догадка обрушилась на него, как снег на голову. Купцы пропали примерно в то время, когда Арайя с дружками ходили на охоту и возвращались пустыми. Хотя в начале зимы даже одиночки легко добывают дичь! Тогда Рыньи подумал, что ничего крупного горе-охотникам не попало, а мелкое они сожрали на месте.

Но что, если слуги, присягнувшие хозяину дома, вовсе не охотятся, а незаконно убивают и грабят на тракте? В сытых, благополучных угодьях клана Вилья такого не случалось уже давным-давно. Беззаконниками честили ярмарочных плутов и воришек. Конечно, бывали летние усобицы, иногда довольно кровавые. Но после первого большого снега охотники заключали Зимнее перемирие, когда все двуногие встают спина к спине против мороза, голода и диких стай. Те, кто поступал иначе, давно перевелись, не оставив потомства, одни только страшные сказки. По крайней мере, так учили Рыньи. Потому даже высказать своё подозрение вслух показалось ему чудовищным. Вдруг он ошибся? За напраслину тётушка, ох, наступит по башке, мало не покажется!

Он старательно высчитал дни: сначала по пальцам, потом по календарю, и вздохнул с облегчением. Отлучки пятерых не попадали на то время, когда купцы должны были ехать от дома кузнеца до ярмарки. Первая охота Арайи случилась на шестой день после отъезда мастера Нгу, вторая — через три дня после отъезда мастера Усси. Нет, не догнали бы! Думать дальше Рыньи не стал, голова гудела от умственных усилий и схлынувшего волнения. Он ушёл в загон к шерстолапам, забрался на спину Корноухой, растянулся вдоль хребта и уснул, уткнувшись лицом в жёсткую шерсть. Матуха лишь вздыхала и двигалась осторожнее, чтобы не растрясти тёплый живой груз.

Дом Лембы готовился к большой охоте. Все понимали, что пропавших давно нет в живых, пурга замела следы, искать придётся долго. Потому охотники не спешили. Проверяли оружие, снаряжение, паковали съестные припасы. Исчертили планами побережья несколько стен. Оплевали пол, споря о тактике охоты и повадках диких стай. Снежные звери с моря или горные с материка? Белые или чёрные?

Беззаконные! Тунья расслышала слово во взволнованном перешёптывании молодняка, обдумала и повторила во весь голос на совете охотников. От гвалта чуть своды не рухнули! Но от души прооравшись, большинство охотников согласилось, что очень даже может быть! Решили ускорить сборы и выйти не через четыре-пять дней, после возвращения Дюрана с обозом с ярмарки, а наутро. Двигаться по тракту навстречу Дюрану. Если нужно, прикрыть.

А ночью Дюран прислал зов, что он уже на Высоком мысу, и на них напали. Лемба с Вильярой услышали родича и друга, подняли дом по тревоге.

Полная луна любовалась с небес, как охотники с грозным кличем уносятся в ночь на лыжах, держась за построшки зверей. К утру добегут на Высокий мыс, лишь бы обозники там продержались. Вильяра, Лемба и Тунья летели впереди взбудораженной толпы, которая на ходу подбиралась, обретая опасное спокойствие.

Старый Зарлис перестал ходить на охоту с тех самых пор, как лишился ноги ниже колена. Он разъелся и стал круглым, зато с таким слоем жира не замёрзнешь, сидя на дозорной площадке. Он и сидел там почти всё время, кроме самой поганой погоды, когда вообще ни зги не видать. Кроме самых сильных холодов, когда плевки замерзают на лету.

Лунная, ясная, не слишком морозная ночь. Глаза привыкли к мерцающему сумраку и различают каждую снежинку отчётливо, будто днём. Исчезли за перегибом склона охотники и их звери. Быстро промчались по ровной поверхности залива, ушли за Толстый мыс. Тишина: шорох дыхания, шёпот звёзд. Зарлис обожает подолгу смотреть на звёзды. Он с удовольствием дарит имена самым маленьким, безымянным звёздочкам. Изучает во всех подробностях созвездия и сочиняет новые... Не сейчас. Слишком тревожно!

Дозорный ещё раз взгляделся в озарённое луной пространство у подножия обжитой горы. Никто не помнит, сколько тысяч зим назад охотники заселили здесь самую первую, самородную пещеру. И кому впервые стало тесно, кто придумал долбить мягкий камень, расширяя и углубляя, прокладывая новые ходы, вырубая уютные комнаты и просторные залы. За долгие века выдолбили целый лабиринт, со многими входами и выходами. С дозорной площадки все они — как на ладони, специально так построено. И вот у одного из входов Зарлису померещилась какая-то подозрительная возня. Вроде никого, но дымка мутноватая

стелется, снег блестит как-то не так... И вроде, поскрипывает снег под чьими-то то ли ногами, то ли лапами, тихонько, на пределе слышимости. Зарлис встал, перегнулся через парапет, чтобы лучше видеть и слышать. Что там творится у нижних ворот? Движение или блики в зрачках выдали его, прежде незаметного на фоне скал. Тихий свист, тихий вскрик. Дозорный ещё пытался вырвать из глазницы стрелу, но послать зов, предупредить жителей дома уже не успел.

Нимрин съел часть орехов и улёгся на своё место. Лежал неподвижно, дышал ровно, как спящий, но не спал. Он взвесил все известные факты и принял решение. Осталось дожидаться, когда уснут Арайя с компанией.

К досаде Нимрина, Арайя не спал. Снова сидел над доской, хмурил лоб, бурчал, чесался, задумчиво передвигал камни по линиям разметки. Играл сам с собой в какую-то другую игру? Или, может, гадал?

Через некоторое время к вожаку подошёл Руо:

— Что-то мне плохо спится. Давай, покараулю?

Арайя отрицательно качнул головой и указал на шкуры рядом. Сидели, молчали. В массивных неподвижных фигурах читалась настороженность, будто оба ждали чего-то.

Нимрин тоже умел ждать, чутко балансируя между явью и дрёмой. Наверное, полночи прошло, когда он уловил шёпот:

— Лёд тронулся. Вильгрин прислал зов с Высокого мыса. Там всё по уговору.

— Бужу наших?

— Сначала убедимся, что Вильяра услышала Дюрана и рванула на помощь.

— А если нет?

— Придётся вызывать и ждать колдуна, сами мы с мудрой в доме не справимся.

Время тянулось, Арайя, Руо и Нимрин терпеливо ждали.

— Хо-ро-шо! Вильяра повела всех сильных охотников к Высокому мысу. Чунк перехватит их... Сходи-ка, Руо, глянь, где Рыньи? Ушёл наверх, или спит у шерстолапов? Не возвращайся, просто пришли мне зов. Получится, убей щенка. Или запри. Потом иди к нижним воротам и жди зова снаружи. По сигналу отворишь.

Руо ушёл. Арайя сложил доску, убрал её к себе и направился в кладовку. Услыхав оттуда приглушённый металлический лязг, Нимрин вспомнил, что видел там, когда ходили за орехами. Пять длинных копий для охоты на крупного зверя, что-то вроде ледорубов, лопатки, тесаки...

Прикрывшись мороком, Нимрин взметнулся со своего места. Одним рывком задвинул каменную дверь кладовки, подпёр булыжником-стопором... Хорошо бы ещё «пастуший якорь»... Да, без него никак! Арайя шарахнулся в дверь изнутри, изрыгая проклятья. Морок должен был глушить все звуки, но Нимрин недооценил противников. Они мигом проснулись, они видели его, они шли на него с ножами в руках. Стальные клинки у Фарны и Му, обсидиановый у Литсу — опасная, ядовитая дрянь! Миг на оценку расклада, и завертелось. Бзынькнул о потолок, разлетаясь в осколки, обсидиановый нож. Литсу с перебитым горлом рухнул под ноги Му. Тот запнулся о тело, прозевал захват, влетел в стену башкой и лёг. Нимрин взял нож из его руки и встретил Фарну. Услышал шорох за спиной — Руо вернулся! Словил его за руку, тоже с обсидианом, и насадил на клинок Фарны. Распутаться им не дал, прирезал обоих. Проверил, жив ли Му? Странно, жив. Крепкая

черепушка! Связал беспамятного за руки и вокруг горла вздёржкой от штанов, ноги спутал штанинами. Литсу, хрипя, доходил в конвульсиях — добить. Арайя продолжал бушевать в кладовке, но «якорь» держал крепко.

— Тебе конец, погань! Думаешь, удержишь нижние ворота?

Интересно: не видит, а сразу понял, что здесь его дружка крышка.

— Благодарю за подсказку, Арайя, сам бы я не догадался. Сядь и не дёргайся, эту дверь ты не откроешь.

Ответную ругань Нимрин слушать не стал — время не ждёт.

Корноухая шарахнулась так, что Рыньи спросонок едва не слетел наземь. Вытянула хобот, затрубила. Детёныши вставали на ноги, стадо сбивалось в защитный круг. Рыньи изо всех сил вцепился в шерсть, кое-как проморгался — увидел Нимрина на верхней галерее. Тот был в крови и какой-то чёрной дряни, в руке — нож. Чужак часто дышал после драки и бега, но проговорил до невозможности звонко, чётко:

— Рыньи, тревога! Беззаконники в доме! Арайя и все его. Я их остановил. Другие будут прорываться в нижние ворота. Нам надо предупредить старших и задержать врагов. Где эти ворота?

Рыньи вспомнил свои домыслы и поверил сразу. Шепнул Корноухой ласковое слово, пробежал по спинам шерстолапов, перескочил на галерею. Еле допрыгнул, рассадил коленку о край — ерунда. Махнул рукой Нимрину, мол, беги следом. Крикнул на бегу:

— Нижние ворота — за пещерой, которую вы чистили.

Ворота были пока целы и заперты. Для разнообразия, не каменная заслонка, а деревянные створы на кованых петлях, заложенные мощным засовом. Высотой и шириной под размер шерстолапа, с небольшим запасом. В одной из створок — калитка, тоже на засове. Нимрин прикинул, что без магии, взрывчатки или хорошего тарана эту конструкцию не вышибешь. Магией можно было и укрепить, однако морок и «якорь» на кладовке практически исчерпали его возможности. Подержать бы в руках чёрный брусочек... Некое очень важное воспоминание едва не проклюнулось, но увы, ловить его было некогда.

— Рыньи, ты сможешь перегнать шерстолапов в эту пещеру? Они задержат, если кто-нибудь выбьет ворота? Эй, Рыньи?

Мальчишка сидел на полу и был, кажется, в отключке. Стекланный взгляд, испарина на лбу...

— Рыньи?!

Парень сморгнул, раздражённо дёрнул углом губ:

— Я пытаюсь послать зов кому-нибудь из наших, не мешай. Сейчас докричусь, и пойду перегонять скотину... Тунья, Лемба, Вильяра — они далеко, им сейчас не до нас. Аю не слышит, сосульки ей во все дыры!

— А девочек, которые привозили ужин, ты можешь позвать? Пусть они передадут Аю. Пусть поднимают тревогу в доме.

— Пробую...

Насью только начала задрёмывать после проводов большой охоты, после того, как подростки вволю нажаловались друг другу, что взрослые, как всегда, не взяли их с собой. Ладно, утром можно отпроситься и настрелять белянок у порога...

Мысленный крик Рыньи едва не расколот девочке голову. «Тревога! Беззаконники у нижних ворот! Мы караулим тут с Нимрином. Поднимай взрослых, кто остался в доме!» Слова забились в висках Насью внезапной болью. Девочка сползла с лежанки, пошатнулась, но устояла. Повторила, что услышала, в полный голос, для всех подростков. Побежала искать Аю или ещё кого из взрослых.

Аю горько плакала. Её оставили дома как маленькую, старую или больную! Нет, она сама не рвалась на охоту. Она и диких стай побаивалась, а уж беззаконников... Да, боялась и стыдилась своего страха. И от облегчения, что осталась дома, ей тоже было стыдно. И мучительно беспокоилась она за всех, кто без оглядки канул в ночь. За любезного мужа, кузнеца Лембу. За его двоюродного брата Дюрана, весёлого и шумного, который где-то там сражается, ожидая подмоги. За мрачную зануду Тунью... Даже за Вильяру! Хотя, кто беспокоится о мудрых? Они на то и живут, чтобы лезть в лёд и пекло. А всё равно! Аю было страшно, стыдно, жалко всех и тоскливо, хоть в голос вой. Она и завывала: Зимнюю песнь умиротворения. Привычка сильна: умирять любые страсти этими звуками. Аю успокоилась и нырнула в глухой, мёртвый сон. Она ничего не слышала, пока Насью не тряхнула её за плечо.

Старые, малые, калечные уже толпились по коридорам с оружием. Дом быстро вставал по тревоге. Старик Зуни, дед Лембы и Дюрана, собрал полтора десятка более-менее справных бойцов, чтобы идти к нижним воротам. Смышлёную детвору, способную к мысленной речи, разослал разведчиками по дальним закоулкам дома, ко всем входам и выходам. Остальным, под началом Аю, велел запереться в жилых покоях и держать осаду. Снова обида, с облегчением вперемежку...

Удалую ватагу Лембы перехватили за Толстым мысом. Встретили длинными оперёнными стрелами из мощных луков. Вильяра успела выставить щит, как от града над всходами сыти. Стрелы тяжелее градин, щит забирал силу и внимание, но позволил уцелеть ей самой, большинству охотников и зверей. Два залпа, а потом на них пошли врукопашную. Кровь смешалась со снегом. Вильяра успела заметить, что нападающих раза в полтора меньше, чем охотников Лембы, обрадовалась... А потом снег обратился в острые лезвия и ударил в лицо. Кто-то истошно взвизгнул:

— Колдун!

Вильяра кое-как отбила атаку, сама ударила в средоточие чужой силы. Её мало учили колдовскому бою, говорили: «Мудрые едины, а непосвящённые слабы, сражения колдунов — сказки». Мелькнуло воспоминание, и больше ни одной связной мысли. Сила ломит силу, молнии лупят сквозь снежный смерч... Не сломали: ни она, ни её, но вычерпали почти до дна. Колдун отступил, скрылся — Вильяра даже не поняла, был ли он тут во плоти?

Остервенелая схватка на расплывающемся, разбитом ворожкой льду продолжалась. Оружие и колдовство, кулаки и зубы... Охотники Лембы медленно брали верх.

— Отступаем к дому! На дом напали! — крикнули одновременно два голоса, мужской и

женский.

Лемба и Тунья. Живы, хорошо. Но главное — дом. Похоже, выманили оттуда специально... Вильяра послала зов Дюрану и заохлодела сердцем от пустоты. Когда спешили выйти из дому, рвались на помощь, Дюран был ещё жив, а сейчас уже нет. И те, кто с ним, все... Ладно, отомстить можно позже, или зима отомстит.

— Отступаем! — крикнула Вильяра.

Со скал издевательским эхом скомандовали то же самое нападавшим.

Участники схватки разбежались в разные стороны, огрызаясь, оглядываясь. Забрать все тела не смогли. Даже проверить, кто дышит... Охотники и звери утащили с поля битвы только тех раненых, которые подавали признаки жизни. Мало кто обошёлся без царапины, многие искупались в ледяной воде. Сюда летели, обратно ползли. И что ещё ждёт дома?

Лемба посылал зов пастухам и дровосекам, срочно собирал всех к дому, объясняя расклад. Многие не откликались. Хотелось верить, потому, что плохо владеют мысленной речью. Он сам не шибко преуспел в этом искусстве. Некоторые мудрые и купцы способны днями напролёт болтать без языка и слушать без ушей, а у него голова болит. Даже у Вильяры болит...

Сейчас болело многое, помимо головы. И голову-то едва сохранил! Если бы не Вильяра, все они полегли бы под стрелами сразу. Ну, или колдун вывернул бы наизнанку... Жутко думать, как погиб Дюран... Как же не хочется верить, что Дюран погиб! Родич, друг, подмастерье... Он, и ещё пятеро обозников. И сами пока не пересчитались... Лемба скрипнул зубами, невольно ускоряя шаг и сразу сдерживая себя. Нет, растягиваться, делиться на условно целых и сильно битых они не станут! Большой соблазн рвануть вперед налегке. Но если у дома столько же врагов, сколько было за мысом, или больше...

Рыньи не удержался и высказал Нимрину, как жалко выставлять заслоном шерстолапых матух с детёнышами. Объяснил беспамятному, что остальные шерстолапы сейчас на пастбище. Предложил нагнать к воротам рогачей. Они размером помельче и гораздо тупее: не для работы — для мяса, шкур, шерсти. Но если хорошенько пугнуть, стадо снесёт всё. Растопчет в лепёшку, измочалит копытами.

Нимрин не возразил, но развил мысль:

— А если беззаконники расступятся, пропустят стадо, потом вломятся? Я бы так поступил на их месте. Ты сможешь поставить ближе к воротам рогачей, а за ними — шерстолапов?

— Я попробую.

Рыньи мимолётно удивился, что воспринимает Нимрина, младшего из младших слуг, чужака, как уважаемого старшего. Но тот держится с такой заразной, спокойной уверенностью! Будто оборонять дом, сражаясь вдвоём против множества врагов, для него совершенно в порядке вещей. При том он внимательно слушает доводы Рыньи и сам всё объясняет, будто учит.

Они с Рыньи успели провернуть половину плана, когда крепкие ворота вдруг стремительно заросли инеем и развеялись в снежную пыль. Кому-то надоело дожидаться на морозе, или Арайя отчаялся вылезти из кладовки и скомандовал атаку? Нимрин напомнил себе, что нужно учитывать, не забывать про безмолвную речь охотников. Прежде он не сталкивался с таким колдовством. Мысли не читаются магией, и всё тут! Но были масаны с их магией крови и зовом, были у него самого артефакты для дальней связи, были другие штуки, вообще не магические...

Двое здоровенных охотников с длинными луками осторожно заглянули в открывшийся проём. Упёрлись в ряд размеренно жующих рогатых морд, которым совершенно всё равно: были ворота, нету... Тихо залёгших на верхней галерее Нимрина и Рыньи пришельцы пока не заметили.

Незваные гости протолкнулись вглубь, скотина спокойно расступалась, пропуская двуногих и продолжая невозмутимо пережёвывать жвачку. Осмотрелись, снова ничего не заметили, дали отмашку наружу. Оттуда шустро набежало полтора десятка громил, вроде покойных дружков Арайи. Обоёго пола, но женщины не уступали мужчинам ни габаритами, ни оружием. Незваные гости тихо переговаривались, распределяя боевые задачи, а Нимрин высматривал вожака, чтобы нечаянно не упустить живым.

Пришельцы ещё не протолкались сквозь стадо ко входам во внутренние коридоры, когда Нимрин вдруг приподнялся, набрал в грудь воздуха и зарычал так, что Рыньи сам едва не сиганул с галереи вниз. Был пойман за шиворот железной рукой, тут же догадался, что у поганого оборотня всё предусмотрено! Обречённо обмяк, зажал уши руками, а звук всё нарастал: громовой рык — эхо — топот копыт по каменному полу.

Паника охватила стадо, как пожар — сухую траву. Рогачи снесли и вынесли пришельцев

вон, будто вешняя вода — мусор. Из глаз Нимрина сверкнули две молнии, вдребезги размозжив голову одному из беззаконников, видимо, для пущего страха.

Рыньи спросил с благоговейным ужасом:

— Ты оборотень или колдун?

— Колдун. Бывший. Но кое-что пока могу, — Нимрин ответил сипло, и тут же закашлялся, уткнулся лбом в пол. Кое-как отдышался. — Погань, упражняться надо чаще... Так, а теперь быстро, ползком, к коридору и вниз, пока нас тут стрелами не забросали. Кстати, ты умеешь стрелять из такого лука, как у них?

— Нет. Я его не натяну.

— А копьё поднимешь?

— Да.

— Ладно. Пошли, надо проверить и добить вон тех, — три потоптанные тела остались лежать на полу пещеры, одно из них постанывало и вяло шевелилось.

Рыньи передёрнуло, никогда прежде он не отнимал жизнь у двуногого. Беззаконники, дикая стая, а всё же... Нимрин заметил его заминку, ободряюще хлопнул по спине.

— Не убивал раньше? Не бойся, я сам. Подбери копьё. Так, теперь осторожно, вдоль стены. Встань сбоку от проёма, чтоб случайно не подстрелили. Смотри наружу в оба!

Рыньи взял большое охотничье копьё, которое ему по возрасту и статусу не полагалось, прокрался к притолоке и стал глазеть наружу. Что-что, а стоять в засаде он умел. И отлично понимал по звукам за спиной, что сначала там было трое живых, потом двое, потом один. Наконец, Нимрин с трофейным луком в руке и колчаном на боку скользнул вдоль стены и подпёр вторую притолоку. Стоял молча, неподвижно и, кажется, почти не дышал.

Довольно долго ничего не происходило. К выбитым воротам уцелевшие беззаконники не вернулись. Судя по шуму за выступом скалы, там отчаянно дрались, но кто с кем, от ворот было не видно. А потом из внутренних коридоров в зал выкатились вооружённые, чем попало, старики и подростки. Командовал Зуни, переживший не одну и не две летние усобицы. Сил у старика осталось не много, зато голова ясная, и вряд ли кто-то лучше него знает, как захватывают и как защищают дома. Рыньи облегчённо вздохнул, обменялся взглядами с Нимрином. Тот улыбнулся и сказал тихо-тихо:

— Вот и смена пришла.

Зуни услышал. С большим интересом принялся рассматривать Нимрина. Спросил:

— Это ты бросил трупы в жилой комнате?

Нимрин подтвердил, что троих убил, одного оглушил и связал.

— Ловко. А в кладовой ты запер Арайю?

— Да, и почти всё их оружие. Нужно будет потом снять чары с двери...

— Уже не надо. Дверь выглядит, как эти ворота. «Ледяной таран». Чисто, красиво, рука мастера!

Рыньи охнул:

— Арайя сбежал?

Зуни охотно пояснил подростку:

— Да, похоже, колдун его выпустил. Арайя ушёл сам и попытался вытащить одного с разбитой головой, но тот издох по дороге.

Нимрин спросил важное:

— Колдунья и кузнец с женой вернулись?

— Возвращаются. Ближе. Думаю, первое нападение мы сегодня отбили, — глаза

старика сверкнули боевым азартом.

Нимрина заметно шатнуло, он сморгнул, отёр лоб тыльной стороной ладони.

— Разреши нам с Рыньи немного привести себя в порядок?

Зуни рассмеялся:

— На то, чтобы перебить десяток врагов дома Лембы, ты разрешения не спрашивал?

— Вроде, было меньше? Но я их не считал. А вообще, я стараюсь быть учтивым слугой.

Нимрин шёл к умывальне под торжествующий смех охотников, которые выжили и отстоял свой дом. Он кое-как волочил ноги и старался не мотыляться от стены к стене. Следом шлёпал Рыньи и, конечно, не смог промолчать.

— Нимрин, ты ранен?

— Царапины. Жрать хочу, сейчас упаду. И погреться бы у огня хоть немножко.

Рыньи заглянул ему в лицо.

— Слушай, сейчас отмоемся и пойдём наверх, в хозяйские покои. Я тебя покормлю и дам другую одежду. Эту всё равно уже не отчистишь. А лучше было выкинуть. До того, как тётка тебе её дала.

— Как скажешь. Слушаю и повинуюсь.

Нимрина всё сильнее лихорадило. Царапины-то царапины, но в них засела ядовитая дрянь, осколки разбитого обсидианового клинка. Брызнуло во все стороны, знатно прилетело по голове, спине, плечам. В умывальне Нимрин, ёжась от озноба, смыл с себя чужую и свою кровь. Где сумел достать, выковырял, вырезал с мясом обсидиановую отраву. Где не достал, попросил Рыньи. Объяснил:

— Если оставлю, ранки будут гнить годами. А если вырезать, то всё очень быстро затянет. Потом даже шрамов не останется. Видишь, здесь уже затягивает.

Рыньи нерешительно взял нож, прикусил губу...

— Эй, Рыньи, ты какой-то слишком трепетный для охотника. Или боишься чёрной крови? Ну вот, бывает такая. Редкость, а встречается. Если не употреблять её внутрь, совершенно безвредна. Только отмывается плохо.

Рыньи фыркнул:

— Просто я пытаюсь представить, что ты — шерстолап или рогач. Они вечно ранятся, а потом я чищу им болячки и уговариваю, чтобы не дёргались. А тут ты меня уговариваешь, неправильно.

— Ладно, давай наоборот. Ой больно! Ой, боюсь-боюсь-боюсь! Ой, уговаривай меня. Только, пожалуйста, не упрашивай обрасти шерстью...

Под этот бредовый трёп Рыньи, наконец, повеселел и занялся занозами. Рука у него оказалась лёгкая. Сделал всё быстро, аккуратно, Нимрину почти сразу полегчало.

Когда Тунья, сильно припадая на перебинтованную ногу, зашла в свои покои, она обнаружила на кучке шкур крепко спящих племянника и Нимрина. Две жаровни накалили воздух, как на вулкане, всюду миски из-под еды, а на чужаке — запасная куртка и штаны Рыньи. Само собой, этому пугалу всё неприлично широко и коротко, зато в старые прорези новым узором наскоро продёрнут чёрный шнурок. Тунья пригляделась, читая: пережитая вместе опасность, уважение, благодарность... Она тяжело вздохнула и без сил рухнула на

свою лежанку. Чуть-чуть покоя, потом она пойдёт считать потери дома. А одежду по размер эти балбесы пусть перешивают сами!

Вильяра бежала, брела, карабкалась вверх по косогору. Задышалась, оскальзывалась на снегу, смаргивала талую воду, пот и слёзы. Внизу охотники Лембы гнали от дома незаконную стаю. Колдунья сейчас была бесполезна для своих и безвредна для чужих. Пока не восполнит силы, она даже зов никому не могла послать! Ни тем, кого хотела предупредить об опасности. Ни тем, у кого надеялась спросить совета и помощи. Двое охотников провожали мудрую к Зачарованным Камням. Она даже не посмотрела, кого послал с нею Лемба, она летела, будто стрела к цели... Передёрнуло от воспоминания о стрелах, отражённых возле Толстого мыса. Кажется, она начала строить щит раньше, чем стрелки спустили тетивы. Почуяла опасность... Но поздновато почуяла... Не время думать об этом, время спешить! И глядеть по сторонам, чтобы не нарваться на засаду и здесь тоже... Ещё немного, почти дошли...

Зачарованные Камни — сами по себе защита. Источник колдовской силы для всех одарённых дома Лембы, для мудрой клана Вилья, для любого из мудрых, кому Вильяра позволит, или кто сможет взять сам.

Серый валун, торчащий из снега на полтора охотничьих роста, от прикосновения мудрой превратился в ворота из двух менгиров, а когда она шагнула внутрь, стал кромлехом. Колдунья шла к центру круга, и всё меньше проваливалась в снег, а ограждённое камнями пространство становилось всё обширнее. Стоп! Она крутанулась на месте, узнавая силуэты всех тридцати Зачарованных Камней, напевая поимённое приветствие каждому. Раскинула руки и упала навзничь. Небо над кругом камней было очень близким, мерцали звёзды, тихо разгорался рассвет, и так же тихо, исподволь потекла к колдунье сила.

Вильяра давно, очень давно, никогда с посвящения не была такой пустой. И дня-то не прошло, как она маялась и чудила от избытка. Одна затея с Нимрином... От воспоминания о той шалости улыбка скользнула по обветренным в кровавые трещины губам. А ещё кто-то жаловался на зимнюю скуку... Вильяра вздохнула глубоко, до ломоты в рёбрах. Запрокинула голову, расправила плечи и спину, вытянула руки и ноги — снег послушно проминался под её телом. Задержала воздух, пока искры не заплескали под зажмуренными веками, и медленно выдохнула, расслабляясь. Любые мысли, воспоминания, любое телесное напряжение были сейчас лишними. Зачарованные Камни непременно вернут мудрой Вилья колдовскую силу, но чтобы это произошло быстро, очень быстро, как можно быстрее, она должна предельно раскрыться.

Едва дыша, Вильяра вбирала в себя вечный холод льдов и негасимый жар вулканов, текучую упругость воды и ветра, надёжную твёрдость камней и затаённую под снегами буйную силу зелени — всё, чем богат мир охотников. Жутко, сладко и больно принимать в себя мир полной мерой, почти утрачивая разум и память, почти переставая быть...

Когда колдунья немного насытилась, поток силы ослаб, и вернулась способность мыслить. Не двигаясь, Вильяра чуть перевела дыхание и тут же послала зов Лембе. Узнала, что незаконников частью перебили, частью прогнали от дома, но преследовать их по горячим следам кузнец не решился. Тогда она позвала ближайшую соседку Лембы, Зейри. Не дала ей ворчать на раннюю побудку, а сразу сообщила: «В угодьях клана Вилья — незаконники. Большая стая, и с ними очень сильный колдун. Убивают путников на тракте,

нападают на дома. Берегите себя! Я сейчас в доме Лембы, мы отразили нападение. Позже расскажем подробности. Если нападут на вас, зовите, я постараюсь прийти». Зейри подтвердила, что услышала и поняла, а главное, что в её угодьях пока тишина и покой.

Вильяра тут же повторила то же самое главе следующего дома, и следующего, и следующего... Солнце ещё не вышло из-за окоёма, когда мудрая оповестила весь клан о незаконной дикой стае и убедилась, что удар по дому Лембы — пока единственный.

Теперь она достаточно собралась с мыслями и силами, чтобы поговорить с наставником. Смежила веки, соскользнула в тонкий сон, желая увидеть себя у него в гостях... Провалилась в лабиринт, где невозможно сделать ни шагу, только скользить по ледяной кишке куда-то вниз, всё быстрее и быстрее, под издевательский хохот, эхом гуляющий между стен. Она попыталась вцепиться в неровности льда, но только изранила руки. Увидела, куда её несёт: на оскал сосулек, длиной с охотника, в руку толщиной. Поняла, что с разлёту нанижется на них насмерть. Завизжала, до звона под черепом, пошире распахнула глаза и вырвалась из сна. Села, тяжело дыша, ошеломлённо разглядывая сорванные ногти. Сунула пальцы в снег, и он сразу окрасился розовым. Вильяра чуть не заплакала: от боли, от обиды, от пережитого ужаса. Со смертью она разминулась на волосок, никаких сомнений. Второй или третий раз за сутки!

Колдунья кое-как отдышалась и послала наставнику обычный зов. Мудрый Наритьяра ответил. Сам не пришёл, но долго, внимательно слушал сбивчивый рассказ ученицы. Когда Вильяра изложила в подробностях кошмар с ледяным лабиринтом, его удивлённое возмущение сквозило даже в мысленной речи. Поймать мудрую в такую ловушку?! Самоучка-колдун небывалой силы, или отступник среди мудрых? В итоге Наритьяра сказал ученице примерно то же, что она говорила главам домов: «Береги себя. Я буду выяснять подробности среди мудрых. Если станет совсем туго, позови, я постараюсь прийти.»

Солнце поднялось уже высоко, когда Вильяра вышла из круга Зачарованных Камней. Погладила по шершавому боку серый валун, снова один-единственный на голой, плоской макушке обжитой горы. Пропела особое заклятие-замок. Теперь незаконный колдун вряд ли доберётся до этого источника силы. А если сможет взломать замок, Вильяра об этом сразу узнает.

Конечно, это не единственное сильное место. Свои Зачарованные Камни ставят у каждого дома. А кто упомнит все руины, все запечатанные или просто заброшенные круги возле них?

Лемба со своими охотниками отстоял дом, беззаконники бежали. Вернее, отступили, сохранив боевой порядок. И даже исхитрились угнать часть стада, которое кто-то на них пустил из нижних ворот... При ближайшем рассмотрении, начисто снесённых заклятием ворот... А досок-то на новые нету, придётся клепать из железных листов. Металла хватит, но работа не на один день, даже с подручными... Дюран, братец, где ты? Поддавшись мгновенной слабости, кузнец привалился к стенке у пустого проёма и тихо, тоскливо завыл.

— А вот я тебе сейчас, на правах деда, да по заливку! — старый Зуни подкатился к понурившемуся Лембе, подпрыгивая от возмущения, размахивая прочной клюкой. — Знал бы я, что у меня такое дурное потомство, не передал бы дом твоему отцу, держал бы сам! Я думал, вы умные, зверей пустите вперёди себя. А вы, как рогачи, с разбега в яму... То есть под стрелы! Если б не знахаркина дочь... Говорить тошно!

Лемба давно и намного перерос деда, унаследовав мощное сложение от материнского рода. Однако вжал голову в плечи, протянул по-детски жалобно:

— Ну, деда! — и тут же вспомнил, кто он в этом доме, встряхнулся, приосанился. — Не ворчи, старый! Сам знаю, какого дурака я сегодня понюхал. Лучше скажи, что ты думаешь про нынешний расклад? Как нам теперь зимовать зиму?

— Собирай совет, поговорим. Думаю, и тем, кто ходил на большую охоту, и тем, кто оставался в доме и вокруг него, есть что рассказать и послушать. Такого, как сегодня, очень, очень давно не было на всём Нариголье.

Вероятно, Нимрин должен был чувствовать себя счастливым: переоделся в чистое, наелся, согрелся. Выспаться, правда, не дали. Вернувшись из рейда Тунья — мальчишку понесло греться-кормиться в тётушкины покои — прогрохотала дверь, потом зашуршала по комнате, ворча и вздыхая себе под нос. Нимрину не нужно было совсем просыпаться, чтобы понять: охотница ранена, очень расстроена и сердита. Нимрин уже приготовился вскочить от пинка в бок и сдержаться, не ударить в ответ. Однако, пронесло.

Тунья долго смотрела на них с Рыньи, потом особенно тяжело вздохнула и ухромала отлёживаться. Жаль, ненадолго!

Рокот двери. Встревоженный голосок:

— Тунья, ты спишь?

Протяжный стон-зевок:

— Уже нет. Чего тебе, Аю?

— Любезный и Зуни собирают общий совет. Ты пойдёшь?

Тунья рыкнула, вставая:

— Куда же я денусь? Можно подумать, ты не пойдёшь.

— Ещё Зуни сказал привести Рыньи. И этого чужого, Нимрина. Хорошо, что оба у тебя а то я не знала, где искать.

Прошелестели шаги, и Нимрин получил таки свой пинок в бок. Вернее, его очень деликатно, с опаской, потрогали мысочком.

— Эй, просыпайся!

Он резко перекатился и тоже деликатно сцапал пнувшую его ножку за щиколотку.

Заглянул снизу вверх в ярко-голубые, расширенные испугом глаза.

— Прекрасная Аю, ты больше так не делай, я могу ударить. И зовут меня в этом доме Нимрин, а не Эй. Запомни, пожалуйста!

Женщина даже не попыталась вырваться, сразу попросила:

— Нимрин, извини, я больше не буду! Отпусти меня, пожалуйста!

Тунья за спиной Аю зажала себе рот ладонью, сдерживая смех. Её Нимрин не рискнул бы хватать ни за какие части тела. А если когда-нибудь придётся бить, то сразу насмерть, как подручных Арайи. Он разжал пальцы, Аю отшагнула назад, спряталась за Тунью. От шума, наконец, проснулся Рыньи, сел, захлопал глазами.

— Чего? Куда?

Тунья сразу ответила:

— Тебя и Нимрина призвали на общий совет. Вставайте, идём.

Дарёные штаны заканчивались немногим ниже колен и не заправлялись в сапоги. Рукава кое-как прикрывали запястья, но куртка широка, гуляй, ветер. Перед тем, как отвалиться спать, Рыньи объяснял, что и где Нимрину надо перекроить по фигуре. Но до практического урока шитья они не добрались, обоих сморило. Теперь Нимрину предстояло идти на совет изрядным пугалом. Нет, точно не хуже, чем в прежних обносках! Но он привык — это брезжило из прошлого — выглядеть безупречно. Подтянул вздёржку штанов, отряхнул куртку. Тунья поморщилась:

— Чужак, зря ты ходишь в тёплых покаях одетым, будто малое дитя. Так труднее согреться с мороза, и вообще, неприлично.

Нимрин скользнул взглядом по налитым грудям обеих женщин, вообще ничем не прикрытым. Аю не среагировала, только ресницами хлопнула. Тунья слегка повела плечами, мол, чего уставился? Обнажённые торсы, хоть мужские, хоть женские, местных приличий явно не нарушали. Нимрин улыбнулся, глядя теперь в жёлтые глаза хозяйки дома:

— Я и есть малое дитя. Всего-то день от роду. Что было раньше, то пурга слизнула. Какой с меня спрос?

— Да, я всё время забываю! — Тунья осклабилась в ответ. — Болтаешь ты слишком бойко для суточного. Пошли уже!

На совет охотники собирались в просторной и высокой зале, отделанной с любовью и немалым искусством. Правильный квадрат в плане, под красиво выведенным сводом. Гладко отёсанный камень, яркие масляные светильники в резных нишах. Нимрин уцепился мыслью за слово «анахронизм». Диковатые охотники, сообразно своему обличью, жили в пещерах и ходили в шкурах собственноручно убитых зверей, но при том знали золото, стекло и сталь, были умелыми каменотёсами.

Нимрин впервые наблюдал их столько сразу. Обитатели дома Лембы чинно рассаживались на принесённых с собой маленьких, плетёных из лозы табуретках, на войлочных подушках, на свёрнутых валиком или свободно расстеленных шкурах. Они располагались тремя группами по трём сторонам залы, оставляя свободными середину и проход от двери. Самая большая группа, двадцать шесть взрослых мужчин и девятнадцать женщин, привольно расселись напротив входа. Там уже был Лемба, туда же прошествовали Тунья и Аю. Четырнадцать подростков обоего пола и дюжина взрослых в потрёпанной одежде устроились тесной кучкой по правую руку от них. Рыньи утянул в ту сторону Нимрина, и они сели рядом на одну шкуру. Напротив оказалась самая малочисленная

группа: семеро стариков и двенадцать взрослых, некоторые из которых выглядели больными, а кое-кто щеголял увечьями, которые совершенно точно не позволяли им охотиться. Про двоих не ясно, как вообще выжили? Но не калеки бросились в глаза в первую очередь, а некая странная диспропорция возрастного состава. Нимрин наклонился к уху Рыньи и шепотом попросил.

— Разреши позадавать глупые вопросы?

Рыньи кивнул, мол, задавай.

— Сколько длится год?

Подросток сочувственно покосился на беспамятного и ответил:

— Восемьдесят четыре луны.

— А зима?

— Если по календарю, то шестьдесят три луны. А если от первого большого снега до зелени, то год на год не приходится.

— А луна — это сколько дней?

— Двадцать один.

По ощущениям, местные сутки были немного длиннее привычных Нимрину. Он ещё ни разу не видел здешнего солнца, но чувял колебания Тьмы и доверял своим ощущениям. Колдунья разбудила его незадолго до полудня, и сейчас снова позднее утро. Часов двадцать восемь от восхода до восхода. Ничто не мешало произвести в уме дальнейшие подсчёты, но Нимрина обуяла сперва досада, потом апатия. Календарь своей родины он вспомнил, даже несколько вариантов календарей, а саму родину — практически нет. Сообразил, что местный год ему будет за шесть привычных, и что дальше?

Переговаривались не только Нимрин и Рыньи, залу наполнял ропот множества голосов. Сам Лемба тихо беседовал с Туньей, Аю и какими-то двумя пожилыми мужчинами. При желании, Нимрин мог бы вслушаться или прочесть по губам, но предпочёл задать мальчишке ещё один глупый вопрос.

— Мы кого-то ждём?

— Мудрую Вильяру. Странно, что её нет.

— Она пошла в Зачарованному Камню, чтобы восполнить силу после сражения, — сказала девочка рядом.

— Откуда ты знаешь, Ньями? — переспросил Рыньи.

— Мама сказала. На них напали, там был сильный колдун в снежном вихре, Вильяра с ним билась.

Мальчишка пренебрежительно фыркнул:

— Да ну, только в сказках колдуны бьются друг с другом!

— А вот и не в сказках...

Нимрин настроился послушать перепалку подростков, но тут сама Вильяра вошла — нет, влетела — в зал. Пронеслась до середины. Повела по сторонам дико блеснувшими глазами, вскинула руки и коротко взвыла. Подошла к Лембе и плюхнулась рядом. Кузнец заботливо подсунул ей свободную табуретку. Потом сам встал и зычно возгласил:

— Говорите и слушайте, о, родичи, слуги старшие и слуги младшие, отроки, старцы и калеки! Говорите в свой черёд всё, кому есть, что сказать, о незаконной стае, посягнувшей на наш дом. Первое слово — моё слово, главы дома.

Нимрин тихонько спросил:

— А Вильяра?

Рыньи ответил одними губами:

— Мудрая заговорит, когда захочет. Помолчи, сейчас наше время слушать.

Лемба тяжело вздохнул, дождался полной тишины в зале и заговорил тише:

— Родичи и домочадцы, горе моё и вина перед вами глубоки как море. Худшей охоты не было в этом доме с тех пор, как дикие шерстолапы затоптали моего отца, дядю и ещё четверых охотников. Сегодня я оставил на льду пятерых, ещё двое умерли от ран. Из тех, кого я призвал сражаться на пороге дома, погибли четверо. Убит дозорный. Из пятерых, кто шёл обозом с ярмарки, никто не откликается на зов, и сердце моё леденеет, когда я их зову, и мудрая подтвердила смерть. За одну ночь дом потерял семнадцатерых. Их имена умерли, и да не прозвучат они отныне вслух, только в памяти. Оплачем же наше горе, родичи и домочадцы, прежде чем я продолжу мою речь, и мы продолжим совет.

Охотник с силой провёл руками по лицу, вскинул голову и завыл, истошно и протяжно, без намёка на напев или слова. Весь зал откликнулся таким же горестным воплем-воём. Нимрин вплёл свой голос в этот дикий хор не для соблюдения ритуала — его по-настоящему накрыло вдруг чужой болью потери, тоской и яростью. Когда-то с ним уже бывало так: чужое, будто своё, драло нервы. Благо, охотники быстро провылись, и его тоже отпустило. Рядом Рыньи шмыгнул носом, Ньями вытерла мокрые глаза. Кое-кто из взрослых охотников ещё прятал лицо в ладонях, но шквал эмоций миновал.

Лемба откашлялся:

— Упомяну ещё не горе, но беду. Тяжко ранены Нтари, Ио, Лайса. Неизвестно, поправятся ли они, войдут ли снова в силу, но для них есть надежда.

Кузнец сделал паузу, охотники пришибленно молчали, и он продолжил.

— Теперь я расскажу о том, с чего всё началось, и как происходило. Все помнят, как мы с моим ныне погибшим кузеном взяли товар и передвижную мастерскую и отбыли на ярмарку по второму снегу. Ехали без спешки, трижды ночевали в прибрежных гротах. На тракте тогда было спокойно, никто нас не тронул. После нашего отъезда в доме останавливались ещё два обоза с юга. Тунья приняла их, проводила и прислала мне зов. Я ждал старых друзей на ярмарке, но не дождался. Мудрый Латира погадал на них, позвал и сказал, что ждать некого. Других больших обозов по нашей ветви тракта ни в ту, ни в другую сторону не проходило, но одиночки без препятствий сновали налегке туда-сюда. Никто не заметил ничего странного или опасного, но я решил проверить сам, разведать дорогу. Выехал с ярмарки утром, домчался домой к вечеру, кое-кого подобрал по дороге. Его мы ещё послушаем, но к обозам моих друзей и к их пропаже он вряд ли имеет отношение.

Лемба нашёл глазами Нимрина, кивнул ему. Нимрин склонил голову в ответ.

— Я вернулся домой и стал собирать облаву на дикие стаи. Чтобы обшарить все места стоянок, все ответвления тракта, — продолжил глава дома. — Тунья предположила, что дикая стая может оказаться двуногой, беззаконной. Совет охотников принял её доводы. Мы все тогда решили поспешить со сборами и быть осторожнее. Но когда кузен прислал мне отчаянный зов с Высокого мыса, разум мой помрачился. Кузен должен был отбыть с ярмарки не раньше завтрашнего дня. Мы договорились, что он сообщит мне о точном времени выезда через мудрого Латиру. Самому-то ему и остальным обозникам плохо давалась мысленная речь. Чем объяснить их молчание и ранний выезд? Я не знаю, ответ нужно искать на ярмарке. Что произошло на Высоком мысу? Кузен передал чувство смертельной опасности и образ места, больше ничего. Мы помчались туда, не глядя по сторонам. Мне в голову не пришло, что беззаконная стая разделится на трое, что их так

много, что с ними сильный колдун. Я был уверен, что тракт огибает скалы Толстого мыса на безопасном расстоянии, что никто не застигнет нас врасплох, не достанет на открытом льду. А нас ждало два десятка стрелков с такими дальнобойными луками, каких я в жизни не видал. Они перестреляли бы нас, как белянок, если б не Вильяра. Она прикрыла нас от стрел и взяла на себя колдуна. В рукопашной враги уступали нам числом и силой. Мы могли победить. Но тут я услышал зов из дома, что здесь тоже неладно. Мы отступили, и они тоже оставили на льду шестерых. Когда мы добежали домой, сразу присоединились к пастухам и дровосекам, кого я призвал к дому. Мы вместе прогнали другую часть этой погани. Здесь беззаконников было особенно много, не меньше сорока. В зале у нижних ворот и в снегу они оставили тринадцать. Живых и отбитую ими дюжину рогачей мы преследовать не стали, чтобы не попасть в новую засаду. Но след есть, хороший след. Собравшись с силами, по нему можно найти логово... Всё ли я сказал о том, что было? Тунья, Мыни, Нгле, Аю, вам есть, что добавить?

Кузнец обвёл взглядом четверых, с кем беседовал перед советом. Все дружно ответили отрицательными жестами.

— Тогда пусть скажет старый Зуни.

Бодрый старичок, которому Нимрин и Рыньи сдали пост у выбитых ворот, подскочил со своего места.

— А и скажу! Внучку-наследнику я уже высказал наедине, ибо негоже поносить при всех главу дома. А тебе, знахаркина дочь, я сейчас скажу. Боевая ты девка, одарённая ведьма, сильная мудрая, а дурёха! И ты, Тунья, позабыла ум дома. Лучше бы сама осталась, да расставила побольше дозорных. А то блаженный наш звездочёт стрелу словил и даже вякнуть не успел. Успел ли кого заметить, одни щуры ведают. Осталась бы ты дома, как полагается при твоей гривне, и не пришлось бы мне стариной трясти, малолеток пасти!

Нимрин наблюдал, как мнутя, жмутя и прячут глаза упомянутые стариком персоны. А не упомянутая Аю затаилась за широкой спиной кузнеца. Формальной власти у Зуни в доме, может, и не было, зато авторитета — хоть отбавляй!

Лемба всё-таки не выдержал, глухо рыкнул:

— Старый, хватит ругаться! Излагай по прядку.

— Могу и по порядку. Разбудил меня кто-то из молодняка, они бегали по дому и всех поднимали на ноги. Передавали зов Рыньи: «Тревога! Беззаконники у нижних ворот! Мы караулим тут с Нимрином». Я никак не мог спросонок сообразить, что за Нимрин? Подростки объяснили, что это твой вчерашний найдёныш. Зря ты мне его не показал, Лемба!

Многие в зале теперь с интересом посматривали в сторону Нимрина. Ничего, небось, дырку не проглядят. Зуни продолжал говорить.

— Надежды на тот караул у меня не было. Я кое-как дозволялся Нгле и Мыни, они уже спешили к дому, но могли не успеть. Побитая большая охота тоже возвращалась, от Туньи я это узнал. Только они были ещё дальше. Они не могли спешить из-за раненных и взялись за ум, не захотели разделяться. Подмога извне запаздывала, потому я собрал всех, кто способен был держать оружие, и пошёл к нижним воротам сам. Молодняк разослал дозором по всему дому. Они нашли труп младшего слуги в коридоре на заброшенном хозяйственном ярусе и выбитую ворожкой калитку. Позвали, я пришёл проверить следы. Понял, что кто-то один тайком сбежал из дома. Второго, битого, он нёс на себе, но не дотащил живым, бросил. В пещерке для слуг при скотном дворе мы нашли ещё три трупа и следы бойни. Честно скажу, у меня шерсть встала дыбом! Сразу видно: воин убивал, а не охотник дрался. Трупы я

рассмотрел, узнал поганые рожи. Потом заметил кладовую без двери, зато с кучей оружия внутри. Кое-чем оттуда мы сами разжились... По следам выходило, что троих, а то и четверых, уложил кто-то один. Либо тот, кто сбежал и пытался унести товарища, либо этот непонятный Нимрин. Ну, либо Рыньи вдруг проглотил буйного духа. Нимрина и Рыньи я, как было обещано, нашёл у нижних ворот. Вернее, у остатков ворот. Нимрин спокойно признался, что убил троих младших слуг, четвёртого оглушил и связал, а в кладовке с кучей оружия запер Арайю и попытался зачаровать дверь. Позже Нимрин вдвоём с Рыньи пустили стадо на беззаконников, когда те пытались проскользнуть в дом через выбитые ворота. Одному из лазутчиков Нимрин съёс башку какими-то чарами, двух потоптанных добил, зарезал своею рукой.

Взгляды охотников из заинтересованных стали откровенно опасливыми. Ближайшие соседи заёрзали, отодвигаясь. Только Рыньи фыркнул и прижался горячим плечом плотнее. Нимрин легонько пихнул его в ответ, и во все зубы ухмыльнулся Зуни. Тот выскалил в ответ истёртые жёлтые клыки, сделал рукой какой-то жест, вроде, одобрительный. Но обратился не к Нимрину.

— Рыньи, расскажи нам, что ты видел.

Мальчишка быстро глянул на главу дома, Лемба подтвердил:

— Слушаем слово младшего слуги Рыньи.

Рыньи икнул и неловко завозился, поднимаясь на ноги. Что, не доводилось раньше говорить на большом совете дома? Выпрямился, набрал побольше воздуха, заметно покраснел.

— Да будет слово моё — правда! Да не исказится моё свидетельство по недомыслию или кривомыслию! — голос мальчишки напряжённо звенел под сводом зала.

Тунья и Лемба переглянулись, кузнец мягко притормозил говорящего:

— Эй, малец, не лезь в сказку! Просто расскажи по порядку, как было дело.

Рыньи осёкся и продолжил на полтона ниже:

— Мастер Лемба, распорядительница Тунья, я водился с Арайей и его дружками больше всех в доме. Эти младшие слуги очень плохо работали, шастали туда-сюда без дела, пытались меня пугать, зло шутили, но ни разу не заступали край, чтобы я побежал просить у вас помощи. Вчера я всё-таки заподозрил неладное. Когда Дини рассказала про исчезнувших и погибших купцов, я вдруг подумал, что это Арайя ходил на такую охоту из нашего дома. Я тогда ужасно испугался. Но по календарю не сошлось, пятеро никак не догнали бы купцов, и я очень обрадовался, что зря возвёл в своих мыслях такую жуткую напраслину. Мне всё равно было не по себе, и я лёг спать не в каморке, а на спине у Корноухой. Потому я не знаю, что случилось в жилой пещере. Глубокой ночью Нимрин разбудил меня криком, велел поднимать тревогу и бежать к нижним воротам. Мне даже в голову не пришло ему перечить. Я видел, что он после драки. Он сказал, мол, пятеро младших слуг — беззаконники, и он остановил их. А ещё, что другие беззаконники будут прорываться снаружи. Я поверил сразу, так всё сходилась одно к одному. Я позвал подмогу, а для надёжности мы выставили рогачей живым заслоном. Когда ворота рассыпались, я понял, что вовремя мы это сделали! Помоему, Нимрин совсем не ладит со скотиной, но отлично понимает в обороне дома. Если бы не он, беззаконники ворвались бы, и мне страшно подумать, что было бы со всеми нами. Я рад, что слушался Нимрина как старшего. Я подарил ему свою одежду вместо лохмотьев младшего слуги, которые он замарал кровью, защищая дом от дикой стаи. Двуногих зверей убивать... Я даже не знаю, смог бы я сам? Нет, пусть мой первый зверь будет правильный,

четвероногий... Хорошо, мне не пришлось... Своими руками... За это я Нимрину тоже благодарен. Я, младший слуга Рыньи, всё сказал.

Лемба кивнул, принимая свидетельство, и велел Рыньи сесть. Тунья хищно блеснула глазами и что-то шепнула мужу на ухо. Лемба ещё раз кивнул и вперил в Нимрина тяжёлый, неотрывный, испытующий взгляд. Даже не верилось, что увалень кузнец так умеет. С другой стороны, он же, правда, глава дома?

— А теперь послушаем слово чужака, именуемого Нимрином, младшего слуги дома.

Нимрин легко встал, озираясь по сторонам. Большинство охотников отводили глаза, но не Лемба. Взгляд кузнеца оставался тяжёлым, выражение лица — непроницаемым, голос — ровным.

— Прежде, чем сказать своё слово, выслушай меня внимательно, чужак. Любому здесь я повелеваю говорить правду, и никто моей власти не оспаривает. Кроме беззаконников, с которыми ты поступил, в общем-то, правильно. Да, я в своём доме властен повелевать любым. Но я понимаю, что по ту сторону звёзд, откуда ты пришёл, законы и обычаи Голкья не имеют силы. Поэтому я прошу, а не приказываю. Нимрин, пожалуйста, расскажи нам без утайки всё, что ты видел, слышал и делал после того, как Тунья отвела тебя к Рыньи. И объясни, почему ты действовал именно так, как ты действовал. Это важно! Чтобы я знал, кем тебя назвать в моём доме, и как отблагодарить.

Нимрин передёрнул плечами от повисшего в воздухе напряжения. Странно, что куртка ещё не задымилась на перекрестье множества взглядов. Явной враждебности охотники не проявляли, однако чувствовал он себя не на совете — на суде. Вспомнил внезапно: те, кто проливал чёрную кровь, умирали, даже если имели на своей стороне правду. Вдруг, охотники ценят свою кровь не дешевле? Бояться Нимрин почти не умел, и всё же... Вильяра вдруг залихватски ему подмигнула и облизнула губы остреньким розовым язычком. Споткнувшееся время выровнялось и пошло, заминка продлилась не более вдоха.

— Мастер Лемба, ты подобрал, отогрел и накормил меня. Мудрая Вильяра обещала защиту. В том виде, как меня нашли, я не мог претендовать на более высокое место. Я благодарен вам, я согласился быть младшим слугой, и я верен дому. Я делал всё, что велел мне Рыньи, так хорошо, как мог. Я видел, что другие младшие слуги не столь усердны, и Рыньи с ними не справляется. В миг нашего знакомства мне показалось, что за одно замечание они готовы, самое малое, поколотить нас обоих. Я запел песнь Умиротворения, они угомонились и подпели. Потом Руо толкнул меня в колодец, вроде бы в шутку...

Лемба поднял руку предостерегающим жестом:

— Нимрин, не называй вслух имена мёртвых!

— Я не боялся этого навозного выползка живым и не убоюсь его мёртвого. Но впредь буду чтить ваш обычай... Позже я разговаривал с главарём. Его, увы, уместно именовать вслух. Арайя не скрывал, что собирается устроить бунт и взять этот дом под свою руку. Говорил, что у него есть сообщники за пределами дома. В том числе, сильный колдун, или даже кто-то из мудрых. На мой счёт Арайя до самого конца колебался. Так и не решил, привлечь меня на свою сторону или гнать из-под ног, чтоб не путался? Я строил дурачка и подыгрывал ему, хотел разузнать побольше об их планах. Ещё мне любопытно было, что за бездомный дом, неведомый клан, в котором есть всё, как сказал Арайя? Со слов подростков, я вроде бы понял, так называют у вас объявленных вне закона?

— Не только их, но их тоже, — не слишком понятно пояснил Лемба. — Продолжай.

— Знаешь, мастер Лемба, я очень хочу вспомнить себя, вернуться домой, отомстить

врагу. В какой угодно последовательности! Я приму помощь от любого, почти за любую цену. Но связываться с предателями, надеяться что-то получить от них... Нет, я беспамятный, но не дурак.

Нимрин сделал паузу, ожидая от кузнеца ещё каких-то слов или проявления эмоций — тот лишь кивнул.

— Продолжай.

— Ночью они спокойно обсуждали при мне свои делишки. Думали, я сплю, или им было всё равно. Сначала Арайя сообщил подручному, что некий Вильгрин прислал зов с Высокого мыса, мол, там всё идёт по плану. Они терпеливо ждали, когда Вильяра, услышав зов о помощи, уведёт туда охотников. Через некоторое время кто-то сообщил им, что так и произошло. Арайя упомянул ещё одно имя: Чунк. Этот Чунк должен был перехватить вас по дороге. А своему подручному Арайя велел убить или запереть Рыньи, потом отворить нижние ворота. Подручный ушёл, остальные трое спали. Арайя загремел оружием в кладовке. Лучшего мига, чтобы остановить их, я вряд ли бы дождался. Я подкрался и запер Арайю, он поднял шум, трое мгновенно подскочили и напали на меня с ножами. Тот, кого Арайя отослал, тоже прибежал назад. Я видел, что они готовы убивать, и не остановятся на мне и Рыньи. Но они недооценили меня, я успел первым. Одного недобитого я связал. И Арайю в кладовке оставил, чтобы позже расспросить. Потом я отыскал и разбудил Рыньи. Удача его любит, или чутьё хорошее, он выбрал наилучшее место для ночёвки. Ну а дальше мне нечего добавить к его рассказу... Нет, с учётом того, что Арайя сбежал, а второй издох, я сожалею, что добил двоих потоптанных рогачами. Одна всё равно умирала, а второй был отлично подготовлен для допроса. Это моя ошибка. Я, Нимрин, сказал всё.

Лемба невозмутимо кивнул, принимая свидетельство, жестом указал Нимрину сесть на место и спросил:

— У кого ещё найдётся слово о незаконной стае?

Охотники переглядывались, отрицательно качали головами. Позади Нимрина кто-то резко подскочил с места, кузнец объявил:

— Слушаем слово Дини.

Знакомый звонкий голосок разнёсся по залу:

— Мастер Лемба, это меня и Насью чужак спрашивал про бездомный дом, когда мы возили ужин слугам. Ему было видение, или что-то вроде. Будто бы он искал мудрого, спрашивал у кого-то, а его послали в неведомый клан, в бездомный дом. Мы потом между собою спорили о незаконниках, а распорядительница Тунья услышала и велела нам не болтать о том, чего мы не видели и не понимаем. А ещё это мы с Насью нашли убитого сторожа-звездочёта и утащили тело в дом. Он был ужасно тяжёлый, и было страшно-страшно, что нас тоже застрелят.

Девочка замолчала, Лемба едва заметно поморщился:

— Дини, это всё твоё слово?

— Да. Но сейчас, когда Нимрин говорил, он скрыл своё видение. А вдруг он сам из незаконников?

— Нимрин, что ты ответишь на это слово?

— Не было у меня никакого видения, мастер Лемба. Дини меня неверно поняла. Они с подругой и Рыньи расспрашивали меня про тракт, где ты меня нашёл. Я сначала вспомнил, как брёл в метели из ниоткуда в никуда, и как смертельно худо мне было. Вспомнил так ясно, что снова затрясло. А потом вдруг припомнил слова Арайи про бездомный дом и

решил выяснить, что он имел в виду, не называя его по имени.

Один из стариков пробурчал как бы под нос, но услышали все:

— Скользящая ледышка, в руках не удержишь! А может, этот беззаконник в последний миг решил переметнуться на нашу сторону и поубивал сообщников, чтоб не болтали лишнего?

Нимрин ответил бы резкостью, но Рыньи пихнул его локтем в бок:

— Тихо! Молчи!

Вильяра, не вставая с места, спокойно сказала:

— Родичи и домочадцы мастера Лембы, не тратьте время на напраслину. Я пела Песнь Познания и видела путь Нимрина на Голкья. Я свидетельствую, он впервые встретил этих беззаконников в доме кузнеца. А здесь все дела Нимрина ясны и говорят сами за себя. По делам он достоин награды, а не вздорных подозрений. Я — мудрая Вильяра, и таково моё слово.

Внезапной болью прострелило виски и отдалось в затылке, поплыло в глазах. Нимрин не сразу сообразил, что следующие слова колдуньи прозвучали исключительно внутри его головы: «Нимрин, ты назвал три желания: вспомнить себя, вернуться домой и отомстить врагу. Ты сказал, что готов заплатить тому, кто тебе поможет, почти любую цену. Нам есть, о чём поговорить наедине после совета». Он поймал взгляд Вильяры и медленно, осторожно кивнул. Странно, что мозги не потекли из ушей... Отпустило... Кажется, он успел прослушать какую-то реплику Лембы, к нему обращённую, Рыньи снова пихал его локтём в бок:

— Нимрин, ты уснул? Иди к старшим!

Лемба терпеливо повторил:

— Воин Нимрин, сядь рядом со мной как почётный гость дома. И назови ещё раз имена, которые ты слышал от Арайи?

— Вильгрин и Чунк.

Пока Нимрин вставал, кто-то из подростков сунул ему в руки узорную войлочную подушку. Так он и пересёк пустое пространство в центре залы, держа подушку за угол и помахивая ею в такт шагам. Бросил на пол рядом с Лембой, сел, скрестив ноги. Слишком широкие и короткие штанины нелепо задрались, но ему было всё равно. Вильяра очутилась рядом, заглянула в глаза:

— Я оглушила тебя? Прости.

Нимрин сплёл в уме цепочку ругательств на древнем наречии Тьмы и мысленно адресовал Вильяре. Колдунья даже бровью не повела: видимо, ответ не долетел. Чинное слушание между тем стремительно перерастало в гвалт. Охотники говорили всё громче, перебивая и заглушая друг друга.

Мыни — Лембе:

— Лемба, помнишь южанина, который прошлой осенью торговал каменными ножами и наконечниками? Сбивал цены, мерзавец, а потом сам накупил у тебя стальных. Ты видел его в этом году? Или он не Вильгрин?

Лемба:

— Вильгрин. Он теперь привёз керамику. Красивую, лёгкую, звонкую. Распродал товар, набрал нашего и собирался в сторону дома. Якобы испугался слухов про дикие стаи, ждал попутчиков, хотел пристать к нам с кузеном.

Кто-то из молодых:

— А у беззаконников были каменные ножи той самой работы, и в кладовке...

Снова Лемба:

— Да, арханские каменные. И полкладовки стальных изделий с моим клеймом! А таких длинных луков я никогда, ни у кого не встречал.

Старый Зуни — Лембе:

— А я встречал! Когда сгрузил дом на плечи твоему отцу и путешествовал по южным островам. У нас такие делать не из чего, а там — есть. Небось, вся эта погань дальняя, залётная. Шелупонь ярмарочная! Сам знаешь, Лемба! Никто твоего Арайю не пускал на порог, потому что до сего лета в угодьях Вилья его в глаза не видали, слыхом не слыхали.

— Моего Арайю?

— А кто беззаконника в дом принял? Да не одного, а сам-пятого. Если бы не Нимрин...

— Которого тоже я притащил.

— Я ж говорю, велика твоя удача, глава дома! Кабы не Вильяра, перестреляли бы вас. Кабы не подобрал Нимрина, возвращаться бы вам было некуда. А так, почти все здесь, живые...

Нгле:

— А зимовать-то как? Из дома не выйдешь, перестреляют по одному!

Зуни:

— Да с нашими припасами можно треть зимы никуда не выходить. Замуроваться, как летний зверь в берлоге, и ждать, пока беззаконники издохнут в снегах от голода. Потом нам тоже придётся туго, но авось, до весны дотянем.

Лемба:

— Хорошенькая зимовка, старый! Чтобы в моём доме доели шерстолапов, зверей и самих себя?!

— Так и думал, внук, тебе не понравится!

— И-и-и-и-у! И-и-и-и-у! Юх-юх-юх! — оглушительный визг метался в прибрежных скалах.

Лёгкие сани с бешеной скоростью мчались по тракту. Упряжные звери шли галопом, разинув пасти, пыхая паром и роняя пену с розовых языков. Сторожевые и загонные стелились по-над снегом, рыскали впереди, позади и вокруг. Одинокий ездок, стоя на полозьях саней, то и дело подгонял упряжку взвизгами и ударами бича.

На повороте к дому кузнеца сани едва не опрокинулись. Ездок соскочил с полозьев, подправил и побежал рядом. Подъём на угор — из последних сил. Миновали длинную череду хозяйственных выгородок, встали у верхних ворот. Звери сразу легли в снег, а ездок забрал с саней какой-то свёрток и, шатаясь, побрёл в дом. Караульный у ворот узнал молодую охотницу, невесту Дюрана, спросил:

— Иrimi, что с тобой? За тобой беззаконники гнались?

— Нет. Мне к Лембе, скорее!

— Все на совете. Знаешь дорогу в праздничную залу?

Охотница утвердительно кивнула, на слова ей уже не хватало дыхания.

Шатающаяся фигура в облепленной снегом одежде возникла на пороге залы. Хриплое, срывающееся на всхлипы дыхание, искажённое мокрое лицо, безумный огонь в зрачках. Лемба даже не сразу опознал свою несостоявшуюся невестку Иrimi.

Обеими руками Иrimi обнимала нечто, завернутое в шкуру. На подгибающихся ногах женщина дошла до середины залы, неверными движениями раскрыла свёрток — в ноздри ударил запах подмороженной крови. Кровь из глубокой раны на темени запятнала и склеила густой белый мех, залила лицо, но не узнать было невозможно. Дюран! Кузнец до хруста сжал зубы, чтобы не выкрикнуть имя, не потревожить дух кузена напрасным зовом. Иrimi опустилась на колени, судорожно прижимая к груди мёртвую голову. С трудом выговорила сквозь всхлипы.

— Лемба, они их добыли и разделали. Двух самых строптивых шерстолапов, всех зверей и всех охотников. Бросили кости и требуху. И выставили у тракта головы на колах. Я не успела догнать обоз. Я не смогла послать зов. Я не решилась идти по следу. Я только забрала его с собой и привезла тебе.

Женщина уткнулась лицом в окровавленный мех и глухо завывала. Она сжималась всё плотнее в трясущийся, скулящий комок, и даже Вильяра не смогла её быстро успокоить. Лемба поручил Зуни продолжать совет, сгрёб несчастную в охапку вместе с её страшной ношей, отнёс и уложил в гостевых покоях. Вильяра осталась ворожить, приводить её в чувство. Лемба, едва не теряя себя от горя и гнева, бегом вернулся на совет. Гул голосов и особо громкие выкрики выплёскивались из залы в коридор.

— Отсидимся в доме, зима сама их возьмёт! Если уже сейчас до живоедства дошли...

— Извести беззаконную погань!

— Да кто же знает, где они засели?

— Да след от дома такой, что слепой охотник разглядит, безносый зверь унюхает.

— А сколько их там? А колдун?

— А кто Арайю-то выпустил? Может, в доме ещё кто чужой?

— Да колдун же его выпустил! Снёс дверь и калитку, заодно с воротами!

— С колдуном пусть мудрая разбирается!

— А мы — с беззаконной стаей!

Лемба замер на пороге, чтобы не перебивать спокойную, вескую речь старого Зуни.

— За три луны Арайя изучил дом и подходы к нему. Но пришедшие беззаконники не могут знать наши уголья так, как знаем мы. Каждую тропу, каждый камень, каждый сугроб. В наших снегах они нам не соперники, даже со своими длинными луками. И зверей у них наверняка меньше, и тоже не местных. Надо выследить логово, а потом уже решать, сможем ли мы побить их сами, или звать на помощь соседние дома... Ты согласен, внук?

— Согласен, старый, — ярость переполняла Лембу, застила глаза кровавым туманом, грозным рыком прорывалась из груди. — Двуногих я ещё не тропил, не загонял. Это будет любопытная охота.

— Нет, внук, это будет поганая, зимняя, беззаконная война. Ты, глава дома, должен не просто победить ту стаю. Ты должен сохранить достаточно охотников, чтобы дом перезимовал, а не вымер и не скатился в беззаконие следом за теми. Я такое видал. А твой Арайя мог даже не солгать про оползень.

Лемба склонил голову, зыркнул исподлобья.

— Я тебя услышал, старый, — сказал и тяжело, медленно ступая, вышел на середину зала. — Слушайте меня, родичи и домочадцы. Всех наших зверей мы немедленно выпускаем караулить подступы к дому. По одному никуда не ходим, особенно молодняк! В каждой ватажке хотя бы один должен владеть мысленной речью. Обо всём подозрительном сразу посылаете зов мне, Тунье, Вильяре или кому сможете. Сегодня мы отдыхаем, приводим в порядок себя, дом и двор. Я с подмастерьями начинаю делать новые ворота, а пока заложим проём снежными кирпичами. Завтра разведчики отправятся искать логово. Кроме следа от дома, нужно протропить следы от Толстого мыса и от Высокого. И кто-то в ближайшие дни обязательно поедет на ярмарку. Надеюсь, мудрой удастся привести в чувство Иrimi и расспросить её. Родичи и домочадцы, у кого есть ещё предложения или вопросы, которые хочется обсудить во всеуслышание на совете?

Лемба обвёл залу взглядом и не обнаружил желающих высказаться. Объявил совет закрытым. Первым направился к выходу. Обернулся через плечо.

— Воин Нимрин, гость моего дома! Иди за мной, я верну тебе твоё оружие и вещи.

Нимрин последовал за кузнецом, размышляя, а не разозлиться ли всерьёз, что у него посмели что-то забрать? Обезоружили, раздели беспамятного, выдали местные обноски... С другой стороны, трудно было назвать такую предосторожность неразумной. Скорее, кузнец и колдунья вели себя чересчур беспечно. Но судя по тому, что он видел и слышал на совете, здесь не привыкли ждать от двуногих удара в спину. Беззаконники — исключение, до последнего времени редкое, кабы не легендарное. Зато никто не удивился, когда Лемба назвал Нимрина пришельцем «с другой стороны звёзд». Чужаку явно предстояло узнать много интересного об охотниках. Цивилизация, накопившая знания, но тысячелетиями буксующая на месте из-за крайне суровых условий жизни? Может быть, и так...

Сильнее всего Нимрина заботило собственное бесчувствие. Он размышлял, не разозлиться ли ему, но не чувствовал даже возмущения. Отмечал любопытные моменты, но

не испытывал любопытства. Все цели и задачи, которые он себе ставил, шли от рассудка и простейших стимулов, типа голода. Привычки живой и живучей, деятельной натуры вели его вперед и пока не подводили. А вот желания и стремления, которые некогда породили все эти полезные привычки, ныне иссякли. На их месте — вымороженная пустота. Да, он уже изведal: ненадолго можно заполнить её чужим, заёмным жаром. Вильяра, мудрая, его белая ведьма... Потеплело внутри от одного воспоминания, и желание тоже пробудилось — одно, вполне конкретное. Невозможность осуществить это желание прямо сейчас раздражала, но и держала в тонусе. Нимрин встряхнулся, взбодрился, приосанился. Ещё немного, и ему вернут часть его позабытого прошлого. Это очень здорово, надо бы обрадоваться. А колдунья обещала в скором времени новую встречу наедине.

Следом за Лембой и Нимрином в малую мастерскую, как назвал кузнец цель их длинного путешествия по коридорам, увязались Тунья и Зуни. На пятки не наступали, но Нимрин слышал эхо шагов и голосов позади. Два самых близких помощника Лембы горячо обсуждали дела дома. Как перераспределить хозяйственные обязанности, чтобы заменить погибших и раненых? Кого лучше отправить в разведку? Где выставить дозоры? Нимрин слушал и запоминал, вдруг пригодится на будущее.

Малая мастерская оказалась довольно обширной пещерой, состоящей из нескольких залов. Интересно, какова же тогда большая? Здесь работали с медью и золотом, деревом, костью, цветным камнем, похожим на нефрит. Нимрин на ходу разглядывал инструменты, заготовки и почти готовые изделия. Обратил внимание на совершенный в своей простоте камнерезный станок с ножным приводом. Дальше, за углом, был ещё и токарный. Вряд ли всем этим хозяйством пользовался один Лемба, скорее, десяток-другой мастеров, но сейчас у жителей дома были другие заботы, и мастерская пустовала. Кузнец провёл Нимрина в дальнюю каморку. Встал на цыпочки и достал из стенной ниши под самым потолком длинный узкий свёрток. Почтительно держа его на обеих ладонях, с лёгким поклоном протянул Нимрину.

— Твои два меча, воин Нимрин.

Нимрин протянул руки и принял на ладони такую родную тяжесть. Губы сами расплылись в улыбке, которую он не стал сдерживать:

— Мои катаны!

Положил обрeтённое на верстачок у другой стены, быстро размотал обёртку из мягкой замши. Одна рука привычно сжала рукоять, вторая — ножны. Нимрин на четверть обнажил клинок и утонул взглядом в чёрном металле. Он ожидал обрести частицу своего прошлого, а получил из рук Лембы живую часть себя. Полыхнул гневом, что посмели отобрать. Испытал благодарность, что сберегли и вернули. Обрадовался, что по-настоящему почувствовал то и другое. Почтительно коснулся холодной стали лбом, потом губами. Убрал клинок в ножны. Поприветствовал вторую катану. С удивлением обнаружил, что миновала не вечность, а всего-то несколько вздохов. Кузнец неторопливо рылся в нише, добывая оттуда что-то ещё. Нимрин окликнул его:

— Мастер Лемба, прости, но я заметил у тебя очень скверную привычку.

— Какую? — охотник обернулся, держа в руках округлый тючок.

— Ты слишком спокойно поворачиваешься спиной к вооруженным двуногим. Ко мне — можно. А если бы тут был Арайя?

Кузнец с усмешкой ответил:

— Второй!

— Что — второй?

— Первая — Вильяра, она тоже называет меня беспечным. Камнями, палками в меня кидала. Даже ножами пару раз! Не попала. И зверь, из которого сшиты мои штаны, тоже понадеялся застать меня врасплох.

Нимрин широко, дружелюбно улыбнулся.

— Я обещаю не кидать и не тыкать в тебя ничем острым, мастер Лемба. Но реакцию твою как-нибудь испытаю. Хочу быть уверенным, что никакой беззаконник не оттяпает тебе голову, или ещё что-нибудь важное.

— Испытай. Мне тоже любопытно, насколько ты быстр. Дружки Арайи не выглядели ни слабаками, ни растяпами. Я справился бы с любым из них один на один. Лыщу себе, что отбил бы и от всех сразу. Но я сильно подумал бы, прежде чем лезть в такую драку. А против тебя они не смогли ничего.

— Старый Зуни правильно сказал на совете: охотник дрался бы, а я убивал. Меня долго этому учили, — самой учёбы он по-прежнему не мог вспомнить, радость погасла. — Учили и выучили.

Лемба согласно склонил голову, подал тючок:

— Возьми свою одежду, сапоги и пояс, воин Нимрин. В этом ты будешь выглядеть ещё более чужим и странным. Но ты гость, и я не стану указывать, как тебе одеваться. Тем более, подарок Рыньи всё равно надо перешить. Если в твоих родных угожьях не умеют кроить и шить шкуры, я попрошу Аю помочь тебе.

Нимрин вспомнил слишком робкую для охотницы молоденькую голубоглазку. Или она боялась только его, чужака?

— Да, давай, я сейчас переоденусь, а потом попросим Аю.

Судя по тому, как после работы слуги плескались в умывальне и переодевались в чистое, у местных не было предрассудков насчёт наготы. Хотя, беззаконники Арайи — сомнительный пример... Нет, Вильяра с Лембой тоже никого не стыдились. Однако сейчас Лемба вышел и оставил гостя одного, за что Нимрин был кузнецу искренне благодарен. Ещё одна важная часть возвращалась на законное место: хотелось пережить, прочувствовать это без свидетелей... И восхитительный миг, когда в поясе нашлась не до конца разряженная «батарея»! Почти вся энергия сразу ухнула на регенерацию: мелкие ранки заживали хуже, чем хотелось бы, да и сугроб даром не прошёл. Но остатков хватило, чтобы Нимрин почувствовал себя магом. И не просто магом, он вспомнил: навом, гаркой! Образ родного мира и дома, где нав обитал с сородичами, был по-прежнему очень смутным. Но хотя бы уже не пустота.

Он пристегнул ножны к поясу и вышел к трём охотникам почти самим собой, почти довольный жизнью. Имя бы ещё вернуть... Тунья, спорившая с Лембой, осеклась на полуслове. Зуни присвистнул:

— Вот это чёрный оборотень! Во всей красе!

Нимрин улыбнулся и спросил:

— Почему чёрный, понятно. Но почему оборотень?

Зуни, не переставая его с интересом разглядывать, ответил:

— Есть такая сказка. Будто в особенно голодную зиму белые звери долго думали, как бы им половчее охотиться. Думали-думали, потом некоторые встали на задние лапы, а в передние взяли камни и палки. Так появились первые охотники. Потом они придумали слова, научились заклинать стихии и ходить во сне между мирами, нагладелись на других

двуногих и многое у них переняли. Не все белые звери смогли тогда перекинуться в двуногих. Некоторые остались дикой стаей и до сих пор ужасно злы на охотников, что те умнее и удачливее. Некоторые прибились к охотникам и помогают им за равную долю в добыче. Но иногда среди тех, других и третьих появляются перевёртыши. Охотника или домашнего зверя тянет в дикую стаю, дикие тайком пробираются в дома...

— Как Арайя, — тихо пояснила Тунья.

— Такие перевёртыши бывают сильными, умными и удачливыми. Только не имеют закона ни в голове, ни в сердце и обычаев не чтут. Если их много, то они сбиваются в незаконные стаи, опустошают дома и уголья. А когда совсем не дают никому житья, тогда приходит чёрный оборотень. Как все чёрные звери, он не любит белых. Подобно охотникам, не терпит беззакония. Он убивает других двуногих легко, красиво и страшно. Охотникам лучше не попадаться ему под горячую руку, но если правильно приветить чёрного оборотня, то лучшего воина не сыщешь... Вот слушал бы ты, Лемба, в детстве мои сказки, и не ходил бы у тебя чёрный оборотень в младших слугах, не грёб бы навоз.

— И не защитил бы дом, — спокойно возразил кузнец. — Помню я те сказки! Судьба у чёрного оборотня такая, оказываться в нужное время в нужном месте. Сами-то они ненавидят оборачиваться двуногими. Помогут против незаконной стаи и сразу же сбегают. В горы, на другую сторону звёзд, на изнанку сна, — Лемба вдруг подмигнул застывшему столбом Нимрину. — Гость, не бери себе в ум, это всего-навсего сказка. Но красиво совпало.

Нимрин хотел сказать, где он видал такие совпадения и такую красоту, но в языке охотников нужных эпитетов не нашёл, а ругаться на родном наречии нав ещё дома привык про себя. Сказал:

— Конечно, сказка. Я всегда был и буду двуногим. Но правда, я уйду домой, как только смогу.

Зуни смотрел хитро, Тунья — с опасливым любопытством.

Лемба же улыбнулся, по-дружески открыто:

— Гость Нимрин, пока ты в моём доме, я могу предложить тебе отдых или труд, по твоему выбору. Скажи, ты умеешь работать в кузнице?

Нимрин призадумался. Его тянуло запросить отдыха, покоя, забиться в самый тёмный угол, свернуться клубочком и вспоминать. Но здешняя темнота пуста и бессильна, в ней слишком мало истиной Тьмы, она не поможет. А неподвижность и холод навеют единственное воспоминание: как он коченеет в сугробе, ни жив, ни мёртв. Нет уж, лучше он поищет в окружающей действительности другие зацепки для памяти. Кузница... Скрипучий, язвительный голос: «Ну и уродство! Переделаешь с самого начала! Понятно, что мастером кузнецом тебе не стать. Но любой гарка, в самой убогой деревенской кузне, должен уметь сковать себе приличный нож.» Мастер... Как же его звали? Нет, имена пока упорно не вспоминаются... А ещё в кузнице должно быть тепло...

— Меня когда-то учили ковать, мастер Лемба. Вряд ли я хорошо умею, но тебе же не впервой наставлять подмастерьев?

Кузнец ухмыльнулся:

— Скажи ещё, прежний мастер выгнал тебя за двупалые руки.

— Или за однопалые? — почти беззвучно предположил Зуни.

— Я не помню, но с тех пор, вроде, все пальцы отросли, — Нимрин покрутил в воздухе обеими пятернями.

— Ладно, пополудничаем, потом проверим, что у тебя отросло. Горны уже должны

были разжечь.

Нимрин собрал ком меха, который зажал подмышкой и чуть не выронил, когда демонстрировал полный набор пальцев:

— Тунья, скажи, если я попрошу тебя передать Аю вот эту одежду, чтобы Аю перешла её на меня, вы с ней сочтёте это очень большим нахальством?

— Нет, это будет нашей общей благодарностью за твои дела. А с моей стороны — ещё и за племянника. Давай сюда, вечером зайдёшь примерить. Попробуем сделать, чтобы тебя хоть издали со спины можно было принять за охотника.

Почти весь день Вильяра просидела с Ирими. Унимала боль и жар, помогала ловить ускользящий рассудок. Ближе к вечеру Ирими полегчало, бред перешёл в глухой глубокий сон. Вильяра была не только посвящённа в мудрые, а ещё из потомственных знахарок. Потому имела основания надеяться, что наутро Ирими проснётся здоровой и в своём уме.

Жизнь сурова. Для охотника не такая уж редкость: быть растерзанным дикой стаей. Никто не желает такого конца, но со всяким может случиться. И не со всяким, а даже с самым дорогим и любимым. Лишь в сказках живые ложатся в снег рядом с умершими, уходят вместе по щуровым тропам, а иногда и возвращаются вместе... Хотя даже в сказках это обычно не к добру. В действительности охотники воют над потерями, тоскуют, оплакивают и отпускают. Так, после долгих уговоров и заклинательных песен, Ирими разжала сведённые судорогой пальцы и отдала, позволила унести мёртвую голову жениха.

Вильяра берегла Ирими и не расспрашивала её ни о чём, и не стала петь над уснувшей Песнь Познания. Мудрая прекрасно понимала, что так сильно потрясло молодую охотницу. Не смерть, не растерзанные останки — головы на колах. Зверь до такого не додумается, ему и не надо: утолил голод, побежал дальше. Только двуногие используют мертвечину для устрашения. К примеру, развешивают битых кричавок вокруг делянок сыти. Беззаконники не просто грабили и убивали, не просто добывали себе в пищу всё живое без разбору. Они явно и недвусмысленно запугивали остальных двуногих, открыто заявляли о своей силе. Мудрая клана Вилья размышляла о возможных источниках такой неслыханной дерзости. Мысли её упорно возвращались к ярмарке и живущему там мудрому.

Вольное поселение на берегу удобной бухты было пристанищем не только добропорядочных купцов и работающих на выезде мастеров, но и всякого сброда, никем не считанного и не управляемого. Никем — кроме, возможно, мудрого Латиры. Он зимовал в пещерах при ярмарке восьмью зиму, то есть дольше, чем нынешняя Вильяра живёт. Её предшественник был дружен с Латирой, позволил поселиться в угодьях клана Вилья. Латира уже тогда был очень стар, даже для мудрого. Он давным-давно пережил и маленький островной клан Лати, и родной остров, разрушенный извержением. Немногие уцелевшие Лати рассеялись и растворились в соседних кланах. На ярмарке судачили, будто силу свою Латира пережил вместе с кланом и угодьями, осталась малая толика на потешные забавы, гадания и мысленную речь. У Вильяры были основания не верить сплетням.

Знахаркина дочь живо вспомнила то несчастное лето и осень, когда с полубезумной матерью обреталась на ярмарке. Девочка-подросток была слишком мала, чтобы выходить за порог без взрослых — если бы у неё был дом. Но дом опустел, и не нашлось желающих селиться там после морового поветрия, убившего двести семьдесят пять его обитателей из двухсот семидесяти семи. Колдовского дара Уюни и её дочери хватило, чтобы им обоим выжить. Мужу, сыну, другим обитателям дома лучшая знахарка клана Вилья не смогла помочь ничем. Такой болезни на Голкья прежде не знали и лечить не умели. Самое странное и страшное, что Уюни заболела первой, и это произошло глубокой зимой, когда все охотники сидят по домам. Откуда взялась зараза, тлевшая десять-пятнадцать дней лёгким недомоганием, а потом за день убивавшая жаром и кровавым кашлем, мудрые так и не разобрались. Или не сказали об этом Вильяре, даже после посвящения.

Врезалось в память, как мать выволакивает тяжёлые тела за ворота и укладывает рядом

в снег. Как звери подходят, нюхают и опасливо отходят прочь. Как обжигает мороз, и солнце в небе меньше глазка белянки. Знахаркина дочь помогала по силам, выносила самых маленьких из детских покоев. Мать и дочь еле ходили после болезни, но зимовать в доме с мертвецами Уюни не захотела. Она пела заклятия, вымораживала в снегу шкуры и утварь, кипятила в котлах посуду, окуривала комнаты, залы и коридоры целебными травами даже после того, как они с дочерью остались вдвоём. Уюни под страхом смерти запретила тогдашнему Вильяре приближаться к дому. Самое удивительное, что мудрый послушал её и явился только поздней весной. После того, как звери выгрызли изо льда и похоронили мёртвых. После того, как знахарка с дочерью собрали кости, пережгли их и зарыли. После того, как сменилась луна, и не заболел никто из зверей, и к ним двоим зараза не вернулась. Только после этого старый Вильяра пришёл к дому и увёл их оттуда, под присмотр своего друга Латиры.

Латира был добр к ним, особенно к матери. Двое мудрых часами говорили с Уюни, пели вместе с ней и над нею целительные песни. Уюни тосковала и чудила, но знахарского мастерства не утратила, и к ней многие приходили лечиться. Только обращались, в основном, приезжие, да самый неприкаянный ярмарочный сброд, который живёт одним днём, не боится никого и ничего. Охотники из клана Вилья обходили Уюни стороной: история вымершего дома тянулась за знахаркой слишком дурной славой.

Уюни многому научила дочь за время зимовки, доучивала летом и осенью. Стайка детей и подростков, под водительством будущей Вильяры, собирала целебные травы по таким головокружительным кручам, куда взрослый охотник не полезет. Травы потом перебирали, сушили, часть обменивали на ярмарке на еду и на другие, заморские снадобья.

А Латира... Ярво вспомнился навес и толпа вокруг, любимая забава — состязание в силе колдовского дара. Вот Латира показывает фокусы и предлагает перебить его ворожбу. Ворчит на старость, на иссякшую силу: «Спешите попробовать, спешите увидеть, как обычный охотник возьмёт верх над одряхлевшим мудрым!» Местные и приезжие азартно включаются в состязание. Товарищи по сбору трав проталкивают будущую Вильяру вперёд, мол, покажи этим верзилам, мелкая! Знахаркина дочь чувствует, как сплетаются в противоборстве потоки силы... И ни один из них не исходит от Латиры! Она выкрикивает, аж у самой в ушах звенит: «Мудрый, ты же не ворожишь! А куда камушки пропадают!?» Латира хохочет, кланяется. Говорит, что на всю ярмарку нашлась одна умная. И медленно, с расстановкой показывает, куда и как прятал камушки: «Ловкость рук, и никакой ворожбы. Ум против ловкости рук, вот тебе, малая, и победа в колдовском состязании!» Латира улыбается, а глаза у него грустные-грустные, как всегда. Он подзывает её ближе и вручает большой кусок мяса, запечённый в листьях. Гладит по голове, шепчет на ухо: «С друзьями поделишься, или маме отнесёшь?» Она отвечает: «Пополам». И тут же получает второй кусок мяса. А Латира ловит чей-то жадный взгляд из толпы и рычит: «Кто попробует отобрать еду у малой, того прокляну». «Да чем ты проклянёшь-то? У тебя силы даже на камушки не хватает!» Латира, грозно хмурясь, показывает, на что у него хватает силы, и вздымается вихрь, и встаёт у толпы шерсть дыбом...

В конце осени Латира уговорил отца Лембы взять в дом знахарку с дочерью. Вот так: не хранитель клана велел, а пришлый мудрый уговорил. Уюни сразу отправила дочь с обозом в дом кузнеца. Сама задержалась при тяжело больном. Сказала, что приедет дней через десять. Сгинула где-то по дороге от ярмарки до дома... Снова этот гиблый кусок тракта!.. Тогда судачили, что тронутая умом знахарка решила по дороге завернуть в свой прежний

дом, и где-то там попала под камнепад, под лавину или на зуб зверям. Тела не нашли, да в угодьях вымершего дома никто и не искал. Будущая Вильяра осиротела окончательно. Но в доме кузнеца к ней были добры, очень добры.

Особенно благоволил к ней сын кузнеца, Лемба. Он — к ней, она — к нему. Вместе подростки сбежали из дому в снега, добыли своих первых зверей и стали взрослыми охотниками. А весной, когда зелёный росток пронзит лёд, они собирались пожениться.

Не погибни прежний Вильяра той весной, разбивая ледовый затор на реке... Латира тогда заменил друга, помог клану Вилья почти без потерь пережить паводок и полумёртвым уполз в свою пещерку при ярмарке. А мудрые вскоре собрали одарённую молодёжь, чтобы выбрать нового Вильяру. Единственный раз в жизни, когда знахаркина дочь была не рада своему колдовскому дару: когда мудрые признали лучшими их с Лембой, и стало ясно, что так или иначе, а свадьбе не бывать. Кузнец не отдал единственного сына и помощника, клан поддержал главу дома. А сироту из захудалого знахарского рода, живущую в чужом доме, отстаивать было некому. Судьба её была решена, и не сказать даже, что сейчас Вильяре не по сердцу тот выбор мудрых.

А Латира наотрез отказался быть её наставником и как-либо ещё участвовать в делах Вилья. Наритьяра, которого совет назначил временным хранителем угодий клана и наставником молодой Вильяры, с ним не ладил. Вильяра два с половиной года после посвящения тоже обходила ярмарку стороной. Пора ей вернуться, задать вопросы! Нет, не хочется ей плохо думать на того, кто гладил по голове, подкармливал и заботился. Не верится, что это он сегодня столкнул её в ледяной лабиринт. Но старый прошмыга не может не знать, что творится у него под носом, и хочет или не хочет, а ответит хранительнице угодий! Вильяра обязательно расспросит Латиру, но после того, как завершит свои дела в доме кузнеца. Иrimi и трое тяжело раненых охотников пока нуждались в заботах мудрой. К тому же, Вильяра хотела пообщаться наедине с кузнецом и обещала разговор чужому воину.

Сидя над спящей Иrimi, мудрая второй раз за день послала зов её матери, Зейри. Вкратце пересказала новости с совета в доме Лембы. Сообщила, что Иrimi здесь, а её жених убит беззаконниками. Узнала, почему Иrimi догоняла обоз налегке: та заезжала домой и договорила с матерью, что будет зимовать с Дюраном в доме Лембы. Обещал ли Дюран дождаться Иrimi на ярмарке, и почему он уехал оттуда раньше намеченного срока, Зейри не знала.

Мудрая подумала, не послать ли зов Наритьяре и не обсудить ли последние новости с ним? Но голова так разболелась от мысленной речи, что Вильяра решила отложить. К тому же, она ощущала нечто вроде обиды на наставника: мог бы и прийти, когда ученицу чуть не поймали в смертельную ловушку. Но мало ли, чем он сейчас занят. Вот и пусть его...

Убедившись, что Иrimi спокойно спит, поворожив над ранеными и обсудив лечение с двумя знахарями дома Лембы, Вильяра отправилась разыскивать кузнеца. Вернее, ноги сами понесли её в кузницу, где Лемба и нашёлся. Кого мудрая не ожидала там увидеть, так это чужака, сноровисто выбивающего шлак из крицы. Тяжеленный пестовой молот так и мелькал вверх-вниз, искры гасли на странной чёрной шкуре, которую Лемба чужаку вернул, даже не посоветовавшись с Вильярой. Хотя если уж мастер допустил гостя в кузницу и доверил работу подмастерья, то ничего удивительного! Высшей степени доверия у Лембы, пожалуй, что и не было.

Нимрин отставил колотушку, подцепил остывшую заготовку клещами и отправил в горн. Выдвинул заслонку, добавляя тяги и жара. Оглянулся на мудрую, сверкнул улыбкой.

Вильяра отметила, насколько живее стали его глаза, увереннее и свободнее — движения. Колдунья видела, что чужак ещё далеко не в порядке, и заметно устал, но приходит в себя с поразительной быстротой. Хорошо это или плохо? Хорошо. Она уже знала, кого возьмёт с собой на ярмарку. Воин — именно тот, кто может ей там пригодиться. И хорошо бы понять, насколько велик его колдовской дар. В любом случае, он не будет лишним против незаконного колдуна, посмевшегося напасть на мудрую.

В большой мастерской дома Лембы горели сейчас все горны. Кроме Нимрина, крицу отбивали ещё двое подмастерьев. Сам Лемба с наиболее опытным подручным ковали из заготовок прямоугольные листы с отверстиями по краям. Даже любопытно, как мастер будет собирать из них ворота.

Старый Зуни рассказывал, как доски для прежних ворот напилили из огромных древесных стволов, однажды принесённых морем. В угодьях Вилья ничего подобного не росло. Здешний стланик давал хорошие, жаркие дрова, прекрасно пережигался на уголь, из него делали мелкую утварь с красивым рисунком свилеватых, перекрученных слоёв, но не более. Капризное море разок побаловало неожиданным подарком, и всё. Впрочем, у железных ворот будет одно важное преимущество: на них проще наложить защитные чары от «ледяного тарана» и других известных Вильяре разрушительных заклятий.

Лемба завершил намеченную на день работу и жадно присосался к кувшину с водой, который ему заботливо подала мудрая. Напившись, передал кувшин подручному. Стянул с головы защитный шлем, взъерошил влажный, сбившийся мех. Вильяра протянула гребень — кузнец привычно отмахнулся. Колдунья тут же принялась расчёсывать его сама. Лемба заворчал, но присел, чтобы ей было удобнее. Старая, любимая игра! С тех давних пор, когда Вильяра ещё не была Вильярой, когда они звали друг друга женихом и невестой. Две зимы и три лета минуло, а нет-нет, и кольнёт сожаление, прыгнет на язык мёртвое имя, и так трудно не произнести его вслух...

Костяной гребень врезается в подшерсток, ощутимо дерёт. Лемба морщится, но вместе со свалывшимися клоками уходит боль потерь и тревога о будущем, и даже накопившаяся усталость меньше давит. Он блаженствует под любимыми руками, а всё остальное не важно...

— Лемба, скажи, кто-нибудь просил тебя за Арайю, чтобы ты взял его в дом?

Р-р-р! Нашла время напомнить! Будто снежком за ворот!

— Никто за него не просил. Сам напросился.

— А тебя это не удивило? Не насторожило?

Лемба фыркнул с досадой:

— Нет, — и спокойнее пояснил. — Арайя не показался мне любителем окольных путей. Как это выглядело со стороны? Торговал охотник со товарищи на дальней ярмарке. Получил от кого-то известие, что потерял дом и всех домашних. Кое-как пережил весть, что возвращаться ему некуда. Наскоро разузнал, кто здесь может принять пятерых на зимовку, подошёл, поговорил. Я сам был свидетелем, как двое наших ему отказали. Мол, не обессудь, зима длинная, а мы вас знать не знаем. Мне понравилось, с каким достоинством он принимал отказы, и с каким упорством искал дальше. Думаю, я бы сам на его месте договаривался примерно так же.

— И ты не спросил бы совета и помощи мудрого?

— Я обязательно послал бы тебе зов и посоветовался. И он мог... Или ты сейчас про ярмарочного мудрого, про Латиру?

— Про него. Я давно его не видела, как он?

— Сидит в шатре, гадает. За малую мзду помогает всем, не владеющим мысленной речью. Тем и кормится, насколько я понял. Я видел его вблизи, когда он гадал мне на пропавших купцов. По-моему, он очень сильно сдал, даже по сравнению с началом осени. Представляешь, чтобы мудрый зажигал огонь кресалом?

— Он и раньше так делал. Представь, ему просто нравится!

— Возможно. Ты знала его лучше. Но у него ещё и руки дрожали! И вообще, он выглядел, будто слегка не в себе и вот-вот отправится к щурам. Сильно удивлюсь, если он переживёт эту зиму.

Вильяра помолчала. Гребень легко, приятно скользил по меху, длинные волоски потрескивали и искрили.

— Лемба, скажи, Арайя когда-нибудь называл тебе свой клан? Говорил, откуда он родом?

— Нет. Вот же я дурень! Даже не подумал спросить... Но судя по выговору, он откуда-то с юга. Арха Голкья, острова...

— А купец Вильгрин, которого называли на совете? Он из каких?

— Дай вспомнить... Он говорил, из Наритья. Если только не врал... Может, твой наставник его знает?

Вильяра дёрнула колтун, Лемба заворчал:

— Эй, поосторожнее!

Колдунья разобрала свалывшийся клок и задумчиво сказала:

— Спрошу. Может, знает, а может, нет. Наритья — огромный клан, раз в пять больше нашего. У них и мудрых трое.

Лемба удивлённо переспросил:

— Разве так бывает?

— Трое — только у них. Старший Наритьяра, мой наставник, десять лет назад начал терять силу и запросился на покой. Выбрал себе на смену Среднего Наритьяру, выучил, но через три года Средний покалечился и едва не помер. Пока Средний беседовал со щурами, Старший посвятил и выучил ещё одного, Младшего Наритьяру. В итоге, Младший сейчас хранит Наритья, а Старший и Средний иногда помогают ему, но в основном занимаются общими делами мудрых. Ну, или приглядывают за осиротевшими кланами, как у нас тогда.

Нимрин устал. Работа была не сложной, в самый раз для голема или машины. Чуть приспособился, выслушал пару замечаний от кузнеца и стал делать её споро и чётко, как привык делать любое дело. Но держаться наравне с двумя подмастерьями Лембы оказалось тяжело, к концу дня мышцы уже ощутимо сдавали. Это было непривычно и неприятно: выкладываться в полную силу и не оставлять соратников далеко позади. Хотя среди своих, в той кузнице, где его впервые учили, он был самым слабым. И среди воинов не выделялся силой... Нимрин отбил последнюю из заготовок, выданных Лембой на день, и вздохнул с облегчением. Вули, стучавший колотушкой рядом, тут же крикнул:

— Нимрин, возьми ещё одну, на завтра будет меньше работы.

— А когда заканчиваем?

Второй подмастерье, Вурран, без особой радости откликнулся:

— После мастера.

Устали все, включая Лембу и его главного молотобойца Грисму. Но некоторые технологические процессы не прерывают на середине, а после мастера, значит, после мастера.

На сверхплановой крице в кузницу заявила Вильяра. От её улыбки разом прибавилось сил, и вроде бы даже молот полегчал. Колдунья присела в уголке и стала смотреть на работающих, но под оглушительный грохот металла и гул тяги в горнах очень скоро начала клевать носом. Вымоталась она явно не меньше кузнецов! Исподволь наблюдая, как мудрая разлепляет слипающиеся глаза, Нимрин рисовал в уме всякие соблазнительные картинки с её участием. Самая желанная — зарыться вместе в шкуры, обнять и уснуть рядом, крепко и без сновидений.

Он закончил работу вскоре после Лембы, убрал инструмент, напился в свой черёд из большого кувшина. Грисма сразу ушёл, Вули и Вурран ещё ковали, а мастер только не мурчал под гребешком Вильяры. Аж завидно! Расслышав имя Арайи и заметив, как подобрался Лемба, Нимрин подошёл ближе и стал слушать внимательно. Для себя добавил пару любопытных штрихов в картину взаимодействия мудрых и кланов... Надо будет хорошенько расспросить кого-нибудь об устройстве здешнего общества... И карты местности посмотреть, раз охотники дозрели до идеи их начертания, судя по слову в языке и смутным образам дарёной памяти...

Нимрин дождался паузы в разговоре и спросил:

— Мудрая Вильяра, мастер, скажите, а кто-нибудь осматривал вещи и тела беззаконников, которых я убил? Может, там найдутся приметы, откуда они?

Кузнец устало махнул рукой:

— Старый Зуни их осматривал, спроси его потом.

Вильяра сняла с гребня пух, скатала и швырнула в огонь.

— Лемба, завтра утром я собираю малый совет, и мы ещё раз обсуждаем, кто что знает. У меня очень нехорошие подозрения и предчувствия.

— М-м-м? — насторожился Лемба.

— Не хочу возводить напраслину, но...

— Но?

Колдунья молчала, хмурилась, то ли что-то обдумывая, то ли собираясь с духом. Наконец, сказала:

— Кроме меня, угодя Вильяра знают ещё двое мудрых. Мы с тобой их обоих только что называли по именам. Кому-то из них легче всего оказаться тем незаконным колдуном.

Лемба присвистнул:

— Ты всерьёз подозреваешь?

— Я размышляю, что оба могли, и у обоих могли найтись причины... Нет, это ещё ничего не значит! Но если со мной вдруг что-то случится, ты передашь это Совету мудрых. Пошлешь зов хранителю знаний Нельмаре, а потом всем мудрым, кого ты когда-либо видел. Сможешь?

— Я их запомнил по тому сборищу, когда тебя назначили Вильярой. Видел, помню, значит, и зов послать смогу, — судя по свирепой гримасе и налившимся кровью глазам, до кузнеца, наконец-то, дошла и самая суть просьбы. — Что с тобой может случиться в моём доме?

Колдунья сверкнула зрачками, оскалилась:

— Я не собираюсь сидеть здесь вечно, это, во-первых. А во-вторых, меня сегодня чуть не убили в Зачарованных Камнях. Я не уверена даже, что моё тело бы нашли.

Лемба подскочил с места:

— И ты молчала?!

Вильяра отступила на шаг, не давая сгрести себя за плечи, свирепо рыкнула:

— Я — мудрая, и я не впутываю охотников в дела мудрых! Но мой преемник, будущий Вильяра, — она ткнула кузнеца пальцем в грудь. — Обязан знать.

— Кто-о-о? — теперь уже кузнец отшатнулся назад и побледнел.

— Ты! При трёх свидетелях... Нимрин, Вули, Вурран, вы меня хорошо слышите? При трёх свидетелях я объявляю мастера Лембу следующим хранителем клана Вилья, на случай моей смерти, безнадёжного увечья или неизвестного отсутствия дольше одной луны. Я, мудрая Вильяра, сказала!

— А как же дом? Моя кузница? — теперь раскатистый бас Лембы звучал почти жалобно.

Вильяра ободряюще пихнула его кулаком:

— Зуни и Тунья удержат дом, Грисма — кузницу, а ты — клан. Но это на самый дурной расклад. Пусть сначала попробуют меня убить!

Кузнец выдохнул с явным облегчением, Вильяра рассмеялась:

— Лемба-Лемба-Лемба! Я тоже не хочу скармливать твоё имя стихиям. Я не Наритьяра, чтобы плодить нашему клану запасных мудрых.

Нимрин слушал диалог с интересом, а закончившие работу Вули и Вурран — с опаской. Лемба жестом отослал подмастерьев вон. Нимрин, на правах уважаемого гостя, не страдающего деликатностью, остался. Спросил:

— Мудрая Вильяра, скажи, а как именно тебя чуть не убили? Думаю, твоему преемнику будет полезно узнать, да и мне любопытно.

Вильяра рассказала, объяснив по ходу, что такое Зачарованные Камни, и как общаются между собою мудрые...

Сон — ловушка! Воспоминание: смутное, но невыразимо жуткое и мерзкое. Нимрина продрало морозом по хребту так, что даже Лемба рядом с ним сочувственно поёжился.

— Мудрая! — ещё и голос его подвёл. — Кажется, мои неприятности тоже начались со снов, которые не сны. Может, у нас один враг? Общий?

Колдунья молчала долго. Разглядывала Нимрина неприятно пристально. Щурилась, хмурилась, пламя угасающих горнов мерцало в серебристых глазах тревожными искрами. Потом она передёрнула плечами, скривила губы:

— Всё может быть. Давай, поймаем его и спросим? Только сначала spoём себе колыбельную от дурных снов и хорошенько отдохнём. В полночь, Нимрин, я отведу тебя к Зачарованным Камням. Хочь знать, подходит ли тебе их сила. Ты, Лемба, прикроешь нас.

Некоторые мечты сбываются: после ужина Нимрин уснул в тёплых шкурах, обняв Вильяру и уткнувшись носом в её пушистый затылок. По другую сторону колдуньи похрапывал умаявшийся кузнец.

Все трое спали спокойно, сладко и крепко, до полуночи было ещё далеко. Сердца стучали ровно, ничьё дыхание не сбилось, никто не шевельнулся — лишь на мгновение странным холодком повеяло от горячего тела рядом. Нав распахнул зрячие в темноте глаза и увидел, как ухо Вильяры становится прозрачно-призрачным. Не долго думая, он хватанул зубами за это ухо.

Вкус чужой крови во рту — и сразу локтём в рёбра, больно. Вильяра подскочила, сбросила шкуру-одеяло. Светлячковый ночник облил её зеленоватым, неживым светом, зато видно: она больше не просвечивает! Нимрин лежал, смотрел и тихо радовался. Всё обошлось, и даже, вероятно, рёбра уцелели. Кузнец проворчал сквозь сон:

— Эй, вы чего?

— Да этот... — Вильяра поискала достаточно сильное выражение, не нашла, фыркнула, — Кусается! — потрогала ухо, увидела кровь на пальцах. — Нимрин, ты спятил?

— Нет, мудрая, я очень вовремя проснулся. Насколько я помню, в твои планы не входило исчезнуть отсюда и появиться в каком-нибудь другом месте? Ты начала пропадать, растворяться в воздухе. Я схватил тебя, чем смог, и за что успел.

Вильяра пару раз зажмурила и распахнула глаза, тряхнула головой. Брызги крови с прокушенного уха веером разлетелись по комнате, но колдунья даже не заметила. На заспанное, помятое лицо легла тень мрачного раздумья.

— Так! Лавину в глотку той погани, и паводок в кишки! Значит, простая колыбельная не помогает... Нимрин, а сам-то ты, что, не спал?

— Я сплю очень чутко. Почуял что-то не то, проснулся.

Колдунья покачала головой, вскочила, нервно прошлась по комнате туда-сюда. Вполголоса провыла какую-то песню со сложным, рваным ритмом. Присела возле Нимрина, который, морщась, ощупывал бок. Положила горячую ладонь поверх его руки.

— Нимрин, похоже, ты спас мне жизнь. А я наградила тебя совсем не тем, чем надо бы. Дай, посмотрю.

Он убрал руку, позволяя колдунье вдоволь налюбоваться на быстро темнеющий синяк. Одно ребро треснуло, но ничего такого, что у нава не пройдёт за пару часов покоя. Вильяра осторожно поводила пальцами над повреждённым местом:

— Как же на тебе всё быстро заживает! Я могу песней утолить боль и ускорить исцеление, но твоё тело очень странное. Дай, сейчас я просто посмотрю? Чтобы потом, если будет настоящая нужда, я помогла тебе, а не навредила.

Нимрин поймал руку Вильяры, поднёс к губам, поцеловал в ладошку:

— Смотри. Наблюдай. Мне сейчас достаточно полежать спокойно, и всё пройдёт. А если хочешь поблагодарить за спасение жизни и извиниться за удар, то я напому: ты мне кое-что обещала.

Колдунья, не отнимая руки, лукаво улыбнулась:

— Да, воин из чужого мира, я обещала тебе беседу наедине. Лемба спит, он не считается. А я предлагаю тебе договор. Ты помогаешь нам против беззаконников с их

колдуном, а я после победы помогаю тебе против твоего врага и помогаю отыскать дорогу домой.

— А тебе не кажется, что враг у нас один и тот же? — уточнил Нимрин.

— Я размышляла, не явился ли твой враг в этот дом следом за тобой? Но нет. Арайя втёрся в доверие к Лембе, и купцы пропали задолго до твоего появления. След силы, который я видела на тебе, совсем не похож на наш или на твой собственный. Кто угодно, из любого мира, может охотиться на изнанке сна. Тебе виднее, кто это.

— Если бы! Ты хотя бы разглядела этот поганый след!

— Да, я его запомнила и узнаю, если встречу снова. Моего врага опознать сложнее, или мне очень не хочется его опознавать... Полежи сейчас тихонько, а потом я кое-что тебе подарю ...

Нимрин прикрыл глаза. Расслабился, чувствуя, как скользят, едва касаясь кожи, лёгкие, тёплые пальцы, как медленно растворяется боль в горячей пульсации крови. Знакомые ощущения, сладостные и тревожащие, за ними — натуго скрученный клубок событий и страстей, из которого не зацепить пока ни единой ниточки... Вильяра грустно, раздумчиво спросила:

— Нимрин, вот если бы тебе показалось, что тебя пытается убить твой благодетель или твой наставник? Ты бы поверил?

Дыхание перехватило, он вспомнил. Такое вспомнил, чего предпочёл бы не... Одни ощущения, без лиц и имён. Заставил себя разжать судорожно стиснутые кулаки, челюсти и веки, с трудом вернулся в действительность:

— Однажды я поверил, что мой наставник меня убивает. Но это было... Это не пример ни для кого, — осёкся, подумал и добавил. — Нет, кое в чём, всё-таки пример. Он взял меня, доверчивого, голыми руками. Решил бы убить, я бы с тобой не разговаривал. Принимай угрозы всерьёз, мудрая! Даже если они похожи на шутку.

Широко раскрытые глаза Вильяры, тёмные от расширенных зрачков, влажно блестели. Она ни о чём не стала расспрашивать, углубилась в какие-то свои воспоминания и мысли. Подтянула колени к груди, обхватила руками. Нимрин едва узнавал самоуверенную колдунью, с которой познакомился полтора суток назад. Его подбитый бок быстро заживал, можно не беречь. Можно обнять эту растерянную, напуганную женщину, привлечь к себе, закутаться вместе в шкуры. Так теплее, и не страшно!

— А что ты хотела подарить мне, мудрая?

— Твоё настоящее имя, — она прижалась плотнее, зашептала на ухо. — Ты — Ромига. Но побудь пока для всех Нимрином, мало ли, кто и как тебя ищет.

Ромига! Три кратких слога мгновенно отозвались теплом в груди. Он узнал своё имя! Он ждал, надеялся, что имя сразу отворит путь воспоминаниям. Но нет, увы. Нав Ромига по-прежнему помнил о себе жалкие обрывки, причём вспоминалась, как назло, какая-то болезненная, стыдная, тоскливая муть. Он еле удержался от того, чтобы выплеснуть раздражение на Вильяру. Мрачно буркнул:

— Спасибо. Ты давно узнала?

— Недавно.

Голос колдуньи чуть дрогнул. Вероятно, честный ответ на вопрос: «Когда ты узнала?» звучал бы: «Вчера утром». Но так, как он спросил, с ответом не поспоришь: недавно. И раз уж Лембе Ромига не высказал претензий за припрятанное оружие, то и Вильяру переспрашивать и цепляться к ней не стал. А она, тепло подышав ему в шею, пощекотав

ресницами, отстранилась. Заглянула в лицо, зрачки полыхнули двумя болотным огнями.

— Ты подумал? Ты принимаешь наш договор, Ромига?

Он кивнул. Они сели друг против друга на пятки, сложили ладони к ладоням. Слушая и произнося местные канонические формулы, Ромига не искал в них лазейки, а дивился количеству преогромнейших дыр. Так было где-то на родине: забор — две слепи. Никаких «жизнь будет залогом», или «сдохну, но сделаю». Охотники не клялись, они заключали эдакие договоры о намерениях. Вероятно, в мире, где властвуют природные стихии, а жизнь двуногих теплится на грани выживания, иначе нельзя. И Ромига с лёгкостью пообещал посильную помощь за посильную ответную услугу. А открутить башку Арайе ему хотелось просто так. Самому.

Серая луна на третью ночь после полнолуния заметно подтаяла с правого боку, но светила ярко, хоть считай лучи у снежинок. А снежинки в начале зимы, как на подбор: большие, пушистые, взблескивающие радугой. Вильяра не стала ими любоваться, зачерпнула в горсти побольше снега, наскоро умыла лицо. Рядом зевнул и проделал то же самое Лемба. Охотники сторожко озирались и принюхивались, слушали тишину, памятуя о длинных стрелах и злополучном дозорном. А Нимрин-Ромига замер с запрокинутой головой, считая звёзды. Вне дома, между небом и снегом, он вдруг показался Вильяре тонким и ломким бесплотным силуэтом, прорезной дырой во тьму. Лицо и руки смутно белели, а из глаз смотрела та же вековечная тьма. Чужой, слишком чужой! Примут ли такого Зачарованные Камни? Не проверишь, не узнаешь.

— Идём! Кажется, нет никого, — тихо сказал кузнец.

Долгий путь по коридорам и лестницам внутри скалы — Ромига старательно запоминал повороты. Маленькая калитка где-то высоко на горе. Снежное, льдистое, мерцающее бледными искрами пространство. Огромная, ноздреватая луна оттенка свинца. Звёзды, много звёзд, но ни одной знакомой, ни знаменитых чёрных дыр в созвездии Дельфина. Совсем чужое небо над чужой землёй-голкья. Голкья: так называют охотники свой мир, обитаемые материки и то, по чему ходят. Голкья — не мягкая почва. Голкья — холодный камень. Переменчивый мех на шкуре мира — снег или зелень, камень — его неизменная плоть.

На склоне горы снега намело не много, и скальный грунт звенел под ногами. Мир держал чужака на ладони, будто забавное насекомое. Сдуть? Прихлопнуть? Разрешить ползти по своим делам? Комбинезон надёжно защищал от холода, голова и руки тоже пока не мёрзли, но сердце разом заледенело, и зябкая дрожь поселилась в крови. Не тот испуг, от которого слабеют или звереют. Трепет перед заведомо превосходящей силой — и решимость устоять пред её лицом, что бы ни случилось. Мир смотрел: тусклым зрачком луны, мириадами звёзд и снежными искрами. Мир молчал, просто был, и всё. Был сам, и чужаку позволил здесь быть.

На тракте Ромиге слишком погано себя чувствовал, чтобы слушать мир. Копошась в пещерах, ощущал многое, но однобоко, не полно. Когда караулил выбитые ворота и выглядывал наружу, был слишком занят. И вот, наконец, познакомились: честь по чести, лицом к лицу. Ромига осторожно коснулся ладонью выступа скалы. По контрасту с

обжигающим холодом голкья, вспомнил вдруг тёплую сосновую кору и золотоволосую женщину с ярко-зелёными глазами. Как Белая Дама Милонегга звонко хохочет и выговаривает ему: «Что за безобразие? Куда мы катимся? Нав обнаглел до того, что пытается приручить мой лес!» Он смеётся в ответ: «Скажи ещё, что у меня получается!» Женщина легонько толкает сосну, и сверху обрушивается град шишек, молотит нава по голове и плечам, а щит ему выставить лень... В Белую Даму, естественно, не попадает ни одна шишка, кроме той, которую он лично запихнул ей за шиворот... Ромига улыбнулся воспоминанию, украдкой погладил чуть согревшийся под рукой камень и двинулся следом за охотниками.

Вильяра пристально, ревниво наблюдала за чужаком, как он пытается договориться со стихиями. Примерно так вёл бы себя мудрый в незнакомых угольях. Интересно, откуда это у воина? Хотя, одарённого могли научить. А если странствовал по разным мирам, мог выучиться сам. Не слишком-то у него и получается...

Зачарованный Камень вырос на пути, как всегда, внезапно. Мудрая жестом остановила спутников и пошла вперёд одна. Напевая приветственную песнь, обошла кругом. Властно припечатала ладони к знакам на граните, видимым только ей. Велела отвориться. И встали вместо одного валуна — два менгира, воротами. Вильяра отошла с середины створа к правому менгиру, так же властно возложила на него руку и велела чужаку:

— Ромига, иди. Ты сам почувствуешь, когда дойдёшь до середины. Ляг в снег и прими силу.

Он тронулся с места осторожно, будто по тонкому льду. И снова это ощущение: не живого существа, двуногого, разумного, а чёрной расселины в лунной и звёздной ночи. Вильяра видела, как эта живая дыра шагает вперёд, приближаясь к воротам, как вступает в пространство между менгирами, шагает, шагает, шагает — и стоит на месте.

Колдунья хлопнула ладонью по камню, пропела особое приглашение, но ничего не изменилось. Чужак упорно шёл сквозь ворота, не двигаясь вперёд ни на пядь. Вильяра окликнула его по имени, он не слышал. Ей рассказывали, что некоторые Камни так шутят, а иногда и похуже. Один из мудрых целую луну брёл к середине знакомого круга, после чего, совершенно пустой, обнаружил себя на вулкане — да, именно в двадцати днях пути — и еле выбрался из переплетения лавовых рек. С Вильярой или в её присутствии ни разу не случилось ничего подобного, она не ждала подвоха от любимых, надёжных Камней. Но она — мудрая, потому отвечает за свои уголья и за всё, что в них творится! Она рванула наперерез, схватила чужака за руку, потащила за собой... Её учили, что, шагнув в круг, идти можно только вперёд, к его середине. Но в мерцающем ледяном тумане мгновенно исчезли все видимые направления и ориентиры. Чужак и колдунья шли, потом бежали, потом опять шли, брели, тяжело дыша, проваливаясь в снег, опираясь друг на друга. Обессилев, Вильяра прохрипела:

— Ромига, прости, что я затащила тебя сюда! Не должно было так быть!

Он остановился, сгрёб её в охапку, прижал к себе:

— Ловушка врага?

— Я не знаю. Надеюсь, Камни просто шутят.

— Ш-ш-шуточки!

Он крутил головой, осматривался, не выпуская её из объятий. И колдунья вцепилась в

него покрепче. Чувствовала, стоит на миг разомкнуть руки, и они потеряют друг друга. Слышала, как под чёрной шкурой колотится сердце. Чужак больше не походил на бесплотного. Он местами заиндевел, местами взмок, запыхался, был растерян и зол, но не впадал ни в панику, ни в ярость, за что Вильяра была ему горячо благодарна. Если Камни шутят, главное сохранять здравый рассудок, и они, наигравшись, отпустят. Если же это ловушка врага...

— Смотри, мудрая! Мне кажется, или немного развиднелось?

Туман, определёно, редел, менял оттенки с серых лунных на синеватые и фиолетовые, как бывает перед рассветом. Едва уловимое движение воздуха, и над головой прорезались звёзды. Миг, и небо отделилось от земли. Ещё миг, из тумана стали выступать знакомые силуэты, и Вильяра медленно, нараспев назвала по именам все тридцать Зачарованных Камней дома Лембы. Чужак повторил за ней, диковато озираясь. Потом вдруг ухмыльнулся, зрачки сверкнули жёлтыми искрами:

— Говоришь, просто иди до середины, ляг в снег и прими силу?

Она кивнула... И оказалась в снегу, а он — сверху. Навалился, крепко ухватил за запястья, запечатал рот поцелуем... Она могла бы воспротивиться, очень даже могла, но не подумала. Ни Лемба, ни наставник не умели так сладко целоваться и не любили делать этого на морозе. Любопытно, насколько далеко он зайдёт?

Ромига сам не ожидал, что после марш-броска в тумане его так потянет на горячее. Накрыло, как после магического боя, и колдунья рядом! Он целовал её, она — его, тискали друг друга сквозь одежду, кувыркались в снегу. Потом Ромига поставил Вильяру на четвереньки, стянул с неё штаны до колен, распустил застёжку комбинезона и с огромным удовольствием колдунью поимел. Сжал до хруста в рёбрах крутые атласные бока, насадил её на себя, вбил до упора, и снова, снова, раз за разом... Вильяра по-кошачьигнула спину, взвизгивала и рычала, косилась через плечо, сладострастно облизывая губы. Серебристые глаза полыхали всё ярче, всё безумнее, а ему уже не хватало дыхания. Ещё! Ещё! Ещё! Пусть финал никогда не настанет... Нет больше сил... Ууу!

Не расцепляясь, они завалились на бок в снег и некоторое время лежали, почти без чувств и совсем без мыслей. Потом — ленивая мысль, что ему-то тепло в женщине, а женщине, наверное, холодно без штанов. И одновременно Вильяра завозилась, соскользнула с него, привстала, как-то удивительно быстро и ловко приводя в порядок и себя, и растрёпанную одежду. Потом села, скрестив ноги — локтями в снег, кулаками под подбородок — и уставилась на него сияющими глазами. Белая и пушистая, довольная, как...

— Ромига, я всё сделаю, чтобы ты стал целым! Чтоб тебе было так же хорошо, как мне сейчас! Пойдём отсюда. Эти Камни видали разное, и впредь не откажутся. Но они не любят, когда гости задерживаются слишком долго.

Он тоже обтёрся и умылся снегом, застегнул комбинезон. Над головой полыхала на полнеба заря, улыбалась рядом счастливая женщина. Он встал, взял её за руку и пошёл, не смотря по сторонам и не оглядываясь, стараясь не замечать, как безо всякого тумана тают, исчезают, растворяются в кристально прозрачном воздухе силуэты Зачарованных Камней. Сказал тихо:

— Мне и сейчас хорошо, мудрая.

Правда, ему было тепло, несмотря на мороз вокруг, и почти не пусто. Хотя главной цели

они не достигли. Чужой Источник не захотел делиться с чужаком магической энергией. Поморочил, покуражился — а мог бы спалить дотла! — и выдал крохи. То ли были они, то ли померещились... Кажется, всё-таки были, и на том спасибо.

— Ты лжёшь. Зачем?

— Мне хорошо, Вильяра. Голкья дарит мне достаточно силы для жизни и здоровья. Для мелких фокусов раз в луну — может быть. Не для воинского колдовства моего Великого Дома, увы. Но вооружённой рукой я тоже могу немало, и даже вовсе безоружной.

Они миновали каменные ворота, и два менгира сомкнулись в несокрушимый монолит. Вильяра велела Ромиге подержать руки на Камне и спела заклятие-замок. Только после этого поймала взгляд чужака и веско сказала:

— Ромига, не отчаивайся! Зачарованные Камни своенравны. Они даже мудрым не всегда дарят силу. Ты вошёл и вышел...

Он перебил чересчур ровным голосом:

— С тобой. Пустой.

— Это был твой первый раз. Неужели, ты не хочешь надеяться?

— Я не надеюсь и не отчаиваюсь. Я рассчитываю только на то, что при мне наверняка, — он протянул ей руки ладонями вверх, длинными, узкими, обманчиво хрупкими, но их железную хватку колдунья уже познала. — А всё остальное, — улыбка чуть тронула его губы. — Пусть, это будут приятные неожиданности.

Вильяра тепло улыбнулась в ответ, положила свои ладони поверх его.

— Когда Лемба притащил домой нечто не совсем живое, я подумала, что получится забавная игрушка, лекарство от зимней скуки. Как же я рада, что ошиблась, что очень сильно недооценила тебя тогда! Ты был тяжело ранен, но сберёг достаточно, чтобы выжить и жить. Теперь я хочу видеть тебя в единстве и полноте духа. Я сделаю для этого всё, что смогу. Я, Вильяра, сказала это в зачарованном кругу. Я повторяю это ещё раз в угодьях Вилья.

Он долго смотрел своими чёрными угольями, чуть склонив голову к плечу, потом сказал:

— Имей в виду, мудрая! Я, в единстве и полноте, захотел бы тебя сейчас за эти твои слова прибить. И за игру в начале нашего знакомства. И за сегодняшнее приключение с Камнями. Мне кажется, ты там серьёзно напортачила. От неумения, от самонадеянности, не знаю. В общем, я, вероятно, поубивал бы тебя немного, потом стал жалеть и утешать. А такой, как сейчас, я просто буду выполнять наш договор и ждать, когда весна придёт. И задавать вопросы, много-много вопросов о Голкья. Ты готова отвечать, мудрая?

— Да, я буду отвечать на твои вопросы, Нимрин. Ты помнишь, что при всех тебе лучше отзываться на это прозвище?

— Помню. Не беспокойся, я не впервые называюсь разными именами и прозвищами. Дома это было моё любимое развлечение. Так что зови меня Нимрином наедине и при всех, я не обижусь, а ты не запутаешься.

Зачарованные Камни почти не дали наву подходящей магической энергии. Но после визита к ним с Ромигой всё-таки произошло нечто полезное: воспоминания начали проявляться стремительно, будто картинки на фотобумаге. Сотни имён, лиц, событий его

отнюдь не короткой, богатой приключениями жизни! Кое-где зияли лакуны, но перерывы в биографии неизмеримо лучше, чем полное её отсутствие. Правда, обвал ярких воспоминаний напрочь задавил и без того примороженные чувства. Ромига разговаривал с Вильярой, но был не вполне здесь и сейчас... Они с колдуньей шли куда-то, хорошо бы в дом. Хорошо бы поесть и побыть в покое, ещё раз пересобрать себя заново... А вон Лемба навстречу бежит... Кстати, работа в кузнице тоже очень хорошо ставит мозги на место... Нет, сначала всё-таки еда!

Лемба выкрикнул скороговоркой, подбегая:

— Вильяра, куда вы пропали? Младший Наритьяра не смог дозваться тебя и перед рассветом прислал зов мне. Сказал, Старший Наритьяра бесследно исчез этой ночью, то ли погиб, то ушёл за пределы мира. Средний просто упорно молчит. Младший знает, что твой наставник что-то собирался разузнать для тебя, и что ты сейчас в моём доме. Он сказал, что боится ходить по изнанке сна, но будет ждать твоего зова.

Вильяра сердито фыркнула:

— Подождёт! — пояснила. — Мы с Нимрином голодны, как стая кричавок. Зачарованные Камни хорошо пошутили над нами, я думала уже, застрянем там навеки. Может, и Наритьяра так же застрял.

Кузнец сердито прищурился, глаза пылали, шерсть встала дыбом от возмущения:

— Я, твой назначенный преемник и второй по дару в угодьях Вилья. Я вопрошаю тебя, мудрая, зачем ты потащила Нимрина в круг? Камень даёт силу любому, кто просто прикасается к нему. Мало и медленно, зато безо всяких выкрутасов. Ты же просто хотела проверить, даст ли Камень что-то Нимрину?

— О, как ты заговорил, Лемба! Уже почувствовал себя на моём месте? — льду в голосе Вильяры мог позавидовать айсберг.

— Да мне снег в горне нужнее, чем твоё место! Я за тебя перепугался, сумасшедшая! — Лемба с размаху облапил колдунью, подхватил, закружил. — А ещё этот твой собрат по служению... Мне показалось, он от страха дрожит, как студень.

Вильяра на миг приникла к широкой груди Лембы, потом с некоторым трудом высвободилась из объятий.

— Вероятно, Младшему Наритьяре есть, чего бояться, и он это знает.

Одинокий путник тайком пробирался вдоль тракта. Он держался мористее основной колеи и всех её ответвлений, шёл в обход самых длинных мысов, по снежной целине, между торосами. Четыре белых зверя провожали его, и не было на них ошейников, знака подчинения двуногим, но звери вели себя как сторожевые. Путник был стар и ранен: лёгкая добыча. Но песнь, которую он пел, не умолкая, отвращала от него внимание врагов и хищников. Следы от лыж и от лап его зверей исчезали, стоило сделать следующий шаг, а саму ворожбу стихии забывали немногим позже. Старик держал путь к надёжному убежищу и был уверен, что доберётся туда, заляжет в берлогу, и его не найдут.

На траверзе Кривого мыса он свернул ближе к берегу. Обогнул Высокий мыс морем и вышел на колею, которая спускалась с перешейка на лёд и пересекала узкий, глубоко врезаемый в сушу залив, который называли Синим фиордом. Цель пути старика лежала в глубине этого залива — и туда же сворачивал с тракта широченный санный след, довольно свежий. Старик склонился над заиндевелой кучей шерстолапьяго помёта: большой обоз проехал здесь не более двух суток назад. Звери беспокоились: фыркали, принюхивались, рыли и лизали снег. Присмотревшись, старик заметил капельки крови, ровными строчками рассеянные по ходу саней. Кажется, с удалением от мыса капель становилось меньше. Он тяжело вздохнул, ссутулился, опёрся обеими руками на копьё. Постоял так, отдыхая и собираясь с мыслями, потом встряхнулся и пошёл к мысу.

Звери убежали вперёд, и где-то за береговым взгорком вспугнули стаю кричавок, не меньше дюжины. Самые умные крылатые, которые перезимуют, давно попрятались по пещерам и впали в спячку, а припоздавшие уже не находят питательных корешков и плодов, потому промышляют падалью. Откуда ей взяться на тракте, после недавно проехавшего обоза? Шерстолап околел? Только он достаточно велик, чтобы двуногие не увезти его с собой целиком.

Картина, открывшаяся старому колдуну за перегибом дороги, потрясла его, несмотря на долгую и очень непростую жизнь. Да, шерстолапы здесь тоже были, аж два остова. А с кольев, на которых обычно подвешивают над огнём котлы, скалились сильно погрызенные кричавками головы четырёх охотников. Ещё не совсем черепа, но узнать уже почти невозможно, если бы не приметный, с рыжиной, окрас меха на одной из голов. Старик подошёл ближе, вглядываясь в изуродованное лицо, окончательно убедился, что видит знакомого, и хрипло, горестно взвыл. Всё было не просто плохо, а гораздо хуже, чем он опасался. Настолько хуже, что некогда предаваться сожалениям о содеянном и не содеянном.

Он осмотрел традиционное место ночёвки обозов, превращённое в бойню. Опытный следопыт быстро разобрал, что здесь произошло. Кого убили, понятно сразу. Кто убил, и как именно, тоже не вызывало сомнений. Беззаконные убийцы напали на ничего не подозревающих попутчиков на ночлеге. Похоже, старик знал в лицо и по именам всех участников трагедии. Расслышал случайно, как заморский купец Вильгрин уговаривал Дюрана, подмастерье из дома Лембы, объединить обозы, и как торопил с отъездом. Позже колдун смотрел вслед уходящей веренице саней, дивился ледяной тяжести на сердце, не понимал, в чём причина, но погадать не мог, потому что сам уже прятался от убийц.

Не было смысла задерживаться здесь дольше, делать что-то с останками. Мёртвым уже всё равно. Живые, увидев, осознают опасность и встретят её во всеоружии. А старик не намерен был оставлять лишних следов на своём пути. Он позвал зверей, но те увлечённо глодали кости и делали вид, что не слышат. Подстёгивать их ворожкой старый колдун не стал. Догонят потом, или нет, ну и пусть. Одному даже лучше, когда нужна полнейшая скрытность. Он освободил зверей от остатков чар, снова запел песнь, заматающую все следы, и двинулся вглубь материка по едва заметной под снегом летней тропе.

Тропа петляла то по гребню, то по склону скалистого отрога, выдающегося в море Высоким мысом. И вела она почти к самому убежищу, наверняка уже занятому, но проверить и убедиться в этом старику хотелось. Конечно, потом он не доберётся без передышки до другого логова, но ещё одну холодную ночёвку кое-как выдержит.

Первые следы двуногих старик заметил скоро и сразу удвоил осторожность, а через некоторое время понял, что убежище не просто занято, а всерьёз обжито и густо населено. Полежал на краю обрыва, наблюдая хозяйственное копошение на открытом подворье справно, по многим приметам, дома. Прежде это и был дом: большой, богатый, до того, как неизвестная зараза выкосила его обитателей. Новых вселенцев не испугала слава мёртвого места, или кто-то из них знал про загадочную болезнь то же самое, что недавно выяснил старый колдун. Та зараза убила двуногих и сразу же умерла сама, жить здесь уже безопасно, не считая дурных снов. Но когда зима метёт в глаза, некоторые охотники способны пренебречь таким неудобством, как дурные сны. А уж беззаконники и живоеды... След обоза от тракта через залив был прекрасно виден: он заканчивался именно здесь. Да и сани ещё не до конца разгрузили.

Спускаться вниз, проникать в дом — старик устал и опасался быть пойманным. Жизнь была ему дорога, он хранил слишком много тайн. Не для беззаконников, если они сумеют что-то из него вытрясти. Не для щуров, если его просто убьют. Однако по всему выходило, что пора разделить груз тайн с теми, кому он сам решит довериться. Насколько он знал, последняя из вымершего дома, а ныне мудрая клана Вилья, могла для этого подойти. В горле комом — горечь потерь, оскорблённая гордость и запоздалые сожаления, глаза защипало. Старый колдун заставил себя сосредоточиться и послал зов, очень надеясь, что посвящение не слишком сильно изменило знакомую бойкую девчонку, и она его услышит... Надеялся зря, не услышала.

Лемба проводил в дом Вильяру и Нимрина, приказал накрыть для них стол. Пока Грисма заменял мастера в кузнице, глава дома желал скорее поделиться с мудрой всеми новостями. С тех пор, как Вильяра назвала Лембу своим преемником, под сердцем могучего охотника поселилась тревога, а в мыслях — разброд. Дела дома виделись теперь лишь частью общих дел клана, о которых Лемба знал постыдно мало: не любопытствовал, не задумывался. А ведь однажды он уже принял власть и ответственность, превыше разумения. Когда внезапно, безвременно погибли отец и дядя, и Лемба брал дом в свои руки...

— Лемба, расскажи, что ещё у нас плохого? — прозвучало неразборчиво, Вильяра старательно жевала.

— Почему сразу плохого? Очнулась Ирими. Зуни и Му сменяли меня на страже у Камня, я поговорил с ней. Главное, Ирими выжила и сохранила рассудок! Думаю, рано или поздно с ней всё будет хорошо, — Лемба отчаянно жалел и кузена, и несостоявшуюся невестку.

Охотница нравилась ему самому, хотя он старательно сводил с ней холостого Дюрана и преуспел. Но теперь снова копошились мысли, не пригласить ли в дом третьей весной третью жену? К весне Иrimi непременно оправится...

Вильяра ответила:

— Я сделала всё, что могла, и надеюсь, этого хватит. Иrimi что-нибудь рассказала?

— Ну, как... Я побоялся её сильно расспрашивать. Она задержалась у матери, а когда доехала до ярмарки, Дюрана уже сорвал с места этот Вильгрин. Подруга Иrimi, Скимпья из дома Крури, хорошо слышала их разговор, я ей сам потом послал зов, переспросил. Кузен перед выездом рванул к Латире, чтобы тот передал мне весточку, а Вильгрин его остановил, мол, некогда искать коптящий светильник ярмарочной премудрости, его никто не видал с вечера. Сказал Дюрану с важным видом, мол, я знаю Лембу. Мол, сам ему сейчас сообщу, что выезжаем. И лицо сделал, будто тужится по нужде, а потом пересказал кузену якобы мои слова. Кстати, мудрый Латира действительно пропал с ярмарки. И Скимпья говорит, там сейчас беспокойно. Мудрого нету, зато народу, будто в разгар осени. Откуда-то набежали пришлые охотники, которые ещё до первого снега отбыли восвояси. Все с кучей оружия, будто собираются на большую облаву. И длинные луки Скимпья у кого-то видела, обратила внимание на диковину. Спросила откуда? Ответили, с Арха Голкья. Я на всякий случай предупредил всех соседей, что по угодьям клана шныряют десятки, если не сотня-другая хорошо вооружённого сброда. Может, не все пришлые — беззаконники, но мало ли... А, ещё, Иrimi рассказала, что кровавый след, по которому она не решилась идти, сворачивал к твоему бывшему дому, мудрая. Сама знаешь, это единственное пригодное для зимовки место в той стороне. Я велел разведчикам проверить и другие заброшенные норы. Где-то же вся эта погань живёт!

На словах о бывшем доме Вильяра чуть не поперхнулась куском мяса.

— Дом крепко-накрепко запечатали после морового поветрия!

— Колдун запечатал, колдун открыл. В моём доме до прапрадеда жил совсем другой род. За зиму они вымерли от вертячки, многие так и сгнили внутри. Два или три года дом стоял пустым, но уж больно место хорошее, чтобы запустеть. Дом твоего отца был не хуже.

— Одно дело, вертячка! Чтобы не заразиться, достаточно не есть рыбу, больных зверей и двуногих. Или хотя бы промораживать. Другое дело, зараза, которая разлетается по воздуху.

— После вас никто не заболел, а времени прошло много. Если бы у меня был выбор: зимовать в снегу или зимовать в доме, где то ли гнездится неведомая зараза, то ли нет, я выбрал бы дом. А если вспомнить Арайю, некоторые выбрали соседний дом, заведомо не заразный. Похоже, их набежало очень много, и это меня тревожит.

— А меня больше тревожит колдун. Оба мудрых, кого я подозревала, пропали, и непонятно, где их искать.

Нимрин, который неторопливо ел и помалкивал, вообще был задумчив и рассеян, встрепенулся:

— У меня на родине умеют найти любого. Нужна какая-нибудь частица тела: волосок, кровь, слюна, а также огонь и несложное заклятие. У вас так не делают?

Вильяра взглянула на чужака с интересом:

— У нас шлют зов или вопрошают стихии. Но если мудрый скрывается, то зов уйдёт в никуда, а стихии промолчат о нём. Не поймёшь даже, жив ли, мёртв ли? Нимрин, скажи, если у меня есть... Ну, например, клочок шерсти моего наставника, ты мог бы показать, как

ищут у вас?

Чужак отрицательно покачал головой:

— Я попытаюсь объяснить тебе, как это делается, но не хочу расходовать те крохи колдовской силы, что у меня остались. Давай, покажу на ком-нибудь вблизи, в пределах десятка шагов. Вот, хоть на мастере Лембе.

Лемба знал по мудрому Наритьяре: колдовская учёба — это долго, неприятно, и объяснения такие, что голову сломаешь. Спросил с досадой, почти с обидой:

— Воин Нимрин, в кузнице тебя сегодня не ждать?

Нимрин ухмыльнулся:

— Нет уж, мастер, чтоб не тратиться два раза, давай, я сразу научу вас обоих? А потом... Если ничего не случится, я пойду к тебе в кузницу.

Ромига всю жизнь, сколько смог вспомнить, обожал учиться и учить. По меркам Нави, он был молод и не достиг мастерства ни в одном деле, потому у сородичей пока только учился. А вот чужих... Кого и чему он только не обучал! Например, челов — их же собственной истории. Но ещё ни разу Ромига не пробовал учить магии в таких диких условиях: без возможности показать нормальную работу аркана, без общепринятой теоретической базы, на пальцах, буквально. В ином состоянии духа он бы отступил перед сложностью задачи, опасаясь осрамиться. Но нездоровое равнодушие и привычка ломить сквозь препятствия дали поистине взрывоопасную смесь.

Генетический поиск — простой аркан, в Тайном Городе его изучают одним из первых. Ромига начал объяснять и показывать, как объясняли и показывали ему, попутно уточняя местные магические термины, которые Вильяра напихала ему в голову в составе языка. Да, оказывается, колдунья щедро поделилась с пришельцем не только речью и кое-какими бытовыми навыками, но и приёмами сложения заклинательных песен. Ромига «вспоминал» целые блоки, правила их комбинации и готовые связки на разные случаи жизни. Будь у нава побольше магической энергии, он бы непременно опробовал и попытался адаптировать всю эту экзотику под себя. А пока самозванный учитель и двое учеников решали противоположную задачу, приспособливая Тайногородский аркан для охотников Голкья.

С учениками Ромиге, определённо, повезло! Без импровизаторских способностей и тонкой интуиции Вильяры, без вьедливости, дотошности и основательности Лембы у них вряд ли бы что-то получилось. Но полдня не прошло, а охотники уже уверенно находили друг друга и нава в пределах ближайших коридоров и комнат. Дальше — разница чисто количественная: чтобы вдвое увеличить радиус охвата, нужно закачать в аркан в восемь раз больше магической энергии.

Как только Ромига объяснил эту пропорцию, энтузиазм учеников разом иссяк. Вильяра по-быстрому прикинула и сказала, что вероятно, предел её колдовской силы — накрыть поисковым заклятьем уголья Лембы и ближайших соседей. Лемба возразил, что пересчитывать десятки шагов в дни пути нужно аккуратнее. Но и ученикам, и учителю было ясно, что без ухищрений с Зачарованными Камнями или объединения сил многих колдунов искать по всей Голкья у них не выйдет. Да и генетический материал от пропавших мудрых ещё пойдя раздобудь...

— Сколько времени потратили зря, — разочарованно выдохнула Вильяра, когда, оголодав после всех упражнений, они приступали к ранней дневной трапезе. Колдунья же

поймала напряжённый взгляд нава и поспешила добавить. — Нимрин, ты был прекрасен в наставниках! Наритьяра никогда не учил меня так терпеливо и так понятно. Только мама, иногда, в хорошие дни. Я благодарю тебя за подаренное знание. Я чту слагателя новой заклинательной песни. Я обязательно найду ей применение.

— А я уже знаю, как её применять, — сказал Лемба. — На любого охотника в угодьях дома мне хватит моей колдовской силы. На раненого, заплутавшего в пурге, попавшего под лавину, потерявшего сознание, не владеющего мысленной речью. А то, что Латиру и Наритьяр мы сейчас так не найдём... Вильяра, слушай, а может, ты безо всяких ухищрений просто пошлешь им зов? Мало ли, почему Старший и Средний не ответили Младшему Наритьяре?

Ромига не сообразил сразу, что сказать на похвалу Вильяры: искреннюю, вот диво-то! Как же бедняжке не везло с прежними учителями, если косноязычный чужак ей прекрасен в наставниках! Нав промолчал и дальше не вмешивался в разговор. Утолял голод, внимательно слушал кузнеца и колдунью, укладывал в голове всё, что успел понять о магии Голкья. Решил кое-что уточнить, спросил:

— Вильяра, скажи, а ваша безмолвная речь ограничена расстоянием?

— Нет. Старейшие объясняют, что жилка силы связывает души знакомых охотников, тянется, растягивается, дрожит, но никогда не рвётся.

— А чтобы разговаривать с дальним собеседником нужно больше силы? Насколько?

— Ни насколько. Трудно докричаться лишь на другую сторону звёзд, на изнанку сна и в круг Камней, показавших норы. А посылаешь ли зов в соседнюю комнату или на Марахи Голкья, не имеет значения, силы нужно чуть-чуть. Я обязательно научу тебя, Нимрин. Ты меня слышал, значит и сам сможешь говорить. А теперь — погоди...

Да, малышу Рыньи до мудрой далеко: никакой испарины, закушенных губ и судорожно стиснутых кулаков. Через миг молчания лицо колдуньи озарилось торжествующей улыбкой:

— Латира нашёлся! Он ответил мне! Я позвала его сюда, но он ранен и не дойдёт сам. Лемба, ты найдёшь, кого послать за ним? Он сейчас в верховьях Кривого ручья.

Кузнец заметно напрягся:

— Мудрая, ты уверена, что это не очередная ловушка?

Вильяра нахмурилась, и тут же упрямо качнула головой:

— Я не могу быть в этом уверена. Но он сказал, что он один, и не похоже, чтобы он врал. Я пойду первой и буду готова ко всему. Твои охотники прикроют меня издали. А кстати... Нимрин, ты умеешь ходить на лыжах? Ты пойдёшь со мной?

Ромига собирался, было, заявить, что похода к Зачарованным Камням ему на сегодня хватит с избытком. Но воля колдуньи увлекала его за собой: еле заметно, легче легчайшего «заговора Слуа». Направленное воздействие со стороны мудрой, или собственные инстинкты не велят удаляться от источника живительного жара? Ответить себе на этот вопрос нав пока не мог. Вслух он сказал, что на лыжах умеет и пойдёт, но в снегах его одежда будет чересчур заметной. Тунья и Аю взялись перешивать на него охотничью, но на примерку-то он вчера вечером не дошёл...

Вильяра заверила:

— Не беспокойся об этом, я надёжно укрою нас всех от чужого взгляда.

Ромига вспомнил, как легко смотрели сквозь морок дружки Арайи, а они были простыми охотниками.

— От взгляда мудрого — тоже укроешь?

— Наставник Наритьяра не мог пронзить мою «морозную дымку», вряд ли сможет и Латира.

Нав фыркнул:

— Знаешь, Вильяра, я всё меньше понимаю, как тебя учили! Твой наставник чего-то действительно не мог? Или делал вид, что не может? Например, чтобы ты была увереннее в своих силах?

Вильяра зло рассмеялась:

— Увереннее в своих силах? Да он через слово ругал меня бессильной бездарью, из которой никогда не получится мудрой. Он врал мне в этом, я чувствовала ложь. И когда он думал, что я его не слышу, он ворчал совсем другое: «Сила есть, ума не надо. Ум есть, не надо осторожности. Убьёшься, и лёгкого пути к щурам!». Мне было обидно и так, и эдак, но наставник не обязан щадить самолюбие ученика. Какое самолюбие у того, кто отдал стихиям своё имя и похоронил свою родовую ветвь? Лемба тоже не спрашивает у своих заготовок, жарко ли им в горне и больно ли под молотом... А с «морозной дымкой» я сбегала и пряталась от наставника, когда он меня совсем донимал. Он искал, но не поймал ни разу.

— Хороший кузнец железо не бьёт, а гладит. И попусту не переводит добрый металл в окалину. Так отец говорил, а я повторяю, — негромко, но веско вставил Лемба. — Ты, Нимрин, учил нас так, что даже я всё понял, и мне ни разу не захотелось треснуть тебя башкой об пол.

Ромига ответил с улыбкой:

— Да я, пока объяснял, сам почти разобрался, как работают ваши песни, и как их правильно слагать. А безмолвной речи вы меня научите, обязательно. Кстати, интересно, от неё всегда бывает так худо?

Охотники дружно скривились, Вильяра ответила за двоих:

— Поначалу, да. Чем больше говоришь и слушаешь, тем легче.

— Мастер Лемба, а Наритьяру тебе хотелось — того? Головой об пол?

Лемба тяжело вздохнул:

— Предки заповедали, что мудрый без спросу входит в любой дом и повелевает любым охотником. Два года Наритьяра делал всё, что надлежит делать мудрому клана, но на всех Вилья он смотрел, как на гнилую рыбу. Я ненавидел, когда он бывал в этом доме...

Взгляд Вильяры затуманился, потом она резко сказала:

— Нимрин, нам пора за Латирой. А ты, Лемба, поскорее дашь нам сопровождающих и пойдёшь чинить ворота.

Четверть ночи, утро и начало дня минули с тех пор, как одинокий путник глядел с обрыва на занятое логово, на тайно возрождённый дом. Давно пора было подыскать подходящий снежный наддув, выкопать к нём нору и отдохнуть. Давно пора, но брести вперёд под монотонный заклинательный напев казалось легче, чем обустроить стоянку. Правая лыжа, левая лыжа, оттолкнуться копьём, правая лыжа, левая лыжа... Боль в простреленных рёбрах, надёжно унятая заклятьем, вернулась и больше не пожелала уходить, туман в глазах и муть в голове, шатает из стороны в сторону, бросает то в жар, то в озноб...

Путник осел на снег, снегом умылся и попробовал поглубже вздохнуть, но воздух не шёл в лёгкие. Всё-таки он слишком стар для таких ран и таких переходов, дряхлое тело не выдерживает, силы иссякли: и колдовская, и жизненная. Кажется, он околеет прямо здесь, и

хорошо, если кричавки найдут уже мёртвого, а не станут пожирать заживо. И всё-таки он слишком упрям, чтобы посылать зов тому, кто его, возможно, до сих пор разыскивает. А звать на помощь кого попало — стоит ли? Он снял лыжи, отстегнул от пояса лопатку, непослушными руками вырыл лунку в плотном снегу — защиту от ветра. Лёг туда, свернувшись клубком. Солнце высоко, мороз не слишком силён: здоровый, крепкий охотник мог бы подремать и так, ничего особенного, а потом спокойно пошёл бы дальше. Раненый старик чувствовал, что поживёт ещё немного, но уже не встанет. Лежал и смотрел в глубокосинее небо с бледными точками звёзд, упрямо не смеживал тяжелеющие веки. Ещё раз подумал, не позвать ли на помощь кого-то из мудрых? Не попытаться ли уйти изнанкой сна в безопасное место? Но кому доверять, и где безопасно, если наяву его подстрелил старожил ярмарки, из его маленького подобия клана, а во сне подстерегает смертельная ловушка? И если та, кого он решился позвать, не откликнулась. Старик с болью запоздалых сожалений вспоминал знахарку и её дочь, когда вдруг услышал зов...

«Мудрый Латира, ты меня слышишь? Я в доме Лембы, я жду тебя здесь», — интонацию безмолвной речи не подделаешь, не спутаешь, годы и посвящение её не изменили.

Остатка колдовских сил хватит на короткий разговор: «Вильяра мудрая? Я слал тебе зов, но не дозвался. Я ранен и нуждаюсь в твоей помощи. Я лежу в снегу у истока Кривого ручья и не могу идти. Ты сейчас далеко?»

«Говорю же, я в доме Лембы. Я успею к тебе до заката. Ты продержишься?»

«Надеюсь. Только не ходи изнанкой сна, там стережёт убийца»

«Благодарю за предупреждение. Ты один?»

«Да.»

«Жди.»

За порогом дома снег ослепительно сиял под маленьким, но не по-зимнему высоким и ярким солнцем. Свет, блее белого, аж до рези в глазах, и глубокие синие тени. Ромига ругнулся про себя, заново учась складывать из контрастных пятен объёмную картинку. Вильяра рядом тоже щурилась, зрачки сошлись в точки, но ей и другим охотникам — в спасательский рейд собирались вдвядтером — было нормально.

А лыжи здесь оказались презанятные: вместо деревянных дощечек — плетёнка из лозы, залитая бурой полупрозрачной смолой, и железная оковка по краям. Конструкция выглядела громоздкой, тяжёлой, и при том не слишком надёжной. Ромига попробовал лыжу на изгиб — вопреки ожидаемому, остался доволен. А вот с креплениями возникла проблема: ременные петли были наву безнадёжно широки. Подгонять не стали, один из охотников убежал и вернулся с маленькими, вероятно, детскими лыжами, эти пришлись впору. А что они короче и уже, так и сам Ромига в полтора-два раза легче охотников. Проверил скольжение — сойдёт, попрыгал на месте, прокатился туда-сюда по просторному хозяйственному двору: навыки, полученные на тренировочной базе, не совсем простыли. Вильяра с интересом наблюдала за его эволюциями, занятые сборами охотники подозрительно косились, но комментировать не стали.

Колдунья обозрела свой маленький отряд.

— Готовы? Выходим, зовём зверей, встаём в круг, и я спою над нами всеми «морозную дымку». Нимрин, петь я буду всю дорогу, по крайней мере, в ту сторону. Ты держись рядом со мной, но разговорами меня не отвлекай.

Вышли, миновав выгородки из камня и снежных кирпичей. Охотники тихим свистом позвали... Первый зверь встал из сугроба: здоровенная мохнатая тварь, белая на белом. Пышный, искристый мех сливался со снегом, размывая силуэт. Из известных Ромиге созданий, зверь больше всего походил на росомаху, только крупнее, и белый. Зверь подбежал к Вильяре, поставил ей лапы на плечи, лизнул в лицо. Колдунья привычно отмахнулась, осадила его короткой командой, надела лёгкую упряжь, за которую удобно держаться, скользя за зверем на лыжах. Ромигу, тем временем, обступили пятеро тварей, не приближаясь вплотную, но и не давая свободного прохода. Насторожённо нюхали воздух блестящими чёрными носами, встопорщив шерсть на загривках, вытянув пышные хвосты параллельно земле. Нав остановился и медленным, плавным жестом показал раскрытые ладони. Вильяра скомандовала зверям:

— Свой! Знакомьтесь! — и тут же добавила для Ромиги. — Ты, Нимрин, не шевелись, дай им тебя обнюхать.

По команде колдуни сбежалось уже не пять, а два десятка зверей, и тот первый, самый крупный, степенно подошёл. Ромига стоял столбом, как велено, чёрные носы теперь тыкались в него, маленькие тёмные глазки на хитрых, смышлённых мордах блестели любопытством. Потом звери сбились ещё плотнее, отираясь о нава и друг о друга пушистыми боками. Топтались по лыжам, скрежеща когтями, кто-то лизнул в руку, кто-то чуть не подбил сзади под колени. Охотники спокойно наблюдали за этой толчеей, потом, по жесту Вильяры, обступили со всех сторон и взялись за руки.

Мудрая замкнула круг и запела, заклиная стихии скрыть двуногих и четвероногих ото всех, кроме друг друга. Ромига примерно понимал, что она делает, но повторить не взялся

бы даже при наличии энергии. Чувствовал: существенная часть ворожбы ускользает от восприятия. Вроде бы ничего удивительного при столкновении с иномирной, чуждой магической традицией, из которой он только-только начал постигать азы. Но его почему-то охватила тоска и досада, будто наткнулся на прореху в самом себе. Будто когда-то что-то мог, а теперь — нет... Он ушёл так глубоко в себя, что не заметил, как разорвали круг охотники, как разбежались звери. Одна женщина из группы, Угна, тряхнула его за плечо:

— Нимрин, ты идёшь? Или ты решил остаться дома?

Ромига мотнул головой:

— Иду.

Женщина сунула ему в руки ременную петлю:

— Вильяра сказала, что Юни, её зверь, повезёт тебя. Он умный и учёный, знает все нужные слова: «правей», «левей», «прямо», «скорее», «тише», «стой»...

Огромный зверь, поименованный Юни, недовольно косил глазом и прядал ушами на противоречивые указания двуногой, но с места пока не двигался. Ромига выслушал и запомнил простые команды, спросил:

— А как же сама Вильяра?

Охотница глянула, будто на несмышлёное дитя:

— Её любой повезёт, она же мудрая!

Ромига посмотрел — колдунья, правда, подгоняла по длине постромки другого зверя. Лицо мудрой было сосредоточено, и она пела, не переставая ни на миг. Убедилась, что все готовы, махнула рукой и подстегнула своего зверя, первой срываясь с места. Юни без команды помчал нава следом, стоило труда удержаться на ногах.

Вильяра повела отряд по целине, прочь от моря и почти сразу на подъём. Юни тянул ровно и мощно, Ромиге осталось подруливать. Как и росомахи, белые звери не могли похвастать скоростью, забавно косолапили, но выглядели выносливыми бегунами на длинные дистанции. Нав быстро приноровился держать равновесие и почти не тратил сил. Щурился, озирая пейзажи Голкья, прежде ни разу не виденные при свете дня. Море подо льдом, череда мысов и заливов, высокие горы на горизонте — вершинами в тучах. На Земле Ромига сказал бы, что облачные гряды над горами чреватые скорым ненастьем. Впрочем, и охотники посматривали в ту сторону с опаской.

— Эй, Угна, скажи, непогода будет? — окликнул Ромига охотницу, которая держалась рядом, приглядывала, не свалится ли чужак с лыж. Остальные быстро рассредоточились, расходясь широким веером. Свободные звери разбежались ещё дальше.

— Завтра — непременно будет, но до утра не должна бы.

— Успеем вернуться?

Охотница фыркнула:

— Как путь ляжет. Если гладко, можем успеть.

— А если нет?

— Переждём в снегах, запасы мы взяли.

Охотница начала отставать и уходить правее, разговаривать стало неудобно. Напутствовала напоследок:

— Держись за мудрой, Нимрин. Юни не бросит тебя, даже если ты упустишь ремень, упадёшь, сломаешь лыжи или поломаешься сам. В крайнем случае, ложись зверю на спину и командуй: «домой». Но лучше держись за мудрой, как она велела.

Снежная гладь смялась складками застругов и рыхляка, внимание почти целиком ушло

под ноги. Ромига отчаянно старался вернуть хотя бы половину в окружающее пространство. Сломать лыжи в начале пути нелепо, но ещё нелепее — забыть, что здесь не прогулка, не тренировка, а война, и влететь в какую-нибудь засаду. Впрочем, то ли их никто не подстерегал, то ли песня мудрой была хороша. А была она хороша весьма! Зверь Юни так уверенно бежал за хозяйкой, что Ромига не сразу заметил: на снегу никаких следов — ни лыжни, ни отпечатков звериных лап. Оглянулся через плечо, и за собою увидел ту же нетронутую целину.

Вильяра знала своё дело! И путь выбирала явно не самый короткий, но удобный, с равномерным набором высоты и отличным обзором во все стороны. Разумно: раз уверена в своей невидимости, чего бы не пройти по гребню и не посмотреть, что делается вокруг? Помимо разведки, белое безмолвие Голкья стоило того, чтобы просто им любоваться.

Горный хребет тянул к морю длинные, плавно понижающихся отроги. Ручьи и реки проточили между ними глубокие долины. Безлесные гребни отрогов сияли под солнцем чистой белизны, лишь кое-где из-под спрессованного ветрами снега торчало нечто вроде ползучего можжевельника, норвило запутаться в лыжах. Дно долин тоже было голым. Зато склоны щетинились таким густым криволесьем — захочешь, не продерёшься, и сквозь ветки ничего не видать. А ещё криволесье было пёстрым, будто лоскутное одеяло: разные растительные породы щеголяли золотисто-жёлтой, оранжевой, насыщенно-вишнёвой, оливково-зелёной, серебристо-голубоватой корой. Тёмно-изумрудные и сизые пятна хвойников дополняли картину.

Ромига рассудком отмечал красоту увиденного, помнил, как прежде радовали глаз и сердце незнакомые пейзажи, как любопытно было исследовать новые земли. Теперь вместо радости и любопытства — пустота... И ужас: внезапным осознанием, что, возможно, пустота навсегда, неведомый враг искалечил непоправимо, и даже разыскать его, чтобы отомстить, не удастся... Ну уж, нет! Память-то возвращается. И Ромига умеет, целенаправленно учился вспоминать забытое. Кто, когда и зачем учил его такому? Ладно, это он тоже вспомнит, дело времени, вот прямо сейчас и начнёт вспоминать, не переставая смотреть под ноги и по сторонам.

А солнце клонилось к закату, а лыжи слушались всё лучше, а зверь Юни устал: закосолапил сильнее, повесил хвост, который поначалу держал флагом по ветру. Вильяра впереди тоже заметно сбавила темп. Ромига не подгонял своего поводыря, бежал следом, лишь слегка придерживаясь за постромки. Легендарная навская выносливость, обратная сторона которой — непомерный навский аппетит. Ромига на ходу порылся в кармане, добывая лущёные орешки, вроде тех, что выиграл у Арайи.

Вот поймать бы беглого беззаконника да допросить с пристрастием! Ромига нарисовал в уме картинку-другую-третью, что именно он сделает, если Арайя откажется отвечать на вопросы. А пусть молчит, пусть держится героем: нав, как никогда, желал чьей-нибудь боли и ужаса, и чтобы ломалась чужая воля и трепетала, угасая, чужая жизнь — целиком в его власти. Погреть руки в крови: именно так говорил один из его наставников про другого. Ромига ухмыльнулся криво и страшно, решив, что всё-таки не станет отыгрываться на первой случайной жертве. Нет, он сам на изнанку вывернется, но выдаст каждому врагу отдельной мерой, с доставкой лично в руки! Арайе — Арайино, местному зловредному колдуну — колдуново, неведому супостату — супостатово...

А Вильяра резко свернула с гребня, нырнула в кулуар, исчезла за перегибом склона.

— Стой! — Ромига осадил Юни, быстро свернул постромки и закрепил их на холке

зверя. Не хватало ещё наехать на него на спуске, навернуться вдвоём. — А теперь — следом!

Зверь глянул, кажется, с укоризной, и затрусил туда, где скрылась колдунья. Лыжи заскользили под уклон: лучше бы, конечно, по проторённой лыжне, но Вильяра продолжала заметать следы. Склон — длинный и крутой, крошечная фигурка охотницы мелькала уже далеко внизу, умело выписывала виражи между кустами. Вот на этом месте Ромига предпочёл бы доморощенной плетёнке и ременным петлям — человеческие горные лыжи с ботинками и жёсткими креплениями. Но раз нету, осталось положиться на ловкость и крепкие кости, в крайнем случае, на магию. Глянул на вздёрнутый хвост Юни, чешущего вниз по склону, фыркнул:

— Вперёд, за белым кроликом! — и перестал подтормаживать, срываясь в стремительный, рискованный полёт.

Ловкости хватило, чтобы, обогнав Юни, проскочить между камнями, торчащими из-под снега в узком горле кулуара, между кустами ниже по склону и затормозить возле Вильяры, стоящей на коленях в снегу.

Да, она нашла, кого искала, но судя по выражению глаз, по трагически опущенным уголкам рта, не запоздала ли подмога? Ромига сбросил лыжи, воткнул задниками в снег, чтобы не укатились — наст и без лыж держал его достаточно хорошо. Подошёл вплотную, посмотрел: может, немного и опоздали, но не безнадёжно. Крошечный, для охотника, сероволосый старик был пока жив. Выцветшие голубые глаза с трудом сфокусировались на лице нава, бледные губы шевельнулись:

— Иули! Ты за мной? Малая, отпустишь меня со старым другом?

Вильяра удивлённо переспросила:

— Нимрин, вы знакомы?

— Нет. Он меня с кем-то путает, я очень хотел бы знать, с кем.

Колдунья взяла старика за руку, заодно проверила пульс:

— Латира, мы с другом пришли вместе, чтобы отвезти тебя в дом кузнеца и вылечить. Ты очень нужен нам живым, а щуры подождут. Ты слышишь меня, мудрый? Заклинаю тебя стихиями посвящения, живи!

Мудрый Латира болезненно поморщился и промолчал. Ему не только говорить, но и дышать было тяжело.

— Скажи мне, куда ты ранен?

Старик прикрыл глаза и затих. Пособирался с силами и всё-таки ответил:

— Наконечник стрелы в спине, застрял в рёбрах. Кровь в груди. Трудно дышать. Давит.

Вильяра сосредоточенно нахмурилась, прикусила губу — немного подумала и приняла решение.

— Латира, я сейчас уберу стрелу и дурную кровь, затворю жилы, ты немного отдохнёшь, а потом мы погрузим тебя на Юни и отвезём в дом.

Возражений со стороны пациента не последовало. Ромига тоже помалкивал. Он умел исцелять раны, но решил пока ограничиться ролью наблюдателя. А Вильяра, под тихий напев, утоляющий боль, осторожно вытащила Латиру из ямки в снегу, раздела до пояса и, подстелив куртку, уложила его на живот. Добыла из своей котомки замшевый чехол, развернула — внутри оказался набор простых, грубовато сделанных, но вполне годных хирургических инструментов. Достала ещё бутылочку тёмного стекла, выдернула зубами пробку — в морозном воздухе неожиданно знакомо и остро запахло спиртом — протёрла руки и кожу на спине старика. Только после этого колдунья внимательно прощупала рану.

Латира расслабил мышцы, чтобы облегчить ей задачу, и не издал ни стопа. То ли песня была хороша, то ли выдержка, то ли то и другое сразу.

По разумению нава, старику здорово повезло. Стрела ударила по касательной и не в полную силу: или на излёте, или пробивала магический щит; вошла в тело неглубоко и застряла. Древко не отломали, а выдернули, плохо закреплённый наконечник остался внутри. Видимо, наружная плевра повреждена остриём или надломом ребра, но лёгкое цело. Кровотечение не сильное, гемоторакс развивался постепенно и свалил раненого с ног далеко не сразу.

Любопытно, откуда Латира пришёл: ни малейшего следа на снегу он не оставил. Понятно, что «морозную дымку» умеет петь не одна Вильяра, и этот колдун тоже таился. Уходил от погони? Оторвался, или скоро догонят, и предстоит разбираться с «хвостом»? Ромига бы запросто, даже с удовольствием, но давайте, в другой раз...

Вильяра оперировала быстро и умело. Эрли справился бы лучше, сам Ромига, без магии — точно, нет. А мудрой явно не в новинку было латать раны в походных условиях, на снегу. Как и обещала Латире, она извлекла наконечник стрелы — обсидиановый, между прочим — и зашила рану. Замазала шов чем-то густым и тёмным, налепила сверху полоску растрёпанных в мочалку растительных волокон. А кровь из плевральной полости вывела на снег каким-то заклятием. Юни и второй зверь, крутившиеся рядом, тут же вылизали красное пятно до белого. Вильяра проверила у пациента пульс, зрачки, и под ещё одну заклинательную песню укрыла лежащего своей курткой, которую скинула безо всяких раздумий. Ладно, в доме, но в снегах-то — даже смотреть холодно! А колдунья, как ни в чём не бывало, мыла руки и умывалась снегом. Протёрла спиртом и убрала в котомку свой целительский инвентарь. Ещё раз проверила состояние старика: живой, дыхание стало ровнее и глубже. Тихо позвала:

— Мудрый Латира? Не спи, а то шуры уведут.

Тот нехотя приоткрыл один глаз:

— Здесь я, малая. Сейчас ещё немножечко отдохну...

— Лежи, молчи и заживляй раны. Ждём. Нимрин, скажи, ты умеешь делать снежные убежища?

Ромига припомнил свой особенно неудачный экзерсис на тему иглу:

— Меня этому учили, но опыта мало. Опасаюсь, что построенное моими руками рухнет на головы в самый неподходящий момент... А ты думаешь заночевать здесь?

Вильяра поёжилась: холод её всё-таки донимал. Встала, огляделась, понюхала воздух.

— Думаю. Ненастье идёт с гор. Налегке, под уклон мы успели бы добежать до дома Лембы. Но быстро везти Латире сейчас нельзя. Я позову охотников, и мы будем делать стоянку.

— Зови их, а я тебя пока немножко погрею, — нав расстегнул комбинезон и прижал женщину к груди, кожа к коже, крепко обвил руками.

Вильяра тихонько рассмеялась:

— Скажи лучше, сам погреешься, мёрзлый уголёк Ромига. Хотела бы я увидеть мир, откуда ты родом. Любопытно, что за место, где разумный, взрослый, грозный воин — еле держится на лыжах и не умеет строить из снега?

— Ха! У нас есть места, где лето круглый год, и так жарко, что вода вообще не замерзает. Там тени исчезают в полдень, потому что солнце проходит прямо над головой. А есть места, где вечные снега никогда не тают, слёживаются во льды, и ледяные реки текут в

море. Там солнце ходит низко, полгода — день, полгода — ночь, и круглый год — зима. А в угодьях, где я дольше всего жил, есть и зима, и лето, но всё равно, по-вашему, очень тепло... Скажи, сейчас зима?

— Да, Нимрин, начало зимы.

— А почему такой длинный день, и солнце так высоко?

— Так скоро же высокое солнцестояние! После него день станет убывать, пока не сравняется с ночью. Около зимнего равноденствия будет самое маленькое солнце и самая тёмная луна. Позже солнце начнёт расти, луна светлеть, но день продолжит укорачиваться. От зимнего равноденствия до низкого солнцестояния — самая глухая и лютая зима, время снов. Потом день станет удлиняться, солнце — расти быстрее и греть сильнее. Придёт весна с паводками, высокими приливами и пробуждением вулканов. Позже большое солнце и светлая луна позовут к себе зелень, ростки пронзят лёд, снег растает, и наступит лето. Макушка его — после равноденствия, когда жар великого солнца ещё не ослаб, а день растёт... Вот не думала, Нимрин, что буду кому-то это втолковывать!

— Почему?

— Обычно матери объясняют детям про солнце и луну.

В голосе колдуньи послышалась печаль, и Ромига не стал деликатничать, задал прямой вопрос.

— У тебя нет детей, мудрая?

Вильяра ответила сухо:

— Нет, и не будет. Когда меня выбрали, я ещё не знала мужа. А потом я отсекла и похоронила свою родовую ветвь. Стихии приняли её вместе с моим прежним именем, чтобы после посвящения в мудрые наделить меня колдовским даром, здоровьем и годами жизни всех моих не рождённых потомков.

Ромига присвистнул:

— Ты что же, бессмертная?

— Нет. Но все мудрые стареют медленнее остальных охотников и очень трудно умирают.

Маловато радости в голосе! Нав даже отстранил женщину от себя, чтобы заглянуть ей в глаза. В родном мире он встречал магов, готовых продать всё и вся за продление жизни хотя бы вдвое. Не среди навов, естественно.

— Скажи, Вильяра, оно того стоило?

Колдунья покачала головой:

— Чтобы хранить клан, да. Врождённого дара мало, чтобы превозмочь буйство стихий. Колдун без посвящения не усмирит паводок, не отведёт в сторону лавовую реку. И мудрые-то не справляются, гибнут. Так погиб прошлый хранитель клана Вилья... — Вильяра мельком глянула на небо и осеклась, мягко отпихнула Ромигу от себя. — Прости, Нимрин, договорим потом. Сейчас я быстро зову охотников и начинаю искать место для стоянки. А ты со зверями пока посторожи Латиру.

Мудрая сосредоточилась, посылая зов. Вернулась в реальность, болезненно поморщилась, потёрла виски:

— Щуровой тропой, через жерло вулкана, ледяной лабиринт и звериную задницу! Когда же это пройдёт, наконец!

Солнце нырнуло за отрог, и сразу стало темно и холодно. Лежавший пластом Латира завозился, начал осторожно приподниматься.

— Малая, заberi куртку, я уже могу натянуть свою, — старик встал на четвереньки, опустил на пятки, медленно, опираясь руками, выпрямил спину. Вильяра возмущённо шикнула, он ответил улыбкой, — Какая же ты выросла красавица! Прости, что я тогда не отстоял другой выбор, сохранил тебя для Лембы. Моя воля, посвятил бы Тиду из дома Муни.

Вильяра оскалила клыки:

— Тиду? Мудрый Латира, после двухлетнего молчания твои речи звучат для меня неразрешимыми загадками. Я с удовольствием их поразгадываю, но позже, в безопасном месте. Давай уже сюда мою куртку. И одевайся скорее сам. Помочь?

— Нет, справлюсь.

Старик оделся и снова лёг. Оба зверя без команды устроились с двух сторон, охраняя его и грея. Вильяра надела лыжи, покатила вниз. Приглядевшись, Ромига увидел две маленькие фигурки на дне долины, ещё три — на разных склонах. Рассредоточенная группа вновь собиралась.

Скорость, с которой охотники обустроили лагерь, впечатляла. Три иглу выросли, будто по волшебству. Отличий от эскимосских снежных домиков Ромига не заметил ни издали, ни когда спустился вниз вместе с Латирой и зверями. Раненый ехал на Юни: не на буксире и не сидя верхом, а лёжа вдоль хребта. Идти Латире вряд ли бы смог, и совершенно точно, это не добавило бы ему здоровья. Нав не стал надевать лыжи, шагал рядом, подстраховывая горездока, чтоб не свалился, но старик даже в полубеспамятстве держался на звере, будто репей. Ромига видел, как ему больно и худо, и с трудом давил искушение — позадавать вопросы. Не тот случай, когда выгодно пользоваться чужой слабостью: Вильяре этот тип, очевидно, дорог, да и самому Ромиге, скорее всего, пригодится живым-здоровым, и не в обиду на нава. Старик заговорил первым, пробормотал чуть слышно:

— Не мой Иули, другой. Жаль.

Тут уже можно было поддержать разговор:

— Мудрый Латира, ты встречал раньше кого-то, похожего на меня?

Старик улыбнулся, не открывая глаз:

— Две чёрноягоды с одного куста, так похожи.

Ромига хотел уточнить, что он всё-таки Нимрин, а не Иули, но не стал: новое прозвище было созвучно слову «тёмный», от подобного именованья нава не отказываются.

— А давно ты его встречал?

— Давно. Зим пятьдесят. Или сто... Устал я их считать.

Ого! Этот sereneкий сморчок как бы не старше самого Ромиги. И похоже, говорит правду и про годы, и про знакомого тёмного.

— Скажи, а где ты встречал того Иули?

— Мы познакомились на изнанке сна. Потом однажды я встретил его на Арха Голкья. Он жил там тайно. Долго, несколько зим.

— Жил? А сейчас?

— А потом ушёл.

— Куда?

— Не знаю. В дальние, неведомые миры. Или к своим тёмным шурам. Он был мне другом, я хотел его найти, искал — не нашёл.

— Может, он говорил тебе своё настоящее имя? Или тебе снилось, как его называли дома?

— Нет. Он не говорил, я не спрашивал. А ты пришёл сюда по его следу? Разыскиваешь?

Ромига провалился в снег выше колена, отстал, надевая лыжи, которые тащил в руках, догнал Юни и ответил:

— Ты ещё не слышал, мудрый Латира, но это не тайна. Я сам не знаю, как свалился на Голкья. С неба — в снега. С отбитой памятью, почти без колдовской силы. Если где-то в твоём мире живёт мой сородич, я хотел бы с ним встретиться. Надеюсь, он поможет мне вернуться домой, или хоть чем-то поможет.

— Если другие тёмные живут на Голкья, я ничего о них не знаю. Жилище моего Иули давно стоит пустым.

Ромига отметил себе, что хорошо бы в это жилище навеститься. Не оставил ли неведомый Иули записей, или ещё чего интересного? Но из разговоров в доме Лембы успел понять, что Арха Голкья — другой континент, и пути туда — несколько лун. Портал в неизвестное место не построишь даже при наличии энергии, а её как не было, так и нет. Местные способы быстрых путешествий не внушают доверия, да и не умеет Ромига «ходить изнанкой сна». В общем, задачка на будущее, когда он здесь освоится и так или иначе разрешит более животрепещущие проблемы.

Спускались на дно долины медленно и осторожно, зверь Юни буквально плыл по-над снегом, но раненого всё же растрясло. Латира не стонал, не корчил страдательные гримасы — просто прикрыл глаза, умолк и обвис тряпочкой. Ромига положил руку поверх судорожно вцепившихся в шлейку пальцев и — хуже не будет — запел одну из самых простых, «детских» заклинательных песен, из того же ряда, что Зимняя песнь умиротворения. Все охотники знают, и Вильяра поделилась с Ромигой этим знанием: даже если не вкладывать колдовской силы, подобная песнь действует на любого жителя Голкья силой привычки. Латира с трудом повернул голову, заглянул наву в лицо:

— Иули, ты целитель?

Вопрос — неожиданный, и Ромига ответил довольно резко:

— С чего бы?

— Ты чувствуешь чужую боль, хочешь её утолить, ищешь способ, находишь.

Нав отрицательно мотнул головой:

— Я — воин. Лучше всего я умею убивать и причинять боль. А лечить — так, немножко... Помолчи-ка, мудрый, хочу довести тебя живым хотя бы до стоянки.

Латира дёрнул углом рта: то ли гримаса, то ли намёк на улыбку, и снова поник.

Они уже почти пришли, Вильяра ждала у входа в иглу. Колдунья бережно сняла раненого со звериной спины, заглянула в глаза, проверила пульс и утащила Латиру внутрь жилища. Ромига забрался следом. Иглу, как иглу: крепкий, надёжный снежный купол, не то кособокое безобразие, из-под обломков которого пришлось выбираться посреди ночи, вопреки планам нава и его подружки на ту самую ночь...

Кто-то, пыхтя, полз следом, нав посторонился. Из входного лаза показалась звериная башка: по величине и рваному уху Ромига опознал Юни. Зверь виновато щурился, подскуливал, однако упрямо полз внутрь. Вильяра глянула строго, но потом позвала:

— Ладно, Юни, иди сюда, будешь греть.

Получив разрешение, зверь неожиданно легко просочился в узкий лаз и сразу занял пол-иглу. Много-много лезущей в глаза и нос шерсти, пятидюймовые когтищи — Ромига вжался в стену, чтобы случайно не затоптали. Зверь шумно вздохнул и растянулся вдоль противоположной от входа стены эдаким мохнатым диванчиком — снова стало просторно. Латира и Вильяра опёрлись на тёплый бок спинами, полусидя, полулёжа, наву тоже

оставили место, но он устроился напротив мудрых, внимательно их разглядывая. Да, Латира здорово отличался от Вильяры и других знакомых Ромиге охотников. В полтора раза мельче, кожа не атласно-белая, а сероватая, черты лица более тонкие, по светлой подпуши меха — тёмная ость, будто припорошили пеплом. Приметы возраста и нездоровья бросались в глаза, и всё же не сильнее, чем у стариков дома Лембы. Дышать раненый старался пореже, поострожнее, но болезненная синева с губ уходила. Кажется, обошлось без нового кровотечения.

Вильяра попросила тусклым от усталости голосом:

— Нимрин, сходи, посмотри, еду готовят?

Ромига уловил в её тоне фальшь, фыркнул:

— Хочешь наедине побеседовать с мудрым Латирой, так и скажи.

Колдунья сердито прищурилась:

— Да, хочу. И есть я тоже хочу. А ты — нет?

Нав выгреб из кармана остатки орехов и сунул ей в руку.

— Малая, не гони парня, — неожиданно вступился за него Латира. — Ужин нам охотники и так принесут, когда будет готово. Я должен многое тебе рассказать, и тёмный пусть послушает. Он ведь на твоей стороне?

Вильяра ухмыльнулась:

— Надеюсь, — и поделила орехи поровну на троих.

Пожевали молча, потом колдунья, тяжело вздохнув, засобирался на выход:

— Посидите пока тут, вернусь — буду слушать. Юни, лежи, грей!

За снежными стенами раньше времени свечерело, и внутри иглу всё стало синим, будто под водой. Двунogie и зверь успели надышать немного тепла, Латира, кажется, задремал, да и нава разморило. Он перебрался под бок Юни, устроился поудобнее. Зверь чуть повёл ухом и больше никак не реагировал, мерно посапывая во сне. Появилась возможность для передышки — пользуйся, потом может стать не до того: все присутствующие оказались верны этому правилу.

Знахаркина дочь едва дышала от горя и леденела от гнева. Жуткое поветрие, которое осиротило её, уничтожило без малого три сотни двуногих, было, оказывается, не прихотью стихий — злодеянием беззаконной погани, посмевшей называть себя мудрым! Вильяра не усомнилась в словах Латиры, слишком хорошо помнила несвязные речи матери: «Он зацепил меня за мой дар и моё призвание и вверг в пучину», «Он ненавидит мой род, противостоящий смерти! Он рад был поймать меня и погубить вместе с моими самыми дорогими», «Ради прихоти он опустошит сотню миров, ради могущества своего клана изведёт тысячи охотников, ради собственной власти — погубит Голкья». Мать бормотала подобное, не умолкая, в свои худшие дни. В хорошие — уверяла дочь, будто просто бредит, и явно лгала при этом. Но ни в плохие, ни в хорошие дни несчастная знахарка так и не назвала дочери имя беззаконного колдуна, только безличное «он»!

Мудрая Вильяра изо всех сил сохраняла видимость спокойствия и способность соображать, слушала Латиру и задавала вопросы, но неуклонно зрела до того, чтобы убивать мыслью на расстоянии. Он — Наритьяра? Который? Или все трое замараны беззаконием? Латира даже из-под клятвы выдал очень примечательное: «их делишки». Так пусть хранимая стариком тайна подождёт, как бы велика и важна она ни была!

— Мудрый Латира, скажи, может, ты знаешь? Моя мама когда-либо ссорилась с кем-то из мудрых? — собственный голос вдруг показался Вильяре чужим.

Латира смотрел ей в глаза, не мог не видеть, что с ней творится, и шурился, будто от ветра. Нимрин вдруг накрыл её руку своей, переплёл пальцы, чуть сжал и почти беззвучно — скорее угадаешь, чем услышишь — затянул Зимнюю песнь умиротворения. Вильяра вдохнула и выдохнула, трудно, сквозь оскал стиснутых зубов, но всё-таки смогла дышать и жить дальше. И выслушать — щуровым трактом от луны до солнца, через горелый стланик, ледяные заторы и кишки гнилой рыбы — ответ Латиры.

— Мы с твоим предшественником тоже задались этим вопросом и спросили её. Если очистить знахаркин рассказ от пустых проклятий и свести вместе с тем, что знали мы сами... Тебе говорили, что у твоей матери была старшая сестра?

— Знаю, что тётка умерла до моего рождения, и всё.

— Твоя тётка уродилась не такой одарённой колдуньей, как вы с матерью, но она была отличной повитухой. Мудрые пригласили её на Марахи Голкья, женщины там слишком часто стали умирать родами. Она отправилась в долгий путь и, достигнув угодий Наритья, поселилась в большом и богатом доме Поджи. Сначала её приняли как дорогую гостью и обеспечили всем необходимым для её ремесла, как с самого начала уговорились между собой мудрые кланов Вилья и Наритья. Когда в начале следующей весны Поджа назвал повитуху своей женой, этому никто не удивился, малая. Как и многие женщины твоего рода, повитуха была необычайно хороша собой. Свадьбу сыграли очень рано, задолго до первых ростков, и этому тоже никто не удивился. На юге высокое солнцестояние приходится на долгую и светлую весну, жизненные силы и страсти пробуждаются там раньше, чем у нас. Молодая жена родила дочь до летнего равноденствия, так рано, что до тёмных лун успела зачать и родить вторую. Оба ребёнка выжили, но это были девочки, а Поджа хотел сына. Следующей весной женщина снова понесла, и снова очень рано. Она слабо владела мысленной речью, но всё-таки дозвалась сестры и пожаловалась, что всё идёт не так: её

служение повитухи, её семейная жизнь, её очередная беременность. Она была вне себя от злости, отчаяния и страха, она опасалась за свою жизнь. Она жаждала исполнить брачный договор, родив мальчика, и поскорее уехать прочь с Марахи Голкья, домой. Твоя мать беспокоилась о сестре и обратилась к тогдашнему Вильяре, он попытался помочь, но по закону и обычаям уже не отвечал за повитуху: выйдя замуж в дом Поджи, она перешла из Вилья в Наритья. Моему другу на это довольно грубо указали и посоветовали заниматься делами своего клана, а не совать нос в соседские. А мне, как «позорищу мудрых, пережившему свой клан», запретили «шмыгать в угодьях Наритья» ещё давным-давно.

Вильяра глухо зарычала:

— Кто из Наритьяр тогда был?

— Их было уже трое. Рассказывать дальше?

Мудрая кивнула. История причиняла ей боль, как от нарыва: чем дальше, тем нестерпимее. Но может, если дослушать, гнойник прорвётся, и наступит облегчение?

— Плод рос быстрее предыдущих, и повитуха очень надеялась, что носит мальчика. Она успокоилась и не пугала сестру до последних дней, когда ребёнок вдруг встал поперёк. Она поняла, что сама вряд ли справится, и стала просить помощи у местных повитух. Но те одна за другой отказывались, мол, северянке родить, как по нужде сходить, а если не так, они и не знают, что делать. Роды начались, крупный ребёнок не развернулся правильно. Опытной повитухе не нужно было объяснять, к чему идёт, и она приготовилась взрезать себя, чтобы спасти хотя бы ребёнка, но прежде послала зов сестре — попрощаться.

Боль захлестнула Вильяру и вырвалась по-детски отчаянным шёпотом:

— Мама не могла её оставить!

Латира согласно склонил голову:

— Она и не оставила. Пришла в дом Поджи по изнанке сна, со всеми своими инструментами и снадобьями. Для непосвящённой это почти невозможно, но она это сделала. И второе невозможное совершила — вынула ребёнка из материнского чрева, сохранив жизнь обоим. Поджа прыгал от радости, увидев сына. То, что жена еле жива, его заботило мало, ведь рядом другая красавица, моложе и свежее. Знахарке совершенно не понравился ни ухажёр, ни обстоятельства ухаживания, она не стала этого скрывать. Не скрyla и желания забрать сестру домой вместе с племянницами, поскольку брачный договор выполнен: девочки — роду матери, мальчик — роду отца. Поджа стал настаивать, что мальчиков должно быть столько же, сколько девочек. Но услышав, что детей у жены больше не будет, пообещал освободить её. А пока разрешил сёстрам пожить в доме, чтобы старшая оправилась перед дальней дорогой. Позволили бы им уехать, неизвестно, но сын Поджи умер двенадцати дней от роду, и старшая сестра ушла ко щурам вскоре после него, как ни билась над ними младшая. Тогда глава дома приступил к знахарке с одним из брачных обычаев, который на севере почти не вспоминают, а южане — редко забывают. Если замужняя женщина умерла, не родив сыновей, и у неё есть свободная сестра, она должна занять место умершей в доме её мужа. Знахарка возразила, что сын-то родился, отец принял его на руки и нарёк имя. Тогда Поджа обвинил её, что она злокозненно уморила его жену и дитя. Мол, если она не восполнит ему эту убыль, то он, властью главы дома, объявит её вне закона. А мудрые клана Наритья подтвердят его решение, их три голоса перевесят единственный голос от клана Вилья. К тому же, вот они, трое мудрых, в его доме, а Вильяра — далеко.

Нестерпимо даже просто слушать!

— Беззаконие — принуждать женщину к замужеству! — Вильярины слова падают

камнями в пропасть.

— Увы, но закон можно толковать и так. Я не знаю, чем ещё там грозили, как давили и принуждали, но твоя мать покорила. Она осталась с Поджей, быстро забеременела и с первого раза родила сына. А когда минуло три луны после родов, и муж стал приступать к ней снова, не слушая, что она ещё кормит грудью, что договор выполнен, и пора освободить её — тогда она сбежала по изнанке сна в дом своих родителей. Наритья были в ярости: и мудрые, и главы домов, все требовали выдать беглянку назад. Старый Вильяра отказался наотрез и пригрозил, что если увидит или учует кого-то из Наритьяр в своих угодьях, то пусть они пеняют на себя. И что купцам, мастерам и странникам Наритья в клане Вильяра тоже больше не рады. Старший Наритьяра сгоряча созвал Совет, поперёк воли Вильяры, но почти никто из мудрых его не поддержал, ещё и попеняли за диковинные брачные обычаи его клана. Знахарка свидетельствовала против Наритья. Для всех, способных слышать, она очень внятно разъяснила, почему женщины Марахи Голкья живут мало и плохо, и чем тамошние порядки поперёк закона, вкупе со здравым смыслом. Кое-кто из Наритьяр тогда прошипел, что зато его клан растёт, а не прозябает, как некоторые. Что скоро Наритья установят на всей Голкья новый закон, гораздо лучше прежнего, а ведьма-свидетельница пожалеет о своих делах и словах ещё раньше. Его мало кто расслышал, да и чего не ляпнешь в перепалке? Склока из-за беглой жены побурлила и утихла с первым снегом. Наритья отступили, даже принесли извинения Вильяра. Зимой твои мать и отец познакомились, весной поженились, летом родилась ты, на следующее лето — твой младший брат...

— А зимой пришло поветрие, и все умерли. И мой предшественник не обвинил Наритьяру в незаконном колдовстве... Ни одного из них, — как бы спокойно подвела итог мудрая.

— У нас было невнятное свидетельство обезумевшей от горя женщины, которая так и не назвала никаких имён. Она говорила: «Я не знаю, кто это был. Я думаю, что я знаю, больше никому. Но я не знаю наверняка». Она просила спеть над нею Песнь Познания, так как её рассудку хуже уже не будет, и в конце концов уговорила на это мудрого Вильяра. Но доказательств вины кого-либо из Наритьяр он так и не добыл.

— Значит, я накажу их всех сама, безо всяких доказательств!

Нарыв лопнул, разом стало легко и совсем не больно. Вильяра улыбнулась и закрыла глаза, мгновенно уходя на изнанку сна. Даже Нимрин не успел в этот раз тяпнуть её за ухо. Она прыгнула в ледяной лабиринт, твёрдо зная, что превозможет ловушку, сыграет с её строителем по собственным правилам. И когда вокруг выросли знакомые ледяные стены, она не заскользила под уклон, а зашагала, будто по ровному, озираясь по сторонам, видя тут и там вмёрзшие в лёд тела, но пока особо не приглядываясь. Их было не меньше десятка, и все они умерли давно, однако откуда-то тянуло свежей, едва подмороженной кровью. Вильяра двинулась на запах, готовая к разным пакостям, но не к тому, что увидела. На ледяных шипах висело изувеченное тело Наритьяры Старшего. Она подошла вплотную, заглянула в безнадежно мёртвое — ни малейших сомнений — лицо наставника. Мудрый расставался с жизнью мучительно, а прочего по его выпученным глазам и страдальческому оскалу было не понять. Чтобы колдун, не погибнув сразу, не попытался сняться с шипов — удивительное дело! Или его придержали, или начал умирать не здесь, или отдал все силы призрачному обличью... Вильяра почуяла опасность, и прежде, чем ледяные стены с гулом и грохотом обрушились, успела сделать две вещи: выдрала у мертвеца серьгу — знак мудрого — вместе с изрядным клоком шерсти и убралась, откуда пришла.

Первым делом проверила, что трофеи с собой, вторым — чмокнула в губы ошалевшего Нимрина, которому свалилась на руки, третьим — увернулась от подзатыльника Латиры. Вместо неё попало тому же Нимрину, но он перехватил руку мудрого и рывкнул, будто на упряжных зверей:

— Все — стой!

Все застыли, кроме Юни: тот подскочил, повалив остальных, испуганно взвыл и замер...

— А теперь, на место. Медленно, — в голосе воина было столько власти, что попробуй, послушайся, — Все садимся, а ты, мудрая Вильяра, рассказываешь, куда ходила.

— Да уж, малая. С твоею прытью... — Латира растревожил рану и теперь с трудом переводил дыхание.

Убедившись, что старику не станет хуже, Вильяра начала с главного:

— Старший Наритьяра мёртв, и это не я его! Похоже, он погиб тогда же, когда пропал. Я нашла его в ледяном лабиринте. Я победила эту ловушку, но не успела осмотреться толком, как всё рухнуло. Там были ещё другие мертвецы, старые, в толще ледника, я их не опознала.

Вильяра старательно гнала мысль, что одна из фигур во льду страшно похожа на маму: лица не было видно, но узор на куртке — до боли знакомый.

— А теперь докажи-ка, мудрая, что это не ты заманила в ловушку и убила своего наставника, — Нимрин подался вперёд и пронзил её неприятно пристальным взглядом.

— Что?! — Вильяра опешила. — Да как ты смеешь обвинять меня! Да это худшее...

Чужак примиряюще улыбнулся и сбавил тон:

— Положим, я-то вижу, что ты сказала правду. Но мы уже выслушали историю о любителях возводить напраслину. У тебя будет, что возразить на подобное обвинение?

Мудрая озадачено замолчала, потом медленно разжала кулак с трофеями. Она смотрела на сергу с окровавленной дужкой, на белый пушистый клочок.

— Я предложу обвинителю отыскать тело моего наставника наяву. Если рядом найдутся тела погибших до моего посвящения или до моего рождения...

— То это ещё ничего не докажет. Ты могла воспользоваться ловушкой, которую сделал кто-то другой. Но найти то место — хорошая мысль. Оно точно на Голкья?

— Да! Я почти уверена, это где-то в наших Небесных горах, — и пояснила для чужака, — В угодьях Вилья или Руни. Высокие горы, которые ты сегодня всю дорогу видел впереди.

Латира задумчиво протянул:

— Я слышал, смолоду Наритьяра искал в Небесных горах ценные руды. Тогда он ещё не начал ссориться с твоим предшественником, малая. Они много путешествовали вместе.

Вильяра посмотрела на Нимрина:

— Вот сейчас я и опробую новую песенку, которой ты нас учил.

— Попробуй. Вдруг повезёт, и это достаточно близко.

Вспыхнули три белых волоска, свились прихотливым узором потоки силы — не повезло, впустую. Вильяра не смирилась, повторила заклятие, усилив его, и будто бы уловила дальний, едва слышный отклик, одно лишь направление.

— Щурова пропасть, похоже, и впрямь, в стороне гор! А мне теперь срочно нужны Зачарованные Камни. Вот досада: переждать пургу, возвращаться к дому Лембы, потом — опять сюда... Мудрый Латира, а скажи-ка мне, куда ты путь держал? С ярмарки, мимо моего

прежнего дома и сюда, а куда дальше?

— Верно мыслишь, малая: тут неподалёку есть тайное логово и Зачарованный Камень при нём. Такой древний, что я даже не знаю, одним он поставлен, или раскрывается в круг. Твой предшественник когда-то случайно нашёл пещеру отшельника, показал мне, а больше, насколько я знаю, никому. Я надеялся там отлежаться, но не дошёл.

— И много ли ты не дошёл?

— Как четверть пути к дому Лембы, только вверх.

— Переждём непогоду, а ты отлежишься. Потом я отправлю охотников домой, и мы втроём отправимся туда. И время сэкономим, и до гор ближе. Ты ведь покажешь мне это логово и Камень, мудрый Латира?

— Кому, как не тебе, знать все Камни и все жилые пещеры в своих угодьях, мудрая Вильяра!

Нимрин нахмурил угольные чёрточки бровей:

— Будем надеяться, Вильяра, твой покойный наставник не обнаружил это место, пока хозяйничал в твоих угодьях, как у себя дома. Он — или тот, кто спровадил его в ледяную ловушку.

Колдунья свирепо выскочила:

— Мы будем настороже, Нимрин. Кто бы нас ни встретил, ему же хуже! — она грозно рыкнула и тут же подумала, что грозить гораздо легче, чем ударить, особенно, когда опрометчиво растратила так много сил. — А правда, старый, расскажи-ка про логово: кто там мог обитать, какие следы оставил?

Латира пожал плечами, поморщился от боли в ране:

— Сотни зим назад там жил кто-то из мудрых, но либо ушёл к шурам, либо затерялся по ту сторону звёзд и забыл дорогу на Голкья. Судя по рисункам на стенах, это был кто-то из старейших. Из тех, кого пути светил по небу и закономерности круговорота стихий интересуют больше, чем дела двуногих. Ты же знаешь, малая, таких вечно отсутствующих — половина Совета.

— Кстати о путях светил и Совете Мудрых, — снова встрял Нимрин. — Вильяра, ты обещала мне ответить на вопросы о Голкья. Пока мы сидим тут в тишине...

Вильяра подавила зевок. Слишком много навалилось на неё сегодня, и на смену горячечной жажде действия, жажде крови и мести пришла усталость.

— Нимрин, прости, но я сейчас ничего не буду рассказывать. Отдохну. Вы оба спали, а я строила щиты вокруг нашего стана. Теперь — твоя очередь бодрствовать.

— Спрашивай меня, Иули, — улыбнулся Латира. — Я готов отвечать на твои вопросы.

— Нет, мудрый Латира, ты тоже должен отдохнуть, — возразила Вильяра. — Слушай слово целительницы! Ты и так болтал языком гораздо дольше, чем тебе полезно. Нимрин, не спорь! Ты сейчас самый бодрый из нас троих, и ты умеешь вовремя будить мудрых. Пожалуйста!

— Ладно, что делать, покараулю вас обоих, — вздохнул Нимрин, устраиваясь поудобнее.

Ромига остался сторожить сон двух мудрых и одного зверя. Ради экономии масла и воздуха, он задул светильник. В иглу воцарилась темнота, прозрачная для навских глаз. А по другую сторону снежных стен шуршал позёмкой ветер, кружил, бил порывами наотмашь. Все чувства обострились, и было как-то очень тревожно, дальше — хуже. Через некоторое время, измерив и взвесив свои ощущения, нав честно признался себе, что ему не просто тревожно — страшно до жути, до отчётливого желания выскочить из иглу и рвануть, куда глаза глядят. Такое с ним бывало считанные разы в жизни, и ничем хорошим не кончалось, был ли страх вызван враждебной магией или собственными дурными предчувствиями. Да что ж за пропасть?! Ромига, уже почти в панике, а вдруг не добудится, принялся расталкивать Вильяру.

Мудрая, не разлепляя глаз, пробормотала:

— Нимрин, что случилось?

— Мудрая, ты ничего не чувствуешь?

— А что я должна... О, щурово собрание в полнолуние тёмной луны!

Колдунья резко села, схватила нава за плечи, встряхнула и пропела несколько тактов незнакомой песни. Слепой ужас, давящий на мозги, как отрезало! Вильяра затеплила светильник, зевнула широко, до хруста; потёрла ладонями заспанное лицо.

— Мудрая, что это было? — поспешил уточнить нав.

— Зов стихий. Ты слышишь его не как охотники, тебя задело мимо всех моих щитов. Ты очень испугался?

Ромига, не видя смысла хорохориться, ответил честно:

— Испугался, — и тут же спросил. — А что будет с теми, кто вне щитов?

Вильяра, видимо, сама размышляла именно об этом — стала мрачнее тучи:

— Смотря, что напоёт пурга, и что внушит её голосом незаконный колдун. Вот же погань! Именно тогда, когда я почти пустая, когда мне нечем это остановить!

Высшее благо для мудрого — благополучие клана, ни о чём другом Вильяра не способна была думать. Непогода, а вместе с ней — одно из наипоганейших запретных заклятий, наверняка накроет прибрежную полосу, угодя восьми из двадцати шести домов Вилья. При не слишком скверном раскладе, безумие, тёмный ужас или бешеная ярость охватят лишь тех, кому не повезёт оказаться между небом и снегом. При наихудшем — всех. Бросить охотников без помощи мудрая попросту не могла и видела единственный способ защитить хотя бы часть попавших под удар. Срочно оказаться у Зачарованных Камней, зачерпнуть силы и спеть песнь, Усмиряющую стихии! Поскольку пурга уже началась, путь к Камням — любимым Камням — лежал по изнанке сна. Она прошла там один раз, но пройдёт ли второй, или ловушка во льдах прожевала и проглотила очередную жертву, а теперь поджидает следующую? Очень рискованно, и меньше всего Вильяре хотелось соваться сейчас к любимым Камням у дома кузнеца.

«Лемба, ты меня слышишь?»

«Да, о пламя моего горна! Мне мерещится, или с гор идёт не простое ненастье?»

«Увы, мой преемник, тебе не мерещится! Срочно созывай всех своих в дом и

предупреди соседей!»

«Уже! Созвал и предупредил. И даже собрал одарённых, и мы спели песнь, Ограждающую разум. Надеюсь, наших объединённых сил будет достаточно. А вы как?»

«Твои охотники здесь в безопасности, я тоже позаботилась заранее. А ещё, Лемба, по слову мудрой, пусть никто не подходит сегодня близко к вашим Зачарованным Камням.»

«Думаешь, их до сих пор тошнит от Нимрина?» — сквозь боль, раскалывающую виски, Вильяра улыбнулась грубоватой шутке Лембы и первый раз в жизни намеренно солгала безмолвной речью. — «Я скоро приду туда и буду опасно воровать».

«Одна?»

«Как получится. Береги дом, Лемба».

«Храни клан, мудрая, и сама поберегись. До встречи под ясным небом!»

«До встречи!»

Вильяра медленно вдохнула и выдохнула, посидела пару мгновений с закрытыми глазами. Нет, слать зов кому-либо из оставшихся Наритьяр она ещё немного обождёт. Нельмаре и хранителям сопредельных кланов — тоже.

— Мудрый Латира, просыпайся, пожалуйста! — знахаркиной дочери было жаль тревожить раненого старика, но как бы он ни остался в её угодьях последним мудрым, чтущим закон и обычаи Голкья. Если она погибнет, сунувшись к Камням...

— Что случилось, малая?

Колдунья сказала — Латира охнул и схватился за голову:

— Зов стихий? Да они спятили! Запретной ворожбы им никто не простит! Не понимаю как они собираются потом объяснять происшедшее Совету?

— Да легко! — задорно сверкнув мелкими острыми зубами, пояснил Нимрин. — Если предьявят ваши трупы и свалят все беззакония на одного или сразу на обоих.

Латира страдальчески зажмурился, замотал головой:

— Ну, как же я не догадался, дурень!? Если они такое замыслили, ясно, почему Марна не застрелил меня с двадцати шагов, а только подранил. Ловцы должны были выпугнуть меня с насиженного места на Ярмарке в снега... Очень надеюсь, потом я всё-таки сбил их со следа по-настоящему. Но послушай, малая, моё общество может быть тебе опасно.

— А моё — тебе. Квиты, старый! Властью мудрой в угодьях своего клана, я повелеваю тебе, о мудрый Латира! Иди по изнанке сна в убежище, к которому ты стремился пешим. Если сможешь, напитайся силой от древнего Камня. Я постерегу твой путь и позже последую за тобой.

Вильяра резким толчком выставила вперёд правую ладонь, но Латира не приложил свою, медлил, глядя исподлобья:

— Малая, я так и не открыл тебе тайну, которую храню.

— Это значит, ты сейчас будешь острожен и останешься жив. Нет времени, мудрый. Хотя... Намекни-ка, что за тайна?

— Путь в иные миры, не только для сновидцев.

— Ты прав, это стоит сберечь. Но нам оно сейчас не поможет. Иди!

Теперь Латира решительно припечатал свою ладонь к ладони Вильяры, и на несколько мгновений они сплели пальцы в замок. Ни слова, лишь пристальные, запоминающие взгляды — традиционное прощание напарников перед смертельно опасным делом. Мудрые одновременно опустили веки, рука в руке Вильяры заглодела и выскользнула зябким ветерком. Колдунья убедилась, что старый прошмыга миновал ловушку, ещё раньше, чем он

прислал зов. Он сказал, что благополучно добрался до логова, там тихо и пусто, и он ждёт Вильяру. Голова уже почти не болела от безмолвной речи, может, правда, к этому можно привыкнуть.

— Мудрый Латира удачно проскочил. Значит и мы с тобой пройдем, Нимрин. Только не за Латирой, а в другое место, где нас никто не ждёт.

— Мы? — удивлённо приподнял бровь Нимрин.

— Да, не сомневайся, я проведу тебя за собой.

— Мудрая Вильяра, я понимаю, что каждый миг на счету, но, если ты потратишь немного времени, чтобы разъяснить мне свой план, я буду твоим напарником, а не грузом.

— Потерпи-ка ещё чуть-чуть, Нимрин. Если мой расчёт верен, я сделаю всё сама, а ты просто постоишь рядом. При самом дурном раскладе, никто из нас ничего не сможет, и мы умрём. А если вдруг мы встретим противника во плоти, и придётся драться, то не мне учить тебя твоему делу, воин.

— Если придётся драться, то ты, мудрая, держись за спиной. Оружие — мне, тебе — ворожба, — на этих словах чужак как-то особенно ехидно скривил губы. — Веди же, о белая колдунья!

— Дай мне руку и закрой глаза.

Вильяра улыбнулась, когда Нимрин в точности повторил её недавний жест... Бр-р, какая же ледяная ладонь, и пальцы-сосульки! А чёрные от природы глаза — будто зрачки разверсты тёмным ужасом... Однако холоднящая рука совсем не дрожит, и лицо у него спокойно-сосредоточенное. Ухмыльнулся в ответ, мол, давай уже, скорее, и опустил ресницы.

Идти ли с Вильярой в неизвестность? Ромига сделал выбор мгновенно, вернее, осознал, что выбора у него нет. Если колдунья где-то убьётся, ему тоже не жить. Зависимость унижительная, противоестественная, избавиться от неё ему следует как можно скорее — но не сейчас.

Он уже привычно потянулся навстречу теплу Вильяры и доверчиво склонил голову колдунье на плечо, наслаждаясь тем, как она ерошит ему волосы под новую песнь, уютную, будто урчание огромной кошки. Медленный вдох и выдох, сознание падает в сон, теряя ощущение тела...

Воздух леденеет и застревает в глотке, ветер пополам со снегом наотмашь лупит в лицо! Глаза не открыть, не встать, даже защиту не построить... Он попытался свернуться клубком, но его решительно вздёрунули на ноги, развернули спиной к ветру, лицом к огромной скале. Вильяра крикнула на ухо, едва перекрывая свист и вой пурги:

— Ромига, руки на Камень и подпой мне!

Услышав настоящее имя, он выполнил команду немедленно, как в бою. Обожгло, трянуло, будто от проводов под током. Неприятно, но терпимо. А песня-то уже знакомая, чего бы не подпеть? И странно даже: голоса двоих разумных не утонули, не затерялись в какофонии стихий. И Камень услышал, раскрылся перед ними. И они вошли, держась за руки, будто в круглый зал со стенами и сводом из бушующих снежных вихрей — а внутри царила удивительная тишина, лишь хрустели под ногами огромные, в ладонь, кристаллы инея. Вильяра уверенно шагала вперёд, зал становился всё просторнее и выше. Ромига ступал опасно, прошлая попытка знакомства с чужим Источником была слишком свежа в памяти.

Мудрая остановилась и запела приветствие каждому из двух дюжин Камней. Ромига снова подпел, запоминая новые имена — это был какой-то другой круг, не у дома Лембы, он и выглядел, и ощущался иначе.

Поцелуй колдуньи, горячий и требовательный, прервал раздумья нава о природе здешней магии. Возбуждение накатило мгновенно, внезапно, и вот уже обнажённая Вильяра — когда успела? — висит на нём, обхватив руками и ногами, и какое-то время его ещё заботит: не уронить бы её, тяжёлую, и самому не свалиться на этот колючий иней. Конечно, нав устоит, не уронит! Не отпустит, не остановится, никому никогда свою ведьму не отдаст! Он оттягивает финал, длит наслаждение, уже болезненное, из последних сил, пока мир не встаёт на дыбы, вышибая сперва опору из-под ног, потом — остатки сознания.

Он лежит навзничь, Вильяра — на нём: водит подтаявшей льдинкой по лицу и зовёт то по имени, то по прозвищу. Голос встревоженный, это уже не ласка, а попытка привести его в чувство. Ситуация отдаёт пошлейшим анекдотом: «кончил и упал в обморок», но Ромиге не смешно и даже не стыдно. Способность ощущать и соображать вернулась раньше способности шевелиться, и наву ясно, что вырубился он не сам собой. Очередная шуточка Зачарованных Камней? Или Вильяра снова перемудрила?

Ромига слизывает талую воду с губ, а с ресниц хочется поскорее её сморгнуть, пока не застыла обратно. Ещё застегнуться бы — холодно. Вильяра тормозит его всё настойчивее:

— Ромига, очнись, пожалуйста!

Ответить? Язык ворочается с трудом.

— Здесь я. Кто «я», и где «здесь», это отдельный вопрос.

— Нимрин, ты что, снова всё забыл?

— Нет, Вильяра... Мы с тобой всё ещё в круге Зачарованных Камней?

— Да, и нам пора идти дальше. Если ты сможешь.

— Слезь с меня, проверю.

Она стоит на коленях рядом, его белая колдунья, прекраснейшая в своей нагоде, невыносимо желанная... Стоп! Зажмурить глаза, не смотреть, остановить это безумие.

— Вильяра, оденься, пожалуйста, а то мы никуда отсюда не уйдём!

Он садится спиной, чтобы не видеть, но всё равно подглядывает через плечо, как его женщина ступает босыми ногами по инею, и острые кристаллы не ранят дитя ледяного мира, не обжигают холодом. Как она изящно наклоняется за разбросанной одеждой... Он зажмурился и закусил кулак, нечувствительно — до крови, пришёл в себя лишь от мерзкого вкуса. Да что с ним такое! Хуже приворота зелёных ведьм! Прежде мысли, нав привычно потянулся за энергией для контрзаклинания и обнаружил, что круг таки расщедрился и дал чужаку ощутимую толику силы. Ромиге всегда было любопытно, какова разница между энергией родного Источника и кое-как подходящей чужой? Ну, вот она, во всей полноте ощущений. Если у других так, то понятно, почему челы — настолько хреновые колдуны, да и шасы с хванами не блещут! Он не рискнул проверять в круге главное: свои боевые возможности. Встал, потянулся, встряхнулся. Голова уже не кружится, буйная тяга к Вильяриным прелестям отпустила, ну и о ладно.

— Вильяра, ты получила, за чем пришла?

— Да, Нимрин, больше, чем рассчитывала! Ты стал мне ключом от силы, как я была ключом для моего наставника. Прости, я знаю, насколько это погано. Я не нарочно, правда! — искреннее раскаянье в голосе, но Ромига не усомнился, что при необходимости Вильяра повторит уже нарочно. Да и сам он, пожалуй, противиться не станет.

— Ладно, мудрая, не винись, мне на этот раз тоже кое-что перепало. Идём дальше?

— Погоди, сейчас я буду петь. А ты не вздумай подпевать, если хочешь остаться живым.

— Мудрая, а из круга нам выйти не надо?

— Пока нет. Встань рядом и ни в коем случае не мешай мне. Если вдруг кто-то заявится сюда, любой ценой не позволяй ему отвлечь меня от песни. Если я собьюсь, здесь не то что нас двоих — единого стоячего камня не останется.

Вильяра пела Усмиряющую стихии первый раз в жизни, но была уверена: силы ей хватит. Зря, что ли, они с Нимрином побаловали Зачарованные Камни любовной игрой? Теперь Камни станут подпитывать колдунью, пока она не выйдет из круга.

Силы-то хватит, а собранности? Безмолвная речь Младшего Наритьяры настигла Вильяру, когда прерывать песню уже смерти подобно. Стихии внимают и, если собьёшься, не пощадят ни саму мудрую, ни тех, кого она пытается защитить.

«Мудрая Вильяра, я на ярмарке в твоих угодьях, ищу Старшего и Среднего, они пропали. Проклятый беззаконник Латира! Мало ему было замести следы — он разбередил стихии. Я прикрыл от удара ярмарочное поселение, но на большее меня не хватит. Кто же знал, что у старого поганца столько силы! Где ты, почему ты молчишь? Ты жива?» Отвечать Вильяра не подумала, да и не смогла бы сейчас, однако панические безмолвные вопли мешали, а затыкаться, не получив отклика, этот кричавкин выкидыш, похоже, не собирался: «Латира собрал под свою руку отребье с Арха Голкья и лепит из него новых Лати. Вилья ему не нужны, он сметёт вас, как сор...» Не слушать, не вникать, не брать к сердцу! Она запомнит и обдумает слова Младшего позже...

А стихии ярятся, не подчиняются, и сила утекает, будто в прорву, и чем дальше, тем ясней: заклинательнице противостоит воля другого разумного, превосходящего её мастерством. Подавить злокозненную ворожбу не выходит, Вильяра не победит в этой схватке, но ещё может выжить: устоять на ногах, сохранить трезвый рассудок, допеть до конца. Кто-то рядом подставил плечо, оно твердо и надёжно. И песня не бесконечна, по счастью.

С первых, пробирающих до нутра звуков, с первых лиловых сполохов в метельном мареве Ромига понял, почему Вильяра под страхом смерти запретила ему подпевать. Кажется, этого колдовства чужак не повторит никогда, даже не постигнет сути. Вильяра творила некий сложнейший аркан и накачивала энергией напрямую от Источника. По меркам Тайного Города, уровень иерархов! Хотя, мудрые и есть охотничьи иерархи. Задача Ромиги — находиться рядом и прикрыть мудрую. Обычная задача воина, и то, что мир начинает сходиться с ума, гарке не помеха.

Вильяра выла и рычала, плавно кружилась на месте, молнии срывались с её вытянутых к небу рук, полыхали из глаз. Запрокинутое лицо было страшно: разверстая пасть, вздутые напряжением вены, пот — градом. И жутко смотреть, и не оторвёшься. Зачарованные Камни медленно налились призрачным синеватым светом, потом вдруг выметнули бело-голубые лучи ввысь, сквозь летящий снег и тучи. На несколько мгновений небо в зените расчистилось, замерцало звёздами — и снова погасло. Вильяра пошатнулась, слепо зашарила в воздухе рукой, ища опоры. Ромига подставил плечо. Даже если что-то пошло не так, это

всё, чем он может ей помочь.

Мудрая продолжала петь и тогда, когда померкшие Камни перестали давать защиту от бури. На свирепом ветру, по щиколотку, потом по колено в снегу... Ромига мельком подумал, не выставить ли щит, но вокруг бушевали такие потоки силы, что он не рискнул колдовать, остался просто опорой. А Вильяра всё пела, жуткие звуки спорили с рёвом ветра и гулом колеблющееся под ногами земли. Спор — почти на равных, но опыт и чутьё подсказали Ромиге, что колдунья с боем отступает. Она всё-таки допела, завершение аркана подобной силы ни с чем не перепутаешь, и сразу обвисла на руках у нава обморочным грузом. Ромига осторожно опустил тело на снег, сел рядом, прикрывая собой от метели. Приводить в чувство или дать отлежаться?

Рослый охотник возник из ниоткуда в двух шагах от Ромиги и Вильяры. В первый миг показалось, Лемба... Нет, выше, стройнее, иначе двигается.

— Мудрая Вильяра! Какое счастье, что я тебя нашёл! — в незнакомом голосе прозвенела яркая, искренняя радость. Воскликнул и лишь после этого обратил внимание на нава, как на что-то мелкое и несущественное. Взглянул, будто на грязь под ногами. — Эй, а ты кто?

Ромига ответил негромко, снизу-вверх разглядывая новое лицо:

— Случайный путник.

— Не тебя ли в доме кузнеца прозвали Нимрином? — звучный баритон легко перекрывал ветер, да и пурга с появлением гостя утихла.

— Может, и прозвали. А сам-то ты кто?

Незванный гость не нравился наву всё сильнее с каждым мигом. Огромный, с ног до головы в белоснежном мехе без единого украшения, он являл собою живой эталон своей расы, эдакое суровое и прекрасное снежное божество. Перед таким, если уж не пасть ниц — то изваять в мраморе, написать маслом на холсте или хотя бы заснять для обложки глянцевого журнала. И вся эта краса несказанная слепит, будто снег на солнце: такой мощной ауры Ромига не наблюдал даже у знакомых мудрых. Или у них — не так давила? Да, сильнейший колдун, под завязку налитой магической энергией... *Слишком светлой!* Такому легко бы и скрыть свои подлинные чувства, но он даже не озаботился. Сквозь радость — нашёл, поймал? — проступает неприязнь, перерастает в угрозу...

— Я — мудрый, — незнакомец подошёл вплотную, навис над сидящим навом и лежащей пластом колдуньей. — Тебя, Нимрин, я желал видеть. Мне про тебя рассказали много любопытного.

Ромигу учили, что неудобных позиций для атаки не бывает, но учили и здравой оценке противника. Прикидывая траектории движения, связки арканов, он ощущал себя шавкой перед полярным медведем. Без страха, просто таково соотношение сил, и делай, что хочешь. Хотелось-то наву одного. *Убить сияющее нечто, чтоб его не было! Ни здесь, ни вообще!* Увы, без шансов: слишком силён и неизучен противник. Да ещё место непростое. А главный вопрос, по уму: надо ли лезть на рожон? Враг ли это? Тот ли, кого по местным раскладам позволительно уничтожать без разговоров? В случае ошибки, нав рисковал пополнить собой ряды беззаконников, а их тут и так развелось, не протолкнёшься. Да и Вильяру он мог подставить под обвинение — или сразу под ответный удар? Потому Ромига, как мог, смирял инстинкты, скрывал эмоции и тянул время: пока колдунья не очнётся, не заговорит, не подаст ему хоть какой-то знак.

— Любопытно, кто тебе про меня рассказывал? И как же мне к тебе обращаться, о мудрый без имени?

Мудрый выкалил белоснежные, сияющие клыки в самодовольной улыбке:

— Все достойные знают меня в лицо. Вся Голкья знает мой клан. А ты, приبلуда из ниоткуда, можешь называть меня просто Великим Безымянным.

Если это была шутка, Ромига её не понял, не оценил. Или всерьёз? Да, мудрые при посвящении отрекаются от личных имён и зовутся по имени клана: грамматической формой, которая означает принадлежность, собственность. Мудрый принадлежит клану, служит его

живым оберегом. А вот глядя на этого Великого, даже не подумаешь, чтобы он кому-то принадлежал и служил. Скорее, наоборот...

Безмянный склонился над Вильярой, впрочем, не слишком низко, и лапы к ней не тянул. Сказал наву:

— Моя сестра по служению изнурила себя непосильной ворожбой, а теперь нуждается в тепле и покое. Властью мудрого, повелеваю тебе, Нимрин: возьми её на руки и пойдём отсюда.

Ромига не сдвинулся с места. За Вильярой и Лембой он признал право собой командовать, кое-кого в доме кузнеца готов был слушать — а хрен с горы обойдётся. Опасно тянуть на себя его внимание, но Вильяре нужно время... Да, нав по-прежнему ощущает себя шавкой перед медведем: достаточно шустрой, чтобы брехать и скакать, не попадая под удар лапы.

— О мудрый, она тяжёлая, далеко я её не утащу.

— Далеко и не надо, — осклабился Безмянный. — Вы с ней так надоели этому кругу, что он с удовольствием спровадит нас всех, куда я укажу.

Нав подобрал ноги, будто готовясь встать. Но подниматься и идти неведомо куда не спешил.

— Мудрый, скажи, а мудрой Вильяре удалось усмирить стихии?

Безмянный раздражённо скривился, однако разговорчики не пресёк:

— Ты всё равно не слышишь их зова, чужак. Тебя это не должно заботить.

— Раньше я кое-что слышал, и мне не понравилось. Мудрый, разве ты не обязан довести до конца дело, начатое твоей сестрой по служению? Защитить клан Вилья от страшного, незаконного колдовства?

— А с чего ты взял, что она не закончила? Тебя-то, я вижу, она очень надёжно защитила.

— Мне показалось, у неё что-то пошло не так.

— Тебе показалось. Но если ты не желаешь ещё раз испытать нечто подобное, то бери скорее Вильяру, и прочь из этого круга. Или я сейчас уйду один и бросаю вас здесь. Это не мои угодья, я здесь тоже случайный путник. Я обязан беречь себя для моего клана.

Ромига не знал, чем именно ему угрожают, и насколько серьёзна угроза. Но Великий Безмянный уже заметно нервничал и спешил сам. Нав сгрёб колдунью в охапку, медленно встал. Тяжёлое вялое тело безвольно повисло у него на руках, неприятно напоминая труп... Нет, жива она, жива! Аура не гаснет... Ромига поцеловал, тихонько позвал колдунью по имени — никакой реакции. Безмянный, не теряя времени, властным жестом возложил свою мощную длань наву на плечо. Вцепился, будто когтями, и затащил незнакомую песнь.

Полыхнуло, ослепило, нав сморгнул — увидел вокруг совсем другие камни, огромный круг. А мгновением позже его скрутила боль, да такая, что не вздохнёшь. Ноги подкосились, Ромига осел на колени, из последних сил прижимая к груди свой драгоценный груз. Не терял сознания: его и не к такому готовили в родной Цитадели.

Безмянный попытался уволочь его за шиворот, да за комбинезон — поди, ухвати. Мог бы забрать и унести одну колдунью, однако не стал. Просто скомандовал:

— Нимрин, за мной! Прочь из круга, иначе сдохнешь!

На этот раз нав не нашёл ни единого повода для проволочек. Тяжело встал и, шатаясь, потащился следом. Боль подгоняла, а мысль, куда их с колдуньей ведут, и нужно ли им туда, замедляла шаги. Круг сжался до шести камней, значит, выход уже близко. А Вильяра не

подаёт признаков жизни, и что делать дальше, не ясно.

— Вильяра, очнись, пожалуйста! — ноль реакции. — Вильяра!

Ромига подкинул её, перехватывая поудобнее, и вдруг его ноша полегчала, туманом утекла из рук. От неожиданности он потерял равновесие, чуть не завалился назад, потом с удвоенной скоростью рванул за Безымянным. Нагнал его в каменных воротах, выскочил из круга первым, встретил лицом к лицу.

— О мудрый, хранительница Вилья покинула нас!

Ромига надеялся, что Вильяра ушла сама, но опасался: не затянуло ли её куда? Зато Безымянный истолковал исчезновение совершенно однозначно и пришёл в ярость.

— Проклятая девчонка! Да сколько ж я буду за ней гоняться! Одни забавы на уме! Развела полные угоды беззаконников! — искреннее возмущение, что добыча сбежала, и нотки фальши во фразе о беззаконниках заставили Ромигу забыть недавнюю боль и собраться. — Властью мудрого я повелеваю тебе, безродный приبلуда! Молчи и следуй за мной.

Наву Ромиге из Великого Дома Навь было, что возразить на безродного, и совершенно не хотелось подчиняться абы кому. А всё же, идти на прямую конфронтацию он остерегался. Уж если Вильяра, со всей силой и выучкой мудрой, почла за благо тихо слинять, бросив его тут... Точного хода Вильяриной мысли Ромига угадать не мог. Полагал, что, во-первых, в главных, хранительница станет решать проблемы своего клана. Во-вторых, она, по возможности, оберегает собственную жизнь. И, в-последних, возможно, постарается вызволить чужака, которому обещала покровительство и защиту. Значит, его дело — выкарабкаться самому или дожить до подмоги. С минимальными потерями, а лучше, с каким-нибудь прибытком. Ромига склонил голову и посторонился, пропуская Безымянного вперёд.

— Следую за тобой, о Великий Безымянный!

Обращение, волей-неволей, прозвучало иронично: слишком много пафоса. А кстати! Превосходящего противника сподручнее-то бить исподтишка в спину. Мысль мелькнула, и Ромига позволил ей отразиться на лице бедовой улыбкой, сверкнуть искрами в зрачках. Мудрый скривился, будто от кислотины:

— Следуй впереди, Нимрин!

Ого, как ожидаемо и быстро он среагировал!

— А куда?

Безымянный указал: плавным, отточенным жестом, исполненным величия. Краткая песнь проложила чистый и будто бы даже немного подсвеченный коридор в снегопаде. Эффектно! Нав ещё раз поклонился — на сотую дюйма ниже прежнего — и, будто турист на экскурсии, заинтересованно глаза по сторонам, зашагал по тропе между скальных клыков, серпантинном — вниз по склону. Идти было легко: радужно искрящийся снег не проваливался и не скользил. А ещё он противоестественным образом не скрипел, не хрустел под ногами, оттого нав не слышал шагов за спиной. Безымянный поспешил поквитаться, или в этом месте так принято? Впрочем, магу достаточно ауры другого мага, воину — дыхания: шорох одежды, звук шагов — необязательные дополнения.

Спуск стал круче, волшебная тропа подстелила под ноги удобную лесенку. Впереди и внизу смутно замаячили какие-то огни. Резкий поворот, и нав упёрся в дверь в скале, ярко освещённую двумя горящими площадками. Деревянная створка сама собой отворилась с тихим мелодичным скрипом, будто пропела: «Добро пожаловать!».

У входа в дом Ромига старательно отряхнул с себя снег. Безымянный тоже встряхнулся по-звериному: озарённый трепещущими на веру огнями, он ещё сильнее напоминал грозное божество. Подсветка снизу превратила крупное, угловатое лицо в гротескную маску, глаза мерцали и вспыхивали собственным холодным светом. Наву редко доводилось запрокидывать голову, чтобы встретить чей-то взгляд, и это был тот самый случай... Нет уж, лучше без прямого зрительного контакта! Инстинкты требуют: бей-беги, а чутьё твердит, что не время, не место...

Ещё один величавый, исполненный самолюбования приглашающий жест:

— Добро пожаловать в дом у фиорда, Нимрин! Проходи смелее, не бойся, не стой на пороге.

Ощущение захлопнувшейся ловушки неприятно сжало сердце, когда дверь ещё раз пропела, затворяясь за спиной.

Коридоры здесь были такие же, как в доме Лембы: длинные, узкие, в редких нишах — склянки со светлячками. И комната, куда Великий Безымянный привёл Ромигу, походила на гостевые покои, где нав познакомился с колдуньей и кузнецом. Каменные стены и свод, пол, застланный шкурами. Ворох шкур, побелее и попушистее, на низкой лежанке. Жаровня для тепла, масляные лампы для света. Безымянный снял и небрежно зашвырнул в угол свою роскошную меховую куртку, будто бы нарочно красуясь литыми мышцами; вальяжно развалился в лежанке и указал наву на свободное место рядом с собой. Ромига прикинул доступные варианты: примоститься на краю или сесть вплотную, тело к телу? Нет, пока ни то, ни другое. Прошёлся по комнате, изучая обстановку в той же манере праздного, но любопытного туриста. Исподволь ловя на себе жадные взгляды, в которых исследовательский интерес спорил как бы ни с сексуальным и кулинарным.

Две молчаливые женщины, насторожённо косясь на чужака, а на мудрого — с явным страхом, внесли столик со снедью. Поставили и тут же вышли. Ромига утянул с лежанки шкуру, свернул кульком и уселся по другую сторону стола: так и есть будет удобно, и смотреть в бесстыжие, льдисто-сияющие глаза Безымянного. Тот протянул руку к одному из блюд, ловко подцепил толстыми пальцами полупрозрачный ломтик копчёного мяса, свернул в трубочку, макнул в соус и надкусил, смакуя. Улыбнулся.

— Угощайся, о Нимрин! В доме у фиорда дивно готовят!

По старой шасской пословице, мясо наву дважды не предлагают. Ромига попробовал — вкусно. Вроде, не отравлено, однако набрасываться на угощение он не стал. Ел медленно, церемонно, словно на приёме у важной персоны. Собственно, так оно и было.

Через некоторое время важная персона соблаговолила поинтересоваться:

— Нравится?

Ромига честно ответил:

— Да.

— А знаешь ли ты, что мы сейчас едим?

Нав светски улыбнулся:

— Я не силён в кулинарии Голкья. Но думаю, мы едим либо что-то изысканное и редкое, либо что-то запретное для большинства охотников? Дерзну предположить, при жизни оно ходило на двух ногах? И умерло не само, а добыто в пищу намеренно? Я угадал?

Слишком густые и широкие, даже для уроженца Голкья, белоснежные брови изумлённо поползли вверх.

— Да, Нимрин, ты угадал. И я вижу, тебя совершенно не смущает участие в незаконной трапезе?

— Странно, что оно не смущает тебя, о мудрый.

Безымянный горделиво расправил необъятные плечи:

— Мудрому дозволено всё, что не вредит его клану. Это — закон! Моему клану сия трапеза не вредит и даже приносит некоторое благо. Потому мне нечего смущаться и стыдиться, в отличие от тебя.

— А я не охотник, если ты не заметил, о мудрый. Я существо иной крови. Себе подобных я не ем ни под каким соусом. Но я уверен, нава ты мне и не предложишь. Сам бы я воздержался добывать в пищу любого разумного, пока в снегах довольно дичи. Но ваши дела не сужу. Я здесь недавно, и многого не понимаю. Может, хотя бы ты разъяснишь мне, что за кутерьма с незаконниками? Откуда они вдруг повылазили?

Мудрый издал нечто среднее между коротким смешком и сытой отрыжкой:

— Такова, Нимрин, участь любого ничтожества: сражаться на войне, меняющей лик мира, не понимая сути перемен. Ныне в муках рождается новая Голкья, старая в муках умирает. Мы следуем по пути всех обитаемых миров, как бы ни противились слепые стихии и закосневшие в древних предрассудках разумные. Лучшие из охотников неизбежно достигнут блага и процветания.

А худших, видимо, съедят, во славу прогресса... Ромига иронично изломил бровь.

— О мудрый, зачем же ты роняешь себя, приглашая за стол ничтожество?

Безымянный расхохотался:

— Чужак, ты сейчас ляпнул такую глупость, что я даже не сочту её дерзостью! Я стою высоко, ибо непреклонна моя воля, неисчерпаема сила и непреложна власть. Захотел, усадил ничтожество с собою за стол, — толстый палец уставился наву в грудь. — Захотел, выставил его на стол, — широкий жест по-над блюдами. — Захотел, спустил в навозный колодец, познавать низость падения. Но это, конечно, далеко не сразу. А если не захочу, так и никогда. Ты ведь желаешь длить свою ничтожную жить, Нимрин? Значит, ты неизбежно покоришься. Кстати, я велел тебе садиться вот сюда, рядом. Ты что, не понял? И сними с себя эту странную шкуру, мне любопытно, что нашла в тебе блудливая девчонка.

Нав, не двигаясь с места, смерил Безымянного долгим оценивающим взглядом. Скорчил разочарованную гримаску:

— Прости, о мудрый, ничего не получится. Мне доводилось брать мужчин как женщин, однако твоя мохнатая белая задница совершенно не в моём вкусе.

Аноним ковырнул ногтем мясо из зубов, приподнявшись, вытянул ручищу через стол — Ромига уклонился от попытки взять себя за подбородок. Подпустил в голос угрозы.

— Не твоё, не лапай!

Сытая, довольная улыбка, с которой Безымянный неторопливо убрал руку, отозвалась в груди нава мерзким холодком. Ромига знал разных маньяков, кое с кем даже дружил, потому досконально изучил правила подобных игрищ. Кажется, сейчас это знание работало против него: роль заведомо обречённой жертвы навязчиво липла к шкуре, сковывая воображение и разум, лишая свободы манёвра. Вопреки первоначальному замыслу — исследовать ещё одного из элиты Голькья и тянуть время — Ромига всё настойчивее нарывался на агрессию. Чтобы подороже продать свою жизнь и быстрее отмучиться? Самое поганое, вероятность победы он по-прежнему ощущал близкой к нулю. Худшего настроя что для беседы, что для драки, и не придумаешь. На счастье, или на беду, Безымянный был сыт,

благодарушен, лениво игнорировал Ромигины провокации. Вот и сейчас он покачал крупной головой в роскошной белой гриве и задумчиво протянул:

— Я пока тоже не решил, в моём ли ты вкусе, Нимрин. Ты тёмн, как одушевлённая Тень. Да вдобавок ты слишком тощий, злой и некрасивый. Пожалуй, я возьму тебя в круг, там любая подстилка кажется мягкой. А Камням — чем чуднее диковина, тем лучше. Но всё-таки я желаю рассмотреть тебя прямо сейчас. Встань и разденься!

Приказ был подкреплён чем-то, вроде лёгкого «заговора Слуа», нав без особых усилий отразил его и ответил:

— Ну, хоть кому-то здесь любопытны диковины. Скажи, о мудрый, почему охотники так спокойно относятся к чужакам, которые падают на Голкья, не пойми откуда, и совершенно на вас на всех не похожи?

— Да потому, что любой одарённый сновидец сызмальства бродит тропами сна по иным обитаемым мирам. Каких только удивительных уродцев там ни встретишь! Чужих одарённых тоже иногда заносит на Голкья. Во плоти, как тебя, не часто. Да и не заживаетесь вы здесь...

На этот раз Ромига даже не ощутил прикосновения магии — просто вдруг обнаружил себя голым посреди комнаты. Безымянный стоял за спиной и, крепко придерживая нава за плечо, другой рукой ощупывал его левую лопатку. Кожу холодило и покалывало, беря что-то болезненное и напрочь позабытое. Дёргаться было глупо, да кажется, бесполезно, оставалось поинтересоваться.

— Эй, мудрый, чего ты там нашёл?

— Занятные у тебя шрамы, Нимрин. След зачарованного узора, который наложил один сильный колдун, а другой, ещё сильнее, выдрал с мясом. И колдуны были с разных миров. Пожалуй, любопытная девчонка могла польститься на твою историю, а не на твои мослы, — аноним брезгливо потыкал нава пальцем в рёбра, ущипнул за мышцы возле хребта, потом за ягодицу. — Да уж, такое сгодится только в круге.

Вопреки собственным словам, он сграбастал Ромигу за плечи, прижал к себе всей спиной и пару раз лениво толкнулся бёдрами, словно примериваясь. Сквозь мех штанов ничего особо не выпирало, но жару от огромного, мощного тела, будто от печки. Обычного тепла разгорячённой кожи — и того самого, живительного, которым щедро делилась с навом Вильяра. Ромига поймал себя на желании притиснуться плотнее и греться, греться... Тут же зарычал:

— А ну, пусти!

Безымянный с коротким смешком развернул его лицом к себе:

— Знаешь, ничтожный, почему я позволяю тебе дерзить и не беру силой? Ты ведь уже испытал мою власть и понимаешь, что я делаю с тобой всё, что захочу.

— А чего не хочешь, того не делаешь. Просто, как палец показать, — Ромига для наглядности подкрепил слова жестом.

Оттопыренный средний на Голкья не означал ничего, проклятый колдун согласно кивнул:

— Верно. А ещё я знаю, в чём ты нуждаешься, подранок. Я подожду, пока ты сам запросишься ко мне на шкуры или в круг. Вот тогда я подумаю, достоин ли ты моей милости. А пока ты можешь одеться и доесть тут всё. Возможно, позже к тебе зайдёт кое-кто из обитателей дома. Не смей их обижать, иначе я разгневаюсь и накажу тебя. До встречи, Нимрин... Если доживёшь.

Эффектным пассаом Безмянный приманил сброшенную куртку. Каменная дверь сама собой, без привычного рокота, откатилась перед ним, и, выпустив из комнаты, так же бесшумно вернулась обратно.

Ромига остался один и тут же засадил в стену «эльфийскую стрелу». Как и ожидал, на чужой энергии получилось убого. Поспешно натянутый комбинезон не добавил ни тепла, ни уверенности в своих силах. Безымянный легкомысленно оставил наву оружие, но даже верные катаны казались сейчас бесполезными подвесками к поясу. Ромига присел на лежанку, потом лёг, свернувшись клубком. Он чувствовал себя едва ли не хуже, чем в сугробе у тракта, хотя объективно, был гораздо целее. Попытался уснуть, но почему-то не смог, впал в полузабытьё без эмоций и мыслей. Пребывал в нём, кажется, несколько часов, пока не почувал голод. Поднялся и доел остатки бедолаги, которого угораздило после смерти достаться не белым зверям, как принято среди охотников, а пойти на закуску в доме у фиорда.

Кстати, не здесь ли когда-то родилась Вильяра? Дом у Синего фиорда, да? Конечно, аноним мог утащить Ромигу с колдуньей вовсе на другой континент, и мало ли на Голкья фиордов? Но наву показалось, что время суток и пурга у обоих Зачарованных Камней были одинаковые, значит, скорее всего, не слишком далеко.

Дождёвая последний кусок, Ромига пронзительно-ярко вспомнил совет в доме кузнеца, обезумевшую от горя женщину с окровавленной головой в руках, выражение лица Лембы... Возможно, Великому Безымянному подали, красиво сервировав на нескольких блюдах, того самого охотника... Аппетит у нава от этой мысли не исчез, зато злость и воля к сопротивлению, наконец, пробудились.

Ромига встал и попробовал откатить дверь — тщетно. Заперто было каким-то заклятием, и запечатано надёжно: вся комната внутри замкнутого контура. Делать нечего, и нав принялся методично опробовать все взломщицкие приёмы, которым его учили. Начал с простого механического воздействия: навская сталь не пострадала, камень, к сожалению, тоже. Порталы, «технические дырки» и прочее подобное не строилось ни сквозь дверь, ни сквозь стены. Нав быстро дошёл до весьма изощрённых арканов и понял, что энергия закончится раньше, чем он испытает все. Решил поберечь силы до встречи с мудрым или другими визитёрами. Дверь-то они сами откроют, никуда не денутся...

Когда из коридора донеслись шаги, дыхание, шорох по камню и короткая песенка, нав насторожился. Шебуршали там, минимум, трое. По рокоту откатываемой двери Ромига сразу понял: пришёл не Безымянный, тот предпочитает обходиться без пошлых бытовых шумов. Неприятным сюрпризом стало то, что сторожевое заклятье не разомкнулось, а сжалось вокруг Ромиги, сковав движения едва ли не до полной неподвижности. Нав как встал у притолоки, так и застыл столбом. И магия оказалась связана, будто кто-то предусмотрительно нацепил на пленника брошку с акулой. Как бы зря энергию берёг...

В комнату с опаской зашли две уже знакомые женщины. Сейчас ничто не мешало рассмотреть их во всех подробностях, и нав с интересом вглядывался в немолодые, угрюмые, напряжённые лица. Вероятно, зиму-другую назад они были, на местный вкус, весьма хороши. Разрез глаз, форма носа и губ, заметная рыжина по ости пышных белых грив отличали обеих охотниц ото всех виденных прежде. Но не настолько отличали, чтобы с уверенностью определить, племенные это черты или яркие фамильные? А сёстрами рыжули могли оказаться, слишком много общего в облике и повадках. Встречаться взглядами с

чужаком они упорно избегали, даже искоса и мельком. Если переговаривались, то только безмолвной речью.

Скорее всего, женщины занимали в своём доме далеко не последнее место. Даже добротные меховые штаны были щедро изукрашены бисерными висюльками вдоль швов и у пояса. Это, не считая тяжёлых серёг, забавно оттягивающих уши, сложносочинённых ожерелий, и широких браслетов на запястьях. Но подо всей мишурой сами охотницы выглядели измождёнными и зашуганными. У Лембы даже младшие служанки глядели веселее!

Когда женщины уже подхватили столик и двинулись на выход, Ромига спросил:

— Хорошо ли живётся в доме у фиорда, красавицы? Не тревожат ли дурные сны?

Эффект вышел, как если бы вдруг заговорила посуда. Стол уронили — с грохотом и дребезгом разлетевшихся черепков — и остолбенели, вытаращив одинаковые изжелта-зелёные глаза, зажав себе ладонями рты. Потом одна женщина заполошно всплеснула руками и опрометью сбегала, вторая выскользнула в коридор с оглядкой, по стеночке. Там случился короткий разговор на повышенных тонах, после чего в комнату вразвалочку зашёл очень знакомый на рожу охотник.

С прошлой встречи эта рожа украсилась двумя роскошными фингалами, перебитым носом и рассечённой, грубо зашитой бровью. Однако не узнать Арайю было трудно. И как ни заполировать красоту (даже любопытно, кто его так отделал?) парой «эльфийских стрел»: в лоб и в сердце?

Увы, пустая затея, даже не сверкнуло. Арайя ухмыльнулся, продемонстрировав дырку от недавно выбитого клыка. Выволок в коридор стол, вернулся, распиная из-под ног черепки вместе с устилающими пол шкурами и недвусмысленно поддёргивая рукава обтрёпанной куртки:

— Вот ты и попался в силоч, никчёмный колдунишка! Помнишь, погань, за что я тебе сейчас всыплю? Или опять всё забыл?

Ромига ничего не забыл, но убитых беззаконников ему было ничуть не жаль. Не полезли бы они обманом захватывать чужой дом, жили бы! Он ответил широкой, нахальной улыбкой, глядя в заплывшие глазки беззаконника.

— Да неужто, за тарелки, разбитые двумя трусихами?

Хрясь! Нав попытался уклониться от прямого в челюсть и вмазать в ответ, но еле дёрнулся. Град ударов, стремительных, сильных, хлёстких, ни увернуться, ни заблокировать, только терпеть, изображая тренировочный манекен. Ромига быстро «поплыл», несмотря на высокий болевой порог, хваленую навскую живучесть и то, что колотили его не смертным боем, а скорее, чесали кулаки. Наконец, Арайя выдохся, отступил, зализывая сбитые костяшки, отплёвываясь от чёрной и красной крови. С удовольствием осмотрел дело своих рук — незримая сеть так и держала избитого нава в вертикальном положении. Арайя ещё раз брезгливо сплюнул:

— Вот же погань! Жаль, мудрый запретил убивать тебя до смерти, а то выпустил бы тебе кишки, да ими же удавил! — пустая угроза, беззаконник явно боялся мудрого сильнее, чем ненавидел нава.

— Как же его зовут-то, твоего мудрого? Кому кланяться за спасение? — говорить трудно, губы разбиты, а говорить внятно — почти невозможно, однако Ромига старался изо всех сил. Он хотел знать имя, это казалось важным, важнее боли.

Арайя поморщился, передёрнул плечами.

— Его зовут мудрый, просто мудрый.

Вытянул из ножен чёрный в рыжую крапину обсидиановый нож, подул на лезвие, примерился к неподвижному наву так и эдак, будто перед разделкой туши.

— У-у-у, каких же охотников ты загубил, навозный выползок! За единого из них всей твоей поганой крови не хватит расплатиться! А уж за всех...

Сиплый голос Арайи дрогнул, и прорвалось вдруг наружу такое горе, такая дикая, невыносимая тоска и отчаяние, что Ромига позабыл даже о неприятном соседстве обсидиана. Нет, наву по-прежнему не жаль было ни убитых, ни выжившего, он с удовольствием воссоединил бы их... А нож мелькнул в опасной близости от лица, намечая удары в глаза, потом, ощутимо царапая, подпёр подбородок:

— Знай, погань! Когда мудрый позволит, я спрошу с тебя за них, как за весь мой дом. Дом Арайи, славный мастерами, дом Каменных Клинков! До сих пор вся Арха Голкья пользуется нашими изделиями, а дома — дома больше нет. Поганый сосунок Рийра гостил у нас полторы луны, жрал за четверых, валял женщин по шкурам. Он был там в ночь, когда всё рухнуло, и даже не вывел никого, выскочил один. Я потом поднял его на нож, но мудрые, погань, ужасно живучие. Он даже простил меня, не стал объявлять вне закона... Мои четверо были последние, понимаешь? Больше у меня никого и ничего не осталось!

Возможно ли от всего сердца посочувствовать тому, кто тебя бьёт, тычет в тебя ножиком и грозитя убить? Да запросто, если приглушить одни эмоции, дать волю другим и чуть ослабить контроль рассудка. Можно ли обратить себе на пользу это вредное и опасное, разлагающее волю сочувствие к мучителю, сделать его обоюдоострым оружием? Ромига тяжело, горестно вздохнул, откашлялся, харкнув в сторону чёрными хлопьями крови. Магическая сеть не препятствовала.

— Арайя, я не в силах исправить содеянное, а ты вправе мне отомстить. Но поверь, я сожалею, что так вышло с твоими друзьями, — нав скорбел сейчас вместе с беззаконником и сам себе почти верил. — Я здесь тоже один, как былинка на ветру. Когда мы с тобой встретились, я был не в себе и долго выбирал, на чью сторону встать. Тебе достаточно было сказать десяток слов, и я был бы с вами, а не с кузнецом.

Беззаконник глухо зарычал, муки запоздалых сожалений гримасой перековеркали лицо. Ловя его настроение, старательно подстраиваясь, Ромига не сразу заметил, что обсидиан больше не врезается в кожу, а потом Арайя вовсе спрятал клинок. Ромига продолжал говорить:

— Не знаю, что было бы дальше со всеми нами. И что ты собирался делать с захваченным домом...

Арайя яростно мотнул башкой, будто пытался вытрясти оттуда какие-то нежеланные, назойливые мысли.

— Что-что! Взял бы под свою руку, встал бы вровень с поганцем Вильгрином... Нет, я встал бы выше, потому что клятый выскочка получил пустой дом из рук своего мудрого, а я взял бы сам. Веришь ли, эти щуровы Наритья с самого начала принимали нас только младшими слугами. Или зимуйте в норах у Ярмарки! Вилья мне хотя бы на макушку не плевали. Даже когда посылали от порога в белые снега, один за другим.

Теперь охотника корёжил жгучий, из последних сил подавляемый стыд. Ромига напомнил:

— Ага! Лемба всего-навсего поставил нас грести навоз.

Нет, Арайе не полегчало, и он сразу объяснил, почему:

— В своём доме я поступал с новичками точно так же. Потом уже, если хорошо себя покажут, давал работу почище, ставил над другими работниками. А если кто на охоте отличится, тех принимал в старшие слуги. Иные мне потом любезнее кровной родни были-и-и...

Заплывшие, обведённые синяками глазки Арайи затуманились, заблестели непрошенной слезой. Он люто тосковал по дому, по своим и не думал это скрывать. Он уже почти не боролся с ужасом осознания, что незаконная авантюра, попытка завоевать себе новый дом, стала фатальной ошибкой и отняла у него последних близких. Он раскис от сочувствия собеседника и безоглядно выворачивал душу, напрочь позабыв, что перед ним недруг. Ромига вспомнил рассказ Лембы: с каким достоинством бездомный беженец Арайя просился в младшие слуги, какое впечатление произвёл тогда на умного и проницательного, хотя, местами, простоватого кузнеца. Сам нав запомнил младшего слугу Арайю хитрым, хватким и предельно собранным вожаком маленькой, но смертельно опасной стаи-банды. Сейчас от прежнего остались какие-то жалкие руины: очередная неудача Арайю так подкосила, гибель последних из его дома, или что-то ещё? Кто и за что его бил: гораздо сильнее, чем он — нава? Ответов на вопросы пока не было, но Ромига надеялся их получить. А если особенно повезёт, так и завербовать себе в доме у фиорда какого-никакого союзника. Сказал:

— Мне говорили, Лемба возвышает достойных слуг так же, как возвышал ты. Слушай, а зачем тогда было незаконничать? Бить в спину хозяевам дома? Ну, перетерпели бы вы луну-другую, зима длинная...

Арайя выщерил свои три клыка, но оскал получился страдальческий, а не грозный.

— Да затем, что всё равно эти Вилья уже не хозяева своим домам и угожьям! А многие — не жильцы! Мудрый так сказал! Ну и зачем гнуть спину перед каким-то Рыньи, когда решалось, кто возьмёт дом кузнеца: я, или Чунк? Или Вильгрин опять поставит кого-то своего, из Наритья? Мы и заключили между собою договор. Если я займу дом, мне им владеть, а Чунку с братом — трудиться старшими слугами в кузнице, они знают железо и сталь. Если же меня убьют, а другим повезёт больше... Ладно, чего уж теперь, оборачивать дни вспять не умеют даже мудрые, — незаконник закончил фразу тихо и смертельно устало.

Ромига поддакнул:

— Правда, не умеют, но иногда так хочется! Помог бы я тебе в доме у Лембы, может, не сидели бы мы сейчас оба в навозном колодце. Уж точно — не бросила бы меня Вильяра в зубы твоему мудрому, которого нельзя называть по имени. Кстати, почему? Он что, покойник?

Арайя вяло мотнул головой:

— Нет, это мы с тобой покойники, Нимрин. В неведомом клане, в бездомном доме ошибок не прощают. А уж в доме у фиорда... — незаконник почесал шов на брови, поморщился.

Ромига нашёл повод уточнить:

— У Синего фиорда?

— Да, Вилья, которые жили тут прежде и все передохли, называли эту нору — дом углежогов у Синего фиорда.

Нав отметил, что история вымершего дома совсем не радует незаконника, бередит боль его собственной потери. Кто бы мог подумать, что Арайя способен жалеть не только своих?

Жалеет, и тут же сам на себя злится. Вообще никакой магии не нужно, чтобы его читать — всё на лице и в языке тела.

— Арайя, а от чего они передохли-то?

— Вильгрин хвастал, будто бы от проклятия, которое его папаша наложил на его мамашу. Когда она сбежала, а после вышла замуж за главу углежогов. Мудрый услышал — смеялся так, что стены тряслись. Потом вмазал Вильгрину по уху и велел не выдумывать ерунды. Сказал, что старый Поджа, конечно, силён, но не настолько. А беглая знахарка сама уморила тут всех: нечаянно или по умыслу, кто её разберёт. Сама-то она выжила, хотя спятила и сгнула потом. И отродье её от углежога выжило. То самое, которое теперь — Вильяра мудрая.

Вот Ромига и услышал историю Вильяринового семейства с другой стороны. Интересно, как среагирует мудрая, узнав про такую свою родню? Единоутробный братец — незаконник и живоед. Или Вильгрин добывает и готовит двуногих исключительно для Великого Безымянного, а сам — ни-ни?

— Арайя, слушай, получается, Вильяра, как и ты, последняя из своего дома?

— Дурак ты, Нимрин! Она — мудрая. Поганая порода! Без них — пропадёшь, а с ними — тем более. Ты говорил, она кинула тебя нашему в зубы? А скажи-ка, брала она тебя в круг Зачарованных Камней?

На последних словах незаконника так перекорёжило ужасом и отвращением, что Ромига не усомнился: Арайю — брали, и лучше не спрашивать, в каких именно позах, и какие следы он прячет под одеждой. Безымянный же ясно сказал: «В круге любая подстилка кажется мягкой!» Видать, немало разных перепробовал.

Опасения за собственное будущее Ромига заглушил приятными воспоминаниями, протянув с мечтательной улыбкой:

— Вильяра красивая, сладкая и горячая. С ней везде хорошо, а в круге — особенно. Плохо без неё!

Совсем, было, потухшие глазки Арайи полыхнули лютой злобой, он мигом собрался и закрылся. Всё-таки нав недостаточно хорошо знал охотников вообще и этого конкретного: как ни старался держаться с собеседником «на одной волне», а допустил ошибку. Однако, это не повод для прекращения разговора. Даже если незаконник снова пустит в ход кулаки, попутно он может выболтать ещё много интересного.

— А как думаешь, Арайя, сможет ли Вильяра заломать этого вашего мудрого? Вот выгонит она его из своих угодий, а то и убьёт. И где окажется тогда вся ваша незаконная стая?

Арайя расправил плечи, глянул свысока, как на дурного.

— Даже не надейся! Сеголетка не сдюжит против матёрого зверя. А уж против троих — тем более. Я думаю, не увидишь ты её больше. Если только мудрый поймает её и захочет как-нибудь особенно проучить, с твоим участием. Он — может! Живоеды из сказок того не делали, что он делает и других учит... Заставляет.

Беззаконника передёрнуло, Ромигу — тоже. Арайя, заметив это, зло ухмыльнулся, Ромига ответил таким же оскалом:

— И что же он заставлял тебя делать, о глава дома Каменных Клинков?

— Ничего! — выкрикнул Арайя, побагровев лицом, и спешно сменил тему. — Ты всё допытываешься, чужак, как его зовут. Наш мудрый — он мудрый над всеми мудрыми, над всеми кланами. Назовёшь его Голкирой, Великим Голкирой, и не ошибёшься. Только он сам

не велит, говорит, пока рано. Прежнего главу Совета никто не видел мёртвым, и сроки не вышли.

Нав фыркнул, не сдержав иронии:

— А мне казалось, быть скромным и соблюдать закон — это не про вашего мудрого. И какой же клан породил будущего Великого Голкиру? Не твои ли горячо любимые Наритья? Небось, ради них он и старается! А прочие, вроде тебя, налипли им снегом на сапогах? Он — Наритьяра, да? Скажи, Арайя, который из трёх? Младший? Средний?

Беззаконник ощерился, схватил нава за шею, встряхнул:

— Вот же ты болтливая, живучая чёрная зверина! Мало я тебе вломил? Ты угадал, да. Сред...

Судорога скрючила пальцы, сжатые на Ромигином горле, так что наву стало временно ни до чего. Гортань смята, ещё чуть-чуть, и захрустят позвонки. А беззаконник забился, дико выпучив глаза, пуская изо рта пену. Бросил Ромигу, вцепился обеими руками себе в голову, завертелся волчком и рухнул, содрогаясь в конвульсиях.

Когда Арайя, наконец, затих на сбитых шкурах, кто-то спешно закатил дверь, и сразу после этого магическая сеть отпустила нава, замкнув контур по границам комнаты. Ромига осел на пол: полуживой рядом с облёванным, обгадившимся трупом. Некоторое время собственное состояние заботило его гораздо сильнее зловонного соседства, а также всех чувств и мыслей по поводу разговора.

Но всё-таки, крепко же Безымянный — если верить последним словам покойника, Наритьяра Средний — заклинает своих на молчание! Неужели, он ещё надеется утаить в мешке шило таких размеров, как претензия на мировое господство? Хотя, когда Арайя в доме кузнеца скрывал имя мудрого, стоящего за беззаконниками, это имело смысл. Да и сейчас... Ромига призадумался о своих шансах остаться живым свидетелем. Нет, от побоев и последней хватки Арайи он скоро оклемается, но что дальше? Лёгкость, с которой колдун подчинил нава, до сих пор не укладывалась в голове, пугала и злила до острых ушей. А всё равно проблемы следует решать по очереди! Побыстрее привести себя в порядок, обыскать труп — не найдётся ли чего полезного — и терпеливо, вдумчиво ковырять сторожевое заклятье. Пока рядом нет живых, оно слабеет, не блокирует магию наглухо. А значит, у пленника есть надежда. Тот не нав, кто в заточении просто садится ждать подмоги. Вильяре с Латирой Ромига, конечно, пожелает удачи. Но рассчитывать, что мудрые придут и спасут его, не будет. Вот сейчас он ещё немного отдышится, и...

Вильяра выжгла себя едва не дотла, и всё же не смогла исполнить долг мудрой. Она не усмирила стихии. Она уступила беззаконному колдуну в магическом противостоянии. Она бросила Нимрина, которому обещала защиту и покровительство. Она сбежала от врага, не убившего её сразу, вероятно, лишь потому, что он надеялся что-то с неё получить. Или просто не захотел осквернять Зачарованные Камни? Она узнала поганого беззаконника и готова была обвинить его перед Советом Мудрых... Она была жива!

Она обещала Латире явиться в его убежище — и вывалилась ему под ноги с изнанки сна. Как висела, сомлевшая, у Нимрина на руках — всё вокруг сознавала, но не в силах пальцем шевельнуть — так битой тушкой и распласталась на полу пещерной залы. «Старый, я не справилась сама, мне нужна твоя помощь!» — небо поменялось местами с голкья, говорить безмолвно стало проще, чем вслух.

— Я знаю, мудрая Вильяра. Ты спела песнь, но стихии бушуют пуще прежнего. Потерпи, сейчас будет легче. А потом ты всё расскажешь, и мы вместе что-нибудь придумаем.

Пламя гудит в очаге, льётся в горло пряный отвар. Вкус знаком по первому лету на ярмарке, и кажется, время повернуло вспять, вот-вот где-то рядом зазвучит мамин голос... Вмёрзшая в лёд фигура, рисунок на куртке, который ни с чем не спутаешь... Знахаркина дочь чувствует, как бегут по щекам слёзы, и слишком слаба, чтобы остановить их... Нет, это тело сдало, а колдовская сила в избытке, значит, ничто не мешает мудрой Вильяре действовать в призрачном облиии. Великую песнь так не споёшь, а поговорить с Латирой — запросто. Она открывает глаза, садится прямо. Старик улыбается:

— Малая, не двоись, отойди в сторонку. Мешаешь лечить.

Она легко встаёт и отступает на несколько шагов, смотрит на себя со стороны: удручающее зрелище. Целительница молча наблюдает и одобряет всё, что Латира делает с её бесчувственным телом. Заодно, она оценивает состояние самого старика: рана от стрелы затянулась и больше не угрожает его жизни. Значит, древний Камень был достаточно щедр к нему. Мудрая озирается по сторонам. Занятое логово, все стены расписаны, и даже потолок. Почитать бы рисунки, разгадать заметки собрата по служению, некогда обитавшего здесь. Жаль, времени нет совсем!

Вильяра начинает рассказ с того мгновения, как рассталась с Латирой, старик слушает и кивает.

— Значит, один отвлекал тебя безмолвной речью, пока второй будоражил стихии? Пересилил твою ворожбу, но понял, что ты выжила, и тут же явился за тобой во плоти?

— Именно так, старый.

— Ты говоришь, он наяву перетащил вас с Нимрином из одного круга в другой?

— Да, как в сказках. От наставника я даже не слыхала про такую песнь.

— Твой наставник... Короче, есть такая песенка, очень удобная. Будет время, научу тебя. Между прочим, это куда проще, чем завершить Усмиряющую стихии, когда тебе мешают два сильных и умелых колдуна. А ты это смогла, малая! И знаешь, чему я больше всего рад? Ты вовремя сбежала, и он не заклил тебя на молчание. Ты спокойно называешь имена. Если позволишь дать тебе совет...

— Позволю, старый, за тем и пришла. Давай!

— Думаю, сейчас самое время оповестить всех мудрых, кого ты сможешь дозваться. Начиная с хранителя знаний Нельмары и твоих ближайших соседей. Зови на помощь, но не удивляйся, если никто не придёт.

— То есть, как не придут? Почему?

— Обычай дозволяет отказать в помощи мудрому, который не справляется с чем-то в своих угодьях. Каждый из нас отвечает за собственный клан, это закон. Ты скажешь им, малая, что беззаконники — угроза не только для Вилья, и будешь совершенно права. Но страх перед твоими врагами многим помешает признать твою правоту. Вспомни расклад в Совете Мудрых: глава Совета — неизвестно где уже третью зиму, Нельмара его кое-как замещает. Половина Совета — старейшие, и большинство из них так давно бродят по иным мирам, что их уже мало кто помнит в лицо. А среди действующих хранителей кланов — много ли зрелых, кто уже обрёл опыт, но ещё не начал терять силу? Сама прикинь, сколько среди вас учеников твоего наставника и учеников его учеников? Я не к тому, что все такие станут подпевать твоему врагу. Ты же не подпеваешь! Я к тому, что твой наставник скверно учил, и все вы недоучки, малая. Слыхала, что за последнюю дюжину зим в пяти кланах Арха Голкья сменилось девять мудрых?

В иное время Вильяра разозлилась бы на старика за «недоучку». В иное, не сейчас. С неотвратимостью морского прилива на неё накатывало осознание всего происшедшего. Что она сделала, чего сделать не смогла, и какими последствиями — не для неё, тут ясно, смерть — а для хранимого ею клана грозила малейшая ошибка в круге. Вильяра впервые в жизни ужаснулась собственной самонадеянности. Если держать в уме одну-единственную колдовскую пургу, лечение грозило стать хуже болезни, и едва не стало! Недруги могли строить свой план именно на этом: якобы, Латира растревожил стихии, Вильяра неудачно попыталась их усмирить, а совместными усилиями беззаконник и хранительница разнесли половину домов и угодий Вилья. А дальше напрашивается: Средний Наритьяра является милосердный и прекрасный (или суровый и грозный, как захочет!), героически спасает, кого успевают. Истерзанные Вилья уходят в зиму, до весны доживают жалкие остатки. Селитесь, Наритья на землях своих далёких предков, наследуйте выморочное, плодитесь и размножайтесь! Просто, как умыться снегом, и этот поганый план ещё может осуществиться. Вильяра должна действовать предельно осторожно. Как мама ей всегда говорила: «Не навреди!» Но как? Как действовать?

Вильяра не боялась запевать Усмиряющую Стихии, крепко верила в свою силу и удачу. От мыслей о второй попытке ей жутко до одури. Её трясёт даже в призрачном обличьи, а телесная половинка стонет, плачет, мечется в тяжёлом сне. Мудрая и целительница с неумолимой ясностью понимает: раньше рассвета она никаким сверхусилием не соберёт себя, чтобы ещё раз начать и закончить великую песнь. Просто не сможет, и всё. Что же сейчас в её власти? Потратить время на размышления, на поиск выхода из ловушки, куда беззаконники загоняют её клан.

Она смотрит Латире в глаза и отвечает на заданный им вопрос:

— Я слышала, я думала и никак не могла понять, отчего мудрые на Арха Голкья всё время мрут, не успевая войти в силу. Отчего стихии там то и дело бушуют, охотники гибнут или разбегаются, будто рогачи от пожара. Неужели, Наритья это нарочно устроили там, а теперь начали здесь?

Латира отводит взгляд, сокрушённо склоняет голову:

— Я опасюсь преступить запрет и выболтать то, что меня убьёт, но ты догадлива,

малая. Надеюсь, Рунира и Стира умеют думать и делать выводы не хуже тебя.

Вильяра вспоминает двух могучих, величественных старцев, которые помогали наставнику в обряде посвящения, и невольно ёжится. Именно Рунира и Стира провели знахаркину дочь сквозь огонь, воду, а затем оставили во льдах. Посвящённой ясна суть и смысл обряда, а всё равно не легче. Она до сих пор побаивается этих двоих, не доверяет им. Наставник объяснял: у многих так бывает, с годами пройдёт. Но, любопытно, почему самая неблагодарная роль в обряде досталась именно тем мудрым, с которыми ей жить и служить бок о бок? Почему наставник поручил им это, а они согласились? Раньше Вильяра об этом не задумывалась, а зря...

— Уж кого не назовёшь неопытными недоучками, так это моих соседей!

Латира кивает:

— Да, они из среднего поколения мудрых, ныне редкого и драгоценного. Но скажи, малая, они хоть раз помогли тебе, хотя бы советом?

— Я ни разу их ни о чём не просила. Понимаешь, старый, я до сих пор никак не прощу им боль и страх посвящения. Я думаю, мой наставник, чтоб его шуры драли, нарочно так задумал! Но сейчас я просто скажу Рунире и Стире... Если они понадеются отсидеться в стороне, пока беззаконники губят мой клан, то они сами станут следующими.

Старик щурится, кривит губы:

— Имей в виду, они могут быть в сговоре с твоим врагом. Вспомни старые претензии Руни и Сти к Вилья. Старший Наритьяра поддерживал Руниру и Стиру, они вместе давили на твоего предшественника. Кстати, именно тогда твой материнский род лишился собственного дома.

Знахаркину дочь, как и всех детей Нары Голкья, учили: достойный охотник никогда не возводит напраслину на другого, не подозревает в поганных делах без веских на то оснований. У южан иначе, мысли и языки у них грязные, даже у лучших из них. Как же это иногда раздражает!

— Слушай, старый, зачем ты сейчас мне всё это говоришь? Сам-то ты собираешься помогать, или будешь только злословить всех и вся?

— Помогаю и буду помогать, малая. Я должен тебе и твоему предшественнику. Я должен твоей матери. Я должен Иули, а через него — твоему Нимрину. Я — враг твоих врагов. Но не жди от меня слишком многого. Станешь рассчитывать только на свои силы, точно не ошибёшься.

Вот же вывернул! Вильяре надоело это склизкое и зловонное, будто гнилые рыбы потроха, словоблудие:

— Мудрый Латира, скажи, на рассвете ты пойдёшь со мною в круг усмирять стихии?

— Пойду, о мудрая Вильяра. Я староват для великих песен, но даже если круг возьмёт меня совсем, я всё равно спою с тобой. Только сперва ты вернёшься в себя, и мы поужинаем. Гляди-ка, похлёбка поспела. Потом ты пошлешь зов всем, о ком мы с тобой только что говорили, и ты дашь им понять, что слаба, неуверенна в своих силах и очень боишься петь второй раз, — всё-то он про неё знает и понимает, прошмыга серый! — Нет, а вдруг, я ошибся в наших братьях и сёстрах по служению? Вдруг, они тебе дружно кинутся помогать? Знаешь, как я обрадуюсь, если ошибусь в эту сторону? А ну-ка, малая, собирайся, вставай и ешь!

Ох! В призрачном обличи хотя бы ничего не болело! Но что она за мудрая и что за потомственная знахарка, если не сумеет заговорить собственную боль?

А похлёбка оказалась навариста, вкусна и пахла всё теми же пряными, целебными травами. Вильяра хлебала её молча и быстро, ложка почти не дрожала в руке. Латира прав: подкрепиться — жизненно необходимо. Но время текло, и чтобы не тратить впустую драгоценных мгновений, Вильяра позвала Нельмару. В ответ — глухая, мёртвая тишина и холод.

— Старый, я тоже надеюсь ошибиться... Но как бы Совет Мудрых не остался без хранителя знаний!

Латира сосредоточился, посылая зов, отрицательно качнул головой.

— Возможно, малая. Но по моему опыту, мёртвые отзываются на зов чуть по-другому. Я почти уверен, что Нельмара жив и прячется. Или его спрятали. А может, заперли против воли. Сделать какое-то место мёртвым для мысленной речи очень не просто, но у нас и противники не простые... Что, тоже не слышала, что такое возможно? Однако если твой наставник учил твоего врага не как тебя, а как следует... Скажи, твой Иули владеет мысленной речью?

— Слышит, но сам пока не говорит.

— Главное, слышит! Если сейчас дозовёшься, ободришь его. А не дозовёшься, так проверишь отклик.

Вильяра позвала — и снова упёрлась в ледяную пустоту. Мгновенный ужас, и сердце пропустило удар. Когда мудрая успела так привязаться к странному чужаку? Тогда ли, когда от скуки и от избытка сил залатала искалеченный дух частицей своего — или позже, в совместных приключениях? Но именно благодаря тому, что однажды Вильяра щедро поделилась собою с чужаком, теперь, сосредоточившись и успокоившись, она почуяла со всей определённости: её Нимрин жив. И она готова была нащупать едва уловимую разницу откликов, о которой говорил Латира. Три зова подряд: безусловно мёртвый Дюран, пропавший Нельмара, безусловно живой Нимрин. Пусть голова раскалывается от боли, пусть холодеет и щемит сердце, но колдунья знает: двое из троих — живые... А мама, ну вдруг? Нет, увы. Наставник, на всякий случай? Нет, не воскрес, и пусть его щуры до жаркой и зелёной зимы гнилой рыбой кормят!

— Малая, эй!

— Здесь я! Нимрин не слышит и не отзывается, но он жив. Нельмара, кажется тоже. Сейчас я ещё кое-что попробую.

Вильяра порылась в поясном кармашке, добыла оттуда крохотный свёрточек, а из него — несколько коротких чёрных волосков. Специально приберегла с того раза, когда Нимрин учил Вильяру с Лембой искать по-своему. Вот и пригодились. Прикинув расстояние от истоков Кривого ручья до Синего фиорда, набросила ещё половину сверх — силы-то хватит — и запела.

Силы хватило не только определить направление и расстояние, но и ясно увидеть. Комната — ой, какой знакомый скол камня над дверью, это точно её старый дом! Нимрин на лежанке: одетый, при всей своей воинской сбруе, спит поверх шкур. Или не спит? Глаза приоткрыты, зрачки наполовину закатились под веки, а выражение лица как тогда, когда Вильяра только собиралась будить находку кузнеца — неприятно пустое. Послала зов — пустота и холод, а видение, между тем, начало таять. Вильяра невольно потянулась к Нимрину — её сдёрнуло в колдовской сон: резко, неодолимо...

— Куда?! — окрик и удар ложкой по лбу вернули в действительность.

Вильяра проследила, как с жалобным дребезгом катится по полу котелок из-под

похлёбки — миг назад Латира доскребал гущу со дна. Сейчас старик шипел и кривился от боли. Рана подживала быстро, однако для полного исцеления нужна полнота силы, а без неё — дня три бы ещё воздержаться ему от резких движений... И всё же успел! Вытащил!

— В щуров котёл, под чёрным солнцем, на холодном пламени, с сухою водой...

— Не ругайся, малая, а расскажи-ка, во что ты вляпалась. Судя по твоему лицу, ты начала проваливаться туда, куда совершенно не хотела попадать, иначе я бы не вмешался. Что там, ловушка? С наживкой?

— Да. Я зашла со стороны, где меня вряд ли ждали, а всё равно попалась...

Вильяра изложила подробности своего приключения, Латира только головой качал.

— Ну и мастера вырастил поганец, твой наставник! Умел же, когда хотел! Знаешь, что, малая, давай-ка заканчивать со всякими выкрутасами, пока оба целы. Зовём и оповещаем мудрых: я — старейших, насколько смогу рассказать им с моею клятвой, ты — действующих хранителей.

Мудрый Стира отозвался Вильяре сразу. Внимательно выслушал новости из соседнего клана и приглашение в круг: усмирять стихии. Ответил вежливым отказом и обещанием, если Вильяра погибнет, донести её свидетельство Совету. Вильяра кое-как упростила его не откладывая, сразу передать новости дальше, всем собратьям по служению.

Рунира сначала отказывался верить в беззаконие одного из самых могущественных и уважаемых мудрых, потребовал доказательств. Потом согласился, что кто бы, на самом деле, ни растревожил стихии, усмирить их нужно, и как можно скорее. Сказал, что постарается к полудню закончить дела в своих угодьях и придёт разбираться на месте.

Дальние соседи один за другим либо обещали помочь, но позже, либо наотрез отказывались рисковать ради чужого клана. После десятого по счёту зова Вильяра плакала и даже слёз не смахивала. После двадцатого сказала в сердцах:

— Хватит! Только время зря теряем!

Латира, сидевший с закрытыми глазами и тоже совершенно не радостным выражением лица, встрепенулся:

— Нет, не зря! Мы с тобой теперь не сгинем безвестно, а беззаконники не смогут творить свои дела тайком. Новость разлетается во все стороны. Двое из семи, кого я дозвался, уже знали. Им уже сказали те, кого мы с тобой оповестили первыми.

— Из семи? Я поговорила с двадцатью, и многие ещё мучили меня расспросами! Звёзды на востоке уже тускнеют, — сидя в пещере, колдунья не могла этого видеть, но чувствовала. — Скоро нам пора...

— Прости, малая! Я передал тайну, которую хранил, тому, кому смог быстро объяснить. Мы с Альдирой учились у одного наставника и всегда пели в унисон. Альдира умён, осторожен и терпеть не может Наритья. Мы с ним давным-давно не друзья, но это уже не важно. Если выживем, малая, то тебе я тоже обязательно всё расскажу. Если выживешь одна, растряси Альдиру... Ну, что, попробуем сами наполнить водой дырявый кувшин? Или подождём Руниру?

Вильяра поёжилась, вспомнив запредельное напряжение великой песни, и сколько давал ей круг, и как всё это проваливалось в никуда.

— Тебе тоже пришёл в голову дырявый кувшин? Как думаешь, старый, сможем мы справиться с невыполнимой задачей?

— Наплескать с верхом, больше, чем вытекает? Думаю, сможем. Здешние Камни

истосковались по разумным, они так и сочатся силой. Не раскрывая круг, просто положив руки на Камень, я получил столько, сколько из Ярмарочного не вытянешь с ключом.

Колдунья нервно усмехнулась:

— Я не стану делать тебя ключом, мудрый Латира, и сама им становиться не желаю. Так и знай! Хотя, Камни иногда не спрашивают, и ради клана...

— Нет, малая. Ты, конечно, хороша, но я-то уже слишком стар для таких игрищ. Мы просто зайдём в круг, держась за руки, и споём песенку, которой тебя твой наставник совершенно точно не учил. А потом споём Усмиряющую Стихии... Если так и не придумаем чего-нибудь получше! Скажи-ка, малая, как проще всего наполнить водой дырявый кувшин? Самый обычный дырявый кувшин?

— Обычный кувшин? Сперва заткнуть и замазать дыру. Но наша дыра — незаконный колдун... Вообще-то... Если его убить, большинство заклятий быстро и без последствий рассеются. Лишь великие песни опасно прерывать на середине. Сам понимаешь, старый, я не хочу обрушить свои первые Зачарованные Камни на дом у Синего фиорда... Он же там сейчас поёт, да? Нет, кто бы там сейчас ни жил, не хочу. И всё побережье тряхнёт, и дом Лембы близко...

— Малая, какие бы песни он ни пел, он не поёт постоянно. Нашёл же он время ловить тебя. Судя по отголоскам, которые я слышу, он берedit стихи, потом отдыхает, потом опять берedit. Через равные промежутки времени, будто раскачивает качели. Ты сбила его, а дальше он опять держит ритм. Мне это страшно не нравится! Для «проклятья пурги», «гласа моря», «ропота голкья» и всей подобной погани мудрому в круге достаточно спеть один раз. Так, как сейчас, накачивают силу слабые колдуны, но он-то — мудрый в круге! Что он накачает, я даже предполагать боюсь. Как бы падение Лати Голкья не показалось рядом с его задумкой мелким сезонным извержением.

Вильяра чуть не переспросила: «Ты шутишь, старый?» Но не то настроение у обоих, чтобы шутить. Тем более, такими вещами! Мудрая закрыла глаза и сосредоточилась, пытаясь услышать, поёт ли сейчас её враг? Да. И похоже, таки у Синего фиорда. Враг — там. Нимрин — там (и пока жив!). возможно, где-то там пропавший Нельмара.

— Латира, слушай, если мы в самом деле пойдём убивать, лучше подстеречь его, как он меня: после очередной песни.

— Согласен, малая. Но даже ты взяла с собой для подстраховки Нимрина. Вопрос, кто прикрывает незаконного колдуна, и как именно... Погоди...

Старик замер, уставившись в одну точку, и пребывал так довольно долго. Вильяра прислушивалась к голосам стихий и пыталась понять, что делает и что замыслил враг?

За время ученичества у Старшего Наритьяры она немного узнала Среднего. Он приходил в гости к их общему наставнику: побеседовать о делах в Совете, приятно провести время за пиршественным столом. Красавец и умница, яркий и жаркий, как летнее солнце, он свысока посматривал на юную ведьму, а охотников вокруг, казалось, вовсе не замечал. Вилья, кормившие мудрых в своих домах, были особенно не рады блистательному молодому колдуну, но на расспросы Вильяры, что с ним не так, молча отводили глаза: смущённо или испуганно.

С разрешения наставника, Средний однажды взял Вильяру в круг Зачарованных Камней, и ей там было хорошо — впервые со дня посвящения. Мудрая извела удовольствие и от любовной игры, и от стремительно наполнившей тело колдовской силы. Женщина была в восторге, а вот мужчина не сказал ей ни слова ласкового, а выйдя из круга, залепил оплеуху и обозвал блудливой девчонкой. Позже Вильяра подслушала, как Старший Наритьяра отчитывает Среднего: «Безмозглый размазня! Если тебя распёрло покувыркаться со смазливой девкой, зачем было тащить её в круг? Знаешь ведь! Зачарованные Камни питают того, чья радость ярче, чей дар сильнее. Девка обставила тебя и так, и эдак, о мудрый из круга старейших, ключ для недоучки! Ты должен был не слюни распускать на её прелести, а унижить, напугать, обидеть её. Чтобы плакала, дрожала, сгорала от стыда и не смела тянуться к силе! Нагибай-ка ты в круге, кого обычно. Посвящённая — слишком крупная дичь для тебя. Исчезни с глаз моих, неудачник!» От услышанного до Вильяры, наконец, дошло, что в кругу она нечаянно перетянула на себя поток силы, большую его часть. То есть сделала со Средним то, что наставник делал с ней, и что ей так отчаянно претило. Робкие извинения колдуньи Наритьяра Средний отверг со злобой и старательно избегал её после...

Вильяра ощутила острый укол вины. Сама того не желая, она нанесла собрату по служению болезненную рану, которую наставник старательно растравил. Что, если Средний затеял беззаконие ради мести ей, Вильяре? Может, заполучив её шкуру, он угомонится и оставит в покое клан? Не слишком умная мысль: дело зашло безнадёжно далеко, одними лишь запретными песнями беззаконный колдун уже вычеркнул себя из кругов мудрых и из числа живых. Встав под удар, Вильяра ничего не исправит — но может быть, приостановит? Даст время Совету собраться и...

«Наритьяра мудрый, скажи, зачем ты раскачиваешь Голкья?» — посылая зов, Вильяра не брала пример с Младшего, не рисковала сорвать чужое заклятье. Судя по эху, Средний как раз закончил очередную песнь. «Наконец-то ты заметила, и тебе стало любопытно, несносная девчонка», — миг, и он уже стоит перед ней посреди пещеры.

Он совершенно не изменился с их последней встречи, да и со дня своего посвящения: высокий и мощный, но так и не заматеревший до конца четырёхлетка, краса и гордость Наритья. Он сохранит этот прекрасный облик на десятки и даже сотни зим, мудрые стареют медленно. Он улыбается, и отсветы пламени из очага играют на крупных белоснежных клыках, на безупречно ровных резцах. Зрачки глубоко посаженных глаз вспыхивают льдистыми зарницами. Он видит, что Вильяра тянется к ножу на поясе, и, призывно распахнув объятия, запекает Зимнюю песнь умиротворения. Не подпеть ему, не замкнуть

кольцо рук — превыше сил. Колдунья мельком удивляется, почему они поют лишь вдвоём, а где же Латира?! А его в пещере нет, как никогда не бывало... Ах ты, старый прошмыга! Но песнь глушит недовольство, настраивает на благой лад.

— Я пришёл говорить, а не драться с тобой, о мудрая Вильяра. Я объясню тебе, что происходит, и предложу выбор, — речь колдуна звучит изысканно вежливо, церемонно, все «поганые девчонки» отброшены, будто детские шалости.

Колдунья прохладно улыбается в ответ:

— Пришёл — говори, о мудрый Наритьяра Средний.

— Слыхала ли ты про «качели смерти», о Вильяра?

— Что-о-о?

От умиротворённости в миг — ни следа. Шерсть дыбом, рычание рвётся из горла, но охотница замерла, как перед стадом диких шерстолапов: шевельнёшься, издашь звук — затопчут.

— Не беспокойся, о мудрая, я знаю, как раскачать «качели», и знаю, как их потом остановить. Я их обязательно остановлю... После того, как все мудрые Голкья присягнут мне! Многих я уже привёл к присяге, теперь твоя очередь.

Ужас леденит кровь, лучше бы беззаконник явился сюда просто убивать.

— Что будет, если я откажусь?

Он лучезарно улыбается:

— Да ничего, я же сказал: я пришёл говорить, а не драться... Ну, то есть, вот прямо сейчас — ничего. Однако если мудрые не присягнут мне достаточно быстро, я могу и не совладать со стихиями. А если кто-нибудь попытается убить меня или как-то помешать мне...

И он замолкает многозначительно. Чем ответит мир на опаснейшую разновидность зова стихий, заранее не предскажет никто. Но падение Лати Голкья точно покажется рядом с этим даже не сезонным извержением — плевком грязевого вулкана. Беззаконник грозит убить всё живое на Нари Голкья — или на Голкья вообще. Мир до сих пор не затянул раны, нанесённые первыми «качелями смерти», а минуло тому более семисот зим. Эти — вторые.

— Наритьяра, зачем? Чего ты добиваешься?

Глаза неистово полыхают из-под густых белых бровей, горячее дыхание обжигает лицо, тяжёлые ладони на плечах не дают отстраниться. Колдун говорит — почти поёт:

— Голкья связана по рукам и ногам устаревшими законами и обычаями — я желаю освободить её. Голкья смертельно больна и еле дышит под гнётом снегов — я желаю исцелить и согреть её. Охотники ютятся в пещерах, перебиваются с рыбы на выползков — я желаю накормить всех достойных и поселить их в сияющих городах из снов. Я знаю, как этого добиться, мне нужно только повиновение. Для начала, повиновение всех мудрых.

Воля колдуна давит, мутит разум. Но подчинить Вильяру даже у их общего наставника получалось редко. И этот не сможет, равно как и она не подчинит его (конечно, попробовала!). Вильяра стряхивает с плеч чужие загребушие лапы:

— О мудрый Наритьяра Средний, тебе же не хватит силы, чтобы удержать всю Голкья под своею рукой!

— У меня одного, конечно, не хватит, — он признал это неожиданно спокойно и трезво, с высокомерной ухмылочкой, мол, превосходство моё — не только в силе. — Именно потому мне нужны все вы, живые: и мудрые, и одарённые из охотников... Ты приносишь мне присягу сейчас, о мудрая Вильяра? Или дать тебе ещё время подумать?

Его спокойствие пугает, хуже бурного натиска: так неколебимо верит незаконный колдун в свой замысел и в свой расчёт.

Вильяра, прячет взгляд, склоняет голову:

— Время. Дай мне время, о мудрый!

Довольный смешок, порыв ледяного ветра — и Вильяра в пещере одна. Она зябко охватывает себя за плечи, бродит взад-вперёд от стены до стены, трясёт головой, пытаясь избавиться от поганого ощущения давящей чужой воли. Подбрасывает угля в очаг и зовёт Латиру: «Старый, ты куда пропал, шурова сыть?» Вздрагивает от неожиданности, когда он откликается вслух из дальнего угла:

— Здесь я, малая! Никогда ещё не ворожил «морозную дымку» так быстро и так старательно.

Латира выходит на свет, но удержать взгляд на старом колдуне всё ещё трудно, и даже аура едва ощутима. Он нервно отряхивается, сбрасывая остатки заклятья вместе с тысячелетней пылью. Вильяра спрашивает:

— Зачем ты спрятался?

— Мне нельзя было попадаться ему на глаза, но и бросить тебя я не мог. Любопытно, как он попал сюда? Ему знакомо это место, или он искал тебя и нашёл?

— Я страшно сглупила, старый! Я послала ему зов. Считай, сама указала место.

— Зов?

— Да, я спросила, зачем он раскачивает Голкья.

Латира кривится горестно:

— Это можно назвать глупостью, но я не буду. Я скажу: хорошо, что теперь ты знаешь его цели, малая. Он сам объяснил тебе многое, чего не мог рассказать я.

— Мудрый Латира, ты что, присягнул ему?

— Прости, малая, но я не смею говорить об этом.

Ответ, равнозначный «да». Вильяра запрокинула голову и взвыла, а потом закрыла лицо руками и осела на колени, сворачиваясь в дрожащий, жалобно скулящий комок на полу. В точности, как Ирими, только вместо головы жениха у неё — не исполненный и совершенно неисполнимый уже долг перед кланом. А ещё ей, прошедшей огонь, воду и лёд посвящения, гораздо труднее расстаться с рассудком, соскользнуть хотя бы во временное в беспомыслие. Мама, мамочка, как же больно!

Мудрый Латира в очередной раз удачно избежал внимания Безымянного. Уж если тебя связали смертной клятвой, если не можешь ударить врага, если знаешь, что выполнишь беспрекословно любой его приказ, лучшее, что ты можешь — закрыться от мысленной речи врага, не попадаться ему на глаза, не становиться оружием в его руке.

Латира слышал весь разговор и прекрасно понимал отчаяние Вильяры. Он сам пережил подобное: прошёл насквозь, будто стихии посвящения. Он успел изучить западню изнутри и видел выход, но не знал, как туда добраться. Пока не знал!

Он позволил Вильяре немного порыдать без помех, потом уселся рядом и запел, в точности, как пел над её несчастной матерью. Знахаркина дочь постепенно успокаивалась: ещё немного участия и ворожбы, ещё чуть-чуть терпения, и можно будет с нею дальше говорить.

Ромига держал на ладонях чёрно-рыжий обсидиановый нож. Археолог Роман Чернов, которого нав изображал несколько лет, сказал бы, что видит шикарный образчик тонкого бифаса: клинок лавролистной формы на рукояти из кости, с обмоткой из жил. Похоже на культуру Кловис, в своём роде — почти совершенство. Нож был явно не новый, за ним умело ухаживали, подновляя кромки. Вероятно, теми же руками, что когда-то изготовили. Прощай, Арайя, мастер каменных клинков, глава одноимённого дома...

Нав прикинул, что при необходимости, мог бы этим красивым ножичком довольно легко зарезаться. Знал, куда вогнать клинок и как повернуть... Нет, отхватить себе голову катаной — быстрее и надёжнее. Но самоубийство — самый крайний выход, а Ромиге до края очень-очень далеко.

Однако, покойник был большим любителем всего острого: кроме ножа на поясе, у него нашлась ещё пара засапожных. Один — кремнёвый, поглубже обсидианового, но той же работы. Второй — добрая сталь с клеймом мастера Лембы.

Помимо ножей, Ромигу заинтересовала низка разноцветных камушков, похожая на чётки. Рука сама потянулась за ними, как за связкой ключей на поясе тюремщика... Стоп, да это же и есть ключи! На Голкья они выглядят именно так: волшебные каменные ключи от круглых каменных (и прочих) дверей, Вильяра передала найдёнышу это знание. Осталось разобраться, отперёт ли какой-нибудь ключ дверь Ромигиной темницы, разомкнёт ли заклятие? Там ведь ещё что-то пели под дверью, прежде, чем войти... Покойный Арайя пел, а Ромига на всякий случай запомнил ту песенку.

Часа через полтора вдумчивой, предельно осторожной работы — сапёры со взломщиками пусть обзавидуются! — нав стоял в коридоре и соображал, куда дальше? По ощущениям, время было рассветное, но в доме тишина. Гарка запросто мог проделать то, чего не позволил проделать Арайе в доме Лембы: пройтись по комнатам и зарезать сонными всех, кого найдёт. И пусть местные шуры разбираются, кто тут был беззаконником, а кому просто не повезло! Но лишнего кровопролития Ромига никогда не любил, к тому же, главной его проблемой были не обитатели дома, а беззаконный колдун... Правильнее сказать: отступник — мудрый... Нет, для наиболее осознания проблемы: враждебно настроенный иерарх!

Таких серьёзных противников у Ромиги ещё не бывало, но гарку учили убивать магов сильнее себя. Нужно ли убивать? Нав прикинул и решил, что достаточно понаблюдать и прочувствовать, чтобы однозначно решить: «да». Что необходимо для успеха? Первое и самое трудное: подобраться к объекту незамеченным. Второе: накрыть его «навским арканом» прежде, чем объект успеет предпринять контрмеры. Если аркан зацепит удачно, уже не важно, насколько силён маг, и много ли у него энергии: вся она уйдёт в никуда, да ещё оставит мерзкие ощущения, от которых мало кто быстро оклемавается. Соответственно, третье: не позволить объекту прийти в себя и восполнить потерю энергии. И, наконец, четвёртое: быстро добить в ближнем бою, магией, оружием или сочетанием того и другого. Не слишком сложно, на словах.

Ромига крался по дому у фиорда единственным знакомым путём: как шёл с Наритьярой от Зачарованных Камней. Вряд ли эти Камни наделят чужака силой, скорее, как в прошлый раз, начнут убивать. Но в круг-то Ромиге не надо, у него другая идея: перехватить беззаконника на пути туда или оттуда. Идея кажется здоровой и перспективной. Главное, дожидаться мудрого, не околевав на морозе. Кто знает, когда колдуну в следующий раз

понадобятся Камни? Но вдруг, скоро? Вдруг, навую повезёт?

А кстати ещё, любопытный вопрос: почему труп Арайи, при всех ключах, бросили в комнате пленника? Это была дурость двух напуганных женщин — или некий хитрый умысел? Чего охотницы так испугались, когда он с ними заговорил? Увы, даже для предположений слишком мало информации.

Знакомая дверь наружу отворилась и затворилась со знакомым мелодичным скрипом: ключик нашёлся и для неё. Знакомо метались огни в двух плосках, знакомо мела и кружила пурга. А вот подсвеченной тропинки не было, зато над косогором полыхало зарево, разноцветное, будто полярное сияние, даже густая пелена летящего снега не могла его заглушить. Красиво, только от разлитого в воздухе напряжения — мурашки по хребту, и боль стреляет в виски. А в доме, кстати, ничего такого не ощущалось... Кажется, Ромига угадал время! Наритьяра ворожит в круге, очень серьёзно ворожит. А как закончит, пойдёт домой. Может быть.

Едва сосупив с каменной площадки у двери, нав по шею провалился в сугроб. Идти без лыж тут было немыслимо, а где взять лыжи? Можно наколдовать, или левитировать, но лучше уж сразу... Если получится...

Ромига открыл портал на самый верх склона, к каменным клыкам, выше которых видел твёрдый фирн, а не рыхляк. Портал — кривой и какой-то серый, в лучшие времена гарка без приказа в такой не сунулся бы. Но рискнул: интуиция подгоняла пуще приказа. Вывалился на плотный снег ярдов с пяти, помятый, но живой. Ветер сбивал с ног, швырял в лицо ледяные иглы. Близкое эхо чужой ворожбы отзывалось болью во всём теле, неистовый свет резал глаза так, что Ромига старался даже не смотреть в ту сторону. Вспомнил, где шла тропа, и спрятался рядом, среди торчащих из-под снега камней: через пару минут чёрный комбинезон так же запорошит, залепит белым. Вспомнил, как Вильяра пела «морозную дымку» и постарался изобразить нечто подобное. Пусть не постиг важных нюансов заклятья, но лишь бы характерная тёмная аура не маячила на весь склон!

Ромига уже начал сомневаться в своей затее, когда световой конус, вершиной упирившийся в гору, широким основанием — в тучи, начал тускнеть и погас. Нав сморгнул «зайчики» и на пару мгновений сжал веки, чтобы поскорее восстановилось зрение. Проверил, хорошо ли ходят клинки в ножнах? Только бы энергии хватило на «навский аркан»! Только бы на чужой энергии удалось его построить! А главное, пусть беззаконник спустится именно здесь, а то может ведь, гад, уйти куда-нибудь прямо из круга...

Тропа засветилась, едва заметно в утренних сумерках, когда затаившийся в засаде гарка уже почти не надеялся. Перевёл дыхание. Замер, будто взведённый капкан.

Ждал, ждал — дождался!

Наритьяра шествовал с горы неторопливо и важно. Он был не один: тащил кого-то мелкого, перекинув через плечо, как ветошь. По сторонам не смотрел, утомлённый трудами, глубоко задумавшись или ведя безмолвный диалог. Первую атаку, «навским арканом», бездарно пропустил, или здесь не знали подобных заклятий? Судя по ступору, по вытаращенным глазам, он даже не понял, что случилось: была сила — ой! — утекла. Моргнуть не успел, как в один глаз вошёл нож, во второй — «эльфийская стрела». Зашатался, уронил, кого нёс, схватился за лицо... Свист чёрной стали, и на снег, разбрызгивая кровь, рухнули куски того, что только что было беззаконным колдуном. Так неожиданно просто...

Голову Ромига сцапал на лету: враг ещё жил, ещё пытался что-то сказать, мучительно

кривя рот. Жаль, в глаза напоследок не заглянешь, нету глаз, но по губам читалось что-то вроде: «Тьма победила свет. Умрём все вместе: я и Голкья». Голова ещё жила, эти мудрые поразительно живучи, но проку от неё уже никакого. Ромига с сожалением положил трофей на снег — энергии для «иглы инквизитора» точно не хватит — и сам едва увернулся от летящего в лицо ножа. Рыкнул сурово:

— Эй, ты, не балуй!

«Ветошь», которую Наритьяра нёс на плече, оказалась молоденькой охотницей, немногим старше Рыньи. Теперь она, с макушки до ног заляпанная кровью мудрого, скалилась и сверкала зрачками, отползая на заднице от Ромиги. Он в два шага оказался рядом, схватил её за шкурку, рывком поднял на ноги — оцепенела в ужасе. Охлопал по одежде, проверяя, нет ли другого оружия: нету. Заглянул в огромные жёлто-зелёные глаза, сказал, как можно мягче:

— Эй, я тебя не обижу, всё будет хорошо.

Она вытаращилась пуще прежнего, затараторила лихорадочной, заплетающейся скороговоркой:

— Нет, нет, нет! Не будет, ничего больше не будет! Ты убил наше Солнце, оборотень, ты убил Великого Безымянного, мы теперь все умрём. И ты, ты, ты тоже умрёшь вместе со всеми, вместе с Голкья. Великая песнь не допета, оборотень, мы умрём все скоро и страшно.

— Как это, не допета, глупенькая? Мудрый же вышел из круга?!

— Безымянный сказал, великая песнь не поётся за раз. До полнолуния он должен был её петь, до следующего полнолуния, а теперь некому, некому! О горе, горе, горе великое! Смерть, смерть!

Девчонка мотала головой, как полоумная, разбрызгивая слёзы пополам с кровью колдуна, сплошь залившей лицо. Потом попыталась вцепиться ногтями себе в щёки — Ромига перехватил её за запястья, сильно встряхнул, рывкнул:

— Имя! Как твоё имя?

— Му... Му... Мули! О... О... Оборотень, убей, убей, убей, съешь меня поскорее, я не хочу видеть, как небо падёт на Голкья, — паника, паника, паника.

Слова девчонки могли быть бредом, а могли и не быть. Прежде, чем разбираться с этим, нав решил проверить вменяемость собеседницы:

— Сколько тебе полных лун, Мули?

Девушка сперва опешила от неожиданного вопроса, потом в глазах появился проблеск разума. Она загнула и сложила пальцы на руках, показывая число, так называемым, купеческим счётом. Милостью Вильяры, Ромига знал, как здесь считают: на левой руке — до двадцати, на обеих — до четырёхсот. На всякий случай, он запомнил комбинацию пальцев, может, потом пригодится. Но сейчас ему, на самом деле, не важно, сколько Мули лун, важно, чтобы она слушала, говорила и чуть-чуть думала.

— Чья ты, Мули?

— Я из великого клана Наритья, из дома Вильярина, — охотница даже чуть приосанилась. — Отец мой — Вильгрин купец, сын Поджи, а мамино имя я храню в памяти. Она была из дома, из дома Ксавирны, дочь Ванслу и Натти... Зачем, зачем тебе моя родословная, оборотень? Я же заговорила с тобой, значит, значит, с... с... сейчас ты меня съешь. Ешь, ешь, ешь меня поскорее, а то мне очень страшно!

— Знаешь, Мули, я неправильный оборотень, у меня всё наоборот, — Ромига улыбнулся осторожно, не показывая зубов. — Обычно я не ем тех, кто со мной говорит. Тебя я точно не

стану есть, а то твоя мудрая тётка на меня обидится.

Он ждал вопроса про тётку, но едва вынырнув из истерики, девушка стремительно погружалась обратно, только бормотала теперь всё тише и неразборчивее. Пошатнулась, закатила глаза и начала заваливаться. Нав подхватил её на руки: не пушинка, но гораздо легче Вильяры. Очевидно, нужно было поскорее тащить её в дом, в тепло, да и самому хотелось поскорее убраться с ветродуя, а то даже на лёгкий щит не напасёшься энергии. Сколько ещё отнимет обратный портал к двери — или экономнее материализовать лыжи?

Прежде, чем уходить, Ромига придирчиво отсмотрел место схватки... То есть, расправы, но кто ж знал, что убить мудрого окажется настолько легко? Ой, нет, какая-то жизнь ещё теплится в останках Наритьяры! И хуже того, от недалёких Зачарованных Камней тянется к ним осязаемый поток силы! Вряд ли возможно собрать себя из такого шурк'а, но наву картина не понравилась. Пинками, чтобы не выпускать из рук Мули, Ромига подкатил голову колдуна к обрубкам тела, отошёл на несколько шагов и выжег всё «дыханием дракона»... Не дотла! Снежные вихри, пар и дым над обугленными костями сплелись в подобие рослого, плечистого охотника — «эльфийская стрела» пронзила его насквозь, и порыв ветра развеял. Вот теперь живая аура несостоявшегося Голкиры окончательно поблекла, дело можно считать сделанным. А чего там беззаконник успел наворожить, что не исчезнет с его смертью, с этим пусть разбираются остальные мудрые. Жаль, Ромига не освоил мысленную речь: очень хотел обсудить ситуацию с Вильярой, но увы.

Он поудобнее перехватил свою ношу:

— А теперь мы, Мули, быстро-быстро бежим домой. Греться!

Нав с девчонкой на руках длинными прыжками заскакал вниз по горе, засаживая пятки в фирн, чтобы не оскользнуться на всё более крутом склоне.

— Не ходи, не ходи прямо, оборотень, это тропа Великого Безымянного. Иди левее, там наша, наша тропа смертных.

Подсказка оказалась кстати. Утоптанную и расчищенную тропинку, местами, сильно перемело, но бежать по ней было гораздо удобнее, чем по целине. Только вела тропа не к знакомой певучей двери, а куда-то в сторону и гораздо ниже по склону.

— Мули, что там, дальше?

— Ворота, ворота охотников. Все одарённые дома Вильгрини ходят к Зачарованному Камню по этой тропе, по тропе смертных.

— А ты одарённая, Мули?

— Да, я сильная, очень сильная колдунья. Только со мною что-то случилось, когда ты напал на Великого, оборотень. Вся сила вдруг ушла, будто не было.

Естественно! «Навский аркан» с ней случился, но Ромига не собирался объяснять охотнице, что это такое.

— Отдохнёшь и сходишь завтра к Камню. Он вернёт тебе силу, Мули.

— Завтра, завтра...

Кажется, Ромига зря сказал про завтра: сейчас девчонка опять затараторит, мол, все-все умрём. Чтобы перебить её панические мысли, он поспешно переспросил:

— Мули, скажи, а ворота у вас кто-нибудь сторожит?

— Стражи, стражи стоят у ворот, оборотень. День и ночь стерегут наши ворота стражи из самых одарённых...

Понятно, значит, туда ему не надо. Сделал портал до скрипучей двери, благо, с тропы близко. Мули взвизгнула и вцепилась в Ромигу, когда он шагнул в тёмный вихрь, а оттуда —

на каменную площадку.

Огни не горели. То ли угасли сами собой, то ли их не питала больше ворожба убитого колдуна.

— Вот и всё, мы дома, — сказал нав, придерживая девушку одной рукой, второй перетряхивая камушки-ключи в поисках нужного.

Ощущение: что-то не так. А, ясно: половина снизки — уже не ключи, простые бусины. Оба ключика, которыми Ромига пользовался по пути наружу, не уцелели... Интересно, много ли покойный Наритьяра наколдовал в доме у фиорда? Если разом перестала действовать куча заклятий, вряд ли это прошло незамеченным. Светает уже: даже сквозь пургу. Дом просыпается. Если охотникам было, что замечать, то они непременно заметили.

Нав толкнул створку — она отворилась тихо, без скрипучего «добро пожаловать», и это хорошо, лишний шум ни к чему. Мули перестала отчаянно цепляться за Ромигину шею.

— Тебе нельзя, нельзя сюда, оборотень! Это вход в покои Великого Безымянного!

— А тебе, Мули, тебе можно в его покои?

— Великий разрешал мне приходить к нему, велел приходить.

— Отлично! Тебе можно, значит, и мне можно, ведь я тебя несу.

— Пусти, пусти меня! Поставь меня на пол, оборотень!

— Ну уж, нет!

Ромига с Мули в охапке шагнул под своды дома у фиорда, рассудив, что шансы пережить общение с беззаконниками, пожалуй, всё-таки выше шансов пережить долгую пургу в снегах Голкья. Скверно, что он опять практически на нуле, но ничего не поделаешь: ни один аркан сегодня не был лишним. «Вильяра, где ты, зараза пушистая? Эсть'ейпнхар, где тебя твои шуры носят?»

Отчаяние спеклось на сердце Вильяры ледяной корой, но слёзы иссякли, и сходить с ума знахаркина дочь больше не желала. Спасибо стихиям посвящения, подарившим ей силу. Спасибо тому, кто был рядом и пел. Вильяра села на пятки, встряхнулась — и тут же получила кружку тёплого пряного питья. Отхлебнула, глянула поверх кружки на того, кто подал. Мудрый Латира смотрел на сестру по служению тяжело, устало, однако был спокоен и собран, как надлежит мудрому. Вильяра залпом осушила кружку. Достала гребень и маленькое серебряное зеркальце, быстро привела себя в порядок внешне. Латира наблюдал и ждал, когда она заговорит.

— Судя по твоему спокойствию, старый, ты уже знаешь, что делать?

— У меня есть мысли. Но я слишком крепко связан, чтобы действовать, и даже рассказать тебе толком не могу. Удивительно ещё, что он дал тебе время подумать.

— Он попытался подчинить меня, но не смог. Мы с ним сейчас примерно равны по силе. А потом... Мне показалось, он уверен, что я уже никуда не денусь. Мы все никуда не денемся? Мы же не хотим, чтобы он убил Голкья, значит, должны покориться? Старый, скажи, каково это — быть под его присягой?

— Тебе не понравится, малая. Как ни незаконна такая мысль, но я думаю, не лучше ли охотникам Голкья погибнуть от гнева стихий, чем стать игрушками в руках безумца?

— Всё настолько страшно? Средний Наритьяра не выглядит сумасшедшим. Я вижу: у него есть мечта и есть план.

— Да, он не безумен в полном смысле слова. Но его мечта и его план отрицают сами себя. Вспомни, что он тебе сказал: «Я желаю освободить Голкья — для этого мне нужно всеобщее повиновение». А что он творит, добившись повиновения... В общем, говорю, тебе не понравится.

— Но что же делать? Ловить и убивать беззаконника, получается, поздно. Может ли кто-то остановить «качели смерти»? Другой, не тот, кто их раскачал?

— Я не знаю, малая. Я никогда не изучал это запретное заклятье. Я впервые услышал сегодня, что «качели» можно остановить. Выведал он это у кого-то из старейших, или сам пересоздал древнюю песнь на новый лад? Попробуй ещё раз поговорить с другими мудрыми.

Вильяра обменивалась безрадостными новостями с Рунирой, когда мир содрогнулся. Воздух встал поперёк горла, померк огонь в очаге, тяжело, натужно застонала голкья. Мудрые схватились за головы, готовые лопнуть от внезапной боли... Миг ужаса, и вроде бы, всё прошло. Но что-то изменилось: существенно и необратимо.

Мудрый Нельмара не помнил, сколько дней провёл в заточении: два, три, больше? Связанный, одурманенный зельями и заклятьями, он не мог действовать ни наяву, ни во сне, ни во плоти, ни призраком, и едва сознавал себя. После пережитого, после вероломного, чудовищного удара, который нанёс ему... Брат по служению? Временный ученик? Друг? Самый молодой мудрый в кругу старейших, самый любознательный и одарённый среди молодых... После того, как этот блистательный, но совершенно незаконный колдун распорядился доверенными ему древними тайнами, сознавать себя хранителем знаний было невыносимо больно и стыдно. Даже в забытии Нельмаре мерещилось, будто весь он — боль,

стыд и запоздалое сожаление.

Сперва-то Нельмара рассмеялся в ответ на предложение молодого колдуна: признать его, Наритьяру Среднего, Великим Голкирой и принести ему присягу полного подчинения. Ни уговоры, долгие и убедительные, ни едва прикрытые угрозы не склонили хранителя знаний под руку самонадеянного выскочки. И тогда Наритьяра с ошеломляющей лёгкостью сломал Нельмару силой. Ворожкой поставил его на четвереньки и заставил есть снег из своих следов. Сначала просто снег, потом — политый мочой. А после наступил на спину хранителя знаний и сказал:

— Или я сейчас отобью тебе всё и проломлю хребет, или ты, старый упрямец, присягнёшь мне немедленно! Раз! — прыжок, удар обеими ногами в почки, отскок. Боль сводит нутро, а пошевелиться невозможно, тело задеревенело, как табуретка. — Мне любопытно, сколько ты выдержишь? Два! — прыжок выше, удар сильнее, хруст рёбер. — А лучше, поупрямся-ка ты подольше! Три! — удар, ликующий хохот. — Ты не представляешь, как забавно прыгать на живом. Четыре! — ещё веселее. — Ой, ты уже кровью харкаешь, а утереться не можешь, рученьки не слушаются? Пять!

Старый Нельмара не боялся гибели от стихий, обычной для мудрого. Однако безудержно веселящийся перевёртыш-убийца был настолько жуток, а сам хранитель знаний — так незащищен перед ним, что теперь можно сколько угодно корить себя за миг трусости...

— Хватит! Я присягну тебе, о Наритьяра Средний!

— А я только во вкус вошёл. И как-то ты пока неубедительно просишь... Шесть!

— О Голкира Могущественный, пощади! — прохрипел Нельмара.

— Так уже лучше. Клянись, ничтожный, что никогда не посмеешь причинить мне вред!

— Клянусь.

— Клянись, что никогда не станешь прятаться от меня, закрываться от моей безмолвной речи!

— Клянусь.

— Клянись, что будешь всегда беспрекословно подчиняться любому моему приказу!

Нельмара помедлил с ответом: унижительный ужас грозил стать вечным, надо ли длить такое существование? Помедлил, и тут же получил ещё удар.

— Семь! Если ты думаешь умереть и сбежать от меня к шурам, недоумок, даже не надейся, я тебе этого не позволю... Клянись что будешь всегда беспрекословно подчиняться любому моему приказу! Или мы тут ещё позабавимся?

Хранитель знаний, избитый, во всех смыслах раздавленный, выкашлял с кровью:

— Клянусь!

— А теперь — на колени и пой со мной, ничтожество, для скрепления клятв.

Нельмара думал, что уже не сможет разогнуться, но тело двигалось помимо воли и рассудка, сквозь сокрушительную боль. А вот запел он всё-таки сам, хотя правильнее было сдохнуть.

Чуть оклемавшись, Нельмара в подробностях узнал, чего хочет новоявленный Голкира, и тогда уже попытался убить и умереть, нарушив клятву о непричинении вреда. Убить не смог, и сам был зачарован не на смерть при нарушении клятвы, в отличие от других слуг Великого Безымянного. Слишком ценил Голкира источник запретных заклятий и прочих древних премудростей. Одной-единственной Песней Познания всего не вытянешь...

А ведь сознание-то вернулось, раз он так ясно вспоминает тот ужас. И способность

шевелиться вернулась... Щурова сыть, да как же всё болит! Мудрые — живучие, и лечили ценного пленника лучшие знахарки дома у фиорда. Но Голкира бил его слишком сильно, и времени прошло... Видимо, всё-таки немного времени, не больше двух суток.

Нельмара осторожно убедился, что может свободно думать, свободно двигаться, даже колдовать может свободно. А клятвы? Что?! Чары, скреплявшие щурову присягу, развеялись, будто небыль? Да неужели, Голкира по собственной воле освободил хранителя знаний — или просто умер? Нельмара послал зов и получил мерзкий, ледяной, но такой желанный отклик. Умер! Голкира умер! Наритьяра Средний, поганый незаконный колдун, издох, так и не переключив Голкья на свой безумный лад! Но какую-то погань он всё-таки успел сотворить. Мудрый чувствовал: растревоженные стихии замерли в замешательстве, напряжение растёт, медленно и неумолимо, будто снежный козырёк над обрывом.

Хранитель знаний прикинул расклад и послал зов тому, кто был то ли вдохновителем и сообщником несостоявшегося Голкиры, то ли таким же, как Нельмара, невольником под присягой. Нельмара позвал Наритьяру Старшего... Что, и этого уже нет в живых?

Зато Младший Наритьяра, последний из троих, отозвался с радостью. Он уже знал, что произошло: всё то время, пока Нельмара пролежал в забытии, Младший был подручным Среднего, самым близким и осведомлённым. Затея Великого Голкиры была ему против шерсти, но выворачиваться из-под смертных клятв он не рискнул, и теперь, похоже, все от этого выиграли. Даже если Младший замарался беззаконием добровольно, сейчас его желание спасти Голкья и спастись самому, остановив «качели смерти», не вызывает сомнений. Самое ценное, поистине бесценное: он представляет, как это сделать!

Через несколько вздохов Нельмара уже смотрел в шалые зелёные глаза своего неожиданного союзника, а дом у фиорда пусть проваливается к щурам! Беззаконные живоеды заслужили!

Миг ужаса, и вроде бы, всё прошло...

Вильяра содрогнулась от поганых ощущений вслед за Голкья, шерсть охотницы стояла дыбом:

— Латира, что это было?

Старик несколько мгновений прислушивался к чему-то то ли в себе, то ли вовне. Вдруг он вскинул голову, расправил плечи, по-молодому сверкнул глазами:

— Возможно, это наша смерть, малая. Возможно, избавление. Похоже, Наритьяра Средний доигрался. Его убили!

— Ты уверен? Я не понимаю, что происходит со стихиями! Идём скорее в круг.

— Да, сейчас идём. Одно я знаю точно: я больше не связан присягой. Надеюсь, остальные тоже.

— И много вас, связанных?

— Я не знаю. Он приказывал хранить присягу в тайне. Теперь-то посчитаемся... Если не сдохнем все! Идём в круг, малая. И так всю ночь потратили на разговоры, а сила нужна.

Лестница спиралью вилась внутри скалы, двое мудрых бежали по ней вверх молча, чтобы не сбивать дыхание. Так повелось издревле: Зачарованные Камни всегда ставят на вершинах холмов и в знак почтения поднимаются к ним пешком, по пути настраиваясь на правильный лад, чтобы зачерпнуть полную чашу силы. Мало кто из мудрых не пробовал сокращать путь изнанкой сна, но ничего хорошего из этого обычно не выходит. Хотя,

Вильяра прошлый раз рискнула, и Нимрина провела, и Великую Песнь спела, и неприятности огребла отнюдь не от Камней. А всё же, говорят, стихии ревнуют к магии снов...

«Мудрая Вильяра, я обращаюсь к тебе, о хранительница угодий! Ты понимаешь, что происходит?»

Вильяра с Латирой преодолели большую часть подъёма и заметно выдохлись. Услышав безмолвную речь последнего из Наритьяр, колдунья замедлила шаг и встала, предостерегающим жестом остановив Латиру. Под привычным уже суетливым испугом Младшего чудилась некая радость и облегчение. Вильяра удивилась и захотела разъяснить причину, так что не стала отмалчиваться: «Нет, о Наритьяра Младший, я не понимаю, что происходит. А ты?»

«Поганый беззаконник Наритьяра Средний раскачал «качели смерти» и умер после очередного напева. Он принудил меня помогать ему, зачаровал. Но теперь, когда он мёртв, я свободен. Я на Ярмарке, и здесь же мудрый Нельмара. Он тоже был пленён Средним и тоже освободился с его смертью. Мудрый Нельмара готовится петь в кругу Зачарованных Камней, а моим голосом он объявляет общий сбор всех мудрых. Собираемся в Пещере Совета, срочно. Мы с Нельмарой знаем, как остановить «качели», как исправить содеянное Средним. Но для этого нужно будет потрудиться многим мудрым. Ждём тебя до полудня!»

Вильяра согнулась пополам, сдерживая приступ безумного хохота:

— Младший Наритьяра! Позвал! Представляешь? Этот выползок говорит, его тоже подчинил Средний.

— Не врёт. Почти. Что ещё он сказал? — Латира дышал тяжело, на побледневшем лице выступила испарина. Конечно, беготня по лестнице раненому не на пользу, но если древний Камень будет к нему щедр, это уже не важно.

— Они с Нельмарой, вроде, оба на ярмарке, и якобы знают, как остановить «качели». Нельмара собирается что-то петь, они объявили общий сбор, где обычно.

Латира устало привалился к стене, прикрыл глаза. Вильяра уже собиралась окликнуть старика, когда он сказал:

— Да, Нельмара всё подтверждает. Значит, мы идём к Камням за силой, а оттуда напрямик к Ярмарке. Ты согласна, малая?

— Нет, старый, давай-ка перед Ярмаркой заглянем в дом у Синего фиорда. Хочу забрать оттуда Нимрина, пока его не убили. Что-то мне за него тревожно.

— Мне кажется, твой Иули сам кого угодно убьёт. Но если ты беспокоишься, конечно, мы заглянем туда, — Латира глубоко вздохнул, тряхнул головой и припустил вверх по лестнице, так что Вильяра едва за ним поспевала.

А вот и выход на поверхность — зачарованная, неприметная снаружи дверка в скале. Вот и продуваемый всеми ветрами гребень отрога. Латира от двери завёл приветственную песнь — неужто уже поймал поток силы? А Вильяра пока вообще ничего не чувствовала, и даже когда провалилась в выдутую ветром ямку у небольшого, по грудь, валуна...

— Пришли!

— Он?! Никогда бы не подумала!

По слову Латиры мудрая возложила руки и пропела приветствие незнакомому Камню от хранительницы угодий... Точно! Тепло! Будто пушистая шкура сразу укутала Вильяру, укрыла от пурги. А Латира подошёл сзади, положил руки ей на плечи (на ровном месте не

хватило бы роста, помог снежный наддув) и спросил:

— О мудрая Вильяра, пойдёшь ли ты в круг одна? Или позволишь мне назвать тебя своей временной ученицей и проводить туда?

— Как это, временной ученицей, старый? У меня же есть... Был наставник?

— В дни моей молодости говорили, что первому наставнику — первый поклон. Однако мудрому позволительно и полезно учиться всю жизнь. Если ты сейчас согласишься, тебя это ни к чему не обяжет. Мы лишь засвидетельствуем пред лицом стихий то, что уже существует между нами. Ты спрашиваешь советов и учишься, я советую и ещё многому могу тебя научить. Не так ли, мудрая Вильяра?

— Да, о мудрый Латира. Вообще, ты должен был быть на месте Наритьяры Старшего. Мудрый обязан в меру сил исправлять свои ошибки. Так что давай уже, учительствуй.

— Ну тогда подпевай!

Из небольшого валуна получилась такая же скромная каменная калитка, но когда двое мудрых гуськом протиснулись в неё, обоим пришлось резко сощурить глаза: внутри круга с ослепительного неба сияло огромное летнее солнце, а под ногами росла густая трава с россыпями цветов. Круг настолько одичал без разумных, что позабыл внешнее время года и суток, являя долгожданным гостям летний полдень, когда был зачарован. Мудрые шли и пели, потом, почуяв средоточие силы, остановились, встали спина к спине и продолжали петь, медленно поворачиваясь посолонь. Имена камней сами рождались в уме, влетали в песнь. Сила переполнила Вильяру без привычного умопомрачения. И тихая радость — доньше неизведанная... Пропев имя тридцать шестого камня, последнего в кругу, колдунья шёпотом спросила:

— Это с самого начала так можно было, старый? Мой наставник просто не захотел?

— Да. До него новопосвящённых вводили в круг только так. Прочие игрища — для сильных и опытных мудрых, по обоюдному согласию. И охотников мудрые раньше в круг не таскали, не полезно это ни телу, ни разуму. Короче, ты права, малая, ошибки нужно исправлять... Куда мы теперь? К фиорду? Ты ведь знакома с теми Камнями?

— Как же не знакома, они были мне первыми! Изо льдов посвящения — к вымершему отчему дому, наставник очень хорошо всё подгадал.

Странно: здесь и сейчас, посреди внезапного лета, Вильяра не чувствовала ни горя, ни злости. Она могла о чём угодно думать и говорить спокойно, с лёгкостью отслеживая цепочки причин и следствий, проницая за поступками и событиями хитросплетения замыслов.

— Старый, если мы не собираемся петь тут Усмиряющую стихии... А я думаю, пока рано... Я уверена, нам пора идти. К дому у фиорда, поскорее.

— Да, я тоже думаю, что Усмиряющую — рано. Идём. Запоминай новую песенку и тяни путеводную нить к своим камням.

Померк ослепительный летний свет, мороз перехватил горло, и Вильяра запела новое приветствие, уже другому кругу. Мудрая не хотела обижать свои первые Камни, они не виноваты, что сделал тут с нею наставник. Латира подпел Вильяре, знакомясь с кругом, а больше им незачем было задерживаться.

Тропу от Камней вниз замело и продолжало заметать. Чтобы не тонуть в сугробах, преисполненные силой мудрые запели летучую песнь и тут же обратились в два снежных вихря. Пурга из помехи стала подмогой, ветер — попутный. Так бы и мчаться до ворот дома,

но вихрь-Вильяра, отлетев на сотню шагов от Камней, закружил на месте и рассыпался, вновь обернувшись женщиной.

— Латира, смотри! — мудрая выхватила из сугроба обугленный череп с ножом в глазнице, пнула ещё какие-то горелые кости. — Клянусь летним полнолунием, это был Средний Наритьяра!

Латира уже стоял рядом, принюхивался и осматривался:

— По зубам узнала?

Вильяра фыркнула:

— Ага, улыбочку ни с чем не спутаешь. А следов ворожбы почему-то мало, и какие-то они странные...

— Я готов поклясться солнечным затмением в середине зимы, что убил беззаконника твой Нимрин! Вот это, несомненно, след его меча, — старик подобрал кусок наискось рассечённой плечевой кости, потыкал пальцем в идеально ровный срез. — Ни один клинок Голкья не разрубит так. Только чёрная сталь из-за звёзд. И я чую, тёмный колдовал здесь. Не повезло поганцу Среднему с новой игрушкой, ох, не повезло!

Вильяра пошла расширяющейся спиралью, загребая ногами снег и напевая возвращение утерянного. Выкопала маленький ножик южной работы: чистый, без следа крови, и больше ничего. Вернулась к месту смерти беззаконного колдуна — Латира всё ещё рылся в обугленных костях, напевая какое-то незнакомое заклятье.

— Старый, кроме этой падали, тут никого и ничего. Но меня беспокоит, насколько поганец успел потрепать Нимрина, и где мой воин сейчас? — Вильяра полезла в поясной кошель за волоском для поиска.

— Не трать запасы, малая, позови его. Вдруг, теперь он тебя услышит?

Ромига шёл по коридору сторожким шагом разведчика. В доме было нехорошо. Нет, обострённые чувства нава не улавливали присутствия в ближайших пещерах кого-то живого и недружелюбно настроенного. Если где-то и был переполох, то далеко, отсюда не слышно. Что именно не так, понять пока не удавалось. Мули тоже ощущала неладное: снова приникла к Ромиге, мелко дрожала и не пыталась высвободиться.

Он не стал возвращаться в комнату, где его держали взаперти, и где остался труп Арайи. Девчонка, вероятно, ужаснётся виду мертвеца, а она и так в панике. Ромига искал место, чтобы поговорить с Мули в комфортной обстановке. Лучшие покои, по логике вещей, должны принадлежать хозяину, и там же может найтись немало любопытного. А защита, скорее всего, сдохла вместе с беззаконным колдуном.

— Мули, в какой комнате жил Великий Безымянный?

— 3-зачем, зачем тебе, оборотень, покои мудрых?

— Затем, чтобы узнать больше о том, кого я убил, и воздать должное его памяти, — Ромига поймал боязливо-недоуменный взгляд и добавил. — Так полагается по нашему, оборотнёвскому обычаю... Ты говоришь, покои мудрых, а не мудрого? Там жил не только Наритьяра Средний?

— Там жили трое, трое мудрых нашего клана. Иди вперёд, оборотень, пятая дверь по левой стороне.

Первая из пяти дверей была Ромиге знакома: именно туда он не хотел возвращаться. Идя мимо, спросил девушку:

— Что за этими дверями, Мули?

— Здесь жили гости, гости мудрых. А может, и сейчас живут.

— Они пришли и остались здесь по доброй воле?

— Я не знаю, оборотень, тётки служили им. Тётки и бездомный Арайя. Я приходила к Великому со стороны жилых покоев, мне не велено, не велено было заглядывать дальше, — говорить девчонке явно было легче, чем молчать, тишина в доме неприятно давила.

— Твои тётки не говорили, есть ли здесь кто-то сейчас?

— Есть, есть, точно есть, но я не знаю, где именно. Они кого-то лечили, мои тётки, они наши лучшие знахарки. Потом ещё кому-то они носили еду, самую лучшую еду, самую почётную. Мули тоже добыла себе такую, Мули — воительница.

Ромига переспросил, не меняя доброжелательно-любопытного тона:

— Воительница, не охотница?

Мули от гордости разругалась и почти перестала двоить слова:

— Да, я воительница клана Наритья, дома Вильгрин! Моя первая дичь была разумной, она далась мне нелегко. Трудно было сначала убить двуногого, только потом — его зверей. Но Мули одарённая колдунья, никто ничего не почуял, пока я своим маленьким острым ножичком не зарезала их всех-всех-всех! Странник был большой, я ела его в снегах три дня, остальное потом отвезла домой.

Девчонка хвасталась живоедством так самозабвенно, что Ромига снова готов был усомниться в её вменяемости:

— Мне говорили, охотники Голкья не добывают себе подобных на еду?

Мули охотно пояснила:

— Так было, было, пока наш мудрый не провозгласил новый закон. Кто кого ест, тот над тем и господин! Прежде охотники господствовали над всеми живыми, кроме белых зверей, которых держали почти за равных. Но ныне Наритья, достойнейшие из охотников, призваны встать выше других двуногих и принять силу, подобную силе мудрых, дабы сотворить на Голкья вечное лето. Устами Великого Безымянного само Солнце повелевает нам подтверждать нашу избранность каждый раз, когда мы садимся за трапезу. Разделив её с нами, любой одарённый может присоединиться к клану избранных, но сперва, конечно, он станет младшим слугой в домах Наритья. Скоро, скоро мы обретём силу, и зима отступит...

Ромига не единожды наблюдал этот пламенный взор и пафос в исполнении человеческих фанатиков или масанов Саббат. Да, девчонка верила всему, что вещала, безрассудно и безоглядно повторяя чужие слова. Она следовала новому учению с жаром юности. Она готова была убивать за провозглашённую анонимом «истину». Вот что с такой делать? Прирезать самому из жалости, или отдать на суд мудрых? Голосок Мули звенел под сводами, потом она вдруг осеклась, её затрясло, глаза наполнились слезами.

— Ой, нет! Не отступит больше зима, не отступит! Ты же убил, убил, убил наше Солнце, оборотень. Теперь зима — до самого конца, ужасного, жуткого конца. Стихии встанут на дыбы и всех-всех-всех затопчут, как вспугнутые шерстолапы...

Девчонка снова рыдала и билась в истерике, нав прилагал немалые усилия, чтобы удержать её и при том не помять.

— Мули! — резкий окрик и чуть-чуть магии. — А кто за этой дверью?

— Не знаю.

— Тише, я буду слушать.

Мули замерла. За второй, третьей, четвёртой дверью — никого живого. Ромига сперва слушал и сканировал, потом откатывал каменные заслонки, заходил внутрь. Нигде не заперто и не зачаровано: уже? Из одной комнаты недавно кто-то смылся, похоже, по изнанке сна. Очевидно, лечили именно его: каменная клетушка насквозь просмердела нездоровьем и снадобьями. Задерживаться здесь нав не стал.

Пятая комната оказалась запертой. Неприятный сюрприз, хотя на низке Арайи нашёлся подходящий ключ. Но либо убитый Наритьяра умел создавать заклятья, не исчезающие со смертью колдуна, либо над дверью ворожил кто-то другой, пока живой. Могли поставить и защиту от незваных гостей.

— Мули, кто зачаровывал ключи в этой части дома?

— Трое мудрых, трое Наритьяр. Отцу и тёткам они не доверяли, — что и следовало доказать! — Мне Великий не велел ходить в эти покои, когда его нет дома. Сказал, будет плохо, и посмеялся, посмеялся. Я боюсь, очень боюсь, когда он так смеётся.

— Не бойся, больше он не будет смеяться!

— Ничего, ничего больше не будет, — печальным эхом отозвалась девушка и обмякла, прикрыв глаза. Из-под белых пушистых ресниц градом катились слёзы.

Ромига мог расспрашивать Мули дальше и наверняка выведал бы много любопытного. Мог оставить девчонку в одной из пустых комнат и заняться запертой дверью. Но кажется, ошибкой было вообще заходить в дом. Нав опасался пурги и беззаконников, а остерегаться-то, похоже, следовало самого этого места. Кто и как проклял дом у фиорда, пусть разбираются мудрые, а его дело — уйти отсюда живым и унести... Ладно, выразимся мягко, живую свидетельницу беззаконий. Выжав из себя последние остатки энергии, Ромига сделал портал на тропу, по которой недавно спускался... Всё равно опасность близко, слишком

близко!

Бежать в гору — не то, что с горы. Впрочем, даже вверх, по глубокому снегу, с грузом в три четверти собственного веса, нав бежал быстро. Почему выбрал путь к Зачарованным Камням? Потянуло, будто магнитом, но вовсе не на место преступления, как язвительно подумал про себя Ромига, и даже не к самим Камням. Откуда-то взялась уверенность: именно в той стороне он встретит Вильяру, и это — спасение. Будто кто-то протянул ему путеводную нить сквозь белую мглу пурги. Тропа виляла по склону, терялась под снежными заносами, но вела примерно в нужном направлении, и нав держался её. Можно было не тащить Мули на руках, а погнать впереди, но нести самому быстрее. Девчонка дрожала и тихонько подвывала — Ромига узнал детскую песенку от всяческих страхов и препятствовать не стал...

«Нимрин! Где ты?» — будто кувалдой по черепу.

Он поскользнулся на зализанных метелью каменных ступеньках, чуть не навернулся кувыркком с горы. Устремив мысль по той же путеводной нити, выдал задушевное: «Эсть'ейпнхар!».

Новой вспышкой боли получил в ответ недоумённое: «Нимрин, что ты сказал?»

«Вильяра, я на тропе смертных над домом у фиорда, иду к Зачарованным Камням. А где ты?»

Нет, этого колдунья уже не услышит! Ромига, наконец, уловил разницу между внутренним монологом и безмолвной речью, но ругнулся-то он сгоряча, от сердца, уйдя даже не в ноль — в минус, до дурноты. Вот теперь он поставил Мули на снег и рявкнул:

— Слёзы подтёрла! К Зачарованным Камням — бегом!

Девчонка лишь глянула ему в лицо — припустила вверх, будто от дикой стаи. Выдохшийся нав едва поспевал за шустрой бегуньей, зря он не ссадил паршивку с рук полсклона назад!

Чем выше в гору, тем сильнее ветер, и не диво, что он завихрил метель двумя смерчами. Хуже — смерчи идут напрямик сюда: целеустремлённо и быстро. Мули метнула через плечо взгляд, полный ужаса и какого-то шалого торжества:

— Вот и мудрые! Мудрые пришли за тобою, оборотень.

— Мули, стой! — командным голосом, а дальше — тише, с улыбкой облегчения садясь на тропу. — Я знаю, кто это. Да, это за мной.

Две фигурки на тропе. Одна — Нимрин. А вторая кто? Стиснуть в метельных объятиях, закружить, завертеть — родственная кровь, яркий дар, колдовская сила вычерпана до дна, ужас, отчаяние, попытка сопротивляться, хотя нечем... Снежный вихрь по имени Вильяра различает такие вещи гораздо отчётливее лиц, а лицо тоже хочется рассмотреть. Мудрая возвращает себе двуногий облик, ловит яростный взгляд жёлто-зелёных глаз, перехватывает тонкую руку на полпути к ножнам — пустым.

Говорит ласково, с улыбочкой:

— Ну, здравствуй, племянница! Любопытно, ты мне родная или двоюродная? Меня зовут Вильярой мудрой, а тебя?

Девушка-подросток трясёт головой, кривится, щерится:

— Я во... во... воительница Мули, дочь Вильгина купца из клана Наритья. Не желаю знать тебя, дочь проклятой беглянки и вонючего углежога, да извергнут тебя стихии, стихии

посвящения!

Вот так родственная встреча! Вильяра, раскрыв объятия, запекает песнь умиротворения — и отшатывается от хлёткого удара по глазам. Нет, после житья на ярмарке ей такие финты нипочём, и уложить буйную мелочь носом в сугроб, вывернув шаловливую ручонку до хруста в суставах — проще, чем на пальцах сосчитать. А Мули шипит:

— Великий учил нас не петь, не слушать глупых старых песен! Нет у тебя власти надо мною, ведьма, ведьма проклятушая!

Вильяра, сидя верхом на спине отчаянно и безнадёжно сопротивляющейся противницы, шепчет ей ласково:

— Я, в отличие от твоего Великого, ненавижу ворожбой ломать волю. Я предложила тебе мир, Мули, ты его отвергла. А теперь просто заметь, насколько я сильнее...

— Сдохнешь, сдохнешь, сдохнешь вместе со всеми, щурова ведьма! Голкья не сберегла, не сберегла Великого Голкиру. Голкья отвергла Солнце и теперь умрёт! Поделом! Поделом!

Мудрая отвечает нарочито спокойно:

— Если так, то и говорить нам не о чем. А будем живы, побеседуем ещё, дорогая племянница. Извини, я всё-таки сделаю то, чего не люблю, ради твоей и нашей безопасности.

Короткая песнь, и Вильяра отпустила девчонку. Обе встали, отряхнулись, поправили одежду: колдунья — мрачно, Мули — с видом сомнамбулы. В двух шагах Латира о чём-то расспрашивал Нимрина, оба тревожно посматривали вниз по тропе. Вильяра сама вгляделась в метельное марево, вслушалась в голоса стихий — ругнулась щурами на четыре колена и резко, подражая Нимрину, скомандовала:

— Латира, Нимрин, Мули, быстро к Камням и ждите меня! Я вижу это. Я попытаюсь это остановить!

Трое подскочили, как ошпаренные, только Латира вдруг остановил всех, растопырившись на тропе:

— Малая, шалишь! Расприказывалась! Нельмара сейчас подтвердил, что дом проклят. Все там умрут, самое позднее, до полудня. Ты в самом деле собралась петь малую Усмиряющую ради толпы беззаконников?

— Нет! Ради того, чтобы посмотреть в глаза своему единоутробному братцу.

— Беззаконнику и живоеду Вильгрину? — с недобрый прищуром уточнил Нимрин.

— Да! Я хочу, чтобы Совет судил всех виновных. Живыми! А ещё... Мули, в доме у Синего фиорда есть дети?

Зачарованная девушка безучастно ответила:

— Во всех домах Наритья много детей, у нас — тоже.

Вильяра сжала кулаки, так что ногти вонзились в ладони.

— Я вынесла из этого дома достаточно детских трупов. Да не будет! — она выкрикнула это, уже обращаясь в снежный вихрь и устремляясь с горы. Она заметила, как устало понурился Латира, но что именно старик сказал Нимрину, не расслышала.

Тяжкий вздох:

— Иди-ка ты, Иули, куда она сказала. Если сможешь, возьми у Камня силу. Если нет, просто ждите нас там.

— А ты, мудрый Латира?

— А я — с ней, не распутает она одна такой клубок. Вдвоём бы управиться! — сказал мудрый и умчался следом за Вильярой.

Ромига проводил взглядом два смерча, быстро затерявшихся в снежной заверти. Щурясь от ветра, глянул вверх по склону, ругнулся и пошёл догонять Мули. Девчонка утопала уже довольно далеко, ещё чуть-чуть, и спина в мохнатой куртке тоже растворится в белой мгле. Зачарованная Вильярой, Мули больше не бежала — шла, куда её послала колдунья, экономным, размеренным шагом голема. Ромига тоже не стал надсаживаться: острое чувство опасности притупилось где-то на середине подъёма, а мимо Камня они точно не промахнутся, хотя спешить туда нав совершенно не желал.

Чужой Источник фонил неровно, словно его лихорадило. Мучил головной болью, манил, дразнил силой, не давая ни капли. Повторив по третьему кругу приветственную песнь, Ромига стал чередовать её то с детскими исцеляющими и успокаивающими, то с исконными навскими формулами медитации. Какая разница: колдовать всё равно нечем, а в ритм шагов ложится — самое то...

Однако, пришли! Сперва ощущение близкого присутствия, потом силуэт в снежной мгле. Какой же он огромный! Не просто валун или обломок скалы — высокий менгир удивительного, тёпло-золотистого цвета, особенно заметного на фоне окружающей белизны. Ни малейшего желания прикоснуться к этой красоте нав не испытывал, но каменный монолит немного защищал от ветра. Мули уже рыла снежную пещерку в наддуве у его основания.

— Копай на двоих!

Девчонка огрызнулась:

— Так помогай, помогай!

Вышла из големоподобного состояния? Значит, нужно с ней поосторожнее. Вот же придумала: на мудрую — с кулаками! И сейчас командует. Однако дело знает: очень скоро двое забились в снежную нору, прижавшись друг к другу тесно, как не всякие любовники. Вовремя! Мороз уже кусал Ромигу за пальцы, полз под комбинезон, тянулся к сердцу и мозгу. Без магической энергии даже навское тело неприятно уязвимо... Нет, наву совершенно ненормально замерзать так быстро и не согреться в убежище рядом с тёплой девчонкой!

Да это же камень, к которому они привалились спинами! Он, словно в издёвку, холодит сильнее снега. Или то не холод — нестерпимый жар? Померещились руки убитого колдуна на плечах, ленивые толчки бёдрами... Резкий вдох-выдох прогнал наваждение, но Ромига «плыл» и ничего не мог с собой поделать. Ему нужна была его Вильяра, а Вильяре нужно было... Или не Вильяре — Голкья?

— Эй, оборотень, ты что, уже помираешь? Не помирай, пожалуйста, не помирай раньше Мули! Страшно, страшно одной! — сквозь обморочную муть.

— Я не собираю...

Вот зачем они бродили по морозу туда-сюда? Можно было остаться в доме, конец один. Мир стремительно тонет в потоках ослепительного, жестокого, убивающего света. Нав — крошечная тёмная заплатка, чужеродная, никчёмная...

Руки на Камне. Его руки!

— Именем Вильяры мудрой, хранительницы клана и угодий, повелеваю, откройся!

И Камень раздаётся, разделяется надвое. Потеряв опору, Ромига падает вперёд и не может встать. Ползёт в круг на четвереньках, ранясь об острые грани ледяных кристаллов, отмечая путь чёрными каплями крови. «Сам почувствуешь, когда дойдёшь до середины. Ляг

в снег и прими силу...» Ага, шаз! Ничком в колючее белое крошево, и дух вон... Нет, странно, пока живой! Поднялся на колени, потом на ноги. Дал волю рвущейся из горла песни, а с нею — силе, готовой разодрать, смять, уничтожить хрупкое двуногое существо, хотя лишь малая толика хлынула сквозь него, большая часть — мимо, будто в канале «навского аркана»... Только поэтому он ещё кое-как жив, поёт и должен допеть, иначе даже начинать не стоило!

Латира был уверен: Вильяра не единожды пожалеет, что полезла спасать дом у фиорда. Однако мудрая — в своих угодьях, в своём праве, и старый колдун прекрасно понимал, почему знахаркина дочь не может поступить иначе. Оставалось помогать ей, отдавая старые долги.

— Малая, осторожно!

— Я вижу! Тут, только тронь, вообще всё посыплется. Скажи, старый, как им это удалось?

— Это была защита, малая. Отличная защита от любых напастей и врагов. Возможно, в этом коконе даже «качели смерти» можно было пересидеть живыми. Только пели это вместе трое мудрых, а когда двое умерли, заклятье перекутило вот таким узлом. Зная того, кто остался в живых, я допускаю расчет: чтобы поменьше осталось свидетелей. Но обвинять его в этом не стану.

— Почему... А, ладно! Как ты думаешь, что вся эта погань делает с теми, кто сейчас внутри?

— Думаю, пока все живые просто спят: очень крепким, глухим сном. Когда узел затянется окончательно, заклятье начнёт разрушать тела, потом стены дома. Смотри, если подправить здесь и здесь, оно замрёт, и мы сможем распутать его позже. Или пусть распутывает, кто накрутил? Может, позовёшь его на помощь, малая?

— Нет, старый! Это мои угодья! Охотники в доме у Синего фиорда... Кто из них чист от беззакония, те станут Вилья, либо пусть уходят прочь. Домов Наритья у себя в угодьях я не потерплю!

Латира улыбнулся: знахаркина дочь в очередной раз подтвердила, что умеет не только колдовать, но и думать наперёд. Склонил голову в знак согласия.

— Так ты говоришь, заклятье замрёт, старый? — переспросила Вильяра. — Но равновесие получится слишком шатким, а стихии бушуют. Я уверена, лучше порвать и развеять этот узел. Сразу и насовсем! Лучше никакой защиты, или пусть обитатели дома сами наворожат себе чего-нибудь.

— Хорошая мысль, малая. Как раз и заняты будут, и сразу увидишь, что у них за колдуны.

— Я решила, о мудрый Латира: развеиваем. До полудня мы должны успеть. Я начну вон оттуда, ты придержишь...

Некоторое время двое мудрых обсуждали будущие песни. Наконец, Вильяра выставила ладонь, Латира приложил свою. Переплели пальцы, помолчали — глаза в глаза. Чужие заклятья хуже ледовых заторов: тоньше, сложнее, опаснее!

Осторожно, мало-помалу, медленно, но верно...

Нет!!!

Вильяра поспешила? Латира недодал капельку силы? Нагромождение чар рухнуло, разом захлестнув обоих колдунов. Латира даже не успел подумать, что это тоже могло быть ловушкой: двое мудрых отчаянно сражались за жизнь уже не обитателей дома — свою, друг друга. Латира был опытен, Вильяра — сильна, но им не хватало, не хватало... Кто сумел дотянуться до Зачарованных Камней, перебросил с них тугие нити силы, дал ворожке надёжную опору? Вильяра, но как? Не раздвоилась же она? Или...

Закончили.

Тишина.

— Старый? — Вильяра сорвала голос, в лице — ни кровинки, черные от боли глаза.

— Что, малая? Хорошая новость: мы с тобой живы. Ещё новость, так себе: дом у Синего фиорда стоит целёхонек, незаконную погань внутри можно будить, или скоро проснётся сама. Хочешь, я пошлю зов Вильгину?

Мудрая медленно качает головой:

— Нет, старый, я — к Зачарованным Камням. Там мой Нимрин умирает. Это он дал нам опору на круг, понимаешь?

— Не понимаю, но верю. Вы с ним друг друга стоите! Идём.

На первый взгляд, от Нимрина осталось немногим больше, чем от Наритьяры Среднего: сухой, обтянутый чёрным костяк. Рядом сидела Мули, подвывала, раскачивалась, грызла кулаки. Вильяра поймала взгляд племянницы: дикий, полубезумный. Однако не до девчонки сейчас, та хотя бы внешне цела. Вильяра опустила на колени возле скрюченного, вплавленного в сугроб тела. Осторожно коснулась чёрной костлявой руки — пальцы медленно сжались, царапая лёд. Всё-таки, не уголь — кожа: лихорадочно горячая, шершавая, в какой-то омерзительной чешуе. Собравшись с духом, Вильяра посмотрела в лицо. Передёрнулась, отвела взгляд. Тихо позвала:

— Нимрин! Ромига!

Он с трудом приоткрыл один глаз — дырку сплошной черноты, прошелестел что-то чёрными растрескавшимися губами. Знахаркина дочь всегда знала, что тело чужака — странное, не как у всех двуногих. Но что ей делать вот с этим, она просто не представляла. Облизнул губы чёрным раздвоенным языком... Брезгливый ужас: аж до рвотных позывов! Вильяра закрыла лицо руками, закачалась из стороны в сторону, хуже Мули.

— Малая, эй! Мудрая Вильяра! Твой целительский дар ему сейчас не поможет, но ты не отчаивайся, — голос Латиры. — Твоему Иули нужна сила, много-много подходящей ему колдовской силы. Чтоб была рядом, постоянно. Знаешь ли ты в своих угожьях ночные Камни, Камни глубокой зимы, Камни новолуний и затмений?

Вильяра слышала. Да, есть у неё такие. Хотя бы те, где она пела Усмиряющую Стихии. Выбрала для опасной ворожбы никем не любимый круг вдали от жилья, а Нимрину в нём оказалось хорошо.

— Знаю. Недалеко, — а про себя подумала, что ни за что не потащит чужака, каким он стал, на изнанку сна. Его же нужно будет обнять, хотя бы коснуться... Ой, нет! И не повредила бы ему лишняя ворожба. — Совсем недалеко, пара переходов на санях.

— Нужно поскорее доставить Иули туда и сделать для него возле Камня тёплое убежище. Позже ему понадобится много еды, но сейчас главное — колдовская сила, тепло, вода для питья. И ещё кто-нибудь, кто будет за ним присматривать. Нам с тобой, малая, некоторое время будет не до него, нас в Совете ждут... Мули, ты готова ухаживать за тем, кто спас твой дом?

— Дом? Спас? Я звала, звала их, но дома все молчат, как мёртвые.

— Позови ещё раз, Мули. Позови главу дома.

Купец Вильгрин проснулся от зова дочери. Поганка Мули не разговаривала с отцом с тех самых пор, как одна, тайком сбежала в снега за добычей. В итоге, в начале третьей зимы — взрослая, воительница, ученица Великого Безымянного. Щуры свидетели, Вильгрин не желал своей доченьке подобной судьбы. Девушку ждал обряд совершеннолетия на четвёртое лето, красивый и безопасный, а сразу после — свадьба, а дальше — всю её женскую жизнь — мужа ублажать, да деток рожать, лишний раз не покидая жилых покоев. Домá клана Наритья достаточно богаты, мужчины достаточно сильны, чтобы женщинам не приходилось охотиться и воевать... Мули выбрала сама, выбрала иное, и гнев отца на сумасбродку-дочь до сих пор не иссяк.

А всё-таки приятно услышать спросонок: «Доброго утра тебе, батюшка, купец-колдун Вильгрин!»

Приятно, не пробудившись до конца, ответить: «И тебе доброго утра, ослушница! Чем порадуешь?» Только у ленивых и бездарных ничтожеств болит голова от мысленной речи, а Вильгрин и его домашние избегают зря студить языки. Особенно хороша безмолвная беседа тем, что недруг её не подслушает, даже если стоит бок о бок...

«Прости, о батюшка, ничем я тебя не порадую. Мули — горевестница. Чёрный оборотень убил в снегах Великого Безымянного. Голкья гибнет. Латира с ярмарки и ведьма Вильяра сказали, что оборотень спас наш дом от ужасной скорой смерти, но я не знаю, верить ли им? Хотя оборотень, правда, ворожил в нашем круге. Страшно ворожил, и вышел оттуда весь, как обугленный. И до того ты, батюшка Вильгрин, не отзывался, молчал, будто мёртвый. А теперь будто ожил...»

Вильгрин зарычал сквозь зубы: и от новостей, и от того, что отлежал себе всё... Ещё бы: на голом-то полу, в коридоре! Он кое-как собрал вместе руки-ноги, сел. Огляделся, соображая, где ж его так сморило? А голова тяжёлая, будто после хорошего удара по затылку. А дом... Дом больше не зачарован. Защитный кокон, сплетённый мудрыми, оберегавший обитателей от всего, но и вздохнуть свободно не позволявший, этот кокон исчез, будто сдуло его ночным ветром. Что же у них там на самом деле стряслось? Чьей руки теперь держаться, если Великий Безымянный убит? Мули, хоть воительница, хоть собрала колдовской дар ото всех отцовских и материнских родов, а умишком-то, увы, не вышла. Вопросы нужно задавать тому, кто умён и при делах.

Двое мудрых клана Наритья оглохли и замолчали, похоже, навсегда... «О мудрый Наритьяра Младший!»

Этот жив, услышал, поправил: «Просто Наритьяра», — и молчок.

«О мудрый Наритьяра!» — заново начал Вильгрин.

«Знать тебя не знаю, беззаконник! Ты ходил путями Наритьяры Среднего, слушал его, алкал солнечного посвящения. Отвечай теперь перед всеми мудрыми, перед хранительницей угодий, где вы добывали себе разумных в пищу».

Вот, значит, как ты запел, Младшенький?! «О мудрый Наритьяра, мой дом, дом у фиорда, полон Наритья, не преступавших никакого закона. Неужели, ты бросишь их всех на произвол судьбы?»

«За них я, так и быть, замолвлю словечко. Хотя ты, глава дома Вильгрин, осквернил у себя живоедством всех, даже малых детей. Вам всем теперь лучше умереть. Но возможно, твоя единоутробная сестрица окажется милостивее меня и примет дом у фиорда под свою руку».

Понятно: прогоревший купец сбывает с рук гнилой товар. Как же неприятно оказаться на месте товара!

Жаль, нельзя послать зов той, кого ни разу в жизни не видел, даже издали. Но можно попытаться вести беседу через посредника. «Мудрый Латира! Мне сказали, ты бродишь где-то поблизости, и хранительница угодий Вилья тоже с тобой?»

«Да, Вильгрин, это я попросил Мули разбудить тебя. Можешь поблагодарить нас с Вильярой за то, что твой сон и сон твоих домашних не стал смертным. А ещё больше ты должен благодарить чужака, который за ваши жизни чуть не убился в круге. Твоя дочь Мули будет ухаживать за ним, пока он не поправится или не умрёт. А ты пока позаботься о своём доме, Вильгрин. Ваш Великий Безымянный взбудоражил стихии так, что мудрым некоторое

время будет не до тебя и не до твоих незаконных дружков. Однако твои соседи — Вилья — смотрят на дом живоедов у Синего фиорда с большим неодобрением и следят за каждым шагом каждого из твоих».

Вильгрин тяжело вздохнул, поднимаясь с пола: «Я понял тебя, старый. Пожалуйста, передай моей сестре Вильяре, что я встречу с ней, как только наведу порядок в доме у Синего фиорда. И передай моей дочке Мули, что дома ей делать нечего, пусть спокойно ухаживает за раненым».

«Нам понадобятся упряжки и двое саней: одни с лежанкой для перевозки раненого, другие со снаряжением для зимнего стана и провизией на десять дней для двоих. Пришли всё это к вашему Зачарованному Камню, срочно».

«Сделаю. Сёстры пригонят».

Латира понаблюдал, как корёжит знахаркину дочь над искалеченным Нимрином, мысленно плюнул и занялся чужаком сам. Нет, с его другом Иули подобных бед не случилось, но старик неплохо изучил, что они такое. А изучив, не понимал, какая сила погнала этого Нимрина-Ромигу в светлый, полуденный и осенний круг? Как он исхитрился спеть там великую тёмную песнь и выползти наружу почти живым? Такие чудеса выпадают лишь тем, кто не просто слышит и направляет стихии, а дышит с ними в унисон, кого они пестуют и хранят. Но чужак? Ладно, любопытно будет послушать, что он сам скажет, когда сможет говорить.

Мули успокоилась и теперь помогала Латире строить снежное убежище вокруг пострадавшего, жечь жаркие колдовские огни. А Вильяра молча встала и ушла в круг. Старый колдун лишь проводил её взглядом, вздохнул тяжело. Некоторые вещи каждый переваривает в одиночку, ничего тут не поделаешь. Вернулась Вильяра довольно скоро: отдохнувшая, полная свежей силы, но с такими отчаянно грустными глазами — обнять и баюкать, пока не расплечется и не утешится. Но нет: хоть ученица, а взрослая, мудрая, давным-давно уже не подросток с ярмарки. Легла рядом с чужаком, обняла, прижалась тесно-тесно. Он не шевелился, не открывал глаз, не менял ритма дыхания. Нет, хуже ему не стало, Латира даже подозревал, что он в сознании, просто бережёт силы, не тратит их на общение с внешним миром. Мудрый сам пару раз так отлёживался и сильно не любил об этом вспоминать.

Вильяра грела тёмного своим дыханием, теплом своего тела и своего дара всё время, пока не приехали обещанные Вильгрином сани. Две статные рыжие охотницы остановили упряжки на почтительном расстоянии от Зачарованного Камня, с южной церемонностью поклонились Латире, который вышел им навстречу. Старик отметил на обеих развесистые гроздья золотых серёг: только сильные колдуньи не отморозят уши с таким количеством прудетого в них металла. Древний опознавательный знак мудрых несёт тот же смысл, только выглядит куда скромнее. Латира велел подвести сани вплотную к убежищу. На скрип полозьев и повизгивание зверей выглянула Вильяра. Перед нею рыжие ведьмы едва не распластались по снегу! Мудрая сурово велела им не подметать сугробы рукавами, а назвать себя.

— Я — Даруна, дочь повитухи из клана Вилья и Поджи из клана Наритья, — представилась рыжая, что повыше и побойчее. — А это Нгуна, моя родная младшая сестра. Мудрый лишил её языка, она говорит только безмолвной речью.

Знахаркина дочь упёрла руки в бока, вздёрнула подбородок, вприщур озирая новоявленных родственниц. Латира тоже разглядывал трёх женщин, с трудом выискивал черты внешнего сходства. Вильяра — белоснежная северянка. В её двоюродных сёстрах кровь отца совершенно перебила кровь матери. Вообще-то, все Наритья — помесь переселенцев-северян с исконными обитателями Марахи Голкья: рыжими, под местные пески, зеленоглазыми и раскосыми. Обликом Даруна и Нгуна удались именно в этих своих предков, будто даже не Наритья, а какие-нибудь Джуни. Но для мудрого родство всех трёх колдуний было очевидно: яркий, сильный дар, наследие древнего знахарского рода. Беззаконный дом стоило сберечь если не ради самих рыжих, то ради их возможного потомства.

— Скажи мне, Даруна, кто вы в доме у Синего фиорда? — морозу в голосе Вильяры мои позавидовать северный ветер.

— Мы знахарки и доверенные помощницы главы дома, единокровного брата нашего Вильгринна. Мы прислуживаем мудрым Наритья и их гостям.

Ледяной взгляд мудрой Вилья:

— Даруна, ты или твоя сестра когда-нибудь отнимали жизни разумных?

Даруна повинно склонила голову:

— Я — да. Сестра — нет. Нгуна с детства поклялась быть хранительницей жизни.

— Даруна, ты кого-нибудь убила между первым снегом и первой зеленью?

Рыжая склонилась ещё ниже:

— Я дважды варила зелье беспробудного сна для тяжело раненных охотников, трижды — для неизлечимо больных стариков, они сами меня об этом попросили. Других зимних смертей на мне нет.

Немая сделала резкий отрицательный жест, Даруна перевела:

— Сестра поправляет меня. Мы с ней бывали руками Великого Безымянного, но мудрый не оставил нам памяти о сотворённом через нас. Мы иногда находили на своей одежде кровь, и это была не кровь дичи. Мы не знаем, убивали ли мы по его велению.

Вильяра медленно кивнула, перевела взгляд на Латиру:

— Я не уловила в речах Даруны прямой лжи, а ты, о мудрый Латира?

Латира чувствовал тени умолчания, бездну застарелого страха, подобострастие перед мудрыми, однако не грубое враньё. Подтвердил:

— Я думаю, Даруна сказала тебе правду. Часть правды, о мудрая Вильяра.

Знахаркина дочь снова обратилась к сестрам, уже чуть теплее:

— Я спросила, вы ответили, и пока довольно. Будет время, вы подробно расскажете мне о жизни и порядках в доме Вильгринна. Кстати, Нгуна, разрешаю тебе обращаться ко мне напрямую, я владею безмолвной речью.

Немая поклонилась, Вильяра едва заметно поморщилась от её зова, потом сказала вслух:

— Даруна и Нгуна, сёстры мои! К сожалению, у меня не осталось времени на родственные беседы. Властью хранительницы угодий Вилья я повелеваю вам отвезти главного спасителя вашего дома в то место, куда я укажу. Помогите Мули обустроить там всё по моему слову и по слову мудрого Латиры, а после возвращайтесь домой. Вы обе — Вилья по рождению, я беру вас под свою руку и подтверждаю ваше право селиться в моих угодьях. За любое беззаконие я спрошу с вас сама и спрошу сурово. Небрежение в том деле, которое я вам сейчас поручила, покараю смертью. Вы меня поняли?

— Да, мы будем беречь как себя... А кого? О мудрая Вильяра, кого и куда мы должны отвезти?

Вильяра сама принесла Нимрина на руках, сама уложила в сани, Мули только откинула и запахнула обратно шкуры-одеяла. Рыжие отшатнулись, зажмурили глаза, закусили пальцы. Даруна забормотала:

— Оборотень, оборотень, опять этот чёрный оборотень!

Мудрая виновато и сочувственно улыбнулась сёстрам:

— Мне тоже тяжело смотреть на его нездоровье. Он не оборотень из сказок — он чужак с другой стороны звёзд. Тем драгоценнее сотворённое им для нас всех — не по долгу, не по обязанности...

Ветры Нары Голкья — буйные сумасброды. Раз, и сдёрнули тучи с небес. Был ненастный сумрак — стал яркий день. Солнце засияло до рези в глазах, выжимая слёзы даже у привычных охотников. Нимрин загородил лицо ладонью, попытался зарыться поглубже в шкуры. Мули заботливо укрыла его с головой, начала привязывать к саням. Упряжные звери принюхивались, недовольно поскуливали, переступали лапами.

Латира хлопнул Вильяру по плечу, махнул рукой на небо — до полудня осталось не так уж много — и принялся давать указания рыжим. Вильяра сгребла горстями снег и сотворила путеводного побегайку. Прижала к груди, поглаживая по серебристой шерстке, будто живого. Сёстры слушали старика, заполошно кивали. Мули сидела на снегу возле саней, пела Нимрину согревающую песню. Латира уже оценил, что дара в девчонке — как бы ни больше, чем в старших колдуньях, жаль, она хромает разумом. Зато новый облик Нимрина Мули приняла спокойнее всех и заботиться о нём будет, как должно.

Вильяра провожала взглядом сани, пока те не скрылись за перегибом горы. Шумно выдохнула, умылась снегом, свирепо отряхнулась.

— Ну что за погань, старый! Я же знаю, он нам с тобою жизнь спас, не говоря о прочих. А воротит меня от него — не могу!

— А если твой Нимрин навсегда останется таким, малая?

Знахаркина дочь зябко передёрнула плечами.

— С калеками, с неисцелимыми всегда тяжело. Особенно, когда близкие... Привыкну как-нибудь.

— Вот и начинай привыкать.

— Идём на Совет, старый. Я предвижу, некоторое время нам всем будет не до бесплодных терзаний. А потом... Будем живы, разберусь! Мы как пойдём-то, учитель? Через круги или изнанкой сна?

— Сама знаешь, изнанкой сна быстрее. Или ты захотела прокатиться с Ярмарочной горы?

— В другой раз. И ну его, тот древний круг, ещё застрянем. Кстати, вот я про него не знаю, когда его ставили? Наставник меня туда не водил и ничего не рассказывал. Ты его тоже не любишь, хотя пользовался много лет.

— А никто не помнит, малая. Он ночной, это точно. Не самый тёмный из тех, что я видел, но один из самых. Любопытно потом будет сводить туда твоего Нимрина.

Вильяра молча опустила на снег и закрыла глаза. Латира по привычке постерёг её сон и её путь, но прежняя ледяная ловушка не действовала, а новых пока никто не наворожил.

Мудрый убедился в этом и последовал за ученицей.

Говорят про такое: глаза как два ножа. А тут не два — гораздо больше! Сколько ненавидящих взглядов пронзило Вильяру, когда она явилась в пещеру Совета? Да кто ж сосчитает! Недоброжелатели слишком быстро закопали свои чувства глубоко: раньше весны ни один зверь не дороется. Лишь молоденький островитянин, кажется, Аргира, пробурчал на ухо соседу:

— Что, вот из-за этой-то белянки нам не будет большого тёплого солнышка круглый год?

Сосед, тоже с островов, обозвал Аргиру простофилей и посоветовал побольше учиться и думать, поменьше верить всяким бредням. Латира мигом присоединился к вспыхнувшему спору.

Мудрые, как обычно, начали собираться в Пещере Совета с позднего утра. Как всегда, в ожидании начала беседовали между собой. Но вместо привычного ровного гула Вильяре слышалось что-то вроде штормового прибоя. Все мудрые были взбудоражены и с величайшим трудом держали себя в руках.

Ровно в полдень на возвышение, предназначенное для главы Совета, вышел — нет, выполз! — Нельмара. Вильяра по себе знала, как выглядит и чувствует себя мудрый после едва не сорванной Великой Песни. Вот именно так Нельмара и выглядел. Конечно, получше Нимрина... А ещё мудрого недавно били, и сильно...

— О сёстры и братья по служению, слушайте моё слово! — хранитель знаний обошёлся без традиционных приветствий. — По моему зову собрались не все, но ждать дольше невозможно. Сообщаю тем, кто до сих пор был слеп и глух к новостям. Беззаконник Наритьяра Средний раскачал «качели смерти». Он угрожал мудрым, требовал признать себя Великим Голкирой и принести ему присягу подчинения. Силой или уговорами он покорил многих, но был убит после очередной песни. Мы с Наритьярой Младшим, а ныне — единственным, начали останавливать «качели». Мы знаем, как это сделать, но работа предстоит долгая, кропотливая, тяжёлая и опасная. Меня утром чуть не убило, но кто-то вовремя оттянул часть силы в другой круг. Наритьяра поёт сейчас, — Нельмара с трудом перевёл дух, скользнул взглядом по рядам мудрых, жестом пресёк чью-то попытку вставить слово. — Братья и сёстры, сегодня я собрал вас не для судов и пересудов, а для общего дела. Властью временного главы Совета я повелеваю всем, кто может, идти в круги и петь, — он плавно повёл руками, и под потолком залы повис призрачный образ Голкья, со всеми её морями и океанами, континентами и островами, облачными космами и вихрями... Малыми искорками, звёздочками замерцали на поверхности шара Зачарованные Камни. — Нам нужна сеть по всей Голкья и согласованные усилия. Сейчас каждый выберет круг в своих угодьях, старейшие заполнят пустоты. Кто не готов петь великие песни, тот примет на себя повседневные обязанности своих занятых соседей. О мудрые, кто не чувствует себя в силах петь, пожалуйста встаньте и отойдите в сторону.

В зале произошло движение, около двадцати мудрых, самых дряхлых и самых молодых, сгрудились в углу. Нельмара назвал ещё полтора десятка имён и указал туда же. Спорить никто не стал, временный глава Совета неплохо изучил возможности и характеры всех. Правда, с Наритьярой Средним у него вышло как-то погано, но разговор об этом предстоял позже, когда они отведут от Голкья смертельную угрозу... Именно «когда», не «если»!

Те, кто в силах, быстро разобрали себе по искорке — Камню, потом некоторое время уравнивали сеть и договаривались об очередности песен. Вильяра, вместе со всеми, получила от Нельмары несколько чётких указаний, совет слушать стихии и доверять своему дару, а также пожелание удачи.

Вот и всё:

— Идите, о мудрые, и пойте в свой черёд!

Ромиге давно не было так погано... То есть, было, и совсем недавно, но смертельная схватка с неведомым врагом стёрлась из его памяти. Зато он в мельчайших деталях осознал и запомнил, как входил в круг и пел, затыкая собой дыру в ткани мироздания... Чужого, чуждого ему мира Голкья! Особенно отвратно, что воли у него в тот момент было примерно как у тени, следующей за хозяином... Или за хозяйкой — Вильярой? Ведьма мало того, что связала жизнь нава со своей, поставив его в унижительную зависимость, так ещё и слово с него взяла! Ладно, слово он дал сам. Сам пообещал помочь против беззаконников с их колдуном. В меру сил, да! А попал в замкнутый круг: можешь, значит, должен — должен, значит, можешь. Мало того, что доколдовался до боевой трансформы, хотя при его магическом уровне это почти невозможно! Мало того, что трансформа получилась кривая и полудохлая, это как раз закономерно. Ещё и застрял в ней! Как там распорядительница Тунья говорила? Стоять бы тебе в огороде пугалом? Для этого он сейчас подходит просто идеально! Только колом подпереть, а то свалится. Вильяра глянула — чуть не блеванула. Хорошо, он сам не видит себя со стороны. Но если это выглядит так, как ощущается...

Нав родился не вчера и знал: время смоем эмоциональную пену, оставив ему опыт. В трансформе он, конечно, не удержится, не тот уровень: либо перелиняет обратно, либо помрёт. Если выживет, рано или поздно порвёт противоестественные узы, связавшие его в Вильярой и Голкья. А пока ему предстоит выживать с таким «прицепом»: в чём-то сложнее, нежели одному, в чём-то легче и выгоднее. Он ещё поразмыслит об этом, а пока побережёт силы. Просто побережёт силы.

Латира правильно определил, что нужно пострадавшему, и всё организовал. Спасибо, хорошо: не надо шевелиться самому. Вильяра... Пока она честно выполняет свои обещания, на остальное Ромига готов наплевать. Греет. Тёплая. Нужна.

Дорога в снегах показалась невыносимо долгой, хотя заняла всего часа два. Девчонка Мули очень старалась, чтобы ему было удобно, но привязанного к саням нава всё равно донимали два мучительных ощущения: слишком светло и холодно.

Рыжие ведьмы Даруна и Нгуна по-прежнему боялись «оборотня» едва не до судорог. В другое время он посчитал бы это забавным, сейчас — просто отметил про себя.

Зачарованный Камень Ромига почуял издали. Потянулся к нему всем существом — поймал ответный ток энергии. Не родной, но вполне подходящей. Как же велика разница с поганым жёлтым менгиром! А Вильяра пользуется тем и этим, без разбору... Нет, о природе здешней магии Ромига тоже поразмыслит позже.

Приехали! Сейчас женщины будут обустроить стоянку, а он полежит, потихоньку приводя себя в порядок. Наружу из Камня энергия сочится еле-еле, а ему сейчас так и нужно: по капельке, постоянно. Латира — умница, мудрый не только по названию!

А Мули, оказывается, сильна. То Ромига её на руках носил, а теперь она его подняла, легко. Рыжие выстроили иглу, однако нав попросил не тащить его туда, а уложить у Камня.

Попросил, голосом: прогресс, однако. Даже Приветственную песнь спел, тихо-тихо.

— Оборотень, ты не замёрзнешь на снегу?

— Уже нет. Особенно, если ты подстелешь мне шкуры.

Девчонка тут же уложила его обратно в сани и вместе с ними подкатила к Камню. Заботливо укутала, подоткнула меховые одеяла со всех сторон. Иногда она производила впечатление безнадёжной дурёхи, иногда проявляла завидную смекалку и сноровку, всякий раз неожиданно. Впрочем, и об этом будет время подумать. Полуденный свет, между прочим, уже не режет глаза. Ему лучше, заметно лучше! Он хотел, было, глянуть на свои руки, проверить, не сходит ли с них чёрная чешуя, но угрелся и задремал. Тёмно-серая угловатая глыба Зачарованного Камня посреди снегов — лучшая печка!

В сумерках Мули затеяла варить ужин, нав сквозь дрёму учуял сытный запах походного супа, но когда девушка принесла ему котелок, отказался, попросил лишь тёплой воды. И воду-то изменённое тело приняло с трудом, всего пару глотков.

Ночью, несмотря на крепчающий мороз, нав остался у Камня. Мир снова лихорадило, что-то где-то происходило, отзываясь то содроганием грунта, то головокружением, то зарницами в небе, то вспышками света под закрытыми веками. Ромига с обречённой тоской ждал, когда его снова неодолимо потянет в круг, но обошлось.

К рассвету набрался сил, чтобы послать зов Вильяре. Мудрая не ответила: то ли не захотела, то ли не смогла, то ли попросту не услышала. Зато на второй зов, почти без надежды на успех, неожиданно откликнулся Латира. Сообщил, что все живы, всё идёт по плану, подробности — при встрече, и посоветовал Ромиге спокойно поправляться. Нав хотел возразить, что не болен, просто... Нет, объяснять чужому тонкости взаимодействия с родной стихией совершенно ни к чему. Здоровым-то Ромигу по-любому не назовёшь, значит, больной. И надо так поправляться: поправлять себя.

Утро до восхода нав посвятил глубокой, по всем правилам, медитации. К тому времени, как солнце вышло из-за дальних гор, а заспанная Мули — из иглу, Ромига почувствовал голод: впервые после круга. С нетерпением ждал, когда девчонка разогреет вчерашний суп. Чуть-чуть поел: Мули покормила с ложки. Сам с трудом выпростал руку из-под шкур, но пальцы не работали, чёрное спеклось в коросту и сковало движения. Судя по мерзкому привкусу навской крови в супе, на губах короста трескались, но боли Ромига не ощущал.

Покормив его, девчонка решительно прищурила глазища и принялась ворожить. Под её заунывные завывания будто мельчайшие иголки начали покалывать голову, шею, плечи, руки — те места, над которыми Мули водила ладошками. Приятно и, по ощущениям, не вредно: нав не стал возражать. Так и задремал, а проснулся ближе к полудню, опять голодный и гораздо бодрее, чем утром.

Дотянулся до отставленного в снег котелка, согрел магией и с удовольствием выскреб до дна. Короста на руках трескалась, трещины кровоточили, заплывая чёрным и снова расходясь при движении. Чувствительно и неприятно, но Ромига счёл эти ощущения, скорее, хорошей новостью от приходящего в себя тела. Сел поудобнее и углубился в медитацию. А Голкья снова дрожала, мешала сосредоточиться, просила песни: не так настойчиво, как прошлый раз, но ощутимо.

«Мудрый Латира!»

«Я слышу тебя, Иули. Что случилось?»

Ромига искал слова, чтобы объяснить, но понятийной базы не хватало, а безмолвная речь давалась ему тяжело: «Мудрый, меня снова тянет в круг, и на этот раз я оттуда не

выйду. Вы бы как-нибудь разобрались сами. А то меня ждут дома, живым.»

«Я понял тебя, Иули! Спасибо, что сказал.»

Вскоре после разговора нава отпустило, а через некоторое время очертания Камня на миг затуманились, и на снегу у подножия вяло заворочился меховой ком с характерной пепельной макушкой.

— Мудрый Латира?

Старик с трудом доковылял до саней, присел на край. Устало улыбнулся наву:

— Всё хорошо, Иули. Стихии успокаиваются, ты живой, я живой, Вильяра живая, — заглянул в пустой котелок, крикнул. — Эй, Мули!

Девчонка вылезла из иглу, подбежала, скорчив недовольную гримаску:

— О мудрый, зачем шумишь, когда можно позвать? А если бы я ловила белянок в распадке? Всех бы мне распугал!

— Сама ты белянка! — фыркнул старик. — Я тебе что велел? Приглядывать за ним в три глаза! — указал на нава.

— А чего за ним приглядывать? Дикие звери к Камню не ходят, кричавки не летают. Двухногие пусть сами того боятся, кто Великого Безымянного победил. Я его полечила, больше пока не надо. Мули спит, ты шумишь... А теперь вот смеёшься. Почему Мули смешная?

— Потому что смешная. Тащи сюда припасы, будем варить обед, с моими приправами.

Пока собирались готовить, нав лежал с закрытыми глазами. Не в медитации — просто задумался. Между прочим, понял, что совершенно не желает никому рассказывать, как именно дурёха Мули заделалась воительницей. Только он решил помалкивать, девчонка сама проболталась Латире. С тою же лёгкостью, как прежде — наву, но с более цветистыми подробностями. И как решила следовать пути, что указал отцу и всем Наритья Великий Безымянный. И как по первому снегу удрала из дома на одиночную охоту, как скрадывала двухногую добычу, как убила, как разделывала и ела.

Надо отдать должное Латире: он слушал спокойно и внимательно, не отрываясь от стряпни. Вовремя поддакивал и задавал уточняющие вопросы. Лишь разъяснив детали, так же спокойно спросил:

— Мули, ты знаешь, что ты сотворила одно из худших беззаконий? И какое наказание тебе за это положено?

— Почему беззаконие? Мудрый моего клана объявил новый закон, Мули исполнила. Я первая, первая в нашем доме его исполнила! За это Великий Безымянный взял меня в ученицы и обещал меня, меня первую провести через солнечное посвящение.

— Какое-какое посвящение? — переспросил Латира.

— Великий обещал, все одарённые Наритья со временем примут силу, подобную мудрым. Только мы не будем отдавать стихиям свои имена и родовые ветви, за нас отдадут низшие и бездарные, вместе с ничтожными своими жизнями. Их сердца и кровь станут даром Великому Солнцу, их тела станут пищей на празднике посвящения...

Ромига узнал напевные интонации несостоявшегося Голкиры, а старик стал мрачнее тучи.

— Мули, ты, правда, готова украсть чью-то жизнь и дар, чтобы приумножить свои?

Девчонка озадачилась:

— Мне довольно, довольно моего дара, я не знаю, зачем больше. Но Великий говорил, так надо. Надо, да.

— А кому это надо? Как ты думаешь, Мули?

Мули долго молчала, то закатывая глаза, то морща лоб умственным усилием. Латира не торопил, помешивал варево в котелке над колдовским огнём, а нав с самого начала счёл за лучшее молчать. Девушка неуверенно переспросила:

— С-солнцу? Ве-великому Безымянному?

— А тебе, Мули? Ты же стремилась первой пройти солнечное посвящение. Для чего оно тебе?

— Великий говорил, он испытает на мне новый обряд, и если получится, то следующим он посвятит моего отца, Вильгина. Мули хочет, очень хочет, чтобы отец жил вечно, а не как мама.

Латира тяжело вздохнул.

— А сама ты, Мули, что ты собиралась делать, получив удесятерённый колдовской дар и долгую жизнь?

— Не-не знаю... Что велел бы мне Великий Безымянный... Служила бы ему дальше.

— А сама? Сама, чего ты желаешь? Что тебе нравится делать больше всего, Мули?

Девчонка снова надолго задумалась. Латира позволил огню под котелком почти угаснуть, прикрыл варево крышкой. От аппетитного запаха у Ромиги заурчало в животе — Мули вздрогнула, метнула испуганный взгляд на него и по сторонам, будто очнулась. Закусила губу, резко вздохнула, заговорила.

— О мудрый Латира, Мули нравится бродить в снегах и читать следы. Летом — собирать полезное, что растёт. Хоть бы и вовсе не возвращалась я ни к фиорду, ни в дом деда на Марахи Голкья... А ещё любит Мули петь целительные песни. У меня сильные, сильные песни, все говорят. Только тётки отказались учить меня.

— Почему отказались?

— Они сказали, я глупая, плохо понимаю двуногих, а без этого знахаркой быть нельзя.

Латира лишь вздохнул и покачал головой. Снял крышку с котелка, сказал:

— Готово! — и стукнул ложкой по гулкому металлическому боку.

Трапезничали, как принято среди охотников, быстро и молча, пока похлёбка не остыла. Когда котелок опустел, Ромига ожидал продолжения разговора, но его не последовало. Латира прислушался к чему-то и быстро ушёл в круг. Мули долго стояла, смотрела в небо, нюхала воздух. Потом присела рядом с навом и затянула уже знакомую песенку. Знакомое покалывание под её ладонями, знакомо потянуло в сон — Ромига снова не стал противиться.

Проснулся — в небе догорала заря, а рядом сидела усталая, осунувшаяся Вильяра: с тем же котелком и новой порцией вкусного варева. Подала и молча, напряжённо наблюдала, как Ромига ест. Когда он выскреб всё до дна и отставил пустую посуду, колдунья осторожно протянула руку к его лицу. Медленно, едва касаясь, обвела кончиками пальцев брови и скулы, нос, губы, подбородок. Ромига млел от нежданной ласки и от самого факта, что ощущает эти легчайшие прикосновения. Подавался навстречу — кожа зудела и чесалась, будто стянутая присохшей глиной. Вильяра едва слышно выдохнула:

— Ты — это ты, Ромига. Мне всё равно, как ты выглядишь, ты — это ты.

— Сама-то себе веришь? — не без ехидства уточнил нав.

— Стараюсь поверить, — отозвалась она виновато, и тут же добавила гораздо бодрее. — Пока я стараюсь, ты поправляешься. Кажется, эти струпья скоро начнут отваливаться. Не знаю, во что ты превратишься, и насколько тяжело мне будет на это смотреть. Но ты, главное, живи! Хочешь, я пойду с тобой в круг? Из меня сейчас такой замечательный ключ

получится, — она наклонилась к нему и приникла, коснулась губами губ.

Ромига вжался в шкуры, отстраняясь:

— Я ценю твоё предложение, о Вильяра мудрая! Оно щедрое и от всего сердца, но давай в другой раз? Ты же понимаешь: я весь в этой коросте, с макушки до пяток. Может, потом она отвалится, но пока всё очень больно трескается. И в круг я не хочу, мне достаточно силы здесь, перед Камнем, — поглядел ещё немного в мерцающие серебристые глаза, усмехнулся. — Ладно, если ты хочешь, пошли. Помоги.

Но встал почти без её помощи. И пару шагов до Камня преодолел сам, припечатал ладони к шершавой тверди, опёрся. Две белые пятерни Вильяры легли рядом с двумя тёмными — его, едва различимыми на поверхности глыбы. Два усталых, хриловатых голоса, мужской и женский, зазвучали в унисон. Камень послушно раскрылся перед навом и колдуньей. Ромигу повело без опоры — Вильяра закинула его руку себе на плечо, помогла идти вперёд. Над кругом ярко и тревожно мерцали звёзды, похрустывал иней под ногами... Уже середина, и они уже поют поимённое приветствие всем Камням, а после — после можно прилечь, даже нужно... Ромига с удовольствием растянулся навзничь, пораскидал руки-ноги, глубоко, привольно дышал сладким морозным воздухом. А Вильяра... Когда она наловчилась расстёгивать гарочий комбинезон? Но раз уж расстегнула и добралась...

— М-м-м... Пожалуйста, продолжай, мне нравится!

Удивительно, какой нежной умеет быть эта бестия, и как её нежность заводит. Подумать не мог, что хоть что-то у него сейчас шевельнётся, а вот же... И больно от сходящей коросты, и щекотно, и так сладко! Звёзды в небе перемигиваются с чёрными дырами, шалый ночной ветер шепчет на ухо: «Живой!»

Живой! Распаясь от искусных ласк, Ромига таки подмял колдунью под себя и получил всё, что мужчина получает от женщины. А сверх того, впервые ощутил, что обретает маг в круге Зачарованных Камней, когда другой маг становится ему ключом от силы.

Главное, не почернеть окончательно — или попросту не лопнуть. А ещё от такой восхитительной полноты, от преизбытка так и тянет запеть! Хочется, может, и пожалуй, нужно. Встать спина к спине, сплести воедино два звонких, сильных голоса. И закружиться в танце, невесомой тенью ступая по хрусткому инею, повести, завертеть вокруг себя ловкую и быструю охотницу — восхититься, как она угадывает нужные движения, как отзывчива и легка. И долго петь и плясать вдвоём, вихриться чёрный туман среди синих и фиолетовых сполохов. И остановиться друг против друга, улыбаясь, жарко дыша, чуть склонив головы, поблагодарить, и неторопливо, рука об руку покинуть круг.

А вовне такая же ясная, звёздная ночь, и так же легко дышится, и тело так же полно силой. Ромига провёл руками по лицу, стряхивая остатки чёрной шелухи, глянул на ладони — свои, нормальные! Посмотрел на Вильяру: тёмные чешуйки тут и там налипли на белый мех её одежды. А сама она счастливо и пьяно улыбалась, возбуждённо посверкивая зрачками.

— Латира знал, что говорил: я сама выбрала быть ключом, я отдала тебе много, а получила от круга ещё больше. Какой же мой первый наставник был жадный и злобный дурак!

Ромига рассмеялся:

— Правильное слово — «был»! Кстати, ты ещё не ходила в горы за его трупом?

Колдунья вздохнула, поморщилась:

— Кабы он там один лежал... Нет, пока не до них. Я пела, отдыхала, снова пела. Кое-

как выбралась за Юни и нашими вещами, навьючила зверя и отправила к Лембе. А мне же ещё с родственничками разбираться! Дом живоедов у Синего фиорда — как-то совсем погано звучит. Иногда я жалею, что полезла их спасать, ещё и вас с Латирой втянула. Хорошо, ты уже в порядке.

Нав прислушался к себе:

— Я буду окончательно в порядке, когда помоюсь, почищу одежду и поем. Вернее, поотьедаюсь досыта день, другой, третий. Но если ты хочешь напугать «чёрным оборотнем» свою незаконную родню...

— Нимрин, скажи, что ты думаешь о моей племяннице Мули? Латира пересказал мне всё. А ты наблюдал её эти дни.

Ромига неопределённо пожал плечами.

— Я думаю, всем было бы легче, будь Мули просто безобидной дурочкой. Но она не безобидная. Доказала делом! Насколько я понимаю, за беззаконие ее следует...

Нав запнулся. В языке охотников не было глагола «казнить» — только «убить», «изгнать» и «наказать» (оно же «проучить» и «научить»). Уточнил:

— За убийство с живоедством у вас полагается смерть, так?

Вильяра хмуро кивнула. Ромига снова задумался, подбирая слова. Помилования, как идеи, правосудие Голкья тоже не изобрело: виноват — отвечай, и даже мудрые не в праве этого отменить. Виру охотники признавали, могли и простить, замирились с обидчиком — но если оба живы. Не тот случай!

— Мули не изгладит, не искупит свою вину, это невозможно. Прощать её некому, так?

Вильяра нахмурилась ещё сильнее. Ромига уточнил:

— Ты ищешь способ сохранить племяннице жизнь?

Ещё один угрюмый кивок.

— У меня, страшного и злобного чёрного оборотня, не поднялась рука зарубить это лохматое недоразумение. И не только потому, что Мули, в простоте, рассказывает много интересного. Знаешь, мудрая, я бы, пожалуй, приговорил её, а потом отсрочил приговор до следующего беззакония. Только с условием: она будет не сама по себе, а под рукой у кого-то, кто способен держать эту реку в берегах. Например, у старого Латиры.

Вильяра снова кивнула — теперь с улыбкой облегчения:

— Латира сказал примерно то же самое. Если старый займётся девчонкой, я возражать не стану. А вот что делать с её папашей, моим братцем...

В доме у фиорда шёл большой совет, вернее, поганое толковище, грозящее перерасти в смертельную грызню двух стай. Пока Наритья были под покровительством Великого Безымянного, беженцы с Арха Голкья не дерзали лишний раз возвысить голос. После смерти мудрого силы одних и других примерно уравнились. Кто возьмёт верх в доме, кто кому станет младшими слугами? Дом просторный, припасов много, хватит перезимовать всем, кто заселился. Однако Наритья — живоеды, да не с голодухи, а по убеждениям, и вряд ли откажутся от своих поганных привычек. А за беженцами — ярмарка с толпою таких же архан, мечтающих о тёплой зимовке. Все здесь так или иначе осквернены беззаконием, однако извечные привычки сильны. Сражаться насмерть не на ограждённом лугу, даже не в снегах — в доме, где самим же зимовать потом, никому неохота. Две стаи вытолкали вперёд вожаков и расступились к противоположным стенам большой залы.

Вильгрин и Чунк застыли друг против друга, сжимая ножи. А ведь ещё вчера ворожили вместе, восстанавливали защиту дома. Потом обсуждали новый расклад и планы. Спорили, тогда ещё почти по-товарищески. Вроде, даже пришли к согласию, однако, расходясь, старались не показывать друг другу спины, а сегодня на совете сразу сцепились. Поединок — хороший исход их сорабничества и соперничества!

Выпад — уклонение — ответный удар... Оба вожака сильны и быстры, зрители едва успевают следить... Свирепый рык, первые капли крови на полу — Вильгрин... Удар кулаком — Чунк отлетел на толпу Наритья — выпихнули обратно. Мчится бешеным рогачом, выставив вперёд клинок... Полушаг в сторону, просверк ножа... Вскрик. Чунк стоит на коленях и любуется на свои кишки. Не позволив противнику упасть ничком, Вильгрин бьёт его ножом ещё раз, под челюсть. Отступает в сторону: поединок окончен. Поднимает руку, заставляя ликующих своих замолчать. Обводит взглядом притихших архан:

— Мы сильнее не потому, что за нами кто-то из мудрых. Мы сильнее не потому, что мы из Наритья. Мы просто сильнее! Кто сомневается, закончит вот так. Смотрите и запоминайте!

Напряжённая тишина: кто-то смотрит на мертвеца, кто-то — на застывшего статуей Вильгрин. Слышно, как с его клинка капает кровь. А на нём самом ран не видно, скрыл или затанул ворожкой. Силён глава дома! Говорит дальше, голос гремит под сводами.

— Новый закон умер вместе с Великим Безымянным. Я не стану жрать эту падаль, — Вильгрин пнул труп, — и никому не дам. Раз наш колдун умер и не смог утвердить новый закон, раз другие мудрые новый закон не приняли, значит закон плох. А по старому закону все, кто добывал разумных в пищу, повинны смерти.

— И ты тоже? — крикнул кто-то из задних рядов архан.

— И я тоже, — согласился Вильгрин. — Но я взял вас всех под свою руку и пообещал тёплую зимовку в этом доме. Пока я здесь, и пока я жив, я не отказываюсь от своей власти и своего слова. После меня дом примут мои единокровные сёстры Даруна и Нгуна. Мудрая Вильяра подтвердила их право жить здесь. Она желает сохранить дом у фиорда. Она совершенно точно не желает ваших смертей — тех, кто более-менее чист.

Робкий голос кого-то из своих:

— А что Наритьяра Младший? Мы же Наритья?

— А Наритьяра сбаврил всё незаконное гнильё сестре по служению. Он сказал мне

прямыми словами, мол раз вы поселились в угодьях Вилья, будете Вилья. Или совсем не будете... Ну, что, есть желающие — оспорить мою власть и власть моих сестёр?

Желающих не нашлось. Вильгрин взглядом отыскал в толпе Даруну и Нгуну, бледных и решительных.

«Ты сдашься мудрой Вильяре или уйдёшь в снега, брат?» — спросила Нгуна.

«Я пока не решил. Сначала ты посмотришь мою рану. Чунк достал меня не так красиво, как я его. Но сильно. Может, уже и решать нечего».

Мули летела сквозь ночь, не чуя под собою ни ног, ни лыж. Чувствовала, что вряд ли успеет, но как ни рвать жилы в бешеном беге, когда батюшка умирает? Пусть, старый Латира опять ворчит, что она бросила своего подопечного без присмотра! Полдороги за спиной, а синие всполохи от Камня, куда ушли оборотень с Вильярой, всё ещё мерцают на снегу. Что может маленькая Мули рядом с такой мощью? А дома, дома... «Батюшка, Батюшка! Что с тобою, ты болен или ранен?»

«Я ранен, Мули. Нож в печень, подарок Чунка. Прощальный подарок. Не успел я тебя позвать, доченька, ты уже сама узнала».

Не успел он, как же! Не захотел звать, или тётки отговорили. Слёзы смерзаются на ресницах, дышать всё больнее. Мули умрёт на бегу или всё-таки успеет? Не исцелить, так попрощаться?

Ромига первым хватился своей сиделки:

— Мули! Эй, Мули! — нет ответа. — Мудрая Вильяра, ты что, отослала её куда-нибудь?

— Нет.

Снежный купол иглу светится огоньком масляной площадки, но внутри пусто. Одной пары лыж нету, и новая лыжня — поверх вчерашних следов. Вильяра приглядывается, принюхивается.

— Сбежала! Опрометью! Будто за ней дикая стая гналась. погоди, сейчас я позову её... О! Щуров Вильгрин! Или я сейчас поспешу, или уже никогда не познакомлюсь с собственным братом... Да, Нгуна подтвердила. Нимрин, ты со мной или остаёшься?

Ромига оглянулся на Камень: он уже дал наву всё необходимое и сам пока больше не звал. А вот Вильяре может понадобится помощь воина.

— С тобой. Ты в дом у фиорда?

— Да, и быстро!

В доме снова было неладно, но иначе: вместо немой неясной угрозы — отголоски эмоций, гул голосов... Ромига не стал на этом сосредоточиваться.

Из укромного закутка, куда они вышли с изнанки сна, Вильяра провела его в незнакомую комнату, зато к знакомым персонам. Две рыжие колдуньи привычно вздрогнули, увидев нава, и тут же низко поклонились Вильяре. Ромига встал у двери, чтобы никто не помешал мудрой общаться с её драгоценными родственниками.

— Здравствуй, сестра, — донеслось с просторной лежанки. — Ты успела.

Даруна и Нгуна молча отступили в сторону. Вильяра стремительно шагнула к лежанке, присела на край, жадно вглядываясь в лицо неподвижного и очень бледного охотника.

Нав следил за всеми в комнате и слушал коридор. Определил для себя: беззаконник Вильгрин ныне практически безопасен, поскольку медленно, но верно погибает от внутреннего кровотечения... Уже загнулся бы, но сильная ворожба удерживает его среди живых. Поймав пронзительный взгляд серебристых, как у Вильяры, глаз, Ромига внёс поправку, что раненый не чувствует боли, находился в ясном сознании, и, вероятно, способен дать копати в последнем бою. Однако пока встреча проходила мирно: брат и сестра долго, пытливо смотрели друг на друга. Дети знахарки от разных отцов оказались поразительно похожи, только разрез глаз и форму губ Вильгрин унаследовал от предков-южан.

Характерным целительским жестом Вильяра стиснула запястье вытянутой поверх шкур руки. Горестно вздохнула:

— Здравствуй, брат Вильгрин. Думаю, ты сам понимаешь, насколько тяжела твоя рана?

Лежащий чуть растянул в улыбке бескровные губы:

— Да, мудрая. Лечить меня поздно и незачем. Даруне и Нгуне я запретил. И тебя прошу оставить, как есть. Моего собственного дара и силы хватит, чтобы мы напоследок побеседовали по-родственному.

Говорил Вильгрин тихо, но отчётливо, и даже на длинных фразах не сбивался, не задыхался. Вильяра перекатила желваки на скулах, глянула исподлобья:

— А если я захочу сохранить тебе жизнь до суда мудрых?

— Я сам знаю, чего я заслужил под рукой Наритьяры Среднего. Незачем откладывать моё изгнание.

Вильяра нахмурилась сильнее:

— Мудрые захотят узнать обо всех делах отступника и его сообщников. Средний жил в этом доме, двое других Наритьяры бывали здесь. Ты, Вильгрин, знаешь о них много. Вероятно, больше всех.

Широкая, располагающая к себе улыбка — легко представить, каким великолепным купцом был умирающий.

— Даруна и Нгуна знают всё, что знал я, и даже больше. Я оставляю дом на них, — Вильгрин на миг запнулся, будто собирался сказать ещё что-то, но передумал. — Хочешь, задай мне вопросы. Отвечу без утайки.

— Вильгрин, ты благословил свою дочь Мули на путь воина?

Вот теперь раненый мучительно застонал: вопрос мудрой уязвил его сильнее стали, или чем его продырявили.

— О, нет, Вильяра! Мули... Наш Великий, то есть, Наритьяра Средний, возвещал нам свои истины, а дочка слушала и заслушалась. Мой недосмотр, что она сбежала охотиться. Нам ещё повезло, что никто не хватился того странника. Все Наритьяры были в гневе, но Средний всё-таки принял новую воительницу под свою руку. А я потерял дочь, увы.

Вильяра дала ему полежать с закрытыми глазами, потом участливо спросила:

— Мули всегда была немного ущербна разумом?

Вильгрин быстро ответил:

— Да, с детства. Пока она слушала меня, всё было хорошо. Как подросла и начала думать сама... Вроде бы, не совсем дура, но мысли бродят неведомыми путями... Вильяра, ты изгонишь её?

Беззаконник — беззаконником, а о дочке он беспокоился больше, чем о себе самом. Хотя, о себе-то уже поздно.

Вильяра сжала его руку:

— Я ищу, как сохранить твоей дочери жизнь по закону. Мули добыла одного странника?

Или потом кого-то ещё?

Вздых облегчения:

— Только его. Когда мы добывали обоз Лембы, я её с собою не брал.

Вильяра, видимо, закрыла для себя тему Мули:

— А что случилось с двумя другими пропавшими обозами?

На этот вопрос Вильгрин ответил совершенно спокойно:

— Добычу с них ты тоже найдёшь в этом доме. Их истребили и ограбили мои архане. Вожаком был тот, кого я сегодня убил в поединке, и его брат при нём. Брат потом погиб в доме Лембы, они все мечтали зимовать там. Они ходили под моей рукой, но наши порядки и соседство мудрых им не нравились.

— А тебе, Вильгрин, нравились эти порядки?

Лежащий охотник криво ухмыльнулся.

— Я решил, что Наритьяра Средний вот-вот станет Великим Голкирой, и тогда перестанет спрашивать, кто хочет следовать за ним. Пока ещё он искал сторонников, добровольных. Мой дом мог оказаться ближе к вершине... Конечно, я желал могущества и долголетия мудрого. Для себя, для всех своих... Неодарённых среди нас не было... Я привёл свою стаю в угодья Вилья по слову Наритьяры Старшего. Давным-давно он показал мне ползучий вьюн и пообещал Наритья господство над всеми кланами через несколько поколений. А Средний не желал ждать, захотел всего и сразу. Я подумал, что нам по пути с ним. Я ошибся.

Вот теперь было заметно, что раненый от разговора устал. Или признание фатальной ошибки отняло у него силы? Вильяра поспешила спросить:

— А что Наритьяра Младший?

— А Младший хранит угодья клана, как надлежит мудрому. Здесь он бывал редко. Когда я видел троих вместе, мне казалось... Младший слушает Старшего, а Среднему подчиняется из страха. А после смерти Среднего Младший велел нам всем сдохнуть или идти к тебе на поклон.

— Вильгрин, а ты знаешь, что случилось со Старшим Наритьярой? Куда он пропал?

Раненый указал взглядом на Даруну:

— Спроси её, меня тогда не было дома.

Вильяра обратилась к рыжей, та ответила.

— Поздним утром, когда... Когда Вильгрин возвратился с ярмарки с богатой добычей, Старший и Средний сильно бранились в своих покоях. Там зачаровано, слов не разобрать, но эхо гуляло злое. Я побоялась подходить ближе и подслушивать. Около полудня двое мудрых вместе отправились к Зачарованному Камню. Средний вернулся оттуда один и в ярости. Старшего больше никто в этом доме не видал живым. Наверное, Великий Голкира пытался подчинить своего наставника, как Нельмару хранителя знаний. Не совладал и просто убил.

— Даруна, мы потом ещё поговорим, что вы с сестрою видели и слышали в покоях мудрых. Вильгрин, скажи, а где сейчас твои незаконные сообщники? Из Наритья и с Арха Голкья?

Раненый с трудом приподнял веки:

— В снегах, где им быть. Архане прыгнули на лыжи сразу, как я убил Чунка...

Даруна и Нгуна охнули, услышав имя мертвеца. Вильгрин бледно улыбнулся:

— Ну, а чего бы мне его не звать? Пусть подождёт немного. Вместе пойдём щуровой тропой, доспорим, доругаемся, — перевёл взгляд на Вильяру. — Думаю, архане двинулись в сторону ярмарки. А своих я отослал позже. Они поклялись больше не живоедствовать, не грабить, не нападать на дома.

— Как поклялись? — уточнила мудрая.

— Дали мне слово. Куда пойдут, я не знаю: они не сказали, а я не спрашивал.

— Сколько их?

— Моих — семнадцать. Архан я не считал, но не меньше двадцатки.

Вильяра кивнула: мрачная, как снеговая туча. Встала и резко скомандовала:

— Нимрин, ты остаёшься здесь, стереги и охраняй их, — кивок на умирающего и двух рыжих. — Даруна, в полночь ты соберёшь на большой совет всех, кто живёт в этом доме. Я вернусь к тому времени. Я желаю знать в лицо всех Вилья, и чтобы они знали меня, — долгий взгляд на Вильгрину. — Прощай, брат. Твой отец Поджа дурно обошёлся с нашей матерью. А в доме твоего отца, наверное, думают, что она плохо поступила с ним. Я совершенно не рада обстоятельствам нашего знакомства. И ты оставляешь мне головную боль — Мули. А всё-таки я рада, что у меня есть брат...

— У тебя был был брат. Прощай, Вильяра. Удачной охоты... Если я правильно тебя понимаю.

Короткий кивок, и Вильяра решительно шагнула к двери. Ромига откатил каменный диск, первым выглянул в коридор, отступил, пропуская женщину... Нет, уже снежный вихрь, в который Вильяра обратилась, не выходя из дому.

Услышал тихий смешок с лежанки:

— Улетела, а тень свою забыла. И выморозила тут всё. Ох уж, эти мудрые.

Нав обернулся, смерил взглядом троих, оставленных на его попечение:

— Так тень или оборотень? Вы бы уж как-нибудь определились?

— Не сердись, чужак, — еле слышно прошелестел Вильгрин. — Я знаю, этот дом жие благодаря тебе. Правда, и Великого Безымянного ты убил, порушил такие надежды... Беззаконные надежды, однако многим нравились. Многих врагов ты нажил. Придётся тебе теперь растить глаз на затылке и панцирь на спине... Сестрёнке — тоже, хоть она и мудрая... А повезло с ней клану Вилья. Ты, чужак, даже не представляешь, как повезло. Все планы поломала. Сперва Старшему, потом Среднему...

— Вильгрин, помолчи, пожалуйста! Не даёшь помочь тебе, так хотя бы отдохни, — взмолилась Даруна.

— Скоро, скоро уже я отдохну. Намолчатся успею, наговориться — нет.

— Даруна, скажи, а почему вы меня так боитесь? — обратился к рыжей Ромига.

Обе сестры привычно сжались, ответил Вильгрин:

— Их в детстве напугали сказками, а потом они сами напугались какими-то снами. Отец в насмешку вспомнил или сочинил приметку, будто, кто заговорит с оборотнем, того оборотень съест. Но Мули-то ты не съел, чужак?

— Не съел и не буду. И вас не съем, рыжие!

— Не называй нас так, оборотень! Это оскорбительно, — наконец преодолела себя Даруна.

«Отец наш Поджа вызывал на поединок за прозвище Рыжий, и даже зимой мог наставить синяков.»

Вильгрин подал голос:

— Привыкайте, сестрёнки. Среди Вилья мало такой масти, но никто за это не пеняет. Рыжие, и рыжие.

Два возмущенных взгляда, но главе дома возражать никто не посмел. Вильгрин только вздохнул. Ромига улыбнулся сёстрам:

— Хорошо, Даруна. Если вам не нравится, я не буду называть вас так. Но и вы зовите меня Нимрином, а не...

Дверь с грохотом откатилась, в проём шагнула шатающаяся, облепленная снегом фигурка. Из-под смёрзшихся белых косм безумно сверкали жёлто-зелёные глаза.

— Батюшка! Батюшка!

Вильгрин всем телом подался навстречу дочери:

— И ты успела, ослушница. Быстро ты...

— Мули лыжу сломала, не успела, не успела бы. Пошла изнанкой сна, как бабка. У меня получилось!

— Иди ко мне, Мули. Дай взглянуть на тебя напоследок.

— Но ты же... Я могу...

Слабый, но решительный останавливающий жест. Вильгрин и Мули не произнесли больше ни слова вслух, однако Ромига был уверен, что наблюдает отчаянный спор, разве что искры с обоих не летят. Потом девушка, как подрубленная, пала на колени возле лежанки, спрятала лицо в шкурах. Умиравший, с трудом приподняв руку, стал гладить её по голове, перебирать пальцами густой взъерошенный мех. Прикрыл глаза, едва слышно заурчал детскую успокоительную песенку. Через некоторое время Мули перестала рыдать.

«Оставим их, пусть прощаются». Ромига не понял, кто из сестёр это сказал, тихо ответил вслух:

— Вильяра велела мне приглядывать за вами за всеми. Значит, пока Вильгрин живёт, никто из нас не покинет этой комнаты. Это не помешает вам собрать совет. Кто в доме не владеет мысленной речью, тем пусть передадут другие... Или есть обстоятельства, которых я не знаю?

«Нет. Просто тяжело смотреть, как он пуце всех утешает поганку и ослушницу. Избаловал её, будто других детей нету!» — говорила, кажется, всё-таки Нгуна.

Ромига переспросил: «А есть и другие?»

«Двое двухлеток, трое сеголеток в детских покоях. Вильгрин даже видеть их не пожелал. Сказал, пусть помнят здорового отца. С обеими жёнами быстро попрощался и отослал прочь».

«А у вас с сестрой есть мужья и дети?»

«Наши прежние мужья не захотели переселяться на Нарю Голкья, дети остались с ними. А новых мужей нам запретил завести Великий Безымянный. Мы должны были служить ему, и только ему.»

«Вам нравилось?»

«Женщин Наритья давно не спрашивают, нравится ли им. Тем более, мудрые. Мы благодарны брату, что он привёз нас сюда...» Ага, и завещал дом! И пришлого нава рыжие тоже могли бы кое за что поблагодарить, но до такого поворота беседа не дошла.

Вильгрин распрощался со всеми, с кем считал нужным, и теперь умирал. С лица окончательно сошли краски жизни, глаза закатились, дыхание стало прерывистым и хриплым. Последняя судорога, последний полу-вдох, полу-всхлип, несколько мгновений насторожённой тишины — и Мули взвыла в голос, сёстры подхватили прощальную песню.

Ромига считал, что поганец отделался беззаконно легко, но склонил голову, признавая право родни на горе. Тем более, долгие оплакивания у охотников не в ходу, а до полуночи ещё полно времени.

Вильяра промчалась по знакомым коридорам под перепуганные вскрики шарахающихся к стенам охотников. Пусть новые обитатели дома у Синего фиорда не сомневаются в могуществе мудрой Вилья! У них ещё будет время узнать её глаза в глаза, а пока — стылým ветром, струёю позёмки, не останавливаясь, к большим воротам! Створки перед ней распахнули два перепуганных стража, и хорошо: ворота открываются внутрь, жалько было бы их снести.

Неистовым вихрем, увлекая за собою всё больше снега... Не запорошить бы следы... Видимые следы беглецы сами позаметали, кто как смог... Для мудрой в снежном вихре, для мудрой, что недавно пела Великие Песни, голоса стихий отчётливы и внятны, как никогда. Вот пятнадцать охотников тесной ватагой мчатся на лыжах по льду замёрзшего фиорда. Судя по отделке на одежде — Наритья, хотя различать такие подробности сквозь «морозную дымку» труднее, чем отчаяние и надежду, ущемлённую гордость, желание беглецов когда-нибудь сквитаться...

Вильяра-вихрь налетает внезапно, расшвыривает далеко в стороны сторожевых зверей, а двуногих валит на лёд, сметает в кучу. Танец вихря по кругу, по кругу, и лёд трескается. Ледяной диск, круглый, будто гигантская дверь, встаёт на ребро и переворачивается, навсегда отрезая пятнадцать беззаконников от воздуха, неба и жизни. Приморозить воду по краям «заплаты». Дождаться, пока снизу перестанут биться и ворожить — одарённые были колдуны, но мудрая сильнее! Утихли? Хорошо. Можно лететь дальше.

Восемнадцать выходцев с Арха Голкья она догнала на Высоком Мысу: за тем поворотом тракта, где скалились с кольев обглоданные кричавками черепа. Можно было подождать, пока беззаконники спустятся на лёд за мысом, и утопить их, как предыдущих, но мудрая спешила. Снежный вихрь налетел, залепляя глаза, ноздри и рты снежной пылью, мигом высасывая из тел живое тепло. Они умирали быстро, один за другим... Надо же! У кого-то хватило смелости и дара на сопротивление! Зачарованная стрела пронзила вихрь, не ранив Вильяру, но отбросив её в двуногий облик. Колдунья мгновенно выставила щит: град стрел и мелких колдовских молний снова не причинил ей вреда, однако связал боем. Обороняясь, она не могла бить с прежней силой, а противники тоже наворожили себе щиты. Дюжина колдунов и ведьм, поодиночке гораздо слабее мудрой, но вместе... Вильяра поняла, что из ловца превращается в дичь: она не выбила ещё никого, а её уже прижали к скальной стенке — эдак рано или поздно возьмут измором.

«Вильяра, на тебя напали?» Безмолвная речь отвлекает, поэтому ответ предельно краткий: «Да!» Нимрин свалился откуда-то сверху. Вероятно, сиганул со скалы? Чёрная прореха в ночи, промельк чёрных клинков, незнакомая ворожба. Восьми матёрых беззаконников воину хватило всего-то на пару вздохов. А четырёх Вильяра заморозила сама, пока они не опомнились. Ещё одна дикая стая прекратила существование...

— Нимрин, ты откуда тут?

— Из дома.

Он даже не запыхался. Стоял, слушал ночь, посверкивая жёлтыми огнями в зрачках. Наклонился и тщательно разоружил одно из неподвижных тел:

— Этот — живой. Я оглушил его, на случай, если ты хочешь задать ему вопросы. Или добить?

— Оставь. Я не подумала об этом сразу, но у них сообщники где-то на ярмарке.

Нимрин связал пленнику локти вздёржкой от штанов соседнего трупа, ноги — завязками сапог. Кровь убитых шелестела, проедая снег. В морозном воздухе плыли запахи, лакомые для любого хищника. Вильяра не была исключением. Древний запрет — добывать и жрать себе подобных — отсекал недолжное, но не избавлял от соблазна. Именно поэтому мудрая предпочла бы их всех утопить или заморозить. Но раз не справилась, то сама дура. Хорошо, что Нимрин подоспел вовремя! Вильяра облизнулась и фыркнула, сморщив нос.

— Нимрин, как ты догадался, что меня обложили?

— Так мы же с тобой, мудрая, вроде сросшихся близнецов. У вас такие рождаются? — знахаркина дочь кивнула, он продолжил говорить. — Когда ты в опасности, меня изводят дурные предчувствия. И портал на тебя наводить удобнее, чем на любой маяк.

— Что наводить? Куда? — переспросила колдунья.

— Я потом объясню. Скажи, ты догнала всех, кого хотела?

— Нет. Думаю, нет. Вильгрин говорил про семнадцать Наритья и не меньше двадцати с Арха Голкья. Я поймала пятнадцать и восемнадцать, — взгляд Нимрина стал укоризненным, Вильяра уточнила. — То есть, эти восемнадцать едва не поймали меня. Я не ожидала встретить столько одарённых вместе и такую выучку. Наритьяра Средний, действительно, собирал лучших.

— Что ты собираешься делать дальше?

— Я поищу следы. Ты сможешь вернуться в дом у фиорда тем же путём?

— Да, здесь недалеко. А ты обойдёшься без сопровождения?

— Обойдусь. Я буду осторожнее.

— А что с этим? — Нимрин указал на пленника. — Не хочу тащить его в дом, у него там слишком много знакомых.

— Оставь здесь, я заберу его позже.

— А он не замёрзнет?

— Не успеет.

— Я точно нужен тебе сейчас в доме у фиорда? Даруне и Нгуне в моём присутствии не по себе, а им ещё собирать и умирять тамошнюю стаю. Если начнётся бунт, я один не продержусь. Тем более, не хочу становиться поводом.

— Нимрин, ты что-то задумал?

Он ответил безмолвной речью: «Охоту на живца. Возможно, этот, когда придёт в себя, позовёт кого-нибудь на помощь. Если их окажется много, я кликну тебя. Если мало, справлюсь сам.»

«Ты собираешься убивать?! Но спасение замерзающего в снегах — не беззаконие!»

«А спасение беззаконника?»

«Он же пока не отмечен для всех!» — с сожалением возразила Вильяра. Нет, пометить-то она могла, но терять ради этого время...

«Тогда я просто покараулю. Посмотрю, кто явится, и запомню. Если вообще кто-то явится».

На том и порешили. Улетая снежным вихрем, мудрая успела разглядеть, как Нимрин шагнул в странную тёмную воронку и тут же вышел из второй такой же на скале над трактом.

Не изнанкой сна, не из круга в круг... Сколько же у чужака тайн? Вильяра впервые видела своего Нимрина в бою и не то, чтобы испугалась — осознала, какой жуткий зверина

ходит под её рукой. Понятно: слабый не справился бы с Наритьярой Средним, не пел бы Великих Песен! Но именно расправа над беззаконниками, едва не погубившими её саму, породила в сердце мудрой опасливое уважение к тёмному. Пожалуй, Вильяра не станет тянуть, исполняя свою часть договора. Если только загадочный враг Ромиги-Нимрина окажется ей по зубам!

До полуночи мудрая успела выследить и заморозить ещё двоих одиночек. Прочие замели следы слишком хорошо — или умеют ходить изнанкой сна и сейчас уже очень далеко. Жаль, она не переловила всех, но надеяться на совершенную удачу было бы глупо. Тем более, пока не вскрыт другой гнойник в её угодьях: Ярмарка. Вильяра вернула Латире все старинные полномочия, попросила его приглядеть за ярмарочным поселением. Но пока он, как и другие мудрые, слишком занят «качелями смерти».

На Высоком мысу мудрая обнаружила одного Нимрина: знала, где он сидит в засаде, но всё равно еле нашла. А пленник исчез, на снегу — свежие следы. Колдунья с удовольствием вернула себе двуногий облик: не по себе уже — быть так долго стихией. Передёрнула плечами, пытаясь выгнать из-под куртки мурашки. Спросила:

— Нимрин, кто здесь топтался?

— Какой-то мудрый. От него веяло силой, как от Наритьяры Среднего, и у вас же не носят серебряные серёжки ради красоты?

— Не носят. Расскажи скорее, какой он был?

— Молодой мужчина. Довольно мелкий, примерно с тебя. Рыжий, но светлее Даруны. Глаза — голубые или зелёные, издали плохо видно. Одежда — вообще без украшений, а мех очень пышный и рыжеватый, как его собственный.

Вильяра взрыкнула: Нимрин один в один описал Младшего Наритьяру, который на словах устранился от всего, что происходит в её угодьях.

— Что он делал?

— Вышел откуда-то из-под скалы, огляделся. Внимательно рассмотрел все трупы. Что-то пел, качал головой. Возле нашего «живца» присел на корточки. Возможно, поговорил с ним мысленной речью. Не развязывая, усыпил и сразу исчез вместе с ним. Я не стал препятствовать.

— Правильно! Но вот же хитрая погань! Скажи, зачем ему моя добыча?

— Это ты у него спроси, мудрая. Ты поняла, кто это был?

— Я знаю единственного мудрого, который носит одежду из рыжих шкур. Это Наритьяра Младший. Сходятся все приметы. Он не заметил тебя?

Нимрин фыркнул:

— Обижаешь! Конечно, нет.

— Вообще, это мог быть кто-то другой в обманном облике. Но ради чего?

— Ввести в заблуждение нашего пленника? — предположил воин.

— Нет, я не хочу об этом гадать, но со временем я непременно узнаю! Скоро полночь, нам пора. Проведёшь меня, как ходил сам?

— Только не визжи, а то от Мули у меня полдня в ушах звенело! — предупредил он, подхватывая её на руки.

Дальше... Странно, но не страшно. Очень любопытно, может ли он научить её такой ворожбе? А пока — дом у фиорда, совет...

Вопреки ожиданиям, совет прошёл мирно. Даруна и Нгуна рассадили обитателей дома

на три стороны, по обычаю. Вильяре сразу бросилось в глаза полное отсутствие младших слуг, всегда занимавших места рядом с подростками. Подростков оказалось восемнадцать, а стариков всего трое: пара Наритья и один выходец с Арха Голкья, судя по ауре — очень сильные колдуны. Около двухсот взрослых, примерно поровну мужчин и женщин. Все взрослые сели тесной группой, но с одного края — бывшие Наритья, с другого — архане. Как два потока после слияния рек текут в одном русле, не смешиваясь. Но никуда они не денутся: или станут за зиму единым домом, или следующим летом здесь поселятся какие-нибудь другие охотники.

Даруна церемонно и многословно приветствовала мудрую. Вильяра в ответ объявила, что принимает дом у Синего фиорда со всеми его обитателями, а потом до рассвета беседовала с новыми Вилья. Конечно, всех за раз она не запомнит, но каждый запомнит мудрую и сможет послать ей зов. На первый взгляд, все охотники как охотники. Вильяра ощущала их растерянность и страх, робкую надежду, скрытую, а порою и явную неприязнь к новой мудрой. Кое с кем она обстоятельно разберётся позже.

Пора уходить: Вильяра устала до искр в глазах, а в полдень ей петь ещё одну великую песнь. Нимрин-то сидел на гостевом месте у дверей и дремал, а она весь язык себе измозолила и постоянно была настороже. Мечтала уйти в дом кузнеца: лучшее место, чтобы поесть и выспаться в безопасности, но не вышло.

«Малая, ты сильно занята?»

«Я занята, но скоро заканчиваю. Что случилось, старый?»

«До меня дошли очень нехорошие вести. Жду тебя на ярмарке, срочно. В моём старом логове.»

Ромига старательно выдерживал меру: обозначал своё присутствие на совете в доме у фиорда, но не привлекал лишнего внимания. Он — безмолвная тень за спиной Вильяры, телохранитель, на случай, если кому-то взбредёт в голову лишнее. Однако, похоже, самые буйные уже полегли в снегах.

Выручая мудрую, нав опознал троих, не затоптанных рогами в доме Лембы. Странно, что тогда беззаконники почти не колдовали. Хотя, вероятно, они потратили энергию, маскируясь на подходах. Потом ещё кто-то снес ворота и выпустил Арайю, исчерпав на этом свои запасы. Надо держать в голове, что колдовской дар есть у многих местных. В большинстве, они не привыкли пользоваться магией как оружием, не запасают помногу силы и берегут её на самые крайние случаи. Но если несостоявшийся Голкира регулярно гонял своих к Зачарованному Камню и заставлял тренироваться, или другой какой умник додумался... Для Вильяры дружное сопротивление дюжины беззаконников стало неприятным сюрпризом. Нав и колдунья вместе справились, играючись. Но Ромига предпочёл бы даже вдвоём с ней не нарываться на толпу таких. Или, тем более, организованный отряд.

А вот на совете главную угрозу источали отнюдь не матёрые архане с их такими же суровыми и закалёнными подругами, а несколько полнотелых, белоруких, увешанных золотом и цветными бусами женщин. Они сбились тесной кучкой и метали в сторону Вильяры взгляды, полные горя и гнева. И на новых глав дома косились с неприязнью, причём взаимно. Вдовы? Брошенные? Во всяком случае, мужчин рядом с ними не было. Прежний опыт Ромиги подсказывал, что такие красавицы вряд ли открыто нападут, скорее

подсыпят отраву или пырнут стилетом исподтишка, но источник потенциальных проблем нав отметил.

Ещё кое-кого из присутствующих следовало прижать в тёмном углу и допросить с пристрастием. Вильяра, кажется, тоже сделала на них стойку, но пока, очевидно, стремилась перекинуться парой вежливых фраз с каждым в зале. Говорила она много и складно, устала, но старательно держала лицо. Хранительница клана при исполнении, смотрите и запоминайте!

Ромига ждал, что завершение сборища будет таким же велеречивым, как его начало, но Вильяра закрыла совет единственной фразой, резко поднимаясь с места:

— Долг мудрой зовёт меня прочь и не терпит промедления.

Даруна и Нгуна, а следом и все в зале, поклонились ей.

— Нимрин, Мули, вы идёте со мной.

— Но я...

— Мули, ты воительница. У тебя нет права оставаться дома, ты должна быть при мудрых. Я — твоя нынешняя мудрая. Повторяю в единственный раз: Мули, следуй за мной!

Новоиспечённая сирота, весь совет точившая слёзы в дальнем уголке, встала и поплелась за Вильярой. Выходя из залы последним, Ромига подмигнул Нгуне — та сделала жест, отгоняющий нежить. «Рыжая, это сейчас была шутка или оскорбление?» «Прости, Нимрин, я не удержалась!» «Не боишься, и молодец, так и надо! Удачи вам с сестрой. Осторожнее с теми, на ком слишком много бус!» «Да, лучше бы мужья увели их с собою в снега, как архане. Но мы справимся. Удачи тебе, оборотень!»

Вильяра впервые вела изнанкой сна двоих, но у неё получилось. А логово старого прошмыги — кажется, здесь не изменилось ровным счётом ничего. Тот же огонь в хитро сложенном очаге, та же высокая лежанка, те же связки сухих трав на стенах...

Ценные зелья хранят иначе. Зачем тебе эти веники, когда-то спросила знахаркина дочь у обитателя логова. Тот потрепал её по голове и ответил, мол, для летнего духу.

Мудрая Вильяра жадно втянула ноздрями пряный аромат, невольно улыбнулась и окликнула:

— Мудрый Латира! Старый! Мы пришли!

Тишина. Но судя по котелку на огне, Латира отлучился недавно и ненадолго. В ответ на безмолвную речь мудрая услышала короткое: «Скоро вернусь». Нимрин с любопытством озирался, Мули продолжала неудержимо всхлипывать. К удивлению Вильяры, чужак внимательно, вприщур глянул на обеих спутниц, потом обнял сироту и заурчал успокоительную песенку. Мули вцепилась в чёрную шкуру, уткнулась лицом:

— Ну почему, почему батюшка не позволил Мули лечить себя? Зачем связал мою силу, пока не стало слишком поздно?

— Он сперва здорово ошибся, а потом выбрал лучшее из возможного. Со временем ты поймёшь его, Мули.

Дело не в словах, а в звучании голоса. Кажется, у чужака — немалый опыт по утешению младших, бестолковых. Кто бы мог подумать!

Скрежет каменного люка: для сбережения тепла лаз в жилую часть пещеры был проделан снизу. Из дыры в полу показалась взъерошенная серая голова, потом Латира целиком. Мудрый задвинул люк и зачаровал его, а после грозно спросил вместо

приветствия:

— Рассказывайте, поганцы, чего натворили? Или мало в этих угожьях беззаконников?

— Что?! — в один голос воскликнули Вильяра и Нимрин, Мули замерла.

Кажется, знахаркина дочь впервые видела Латиру в ярости. Она впервые ощутила сторожевые заклятья на знакомых стенах и могла лишь гадать, чем ответят чары на резкое движение или попытку ворожбы. Безмолвно скомандовала Нимрину: «Не шевелись! Слушай!»

— Ярмарка гудит от ужасной вести: мудрая Вильяра губит двуногих в снегах, а с нею — её воплощённая Тень. Некие странники, родом с Арха Голкья, шли к ярмарке по тракту, когда на них налетел колдовской вихрь и начал одного за другим морозить их насмерть. Странники попытались отбиться, насколько охотники способны сражаться с обезумевшей мудрой. Но тут с неба свалилось нечто чёрное, страшное, с двумя длинными мечами и в миг изрубило всех на куски. Кровь невинных прожгла снег до камня и взывает к правосудию. Так, якобы, говорил последний из восемнадцати путников. Его, оглушённого, израненного, связали и бросили умирать на морозе. В предсмертном исступлении он ушёл по изнанке сна туда, куда так и не добрались его друзья. На Ярмарку, в большой трактир, где самая толпа! Там он поведал свою жуткую историю и тут же скончался от ран.

— Он не был ранен, — тихо, но твёрдо перебил мудрого Нимрин. — Я оглушил его ворожбой. Когда связывал, нарочно убедился, что он жив и цел. И не сам он ушёл на изнанку сна, его увели. Я сторожил в засаде и видел всё собственными глазами. Его увёл...

— Погоди, — остановила чужака Вильяра. — Старый, скажи, куда и как был ранен этот охотник?

— Я пока не смотрел тело. Говорят, у него проломлен череп. Чем-то твёрдым, но не острым: камнем, ледышкой, рукоятью оружия.

— То есть, о мудрый Латира, рассказа из первых уст ты не слышал и трупа не видел?

— Нет, я был в круге. Новость мне принесли старожилы ярмарки, а они услышали от архан. Мудрая Вильяра, давай-ка, быстро рассказывай, что вы натворили на самом деле? Подробно, без утайки.

Рассказ не занял много времени, даже с кучей уточняющих вопросов Вильяре, Нимрину, Мули. Похлёбка доспевала на углях, когда мрачный, но уже не злой Латира подвёл итог услышанному.

— Я всегда хвалил тебя, малая, что ты думаешь наперёд. Когда ж ты ум-то себе отморозила?! Поверила на слово брату-купцу и полетела убивать всех без разбору? Мудрая Вильяра, ты же знаешь закон! Нападающий в снегах подобен дикому зверю и повинен смерти. Нет беззакония на том, кто убьёт его, защищаясь оружием или чарами. Нападала ты, защищались они. Их прежние беззакония ещё нужно доказать. Среди виноватых могли затесаться невинные. Будь они все Вилья, ты могла бы сослаться на древнейшее право мудрой — скорый суд. Наритьяры часто на него ссылались, когда всплывало всякое поганство в их угожьях. Но эти архане — никак не твои. Тот, кто взбудоражил ярмарку, был из Скунда. Помнишь склочный нрав Скундары? А если к нему присоединятся Тхира, Ульдара, Мьюнкара? Выходцев из этих кланов сейчас больше всего на ярмарке, они уже зовут своих мудрых на помощь.

— Брат не лгал мне, я бы почувствовала! — угрюмо огрызнулась Вильяра.

— Хороший купец и мудрого облапошит. Это не просто пословица, а правда жизни. Со

мною случалось. Но даже если умирающий был безусловно честен... Скажи, мудрая Вильяра, о чём ты думала, нарываясь на изгнание?

— Я думала о том, мудрый Латира, что две матёрые, отлично вооружённые дикие стаи, которым уже нечего терять в снегах, пойдут громить дома. А если дома́ им окажутся не по зубам, то временные станы, или грабить на тракте. Я поспешила изгнать беззаконников и сберечь жизни Вилья. Раз уж я сама спасла этих беззаконников вместе с домом у Синего фиорда... Сама их спасла, по праву хранительницы угодий, сама убила, по праву скорого суда.

— Я понял тебя, малая. Но ты-то понимаешь, как трудно тебе будет оправдаться перед Советом Мудрых? А твоего Нимрина могут объявить вне закона просто из страха перед воином — убийцей колдунов. С воинами всегда сложно, даже с теми, кто рождён на Голкья.

Латира кивнул на свернувшуюся клубочком, задремавшую в тёплом углу Мули. Нимрин сидел рядом с ней, вытянув тощие длинные ноги, и безучастно смотрел в пламя: в чёрных зрачках оно совсем не отражалось.

Вильяра вздёрнула губу над клыками и медленно, отчётливо выговорила:

— Я обещала Нимрину защиту и покровительство. Я дала слово, что после победы над беззаконниками я помогу ему справиться с его врагом и вернуться домой. Если нас приговорят к изгнанию, я уведу его на другую сторону звёзд и уйду вместе с ним.

Нимрин продолжал молча пялиться в огонь. Старик покачал головой:

— Надеюсь, до приговора Совета Мудрых не дойдёт. Вообще, станут ли твои враги добиваться твоего осуждения, позволят ли во всеуслышание оправдываться? Или попытаются погубить вас исподтишка? Мне очень не по душе последний Наритьяра: он скользкий, как подкаменник. Вот уж кто заслужил изгнание! Однако к нему не подступишься, пока мы не остановим «качели смерти». А если Нимрин видел на тракте именно его... Сейчас позавтракаем, потом я гляну на побоище своими глазами. Вы, трое, можете пока отдохнуть здесь. В эту пещеру никто не войдёт без моего приглашения, но и вам выходить не советую.

— В полдень я должна петь, — уточнила Вильяра.

— Я рассчитываю вернуться раньше. Если задержусь, то конечно, уходите.

Нимрин неожиданно подал голос:

— Мудрые, я предлагаю оставить здесь Мули и отправиться на место втроём. Тот, кто увёл нашего с Вильярой пленника и сделал из него ярмарочное представление, мог устроить какую-нибудь западню на тракте. Он долго бродил там кругами и пел.

Вильяра сочла предложение здравым, но не успела высказаться. Не говоря ни «да», ни «нет», Латира снял котелок с углей, скомандовал:

— Завтракаем!

А за трапезой, по обычаю, все молчат.

По площадкам не разливали: лишней посуды старик не держал. Но в пещерке было тепло, котелок остывал медленно, поэтому дули на ложки, ели, не торопясь, смаковали густое горячее варево. После похлёбки каждый получил ещё по кружке травяного отвара. Для Мули Латира накапал туда что-то из пары скляночек с притёртыми пробками. Девушку мгновенно сморило, Вильяра помогла старику уложить её на лежанку и укрыть.

— А теперь веди нас, малая. Твой Иули дело сказал, втроём — надёжнее.

Вильяра поёжилась: подумала о том, что выходя с изнанки сна, мудрый несколько мгновений остаётся довольно незащищён.

— Нимрин, а может, ты проведёшь нас?

— У меня сейчас не слишком много колдовской силы. Если там засада или ловушка, я не хочу встречать опасность пустым.

Здрavo, мудрая не стала спорить. Просто-напросто вывела спутников не к месту схватки и не на ту скалу, где прежде сторожил Нимрин, а к мёртвым головам. Лучшее место для стоянки так испоганили...

Солнце уже взошло, уже перелиняло из яркой рассветной шкурки в белую дневную, однако пока не поднялось высоко. Морозило, до озноба. Колею после пурги так и не накатали заново: охотники старались пересидеть тревожное время по домам, а беззаконники старательно замели свой след.

— Скажи, мудрый Латира, мирные странники стали бы петь «морозную дымку»?

— Ну... Если опасались диких стай, двуногих и четвероногих, то вполне могли.

— И не возразишь! — фыркнула Вильяра, выбирая, как лучше идти.

Ветер с залива утрамбовал снег, но лыжи они не взяли зря. Впрочем, мудрые умеют делать свою поступь лёгкой. Тощий Нимрин тоже почти не проваливался, шагал впереди... Встал, предостерегающе поднял руку.

— За поворотом — живые. Сильные колдуны, трое. Мы сражаемся или разговариваем?

— Все трое, скорее всего, мудрые, — уточнил Латира. — Сначала разговариваем. Нападут — защищаемся.

Вильяра промолчала: добавить нечего.

— Понял. Тогда мне лучше пока не попадаться им на глаза, — Нимрин отступил, пропуская вперёд Латиру с Вильярой.

Те переглянулись и выплыли навстречу неизвестным под руку, степенно, будто на праздничном шествии. Трое мудрых с Арха Голкья встретили их угрюмыми взглядами исподлобья. Все трое — такие же молодые, как Вильяра: посвященные из вчерашних подростков, и год-два после ученичества. В отличие от Вильяры, ни одному из них Нельмара не доверил петь великие песни, так что она чувствовала себя в праве посматривать на незваных гостей свысока. Судя по всему, её права собирались грубо оспорить.

Хранительница Вилья заговорила первой, так и не дождавшись приветствия:

— О мудрые Скундара, Тхира, Мьюнкара, я рада приветствовать вас в угодьях Вилья! Какая нужда привела вас сюда во дни беспокойных стихий?

— Беззаконие в твоих угодьях, Вильяра! — хранитель клана Скунда даже не поименовал её мудрой, а на Латиру вовсе не обратил внимания. — Злые вести дошли до нас, мы отправились проверять и нашли им подтверждение! Ты и твой подручный, то ли чужак, то ли нежить, убили здесь охотников наших кланов. Невинная кровь взывает к правосудию!

Вильяра ответила нарочито спокойно:

— Именно правосудие свершилось здесь, о братья по служению! Я преследовала и настигла беззаконников, посягнувших на дом моего клана, убивавших и грабивших на тракте. Но как вы узнали о том, что произошло, и где произошло? Если убитые звали вас на помощь, почему вы не явились сразу?

Вопросы, особенно последний, вызвали среди пришельцев замешательство и смущение. Трое ответили почти одновременно.

— Эти Тхи слишком долго странствовали, они не знали меня в лицо. — Тхира.

— Я не смог явиться немедленно, — Скундара.

— Они не успели позвать, мне донесли позже, — Мьюнкара говорил громче всех и, кажется, врал. — Это не мешает нам спросить с тебя, Вильяра, за незаконное самоуправство!

Мудрая с трудом подавила зевок:

— Спрашивайте. Но раз никто из вас не пришёл защищать своих, то мы поговорим в Совете Мудрых. Я ручаюсь: вы узнаете много нового об этих «мирных странниках». Услышите из уст свидетелей, получите доказательства. А я спрошу вас, давно ли эти несчастные покинули родные уголья? Помогали вы им — хотя бы советом? Кстати, как вы обнаружили место их смерти?

Скундара начал говорить:

— Нам сказали наши, с ярмарки...

Вильяра резко перебила:

— Кстати о ярмарке! Почему столько охотников из ваших кланов не уехали домой после закрытия больших торгов, и даже не попросились в дома младшими слугами? Что за нелепая и опасная прихоть — зимовать в снегах? Мест в тёплых пещерах при Ярмарке на тридцать — сорок гостей, это всем известно. А станом там стоит не меньше трёхсот. Куда все эти охотники пойдут глубокой зимой, когда поймут что им слишком холодно, и нечего есть?

— Ярмарка — вольное поселение! Ты не можешь запретить им оставаться там! — воскликнул Скундара.

— Да я и не запрещаю! Я смиренно прошу вашей помощи, братья! Заберите своих охотников поскорее в родные уголья! За несколько дней вы уведёте по изнанке сна если не всех, то большинство. Или верны слухи, что дома им тоже нечего есть и негде жить?

— Мы не Рийи! — фыркнул Тхира. — Мы не теряли домов! Но с какой стати я должен водить дураков и неудачников изнанкой сна, если они вовремя не убрались с твоей ярмарки? Дикая стая им теперь в помощь!

— То есть, если бы этих, — Вильяра широким жестом обвела коченеющие в сугробах тела, — сожрали звери, вы бы даже не почесались? Так может, нам не из-за чего затевать тяжбу?

— Ну, нет, Вильяра! Так просто ты не отвертишься! — Скундара. — Четвероногие это судьба, двуногие — злой умысел и беззаконие! Мы спросим с тебя...

— Я же говорю, спрашивайте! На Совете! А теперь идём на Ярмарку. Не заберёте своих тотчас, так хоть успокойте их! Властью хранительницы угодий, я повелеваю вам...

— А если мы не примем твою власть, беззаконница? — Скундара несло, как по льду.

— Эй, брат, не говори за всех! — перебил его Мьюнкара. — Ты, что, с ней тут драться собрался?

— А чего бы не подраться? Вас трое, нас трое, — оскорбительно расхохоталась Вильяра. Её несло по тому же опасному льду, пора бы остановиться.

— Вильяра, ты что, кроме серого ничтожества, привела сюда свою чёрную погань? — Тхира на миг расширил глаза, будто увидел за её спиной нечто страшное.

— Конечно! Я попрошу его отложить мечи и мы просто намнём вам бока. Чтоб не забывались! Недопосвящённые!

Скундара и Мьюнкара разом сжали кулаки и шагнули вперёд. Выглядело угрожающе: оба — почти на голову выше Вильяры, однако в схватках колдунов исход решает не та сила... Тхира оказался то ли самым трусливым, то ли самым умным, он вовремя запел Зимнюю песнь умиротворения.

Мудрая Вилья выждала несколько мгновений, наблюдая, как двое задир сдают назад, и охотно подпела голосом и даром. Конечно, кулаки чесались: поучить гостей почтительности, но солнце карабкалось на небосвод, а в полдень её ждал круг. Мудрая отчаянно нуждалась в отдыхе, иначе это было слишком опасно, и не только для неё.

— Долг мудрой зовёт меня прочь и не терпит промедления, — второй раз за утро повторила Вильяра, когда они допели. — Властью хранительницы угодий, повелеваю вам следовать на ярмарку за мудрым Латирой. Ныне он — хранитель вольного поселения, слушайте его, как меня. Чужак Нимрин пойдёт с вами. Споры и тяжбы отложим до окончания великих песен.

Она с удовольствием отметила, что забияки не стали спорить. Только Скундара принялся озираться, опустив взгляд, будто ищет что-то под ногами:

— Здесь был мудрый Латира? Прости, сестра, я не заметил! А где же он сейчас?

Пока хранительница угодий препиралась с незваными гостями, старик очень тихо и незаметно исчез из виду, теперь Вильяра сама с трудом высмотрела его над одним из мёртвых тел (Нимрин тоже куда-то скрылся). «Эй, старый, чего ты там вынюхиваешь?»

«Уже всё вынюхал, что хотел, можем идти.»

«Позволишь мне до полудня отдохнуть в твоём логове?»

«Да, малая. Иди туда изнанкой сна, не теряй времени.»

— Коротышка сказал, встретимся на ярмарке, у большого трактира, — сказал хранитель Тхи своим дружкам. — Пойдём отсюда скорее.

Вильяра проследила, как трое лыжников скрылись за поворотом дороги: их ещё заботило уютное и безопасное место для перехода. Сама колдунья готова была немедленно уснуть стоя, но лишь тяжело вздохнула и снова позвала Латиру: «Старый, ты проведёшь с собой Нимрина?»

«Да. Иди уже, отсыпайся, мы справимся.»

Нимрин тоже прислал зов: «Удачи в круге!»

«И тебе удачи!» — эхом отозвалась Вильяра, потом просто позволила векам сомкнуться. Приоткрыла глаза, убедилась: на лежанке рядом с Мули достаточно места, а в шкуры закуталась уже на ощупь. Плохо, непозволительно быть такой усталой. Хорошо, что никто не наворожил новых ловушек на изнанке сна: мудрая заставила себя промурлыкать защитную колыбельную и, наконец, соскользнула в глухую тишину и темноту.

Ромига готов был поучаствовать в драке, но искренне порадовался, что разошлись мирно. Спросил Латиру: «Ты убедился, что мы с Вильярой сказали правду?»

«Да, Иули. Теперь я готов подтвердить ваши слова в Совете Мудрых. Наритьяра был здесь и увёл вашего пленника. Пойдём на ярмарку, поглядим, что от того арханина осталось.»

Мудрый вывел Ромигу в каком-то невнятном заснеженном закутке, сказал держаться за спиной и быть бдительным. Лабиринт узеньких проходов между высокими глухими стенами из снежных кирпичей показался Ромиге странной пародией на южные города Земли. Традиционные жилища охотников снежная архитектура тоже напоминала, но в коридорах знакомых наву домов никто не бросал под ноги обглоданные кости и не отливал на стены. Вероятно, здесь это тоже не слишком приветствовалось: идущий впереди Латира брезгливо сторонился жёлтого снега и бурчал себе под нос. Время от времени навстречу попадались охотники, аккуратно расходились со стариком и навом, но скользили по обоим равнодушными, не запоминающими взглядами: Латира набросил на себя и спутника местную версию «ничего особенного».

Где-то неподалёку гомонили голоса, мудрый двигался к источнику звука. Тропинка

между двух стен резко нырнула под аккуратно выведенный снежный свод. Лесенка вниз, и почти сразу — вверх, голоса приблизились вплотную. Ромига глянул по сторонам: такого огромного иглу он не видал ещё ни разу и не представлял, как подобное можно возвести без магии. Впрочем, жители Голкья владели магией, плюс многотысячелетний опыт... Под куполом, ярдов десяти в диаметре и не меньше пяти высотой, было заметно теплее, чем на улице. Надышали! Народу-то — ступить негде. Потрёпанного вида охотники сидели на облезлых шкурах или на табуретках из лозы, большинство что-то ели: хлебали походный суп из глиняных плошек, грызли вяленое мясо или сочный белый овощ, именуемый сытью. Столов тут не было, видимо, для экономии места. Опять же, стол подразумевает чинную трапезу и некое единство сидящих за ним, а здесь перекусывали наспех, не глядя на соседей, или, наоборот, болтая с кем попало. Трактир? Он самый, подтвердил Латира и ещё раз повторил про бдительность. Но пока внимания на них не обращал никто. Даром, что старик с навом прошли помещение насквозь, чуть ли не по ногам. Из первого снежного купола крытая галерея вела во второй, такой же обширный. Здесь тоже было полно народу, но почище, поблагополучнее на вид. В третьем по счёту иглу за общим столом сидела самая почтенная публика: пятеро мужчин и одна женщина, могучие, в добротной одежде, с золотом в ушах. Они сейчас не ели: пили что-то горячее из кружек и беседовали. Латира сбросил заклятие с себя и поздоровался — немая сцена!

Пожилой мужчина во главе стола привстал и удивлённо-радостно протянул:

— Старый, ты же умер, нет? Травник хвастал, что засадил в тебя стрелу. Недолго хвастал, наутро его самого нашли с перерезанным горлом.

— Ты же понимаешь, Груна, я — мудрый. Меня не так-то просто убить. А травник то ли окосел, то ли нарочно стрелял, чтобы упустить подранка. Жаль, его прирезали, я хотел поговорить с ним по душам.

Латира подтащил к столу высокий табурет — ему уважительно освободили место — и уселся, важно приосанившись. Некоторое время мудрый и охотники оживлённо обсуждали ярмарочные новости.

Ромига стоял, привалясь плечом к стене, слушал и на всякий случай запоминал. Его по-прежнему не замечали. Понятно, почему мудрый оставил на нём маскирующее заклятье. Однако нав поймал себя на мерзком ощущении, что его, в самом деле, уже почти нет: тень за спиной Вильяры, тень за спиной Латиры. Ловля беззаконников может продолжаться вечно, мудрая никогда не приступит к исполнению своей части договора. Чужак Нимрин останется на Голкья, пустит здесь корни, с каждым годом всё больше забывая и забываясь... «Нет, я — Ромига, нав из Великого Дома Навь. Я вспомню всё, я увижу смерть своего врага и обязательно найду дорогу домой! Сам или с чьей-нибудь помощью, но я это сделаю!» А кстати, почему «я увижу смерть врага», а не «я убью»? Цепляла некая закавыка, нечто из последних дней (или месяцев?), перед тем, как Ромигу унесло в неведомые дали. «Встретит самого страшного своего врага и умрёт от его руки поганой смертью!» — кто это сказал, о ком, при каких обстоятельствах? Никаких подробностей! Нав положил себе вспоминать: сознательно и целеустремлённо.

— Слушай, а что за мертвец поднял переполох сегодня ночью? — Латира продолжал расспрашивать местного трактирщика Груну.

— Да какой-то арханин. Я его живым не знал по имени, но пару раз кормил здесь. Он вполз в трактир и, ну, плакаться, как их убивали на тракте. Я сам не слышал, меня позвали,

когда он уже дрыгнул ногами. Хочешь посмотреть труп? Мы сложили его на ледник, где обычно.

— Пореже бы такое обычно! — вздохнул Латира. — Может и травник у тебя?

— У меня, его в соседнем проулке нашли. И ещё какие-то четверо архан, оттуда же. Кстати, если тебе интересно: рыжий заходил сегодня ночью, смотрел тела. Вот спрашивается, какое ему дело до тех архан? Наритья-то своих он, говорят, бросил на растерзание Вильяре.

— Не на растерзание, а она их в клан приняла. Кое-кого изгнала совсем, но большинство теперь — Вилья. И некоторым арханам тоже повезло. Если уживутся вместе в доме у Синего фиорда.

— В том вымершем?!

— Мудрые проверили его и сняли печать. Теперь дом как дом. Ладно, Груна, рад с тобой посидеть, да некогда мне язык морозить. Пойду гляну на покойников, а ты готовься принимать почётных гостей. Ещё трое мудрых собираются вскоре посетить твой трактир, если не передумают. Хорошо бы ты нашёл свидетелей рассказа того арханина.

Латира жестом поманил Ромигу за собой, они миновали галереями ещё некоторое количество снежных куполов и вышли во внутренний дворик, крытый навесом из чего-то вроде рогожи. По правую руку штабелем были сложены разделанные туши рогачей: объём продовольственных запасов трактира впечатлял. По левую — на утоптанном снегу, рядком, лежали шесть мёртвых охотников. Одетые, обутые, только без поясов, и лица прикрыты кусками шкур. Мудрый тяжело вздохнул и прошёлся вдоль ряда, открывая их. Спросил нава:

— Который?

— Крайний слева.

Латира тут же принялся осматривать труп и ворожить над ним. Ромига, при желании, мог бы узнать о покойном немало всякого, но ничего особо полезного. Живой беззаконник был ему любопытен, мёртвый — нет. Нав мельком глянул на остальных: знакомых не обнаружил. Просто стоял и ждал, пока Латира закончит осмотр.

Ощущение смутной, разлитой в воздухе опасности стремительно сгущалось — и сгустилось до предчувствия катастрофы. Мир снова трещал по швам, снова нуждался в тёмной заплате. В чём дело? Вероятно, кто-то из мудрых где-то неподалёку сорвал песнь...

— Иули, с тобой всё в порядке? — вопрос Латиры застал нава врасплох, что само по себе было ответом.

— Нет, — Ромига сделал над собой нешуточное усилие, чтобы пояснить, уже строя портал. — Я иду в круг. Ближайший!

Нужное место — совсем недалеко, и яснее маяка... Тёмная воронка портала. Чёрный, покосившийся, будто обглоданный сверху, менгир. Он до ужаса похож на давешний жёлтый, и притягивет почти так же сильно. Ромига, в принципе, способен воспротивиться его тяге, остановиться. Только это значило бы, с большой вероятностью, скоро умереть вместе с изрядным куском чужого мира. Нет уж, лучше он постарается вместе выжить. Руки легко толкают Камень, словно бы отворяя ворота. Ромига шагает в круг, дальше — только вперёд. Он идёт долго и почему-то в гору, дневное небо над головой стремительно темнеет, расцветает звёздами... Середина круга! Тридцать семь камней и три зияющие прорехи не ждут имён и приветствия, они торопят: «Прими силу, скорее!» Нав садится в позу медитации, закрывает глаза и зовёт родную стихию. Она здесь, она с ним всегда и везде, даже если поначалу казалось, будто в чужом мире Тьма говорит на неведомом языке. Он

выпрямляется в полный рост и даёт волю рвущейся из горла песни. Он открывает путь силе, не зная, уцелеет ли в этот раз, но кажется, сами Камни берегут его, сдерживая поток.

Вот и всё, дело сделано. Можно идти прочь, но Ромига стоит и смотрит на свои почерневшие ладони. Тьма, которая всегда с собой, уже прячется, уходит под кожу. Он оглядывается по сторонам — видит сорок камней и ни одной щербинки в круге. Делает всего несколько шагов до выхода под яркое дневное небо. С любопытством оборачивается: нет, снаружи древний менгир не изменил своего вида, только под рукой — тёплый. Ромига тихо благодарит Камень и, кажется, знает, куда придёт в следующий раз. Кстати, судя по положению солнца, в круге он провёл часов пять! Незаметно пролетели и приятно...

Ромига улыбается и посылает зов Вильяре: та молчит, но беспокойства за неё нет. Латира отвечает сразу. Убедившись, что пропащий Иули жив-здоров, мудрый велит ему искать тропинку и спускаться с горы. Нав отвечает: «Если ты ещё в трактире, я могу просто вернуться туда, откуда ушёл.»

«Я тут немного успокоил охотников и убалтываю троих мудрых с Арха Голкья. Найдёшь залу, где мы сидели с Груной?»

«Найду. А ты, если не трудно, закажи мне какой-нибудь еды?»

Портал во двор: энергии полно, можно не экономить. Знакомый путь. Встречные охотники удивлённо пялятся, и слегка шарахаются, но не так, как Даруна и Нгуна. Ромига входит в нужную залу, приветствует собравшихся, подсаживается к столу пятым. Он просто ест из принесённой Груной плошки. В разговоре не участвует, но являет тёмную ауру во всей красе и давит на нервы арханским мудрым. Они косятся на него с опаской. Латире навская аура словно бы нисколечки не мешает. Старик такт убеждает Скундару, Тхиру и Мьюнкару постепенно забрать с ярмарки всех желающих: после того, как охотники правдиво ответят на вопросы хранителя ярмарочного поселения... Мудрые договариваются, торгуются, назначают сроки... Ромига слушает и удивляется: насколько Латира с Вильярой всегда говорили коротко, ёмко и по делу, настолько эта троица неэффективно колеблет воздух. Ну, да не его печаль: Ромига просто отдыхает и досыта отъедается под чужой трёп.

Архане ушли, Латира остался. Он смотрит на нава, который как раз отставил в сторону третью плошку из-под супа. Старик чем-то страшно доволен. Ромига облизывается и говорит:

— У меня нет ни золота, ни меди, ни железа, чтобы заплатить за обед. Но я понял, что мудрых здесь кормят задаром, а я сделал работу кого-то из мудрых. Голкья охотно берёт с меня моим стихийным началом. У вас, что, больше не с кого?

Нав завёл разговор, на который ему отчаянно не хватает слов, однако давно пора разъяснить кое-что: именно словами, вслух. Беседовать приятнее с Вильярой, но старик знает больше.

— Да, Иули. Тот, кто хотел стать Голкирой, нарушил равновесие. Обычно мы не обращаемся к старшим, изначальным стихиям. Мудрые давным-давно условились не тревожить Солнце и Тени, Время и Пространство.

Нав поспешил уточнить:

— Давно — по твоему счёту?

— По счёту старейших из старейших. Каждого мудрого учат песням изначальных стихий, эти песни не должны быть утрачены. Но всех нас выучили, чтобы именно знать их, а не петь, и мы так же наставляем учеников. Теперь, когда возникла нужда, одни мудрые забыли, другие разучились, третьи боятся, и многие ошибаются. Рунира был силен и опытен,

однако погиб сам и едва не навлек бедствие на половину Нары Голкья. Ты исправил его ошибку. По делам, ты уже обрёл право говорить в Совете Мудрых и прочие наши права. Но ты не рождён на Голкья, не проходил посвящение, значит, будут желающие твои права оспорить. Много желающих!

— Кто-то может испугаться, что я сожру мясо из его похлёбки? Будто мне это надо!

Латира покачал головой:

— Ты — воин и совершенный убийца. Ты показал себя сильным, и никто не ведает границ твоей силы. При том, твой дар и большая часть твоей ворожбы исходит от одной-единственной изначальной стихии. У нас не жалуют однобоких колдунов даже среди самоучек, а учеников мудрых сурово принуждают блюсти равновесие. Братьям и сёстрам по служению трудно будет принять тебя, тёмный.

Старик поясняет ситуацию спокойно и обстоятельно. Ромига чувствует его доброжелательный настрой, но для полной уверенности в текущем раскладе всё-таки ставит вопрос ребром:

— Им? А тебе, Латира? Ты тоже видишь во мне ходячее бедствие?

— Я вижу разумного, который мечтает поскорее убраться с Голкья к себе домой. С другой стороны, я вижу лекарство и целителя для моего подраненного мира. Я на твоей стороне, Иули. Ты помогаешь нам, я помогу тебе.

— Скажи, а тот, кого ты звал Иули до меня, он не нарушал равновесие?

Латира задумчиво щурится:

— Он, как и ты, равновесие восстанавливал. Сказки про чёрных оборотней — просто сказки, но мой Иули иногда подкреплял их делами. Раз-другой в год, не чаще. Большую часть времени он жил очень тихо и незаметно, подобно отшельникам из старейших. В отличие от тебя, он вовсе не спешил домой. Говорил, раз его жилая пещера на Голкья, значит, здесь теперь его дом. Рассказывать о своём прошлом он отказывался, я со временем перестал задавать вопросы. По обмолвкам мне порою казалось, что он — изгнанник, вне закона, или же полный сирота. Долгие годы Иули что-то искал по ту сторону звёзд. Не знаю, нашёл или просто сгинул.

— Он не сказал тебе, своему другу, что он ищет?

— Я был ему не таким близким другом, как мне хотелось. Я был молод и не понимал, насколько свысока он на меня смотрит. Тогда его высокомерие будило азарт, любопытство и желание прыгнуть выше головы. Теперь, наблюдая тебя, я понимаю, насколько тот тёмный был стар. Тело его осталось быстрым и гибким, лицо — гладким, как у тебя. Но вы же стареете очень медленно, да?

Ромига кивнул и невольно поёжился: загадка нава-одиночки с самого начала будоражила его воображение! Но проще было предположить, что это Вельга, друг Анги. Вельга исчез давно, до рождения Ромиги, и всё же не слишком давно. А что, если неведомый нав бродяжит по мирам со времён Империи Навь? Или Первого князя? Или, шутка Спящего он помнит ещё легендарную Колыбель, прародину всех навов? Жаль, если о нём правильнее сказать: бродил и помнил. Но даже если так, он мог оставить записи в том месте, которое считал своим домом...

— Мудрый Латира, ты покажешь мне его жилище?

— Покажу. Сразу, как только мы допоем великие песни. Нельмара говорит, нам нужно потрудиться ещё дней пять.

Трактирщик лично забрал пустую плошку, спросил, не хочет ли гость добавки? Ромига

поблагодарил и отказался. Груна ответил лёгким поклоном и сказал, что друг мудрого Латиры всегда может рассчитывать на гостеприимство. Мудрый уточнил: оплачено услугами, далеко вперёд. Груна тут же выдал цветистую благодарственную речь, из которой следовало, что Латиру и всех, кого он рекомендует, здесь кормят щедро и даром, доколе стоит трактир. На том и раскланялись.

Время шло к полудню, и сытый нав высказал желание вздремнуть в безопасном месте. Старик повёл его к себе домой. Там они нашли сонную, мирно посапывающую Мули. Вильяры не было. Ромига по-прежнему не чувствовал беспокойства за мудрую и, спросив хозяина жилища, где ему лечь, зарылся в шкуры. Хорошо, тепло: Мули с одной стороны, Латира — с другой. Предрассудками, насчёт отдыха внесколькиром на одной лежанке, охотники не страдали.

Стремительным вихрем, искрящейся на солнце снежной пылью мудрая клана Вилья взлетела на Ярмарочную гору. Она проспала и спешила, потому обернулась двуногой лишь в паре перестрелов от Камня. Оставшееся расстояние почтительно прошагала пешком — и возле самого менгира заметила на снегу знакомые узкие следы. Нимрин был здесь, он ходил в круг и пел: чуть-чуть разминулись! А древний Камень, вместо того, чтобы привычно морозить ладони, отозвался теплом. И легко, без малейших приключений дойдя до середины круга, ошеломлённая Вильяра насчитала вокруг себя сорок ровно стоящих каменных столпов. Возможно ли исцелить Зачарованные Камни, некогда покалеченные неудачным заклятьем? Старые сказки уверяли, что можно и нужно. Наставник учил, что нельзя и незачем. Кузнецов найдёныш просто взял и сделал. Или у него само получилось? Стихии слепы и неразумны, однако стремятся к равновесию: дым — вверх, камень — вниз, зелень — к солнцу, вода — в ложбину. Наритьяра Средний призывал Солнце: не в срок и не в меру. Тут же из ниоткуда, из-за звёзд, явился чужак, сродственный Теням. Теперь Голкья прикладывает тёмного к своим ранам, будто целительную примочку. Участь мудрого, которою чужак Ромига вовсе не выбирал. Знахаркина дочь тоже не выбирала: её выбрали, но она хотя бы ответила «да» на вопрос, согласна ли она пройти ритуал посвящения...

Прежде Великой Песни, мудрая прислушивается к голосам стихий: они уже гораздо спокойнее, чем в начале. А ведь колдунье порою казалось, что все усилия бесполезны, что «качели смерти» не остановить. Четверо мудрых погибли, сорвав свои песни. Нет, Вильяра ни за что не станет следующей! Ей хватит силы, хватит и мастерства: от своего тёмного она лучше кого бы то ни было знает, как надо...

«О мудрая Вильяра!» — зов Наритьяры Младшего настиг её привычно не вовремя.

Но Вильяра только готовилась петь, потому ответила: «О мудрый Наритьяра, ты должен знать: я сейчас в круге и не могу говорить с тобой. Я позову тебя, как только закончу песнь... И учти! Если будешь отвлекать меня, как ты уже делал, я сочту это нападением.»

«Прости, сестра, я пересчитывал расклады и немного сбился. Ныне у меня нет никаких резонов мешать тебе в нашем общем деле. Жду.»

Вот же кричавкин сын! Несколько вдохов и выдохов, чтобы вернуть себе должный настрой — и вперёд!

Первое чувство по завершении песни — ликование: у неё снова всё получилось! Стихии стали ещё чуть спокойнее, круг стоит, и сама она цела! Наипервейшим ощущением себя, живой, телесной, накатывает усталость, но сил достаточно, чтобы пройтись пешком с крутой Ярмарочной горы. А день — тихий, ясный и яркий, как бывает только в начале зимы, между двух ненастий. Бухта и всё поселение — словно на ладони. Сколько же в этом году понастроили! Кроме снежных чертогов трактира — Ласма и Груна по праву гордятся умением возводить огромные иглу — Вильяра насчитала полторы двадцатки больших куполов, а на маленьких иглу и снежных пещерках просто сбилась со счёта. Вовремя она подтвердила полномочия Латиры! Но и сама она впредь станет приглядывать, что здесь творится.

А пока любопытно, чего хотел от неё Младшенький? «О мудрый Наритьяра, теперь я готова говорить с тобой!» — позвала мудрая.

«Да, сестра моя по служению, я рад, что ты завершила очередную песнь!» Экий Наритьяра сегодня ласковый, с чего бы это? А он продолжает: «Голкья уже почти вне опасности, общими усилиями мы изживаем главное зло, сотворённое Средним. Но я хотел бы поговорить с тобой о других его делах и о нашем с тобою общем наставнике.»

«Хочешь, говори!» — не слишком вежливо ответила колдунья.

«Мудрая Вильяра, я прошу тебя о личной беседе, при свидетелях. Хранитель знаний Нельмара тоже желает участвовать.»

Вильяра изумилась и тут же высказала своё удивление: «Мудрый Нельмара — временный глава Совета, почему он просто не призвал нас обоих к себе?»

«Он хочет поговорить не как глава, а как равный.»

«То есть, он собирается обсуждать дела, которые задели его лично?» — припомнила Вильяра один из обычаев мудрых.

«Именно так!»

«Надеюсь, вы оба не станете возражать, если со мною на встречу придут мудрый Латира и чужак Нимрин?»

«Наоборот, мы просим, чтобы ты пригласила их обоих.»

«Вот даже как?!»

«Мудрая Вильяра, я понимаю, что ты мне не доверяешь. Я заслужил! Но теперь я свободен от клятв. Я больше не враг тебе и твоему клану. В отличие от тех, кто присягал Среднему по доброй воле и мечтает продолжить его дело.»

«Даже так?!» — повторила Вильяра.

«Да. Давай, поговорим об этом при встрече, сестра. Хочешь, приходите в Пещеру Совета, или назначь другое место по своему усмотрению?»

«Хорошо, я переговорю с Латирой, а после назову тебе место.»

Латиру Вильяра застала на тропе сна, и он немедленно явился к ней в призрачном облике. Выслушал пересказ разговора, задумчиво покивал, размышляя. Она не утерпела, спросила:

— Как думаешь, старый, это может бы ловушкой?

— Может, но вряд ли. Рыжий хитрец хочет жить и старательно ищет себе союзников. Разумных и сильных.

— Хорошо бы, если так...

Мудрые договорились встретиться до вечерних теней в пещере Совета.

Ромига проснулся от чирканья кресала: Латиря разжигал потухший очаг. Мули тоже выглянула из-под шкур, потёрла кулачками заспанные глаза.

— Мудрый, мудрый, зачем ты меня усыпил?

— Чтобы ты отдохнула и вернулась в равновесие духа. Ближайшие луны ты, воительница Мули, будешь у меня в послушании. Первое твоё дело: натопи снегу в большом котле, чтобы у нас тут была вода.

— А где тётушка Вильяра? Разве она отдала меня тебе? Почему?

— Потому что я хорошо умею воспитывать и учить таких, как ты.

— Каких «таких», о мудрый?

— Диких и слегка не в себе.

— А в круг ты меня будешь с собою брать, как Великий Безымянный?

— Нет, воительница, ты будешь ходить к Камню сама. Как положено тебе по дару и силе.

— Разве мудрому не нужен ключ? Разве Мули совсем-совсем не нравится тебе, о мудрый Латира?

— Если вдруг мне понадобится ключ, я позову с собой другого мудрого.

— Мудрого — его? — вытаращила глаза девчонка. — Великий тоже, но Мули не понимает...

— Его или её, не важно. Главное, посвящённых. И запомни, воительница: мне не нужна подстилка ни в круге, ни в снегах, ни дома. Наритьяра Средний не умел иначе, так он многое делал криво и умер беззаконником. Если полюбишь кого-то, и если зимой между вами всё сладится, весной я разрешу тебе выйти за него замуж. А пока смотри, как темнеет луна, и пой сама себе песню умиротворения.

— А если я уже полюбила? Вот его! — внезапно притиснулась девчонка к Ромигиному боку. — Оборотень, оборотень, ты весной возьмёшь Мули в жёны?

Ромига резко сел на лежанке, поймал смеющийся взгляд Латиры и, не дожидаясь ответа старика, попробовал выкрутиться сам:

— Мы разной породы, Мули. Горные звери не кроют морских, зимние — летних. Если даже сойдутся, и не покалечат друг друга, то детёнышей у них не бывает.

— Это правда, Мули, — подтвердил Латира. — Детей от Иули ты не зачнёшь, не родишь.

— Но... Но... А если я всё равно его люблю? Если хочу кувыркаться с ним на шкурах, следовать за ним повсюду, вместе охотиться и воевать?

Жёлто-зелёные глазища сверкали шальным пламенем, Ромига даже не мог различить, всерьёз она, или шутит и заигралась.

Латира недовольно поморщился:

— Мули, а Нимрина-то ты спросила? Хочет ли он?

— Оборотень, оборотень, ты хочешь Мули в жёны?

— Нет, — предельно просто, коротко и равнодушно ответил Ромига.

Отказ Мули не расстроил, только сильно озадачил:

— А тогда зачем ты меня не убил вместе с Великим и спасал из дома? Зачем я тебя лечила?

— Зачем ты меня лечила, тебе лучше знать. А я тебя оставил в живых, чтобы ты жила. Не моей женой, а просто жила, понимаешь?

Мули смутилась, спрятала пламя зрачков под белыми ресницами:

— Не понимаю. Спасал, но не для себя? Просто так, ни зачем? Разве так бывает?

Теперь уже рассмеялся прагматичный нав:

— Мули, если хочешь, я честно назову тебе пяток своих «зачем», а ещё двадцать придумаю задним числом. Но поверь, среди моих «зачем» нет и не было «я хочу Мули в жёны». Не хотел. Не хочу.

— Но...

— Хватит! Мули, одевайся, бери котёл, и за снегом! — оказалось, что Латира тоже умеет командовать.

Мули прикусила язычок, быстро оделась по-уличному и примерилась к здоровенному закопчённому котлу:

— Этот? А как? Лаз же узкий, я видела!

Мудрый сдвинул люк с прямого колодца вниз, показал ворот, объяснил, как пользоваться. Ромига тоже, на всякий случай, заглянул в дырку в полу: ярдов пятнадцать отвесной шахты, ещё десятком ярдов ниже — освещённый косым солнцем снег. Колодец пробит в грот с широким устьем, врезающийся в скалу как раз под пещеркой мудрого. Вероятно, летом котёл сразу черпал воду в озерце или ручье, но сейчас водоём замёрз. Благо, снег — тоже вода, но нужно выйти наружу, нагрести в котёл, утрамбовать, чтобы больше влезло...

Вильяра явилась с мороза бодрая и свежая. То есть, гораздо бодрее, чем утром, когда она пререкалась с арханами. Но если сравнивать с началом знакомства, осунулась она, смотреть больно.

— Нимрин, мы с Латирой вечером идём к Нельмаре, хранителю знаний, и к Младшему Наритьяре. Идём в пещеру Совета Мудрых. Ты — с нами. Мы собираемся разговаривать, но будь готов ко всяким неожиданностям. Я этому кричавкину сыну не доверяю!

— Малая, спокойнее! Он, конечно, Наритья, этим многое сказано. Но прежде его не было видно за Старшим и Средним. Поглядим на него, послушаем внимательно, тогда и решим, что он за дичь.

— Но пленника-то он увёл и распустил поганые слухи, — напомнил Ромига.

Латира кивнул, вроде бы подтверждая, но тут же добавил:

— Скажу сейчас, чтоб вы оба знали. Я не нашёл на мертвеце следов сильной ворожбы. Ты, Нимрин оглушил его, когда пленил, но это заклятье почти развеялось. Наритьяра, безо всяких сомнений, увёл вашего пленника изнанкой сна. Однако никто не воздействовал на его разум. То, что умирающий говорил в трактире, было не от чар внушения. Либо он сознательно покрывал Наритьяру, либо от удара по голове позабыл часть недавних событий. Били арханина так, чтобы сразу насмерть, только чуточку промахнулись. А кто бил, Наритьяра, или кто другой, по дырке в черепае, увы, не определишь. Непонятно, когда его развязали: незадолго до удара или сразу после. В трактир арханин приполз со свободными руками и ногами, а шнур, которым Нимрин связал ему локти, исчез. Кровь и проталину от долго лежавшего тела я нашёл в тупичке за торговыми рядами. Видимо, туда его Наритьяра вывел, там же его и стукнули. Но натоптано слишком сильно, чтобы понять, был ли там в то время кто-то ещё.

Ромига слушал старика с интересом и растущим уважением. Вероятно, сам нав, некогда ходивший в учениках дознавателя, нарыл бы больше, а может, и нет. Пожалуй, стоило утром не подпирать стену, а предложить свою помощь в расследовании. В результатах-то он, получается, лично заинтересован.

— Я уверена, арханина убил тот, кто его у нас утащил! — сердито рыкнула Вильяра. — Небось, один беззаконник расспросил другого, а после — сразу по голове.

— Так могло быть, малая, — примиряющим тоном ответил Латира. — Но следы на теле и следы на снегу не свидетельствуют ни за, ни против. Я не удивлюсь, если Наритьяра скажет, мол, изгнал беззаконника по праву скорого суда. Но я сейчас про другое. То, что умирающий дополз до трактира и успел кое-что наговорить, могло быть случайностью за пределами любого замысла.

— Старый, ты, что, оправдываешь Младшенького?

— Нет, о мудрая Вильяра! Я хочу, чтобы ты явилась на встречу с Наритьярой без предубеждения. Пусть он сам расскажет нам, что делал, зачем и почему. И вообще, и в

истории с этим арханином, где мы можем проверить его слова. Мы внимательно выслушаем, говорит ли он правду. Если станет много врать, то иметь с ним дело нельзя никак. Если будет более-менее правдив и честен...

Вильяра перебила:

— Слушай, старый, а как ты собираешься поймать посвящённого на лжи? Вряд ли Наритьярин дар слабее твоего.

— Он сейчас сильнее. Но как ни скрывай чувства, а большинство лгунов выдают себя пуганицей в подробностях. Уж это-то я замечу, на этом сумею его подловить. Да и ты сумеешь, твой взор и твой разум достаточно остры.

— Мудрые, а мы успеем до встречи ещё раз посмотреть на мёртвого арханина и побывать в том тупичке? Пока следы окончательно не остыли? — спросил Нимрин.

— Что именно ты надеешься найти? — с интересом переспросил Латира.

— Что-то, чего не заметил ты, о мудрый. Дома мне доводилось расследовать незаконные деяния, искать спрятанное или утерянное. Возможно, мой опыт пригодится и здесь.

Ромига с любопытством ждал реакции: возмутится ли старик, что кто-то поставил под сомнение его компетентность? Не возмутился. Глянул сквозь хитрый прищур.

— А пойдём, испытаем тебя, чужак. До вечерних теней ещё есть время. Сейчас только я предупрежу Мули. Что-то долго она с этим котлом возится...

Дальше, видимо, последовала безмолвная речь. И по тому, как, дрогнув, опустились углы рта Латиры, как резко потяжелел его взгляд, Ромига понял: произошло нечто скверное. Вильяра тоже изменилась в лице и метнулась к лазу на улицу. Ромига знал: выход там — узкий и неудобный. Заглянул в колодец, куда Мули спустила котёл — тот так и стоял на снегу пустым. Ромига прыгнул вниз без лишних раздумий. Он пролетел узкую дыру в скале сообразно притяжению Голкья, а дальше плавно затормозил, левитируя. И, не коснувшись ногами земли, быстрым порталом — к фигурке, скорчившейся на снегу напротив устья грота. Издали увидел: помогать поздно. Слишком много алой крови вокруг, слишком быстро гаснет аура. Откуда прилетела стрела? Мгновение, чтобы оценить по следам, как шла Мули, и где должен стоять стрелок. Второй портал — вверх, на кромку обрыва. Бегом по следу, потом по лыжне, которую даже не потрудились замести.

Ромига нагнал убийцу через полсотни ярдов. Ещё не видя лица, многое про него понял: по силному тяжёлому дыханию, по кислому смраду старости и болезни, по тому, как умело, ровно, но медленно ковылял он прочь на своих лыжах. Лук за спиной — явное орудие убийства, и стрелы в колчане такие же, как стрела в теле девушки. На последних шагах нав умерил прыть, оглушил добычу магией, аккуратно, дабы ненароком не поломать. Дряхлый же, в чём душа держится! И как только ухитрился натянуть тугой лук? Но раз натянул, и попал, и убил с одного выстрела, недооценивать его не стоит. Ромига связал меткого стрелка тетивой от его же лука, подхватил на руки и порталом вернулся к телу Мули.

Оба мудрых были уже там. Вильяра отчаянно и безуспешно пыталась вернуть девушку к жизни. Латира сторожил от новых покушений и чуть не засадил заклятьем в выскочившего из портала Ромигу, но опознал его вовремя, и у нава был наготове щит.

— Я поймал стрелка, вот он, — отчитался Ромига, укладывая добычу на снег.

— Нимрин, ты был здесь раньше нас, ты ещё мог помочь ей, — с горьким упрёком сказала наву Вильяра.

— Прости, мудрая! Меня учили помогать раненым, а не воскрешать мёртвых.

— Даже сейчас она не вполне мертва! — упрямо возразила колдунья. — Говорю, как потомственная знахарка!

— Вильяра, мудрая, посмотри, сколько крови на снегу! Ты не соберёшь её обратно! Посмотри, как прошла стрела...

— Оба лёгких и сердце, — поддержал Ромигу Латира. — Малая, ты не исцелила бы её, даже если бы оказалась здесь сразу. Никто не бы исцелил. Эта рана смертельна.

— Я знаю! — Вильяра страдальчески зажмурилась, прикрыла глаза рукой, размазывая по лицу кровь несчастной девчонки пополам со своими слезами. Несколько мгновений, и колдунья переплавилась горе в ярость, выскалила клыки на добычу Ромиги. — Я теперь готова заняться живым! Прежде, чем мы изгоним его, я хочу знать, кто он такой? Почему он стрелял в мою племянницу? Я порву его вот этими самыми руками, — она свирепо скрючила окровавленные пальцы.

— погоди, мудрая, сперва я приведу его в чувство, и мы спросим его по-хорошему.

Очнувшись, меткий стрелок даже не пытался запереться. Он обвёл собеседников пронзительно-жёлтым взглядом и заговорил: легко, охотно, с гордостью за содеянное. Да, он, старый Пурна из клана Ашми, изгнал из мира убийцу своего единственного сына, незаконную живоедку, непонятно зачем взятую мудрыми под покровительство. Теперь Пурна не боится ни разъярённой колдуньи, ни её тени — чёрного чужака. Он вообще уже никого и ничего не боится. Он достал живоедку раньше, чем его самого взяла болезнь, которую отказались лечить все знахари. Он увенчал успехом последнее дело жизни, ему всё равно, что будет с ним дальше.

— Значит, Пурна, ты мстил за сына? — скрипя зубами от сдерживаемой ярости, переспросила Вильяра.

— За сына! И не говори, мудрая, будто для праведной мести я должен дожидаться зелёных ростков. Весны я не увижу, а снег принял незаконную кровь не хуже, чем трава. Пусть и мою кровь примет, если ты так решишь. Я уйду за сыном, за моим Фарли, с радостью.

Судя по лёгкости поминания убитого, Пурна сам уже числил себя покойником.

— погоди-ка, не спеши! — рыкнула Вильяра. — Рассказывай, откуда ты узнал про живоедку? Как нашёл? Кто помогал? Всё рассказывай!

— А если я не стану? — набычился стрелок.

— Станешь, — почти ласково проговорил Ромига. — Даже не сомневайся! Только это будет очень неприятно. С миром, в здравом уме и ясной памяти, ты тогда уже не умрёшь.

— Ладно, я расскажу. Скрывать-то мне нечего, весь дом у фиорда и вся ярмарка знает про эту поганку! Последняя весточка от сына пришла мне с ярмарки, вон, через него, — Пурна метнул взгляд на Латиру, — И через нашего мудрого. А когда мой сын не вернулся в срок, я упробил мудрого Ашмиру переправить меня сюда. Я искал следы и нашёл, живоеды не слишком старательно их замели. Только в одиночку я был бессилён против стаи Вильгринна, чтоб его шуры через задницу тухлой рыбой напичкали! Жить в снегах и подстерегать — у меня уже нет здоровья. Пока ты, мудрая, не привела поганку сюда, я не мог к ней подступить.

— Но как ты узнал, что она здесь? Она же первый раз вышла из пещеры наружу? — резко спросил Латира.

— Мне сказал какой-то арханин. Я не знаю, как его зовут, мы сегодня вместе ели в

трактире. Он знал, что я её ищу, подсказал, где устроить засаду, и пожелал удачной охоты на поганое купцово отродье... Нет, я не спрашивал, откуда он всё знает и зачем помогает мне. Я просто пошёл к твоему жилищу, мудрый, и спрятался в скалах.

— Ты узнал бы этого арханина в лицо? — продолжал задавать вопросы Латира.

— Да, он приметный.

— Опиши нам его, Пурна!

— А если я не стану? Он же помог мне! Это вам он напустил прошмыг в кладовую, но даже мудрым не по закону — укрывать живоедку.

Ромига собрался повторить угрозу, однако тут уже Латира улыбнулся стрелку с особой ласковостью, не предвещающей ничего хорошего.

— Мне не сложно спеть над тобой Песнь Познания, Пурна. И ей, — кивок на Вильяру, — не сложно. Жалко времени, сил и тебя, дурака.

Пурна поморщился, опустил взгляд, которым прежде бесстрашно буравил собеседников. Чуть подумал и сказал:

— Ладно. Он приметный, ни с кем не спутаешь. Шрам наискось через лоб, переносье и левую щёку. Такой, будто его зверогонным бичом огрели. Серый волос и ярко-синие глаза — островная кровь. Но разбавленная. Островитяне малорослые, как ты, мудрый, а он выше меня на ладонь. Худой, жилистый четырёхлетка. Одежда покупная, мастер Рела такой торгует, совсем без украшений, чистая и новая. Довольно тебе этого, о мудрый?

— Если он не нацепил чужой облик, то довольно. А помнишь ли ты голос и говор этого арханина?

— Голос? Басовитый, гулкий. А по говору я подумал, что он в странствиях с самого детства. Купеческий говор: без местных призывков и словечек, всем понятный, всем приятный, гладкий и складный.

— Пурна, а с чего ты решил, что он — арханин? Если не по облику, не по одежде, не по говору?

— Лук и стрелы у него арханские. Мы с ним ещё поспорили, чей лук мощнее: его или мой. Но я ему сказал и вам повторю: хоть у архан луки — лучшие на Голкья, а мне довольно моего, собственными руками сделанного! Верно служил он мне на всех охотах, и сегодня не подвёл! — Пурна смотрел теперь на убитую.

Вильяра, пока пыталась лечить, перевернула Мули на спину и срезала с неё куртку. Ромига прекрасно знал, что охотницы не стесняются открытой груди, но окровавленное полуголое тело на снегу казалось непристойно, жалобно беззащитным. На обращённом к небу лице застыла даже не боль — горестное изумление.

— Красивая девка была, жаль, живоедкой стала, — тяжело вздохнул мститель и тут же добавил упрямо. — Жаль! Но раз свихнулась с пути, незачем такой жить, беззаконничать и беззаконников плодить.

Вильяра издала глухой полу-рык, полу-стон.

Латира укоризненно качнул головой:

— Пурна, мудрая Вильяра сохранила жизнь этой девушке и призвала её к служению воительницы. А я, мудрый Латира из старейших, взял её на поруки. Мы поступили так не из родственных чувств или какой-то прихоти, а чтобы девушка могла говорить перед Советом Мудрых. Это было важно! Ты отнял у мудрых слово убитой, теперь ты должен Голкья много больше своей жизни. Судя по тому, как ты выследил убийцу сына, ты умеешь ходить по следу. А хорошо ли ты владеешь безмолвной речью?

— Владею, — мрачно подтвердил Пурна.

— Тогда я, по праву хранителя ярмарочного поселения, повелеваю тебе: иди и разыскивай того охотника со шрамом! Увидишь его или услышишь — сразу шли мне зов. Не заговаривай с ним, не привлекай к себе внимания. Скорее всего, это беззаконник из дома у фиорда. Твоими руками он убил дочь своего врага. И тебя убьёт, не задумываясь. Будь осторожен!

— Старый, пусть этот поганец поклянётся тебе, что никуда не уйдёт из моих угодий, пока не разыщет арханина со шрамом, или пока мы не призовём его самого на Совет Мудрых, — сквозь зубы процедила Вильяра. — Я страшно хочу воспользоваться правом скорого суда. Не убить на месте — довольно крови! Но сломать его лук, — на этих словах Пурна ощутимо вздрогнул, — отобрать нож, огниво и лыжи, выкрасить ему голову и одежду несмываемым алым, а после увести изнанкой сна далеко в снега.

Колдунья помолчала, сверля стрелка взглядом — тот ёжился, но глаз не отводил. Вильяра продолжила:

— Я могу, имею право, но я не стану делать так. Пусть Совет судит Пурну из клана Ашми, чтобы ни одна кричавка потом не вопила, будто я мщу за племянницу. А пока служи нам вместо убитой, Пурна! По праву хранительницы клана Вилья, я повелеваю тебе: делай всё, что прикажет мудрый Латира. Если вдруг найдёшь того охотника, но не дозовёшься Латиры, шли зов мне или Нимрину. Нимрин, развяжи его! Старый, прими у него клятву поскорее, и пусть идёт. Тени уже длинные, а мне ещё нужно умыться и позаботиться о мёртвой в последний раз.

Сняв «пастуший якорь», Ромига одним движением распустил узел, которым были стянуты локти охотника. Пурна тут же принялся разминать занемевшие руки, бочком, бочком отодвигаясь от чужака — сапоги-то ещё спутаны друг с другом, после развяжет сам. Латира тут же взял стрелка в оборот: выслушал его клятву, уточнил и заставил повторить, а после они спели вместе короткую незнакомую песнь. Так выглядело и звучало здесь заклятие обещания: нав старательно запомнил. Потом призвал с обрыва брошенные там лыжи — незачем старику лазать по скалам за своим барахлом, тратить время и силы, которых и так мало. Опухоль жрёт его изнутри, всё нутро проросло метастазами. Эрли бы такое вылечили, а больше, пожалуй, никто. Но луну-другую больной может протянуть: если, конечно, беззаконник со шрамом, или кто другой, не упокоит его раньше. Шесть трупов во внутреннем дворике трактира — наглядное свидетельство, что ярмарка — не самое безопасное место на Голкья.

Провожая взглядом ковыляющего прочь стрелка, Ромига спросил Латиру:

— Мудрый, мы с тобой успеем сходить, куда собирались?

— Твоим быстрым путём или изнанкой сна. Ненадолго.

— Тогда пошли.

— Возвращайтесь не позже, чем тень Звериного мыса закроет трактир. В пещеру Совета нам лучше явиться вместе, — окликнула вслед Вильяра.

— Договорились, малая.

«Ты справишься тут одна?»

«Да, идите!»

Вильяра стояла на северном склоне Звериной горы и выла в небо, прощалась с Мули.

Слёзы снова ползли по щекам, схватываясь солёным, колючим льдом. Не то, чтобы колдунья успела хорошо узнать племянницу и привязаться к ней: слишком мало времени они провели вместе, слишком много забот. Но как же знахаркина дочь ненавидела чувствовать лекарское бессилие и хоронить родню, особенно, младшую! Нет, она знала, что такова участь мудрой: зимы и лета пролетят, не тронув её, все родственники станут младшими, даже уходящие в свой черёд глубокие старики. Только одарённая Мули могла бы прожить ещё довольно долго! Если только... Нет, думать о том, что мститель Пурна оказал всем большую услугу — значит, возводить напраслину на мёртвую. Единственное беззаконие Мули осталось в прошлом. Теперь уже навсегда!

Снег, взметённый колдовским вихрем, укрыл длинный свёрток из шкур и сплавился в ледяную глыбу. Ни один зверь не разроет раньше весны! Сказки, или нет, но пусть уходящий дух перестанет тосковать по телу прежде, чем оно станет пищей для другой жизни. Большого не способна сделать ни мудрая для воительницы, ни тётка для племянницы. Всё!

Обратно к логову Латиры. Набить снегом злополучный котёл, вихрем влететь через колодец и уже двуногой втащить на верёвке груз. Взбодрить огонь в очаге.

За привычной работой слёзы высохли, а мысли Вильяры, наоборот, потекли своим чередом. Немного успокоившись, мудрая послала зов двоюродной сестрице Нгуна, в дом у Синего фиорда. Новая глава дома обрадовалась, принялась делиться новостями, многословно и без малейшего напряжения, языком-то не все так шустро болтают. Слушая, как сёстры наводят порядок в бывшей беззаконной стае, Вильяра решила придержать пока печальную весть о Мули. Вежливо и внимательно выслушала Нгуну, потом начала расспрашивать сама. Мудрую интересовали облик, имена и происхождение всех, кто разбежался из дома у фиорда после смертельного поединка двух вожаков. Слишком поторопилась она тогда, не выпросила у Вильгрена, покуда был жив — а теперь пусть хотя бы сестрица про них расскажет. Нгуна не удивилась просьбе мудрой, назвала всех беглецов и описала приметы. Среди тридцати восьми, скрывшихся в снегах (троих, ускользнувших пока от гнева Вильяры) — ни одного высокого, серого и синеглазого, со шрамом или без! Тогда Вильяра сама повторила слова Пурны и спросила, не знает ли Нгуна такого охотника? В долгом молчании собеседницы Вильяре померещился страх. Думала уже, вопрос останется без ответа, но Нгуна всё-таки сказала: «Его зовут Стурши, он иногда заходил к мудрым и брату, но живёт где-то на ярмарке. Очень сильный колдун, почти как посвящённый! Великий Безмянный любил брать его в круг, пока не приблизил к себе Мули, да и после иногда... Кстати, как там Мули у вас поживает? Не слишком чудит?»

Лгать или отмалчиваться на прямой вопрос Вильяра не стала. Вместе они поплакали над горемычной судьбой племянницы...

Труп с проломленной головой Ромига видел утром и решил не устраивать вскрытие. Гораздо интереснее было место, где из живого арханина некто сделал этот самый труп. Бегло осматривая вонючий закуток за торговыми рядами (пройтись бы по ним спокойно и с лица!), Ромига поначалу усомнился, что найдёт здесь хоть что-то интересное.

— Здесь лежало тело, так? Рядом некоторое время кто-то сидел на корточках. Перетаптывался, значит, сидел долго. Потом припал на правое колено и опёрся на левый кулак. Возможно, чтобы ударить правой рукой? — нав проговаривал вслух всё, что наблюдал, и свои краткие выводы. — Из такой позиции удобно бить, но можно и ворожить, да хоть за ухом чесать лежащего!

Мудрый Латира стоял при входе в закуток и на все Ромигины реплики пока согласно поддакивал.

— Там, где некто опирался коленом, на подтаявший снег налипли шерстинки от штанов. Рыжие. Я такие штаны уже видел, и сидел их хозяин над нашим с Вильярой пленником примерно в той же позе. Жаль, мы с мудрой толком не рассмотрели, что он натоптал на тракте. Колдовской след «нашего» рыжего я здесь тоже чую и узнаю, но слабый: от присутствия, не ворожбы. Твой след сильнее, ты был тут позже и много колдовал... О, погоди-ка, здесь ещё кто-то отметился!

Нав резко, высоко подпрыгнул и сдёрнул с верха снежной стены измочаленный обрывок шнура. Знакомого!

— Смотри, Латира: этим я связал арханину локти. Опасался, что разорвёт, но не хотел затягивать на морозе — оставлять его без рук. Для надёжности зачаровал шнурок и узел. Не сняв моего заклятия, ни порвать, ни выпутаться было нельзя. Сам пленник расколдовать вязку не мог, я принял меры. Это сделал другой, но при том не «наш» рыжий! Моих чар тут никто не знает, поэтому шнурок — в клочья, это не важно. Третий здесь был, без сомнения! Сейчас посмотрю, не оставил ли он ещё чего.

— А похоже, оставил, — воскликнул Латира, глядя вверх на стену, напротив которой стоял.

Ромига подошёл ближе и на высоте среднего охотничьего роста, гораздо выше макушки Латиры, в луче солнца увидел пару прилипших к снегу серых шерстинок.

— Не твои?

— Ветер, конечно, шалун... Проверь! Ты же умеешь!

— Сначала закончу здесь.

Нав осмотрел и просканировал всё, что мог, но ничего интересного, кроме пары кусков того же измочаленного шнура, не нашёл. Все останки шнура бережно припрятал: пригодятся. Прежде, чем запускать генетический поиск по шерстинкам, спросил старика:

— Мудрый Латира, скажи, а много на Ярмарке серых, кроме тебя?

— Вспомни трактир, Иули.

— Я не видел ни одного. Белые и несколько рыжих.

— Правильно, Иули. Моя масть тут — самая редкая. А серых и высоких на всей Нари Голкья, думаю, можно сосчитать по руке. Не купеческим счётом, охотничьим! Парень, которого описал Пурна, не просто приметный, а хуже крашеного. Если серые шерстинки оставил тут не он, я готов съесть свои сапоги! А если его не запомнил Груна, закушу сапоги

шпанами.

— Погоди, мудрый, не спеши портить хорошие вещи! — усмехнулся нав. — Итак, смотри! Даже если колдовской след на шнурке не от серого. Если арханина развязал кто-то ещё. Если серый когда-то заходил сюда просто отлить. Он всё равно, скорее всего, тот, кто натравил Пурну на нашу маленькую воительницу... Кстати, сам-то ты такого приметного охотника на ярмарке ни разу не встречал?

— Стыдно сказать, Иули, — голос старика дрогнул. — Но с середины лета и до моего бегства в снега, со стрелой в спине, я опасался смотреть по сторонам. Сидел то в шатре, то в логове. Если парень крутил с Наритья, у него тоже были причины меня избегать. Может, имя-то я слышал, да Пурна его не знает и нам не сказал... Будешь искать его сейчас?

Ромига бережно отлепил от стены одну шерстинку, внимательно осмотрел и просканировал, проверяя дурацкую гипотезу, не крашенная ли? Отличный способ отвлечь внимание: яркой обманной приметой. Сам когда-то пользовался... Нет, натуральная, и точно не Латиринка: длиннее и мягче. Поджечь шерстинку и запустить поиск — казалось бы, чего проще? Но при таком остром предчувствии неудачи, как охватило вдруг Ромигу, даже начинать какое-то дело не стоит, проверено опытом. Лучше отложить, собрать дополнительную информацию, обдумать и взвесить. Нав достал из поясного кармашка пакетики для проб (милый привет из далёкого дома!), упаковал шерстинки по одной и спрятал. Заодно собрал немного рыжих со следа колена и белых, испачканных кровью убитого. Уж проверять, так всё и всех, но позже. Вздохнул:

— Был бы у нас хоть десяток серых волосков! Вот, мы с тобой сейчас узнаем, где этот поганец. Допустим, снова сидит в трактире. И что ты предлагаешь делать дальше? Разбираться с ним в толпе — хуже нету. Скрадывать и ловить? Сколько дожидаться будем, пока выйдет? А сколько там выходов? А скрутим его — нельзя давать ему очухаться, надо сразу беседовать: по-хорошему или по-плохому. А нас ждёт Вильяра и эти, в пещере Совета.

Латира задумчиво, мрачно глядел на Ромигу снизу вверх:

— Многие боялись Наритьяру Среднего, Иули! Ты убил его, словно белянку подстрелил. Здесь ты, чужак, вынюхал то, что пропустил я...

После такого захода нав ожидал, что старый хитрец начнёт брать «на слабо» и торопить. Сочинял адрес, куда послать в ответ, но Латиринка удивил.

— Ты опытен в такой охоте, Иули. Как решишь, так и сделаем сейчас. Всё, что ты нашёл, я засвидетельствую перед Советом. И саму твою помощь тоже засвидетельствую.

— Договорились, мудрый. Тогда возвращаемся пока в твоё логово. Там тепло! Надеюсь, у тебя в кладовке найдётся что-нибудь съестное?

— Мясо, вяленое.

— Хорошо.

Когда они вернулись в пещеру, Вильяра с отрешённым видом помешивала снежно-водяную кашу в большом котле. Та самая работа, которую начала и не закончила несчастная Мули. Для мудрой — дело на щелчок пальцев или короткую песенку, но колдунья воздерживалась от ворожбы. Глаза её были красны, лицо ещё сильнее осунулось, плечи поникли. А главное, тот благословенный жар, которым Вильяра всегда была богата и щедро делилась, ныне будто выдуло ледяным ветром. От глухой, безнадежной тоски — эха её чувств — Ромиге захотелось выть. Подошёл и обнял её сзади за плечи, прижал спиной к себе. Теплом, увы, не поделится, сам промёрз насквозь, а вот спеть утешительную песенку,

как недавно для Мули... Понаблюдав за навом и Вильярой несколько мгновений, Латира решительно вплёл в Ромигину песнь свой голос и силу. Сперва исподволь, а после увлёк за собою чарами нежданной мощи и красоты. Теперь казалось, вся пещера гудит, словно тулово музыкального инструмента, и вода в котле, и пламя в очаге пляшут в такт чудесным звукам. Помедлив, Вильяра запела в унисон: Ромига не столько услышал, сколько ощутил вибрацию её голоса, прижал к себе женщину крепче... Тоска отступила, стало чуть теплее: достаточно, чтобы жить и действовать.

— Старый, я поговорила с Нгуной, — после полногласия песни обычная речь звучала тускло и невыразительно. — Серого со шрамом в доме у Синего фиорда знали как Стурши с Ярмарки. Знакомое имя, только я не могу вспомнить, откуда?

— Стурши?! — охнул Латира. — Дуренья! Должен был догадаться!

— Мудрые, кто такой Стурши, и чем он знаменит? — потребовал пояснений Ромига.

— Беззаконник, которым брезгуют щуры. Трижды за две зимы его метили несмываемым алым и гнали в снега. Прошлой весной мудрая Ульдара зашвырнула его на льдину посреди океана. Выкинула туда, в чём мать родила! Думали, избавились. А выходит, он до сих пор жив, здоров и пакостит!

— Две зимы? Пурна назвал того серого четырёхлеткой, — напомнил нав.

— Островная кровь, сильный дар. Он молодо выглядит, но ему никак не меньше шести, — уточнил Латира.

— Нгуна сказала, этот Стурши был близок Наритьярам, особенно — Среднему. Беззаконный колдун часто таскал его в круг до того, как... — Вильяра осеклась. — До того как племянница попыталась занять его место возле Великого Безымянного.

— Я думаю, малая, Наритьяра Младший прекрасно знает эту погань. Возможно Наритья его и спасали: вытаскивали, снимали метки, давали убежище. Расспросим о нём, но после всего остального...

Латира наскоро поведал Вильяре об их новых находках. Между делом мудрый заварил травяной напиток в маленьком котелке, добыл из кладовой и раздал всем по куску вяленого мяса. Посмотрел, как Вильяра мусолит свой, вздохнул.

— Малая, может, отложим встречу? Отдохнёшь? В полночь тебе петь, самое важное сейчас это.

— Я справлюсь. Откладывать я ничего не хочу. Опасаюсь, потом ещё что-нибудь случится.

— Если Вильяра после беседы с мудрыми будет слишком усталой, я схожу в круг вместо неё, — вставил своё слово Ромига.

Не то, чтобы он сильно хотел напрягаться и рисковать... А пожалуй, хотел: мощь Источника сладка! Вряд ли когда-либо, где-либо ещё такая полнота силы дастся ему в руки! И в любом случае, лучше он подменит живую колдунью, чем потеряет её. Неохота гадать, сможет ли он уравновесить её срыв? А существовать дальше без их странной связи?

— Или же мы, Нимрин, сходим в круг вместе, — впервые после гибели племянницы улыбнулась Вильяра. — Вернёмся со встречи, тогда и решим. Главное, вернуться.

Мудрые всё-таки вздремнули часа полтора, чтобы явиться на важную встречу со свежими головами. Ромига был бодр и полон сил: спать ему не хотелось. Медитировал, потом просто ломал голову над вопросом, почему Мули не почуяла убийцу? Или один стрелял, второй прикрывал? Но никого, кроме Пурны, рядом не было... Или нав тоже его не

почувствовал?

Латира, не открывая глаз, приподнялся с лежанки, мурлыкнул что-то — сморило. А пробудился Ромига уже в другом месте, прелюбопытном!

Единственный пузырь со светлячками озарял пустую каморку неожиданно строгих и чётких геометрических форм. Гладкие стены и пол, правильный свод, и всё эта красота не в мягком туфе вырублена — в монолитном базальте. Да не вырублена, конечно: без магии тут никак не обошлись! Нав коснулся тёмного глянцевого камня и подумал, что строители вполне могли быть его соплеменниками. Пока мудрые брели куда-то длинными, прямыми, как стрела, коридорами, Ромига уверился в своём предположении. Это место некогда было форпостом Империи Навь во вновь открытом мире! Прежние хозяева покинули его давно, очень давно, новые обжили и приспособили под свои нужды.

— Мудрый Латира, скажи, кто создал эту пещеру?

— Расспроси Нельмара, он знает. Старый Вильяра говорил, пещера под Ярмарочной горой древнее круга на горе, а круг тот — один из первых на Голкья.

Просторная, высокая зала, куда они вышли, живо напомнила Ромиге резиденцию Анги и Зворги в Печорских болотах. На первый взгляд, мудрые Голкья мало что изменили в доставшемся по наследству интерьере: натащили сюда своих любимых плетёных табуреточек, войлочных подушек, да настелили шкур.

На шкурах кто-то спал и проснулся, заслышав шаги. Резко подскочил с места... О, знакомая личность: рыжая в рыжем! Вблизи последний из Наритьяр смотрелся очень молодым и смертельно усталым. Большие, яркие изумрудные глаза — впору зелёной фее... Ой, нет, скорее фате или жрице! Взгляд-то тяжёлый и острый: мудрый неторопливо смерил им Ромигу с головы до ног, потом с ног до головы. А на Вильяру с Латирой он долго пялиться не стал, церемонно поклонился все троим, выдал вежливое, но не слишком дружелюбное приветствие. Нав чувствовал: Наритьяра их побаивается, но старательно не подаёт виду, ждёт удара в любое мгновение и готов бить в ответ. И похоже, очень досадует, что позволил застигнуть себя спящим.

— А где же хранитель знаний Нельмара? — спросила Вильяра после ответного приветствия.

— Умаялся, спит крепко. О мудрый Нельмара, вернись к нам скорее! — рыжий осторожно попинал ворох шкур, оттуда послышалось недовольное ворчание.

— Что, явились, наконец?

— Явились. Вылезай, старче!

По сравнению со старым, но шустрым и подтянутым Латирой, хранитель знаний Нельмара выглядел откровенной развалиной. Очень скверно он выглядел, и чувствовал себя явно не лучше. Дышал неглубоко, кривился на один бок, прихрамывал. Битый? Ломаный? Да, причём недавно и сильно. Латира-то от своей раны не только оклемался, но кажется, напрочь забыл...

Приветственная речь Нельмары была длиннее, чем у рыжего, взгляд на гостей — теплее. Этот мудрый не боялся, зато буквально изнывал от любопытства. Поздоровавшись со всеми, он подошёл к Ромиге вплотную, уставился снизу вверх. Улыбнулся, не показывая зубов:

— Благодарю тебя за многократное спасение жизни, о дитя мрака и теней. Каюсь, когда ты явился на Голкья, я даже не подумал, что путь твой благословен, что ты — Иули-избавитель.

Ромига отступил на полшага, восстанавливая дистанцию, нарочито криво ухмыльнулся

В ответ:

— Я предпочитаю, чтобы меня называли Нимрином. А где многократное спасение-то?

— Во-первых, ты изгнал Великого Безымянного, пресёк его незаконный путь и освободил его пленников. Я был среди них. Жизнь моя была хуже смерти, а смерть — недостижима. И сколько раз ты уже пел в кругу свои тёмные песни, Нимрин?

— Дважды — сам по себе, раз с Вильярой.

— Вот за каждый раз я и благодарю тебя, — улыбка мудрого стала шире, из-под губы выглянул кривой истёртый клык. — Ныне самая большая опасность миновала. Голкья уцелеет при любом единичном срыве. Но отдельные уголья всё ещё в опасности, а многие мудрые изнемогают. Я хотел попросить тебя о помощи... Я прошу тебя спеть за некоторыми из них.

— Мудрый, а сможешь ли ты расплатиться со мной за такую помощь? — Ромига подпустил в голос побольше цинизма.

— Какую плату желаешь ты, Нимрин? Едой, снаряжением, металлами?

— Нет, конечно! Знаниями, которые ты хранишь, о мудрый! За каждую великую песню в кругу — исчерпывающий ответ на один мой вопрос.

— А если ты задашь вопрос, на который я не смогу или не в праве буду ответить? — уточнил мудрый.

— Тогда мы перейдём к следующему. И к следующему, пока ты не ответишь.

— Хорошо, Нимрин. Я должен тебе три ответа за три уже спетые песни. Жду вопросов, после решу, готов ли я платить такую цену дальше.

— Отлично! Первый мой вопрос — про круги, где я смогу получить силу и петь с наименьшим риском и ущербом здоровью. Ночные Камни, зимние Камни, Камни новолуний и затмений. Ты можешь показать мне их?

— Ближайший — на этой горе.

— Я знаю. Покажешь другие такие же по всей Голкья?

Нав задавал вопрос, рассчитывая не только узнать про Камни, но и взглянуть на местные карты. Результат превзошёл самые смелые ожидания. Широкий жест, и под сводом залы сгустился мерцающий, переливчатый шар. Мгновение спустя он стал совершенной в своей точности иллюзией планеты. Миниатюрная копия Голкья висела под тёмным потолком, словно посреди Великой Пустоши. Нельмара повернул её и приблизил: миг головокружения от стремительного как бы полёта вниз — нав с мудрым стоят у чёрного менгира на вершине Ярмарочной горы, закатное солнце красит камень кроваво-алым, снег — розовым, тени — густо-синим.

Ромига знал толк в сложносочинённых мороках и миражах, да и «всевидящим оком» немало пользовался. Но тут не сдержал восхищённого вздоха!

— Хочешь сказать, мы сейчас можем увидеть всё, что происходит в любом месте твоего мира?

— Да, стихии показывают нам всё, что творится на лике Голкья. Всё, что не скрыто заклятьями...

— Но как?

— Если хочешь, я посчитаю это твоим вторым вопросом.

— Я подумаю. Ты ещё не ответил на мой первый вопрос — про Камни.

Иллюзорная Голкья ушла из-под ног и снова уменьшилась до размеров крупного глобуса, утратила облачный покров, осветилась с теневой стороны. Нельмара поворачивал

шар то одним боком, то другим, называя имена земель и обитающих там кланов. Потом зажёг маленькие разноцветные огоньки — метки Зачарованных Камней. Синие и фиолетовые — то, что нужно Ромиге. Нельмара приближал их, показывал сами камни, подходы к ним и окрестности. Заодно обсуждали, где наву предстоит петь, если сойдутся в цене...

— А покажи-ка мне уголья Вилья поближе? Давай пролетим над трактом от дома Лембы до ярмарки? — попросил нав.

Посчитает ли Нельмара это вторым вопросом? Не посчитал. Плавно паря над побережьем, Ромига спрашивал названия, старательно запоминал все заливы, мысы и острова. Хранитель знаний был щедр, или попросту не считал эту информацию чем-то стоящим.

Добрались до Высокого мыса: вот и черепа на кольях, а вот пара чёрных зверей с аппетитом грызёт кости. Мудрый скрипнул зубами и тихо помянул щуров.

— Мудрый Нельмара, скажи, а могут ли стихии показать нам не то, что есть сейчас, а то, что было день или два назад?

— Нет, только сей миг. Искусный колдун способен пробудить тени прошлого, но не на расстоянии — на месте, и столь ясными они не будут. Если хочешь научиться этим заклятьям, задай мне вопрос, Нимрин.

Заманчиво, однако...

— Понял. Ладно, пока двигаемся дальше.

На месте побоища Вильяры с беглецами тоже пировали звери, только белые. Нельмара ругнулся уже в полный голос.

— Мудрая Вильяра, прости за непрошенный совет, но не поручишь ли ты охотникам своего клана очистить тракт от мертвечины и разогнать зверьё?

— Я непременно им это поручу, как только мы успокоим стихии. Звери уже пришли, мёртвым не больно, а рисковать живыми я не вижу нужды.

Ответ колдуньи прозвучал довольно сердито. Нельмара тяжело вздохнул, но возражать не стал.

Лишь после этого обмена репликами нав обратил внимание, что Вильяра, Латира и Наритьяра давно уже беседуют в сторонке о чём-то своём. Похоже, хранитель знаний набросил на себя и Ромигу что-то вроде «шатра тишины» или «интимного полога», причём двустороннего. В пещере было слишком много незнакомой магии, чтобы заметить отдельное заклятье, но что произошло с вниманием нава? Хорошо, если он сам увлёкся и отвлёкся, а не увлекли и отвлекли. В любом случае, у Ромиги возникло неприятное ощущение, что с ним ведут какую-то не слишком честную игру. Понять бы скорее, где подвох? Ромига вспомнил, как одни челы выменивали у других золотой песок на бусы, и обе стороны были уверены, что дурят партнёров по сделке, отдавая бросовый товар за нечто ценное. Но бывал и худший вариант, когда одна сторона вроде бы получала, по обещанию другой, всё желаемое, да ничем не могла воспользоваться: мёртвым блага не нужны... Предчувствие или приступ подозрительности?

— Полетели дальше, о мудрый!

Нав досмотрел остаток пути от Высокого мыса до Ярмарки, дослушал пояснения Нельмары и всё запомнил. Это не помешало одновременно послать зов Вильяре: ей Ромига доверял больше, чем кому бы то ни было из присутствующих. Хорошо, что безмолвная речь — уже не «обухом по голове», как в начале, а лёгкая ломота в висках, ерундовая плата за

возможность посекретничать в любое время, в любом месте. «Мудрая Вильяра, я почему-то вообще не расслышал, о чём вы здесь втроём говорили. У вас с Латирой всё в порядке?»

«Прости, Нимрин, я забыла тебя предупредить! Зала Совета зачарована так, чтобы собирать внимание на собеседнике и не отвлекаться на галдёж вокруг. Не беспокойся! Мы с Наритьярой замечательно общаемся, он поведал нам много любопытного. Я тебе обязательно перескажу, и Латира дополнит, если я упущу нечто важное. А ты, если захочешь, тоже поделишься с нами, что вы так горячо обсуждали с хранителем знаний?»

«Ладно, договорились.»

Итак, нав не сам собой ушами прохлопал: воздействие имело место. Однако не целенаправленное! Для всех, кроме чужака — привычное, само собой разумеющееся. Закладывался ли тот, кто назначал место встречи, на особое свойство залы? Рассчитывал ли, что один из гостей об этом свойстве не знает? Маловероятно. Отпустило ли Ромигу ощущение подвоха? Увы, нет. Даром, что теперь, прилагая чуточку усилий, он легко слышал и различал речь по соседству. Здешние чары — довольно мягкие. Если бы Вильяра сразу предупредила...

Хранительница Вилья впервые так тесно общалась с Наритьярой Младшим, впервые смотрела ему в глаза. То есть, конечно, она видела хранителя Наритья на каждом собрании мудрых. И когда была ученицей у Старшего, Младшенький навещался в гости к их общему наставнику. Но даже присутствуя наяву и во плоти, рыжий всегда словно бы отсутствовал. Смотрел мимо, не заговаривал первым и не поддерживал чужих разговоров, старательно скрывал чувства. Зато сейчас — прорвало, и всегдашний тихоня, полуневидимка стал ярким, будто ночной пожар. Он желал жить: жадно и страстно. Он смертельно боялся, злился, изнывал от чувства вины. Он упрямо, отчаянно, уже на грани сил, противостоял усталости. Всё это для мудрой — как на ладони.

— Зачем ты звал нас, брат по служению?

Прикушенная губа, лихорадочный блеск глаз:

— Я знаю много, о мудрая Вильяра, слишком много для одного. Много даже для двоих. Я решил, кроме хранителя Нельмары, разделить своё знание с вами тоже. Будьте моими свидетелями перед лицом Совета, будьте моим голосом, если смерть свяжет мой язык.

Сказал-то он по обычаю, но прозвучало как-то слишком уж обречённо. Разве мудрому в расцвете сил не хватает дара, воли и внимания на великие песни? Или есть что-то ещё, кроме песен?

— Почему ты призвал именно нас троих, о мудрый Наритьяра? — уточнил Латира.

— Потому что именно вы не поддались Голкире узурпатору. Ты, Латира, облапошил его с присягой и ускользнул от него. Ты, Вильяра, встретила с ним лицом к лицу, но не согнулась и не сломалась. Воин из-за звёзд не только выстоял сам, но узурпатора убил. Это было необходимо, многие желали, некоторые пытались, но только он смог. Вы, трое, действуете сообща, и удача сопутствует вам.

Латира самодовольно улыбнулся. Вильяра глухо взрыкнула: приятно слушать лесть, особенно, когда в ней много правды, но расслабляться — не время и не место... Младшенький сам это подтвердил.

— Очень надеюсь, кто-нибудь из нас пятерых доживёт до большого Совета после завершения великих песен!

— Мудрый Наритьяра, скажи, а с чего ты решил, что кто-то из нас до Совета не доживёт? — Латира вслух спросил то, о чём Вильяра подумала. — Нам, конечно, тяжело ночью и днём петь великие песни. Мы все устали, но и напряжение ослабло. Или «качели смерти» чреватые внезапными выбросами на излёте?

— Нет, мудрый Латира, дело не в «качелях». Дело в тех, кто по доброй воле присягнул узурпатору и желает продолжить его дело. Тому, кого я знаю, не хватит мастерства на большую ловушку на изнанке сна. А вот ткнуть ножом в спину он может, — тяжёлый вздох. — Ладно, давайте-ка я расскажу всё с самого начала.

— От сотворения Голкья? — не удержалась от колкости Вильяра.

Рыжий поёжился: противоречивые чувства, подобно дикой стае, грызли и рвали его изнутри, откровенность давалась нелегко. Латира посмотрел на Вильяру с укоризной, мол, говорит — так не мешай ему!

Младший отрицательно качнул головой:

— Нет, не от сотворения Голкья. Всего лишь от моего посвящения и немного раньше.

То есть, я не знаю точно, когда Наритьяра Старший решил сделать всю Голкья угождями нашего клана, — рыжий осёкся, ожидая гневных слов, но мудрые лишь молча переглянулись. — Каждый из нас желает своему клану процветания, каждый заботится, в первую очередь о своих, и только потом — обо всех охотниках.

— Да, так учили нас, и так учим мы, — подтвердил Латира.

— Наставник... Он учил меня беречь только свой клан, совсем не думая о соседях. Мол, у них свои мудрые, пусть они заботятся. А ты, мол, слишком слаб и неопытен, чтобы держать в уме равновесие Голкья. Пока я ходил в учениках... Сколько раз мы пускали разрушительные бури в обход наших угодий! Даже не пытались усмирить и развеять их, хотя могли! Мне это не казалось правильным, но я повиновался наставнику. А Средний — он просто радовался буйству стихий. После того, как он едва не погиб, он совсем одичал. Иногда пил чужую боль, словно кровь добычи. Очень любил своими руками изгонять объявленных вне закона. Нарочно делал их смерть долгой и трудной. Играл с ними, как сытый зверь играет с побегайкой. Очень по-разному играл. Некоторых пожирал заживо и утверждал, что имеет право. А самых одарённых ввергал в некое подобие ритуала посвящения. Огонь, вода, лёд... А потом ещё круг — для тех, кто выдержал объятия стихий.

— И много у него было таких, кто выдержал? — озабочено нахмурясь, спросил Латира.

— Стурши и Макиша. Возможно, кто-то ещё, но я их не знаю. А эти двое выжили, присягнули Среднему, стали его левой и правой рукой. Он часто пенял им за своеволие и недостаточную силу, но оба были преданы ему, как домашние звери, и не слабее многих мудрых.

— Не удивительно! Если им хватило воли к жизни, дара и рассудка чтобы вынести упрощённый ритуал... Макиша и Стурши, ты говоришь?

— Да. Только Макиша пропала в начале осени и молчит, будто мёртвая. Скорее всего, наставник отправил её ко щурам, во льды. Я слышал, они несколько раз грозили друг другу смертью. А Стурши был на ярмарке, этой ночью я еле ушёл от него живым...

— Погоди, Наритьяра. Ты сказал: «Ко щурам, во льды». Что ты имел в виду? — перебила обоих Вильяра.

Рыжий сверкнул глазами:

— Думаю, то самое, что ты подумала! Ловушку, которую мой наставник давным-давно зачаровал для своих врагов, начиная с позапрошлого главы Совета! Ты тоже должна была там лежать. И мудрый Латира. Да и мы со Средним, когда наставник понял, что не удержит нас в своей воле. Но Средний был слишком силён, а я — я осторожный прошмыгин сын. Я всех пережил, кроме Стурши. Надеюсь, и его как-нибудь переживу... Этот недопосвящённый клялся уничтожить всех, кто застил ему Великое Солнце, кто помешал Светозарному Голкире взойти над миром! Он не смог последовать за мной в Пещеру Совета, но грозил мне, что всё равно меня достанет...

— Ты очень сильно его боишься, да? — прищурил глаза Латира.

— Боюсь! — с каким-то даже вызовом ответил Наритьяра. — Он уже раз подобрался ко мне вплотную. Если бы не захотел подслушать разговор, и сообщник случайно не выдал его... Я еле успел прибить сообщника и уйти от них изнанкой сна.

— Не из тупичка ли за торговыми рядами? — уточнил Латира.

— Вынюхал, старый хитрец? Да, о Вильяра мудрая, я совершенно зря подобрал на тракте ту незаконную пададь, которую ты там бросила. Ничего хорошего из этого не вышло!

— А зачем подобрал?

— Он прислал мне зов и попросил о помощи. Я не... В общем, не смог ему отказать.

— Ты, мудрый из Наритья, не смог отказать какому-то Скунда? После того, как однажды бросил его на смерть вместе с целым домом? — удивлённо переспросил Латира.

— Домом, где половина была — из твоих?! — вставила Вильяра.

Рыжий только поморщился:

— Этот беззаконник заслужил изгнание, свидетели — половина того самого дома, раз уж они выжили. Я не собирался сохранять ему жизнь. Но он пообещал рассказать мне, кто и как погубил Старшего и Среднего. Он попросил в обмен, чтобы я увёл его с тракта на Ярмарку, мне это было не сложно. Если у тебя, Вильяра, были на него какие-то виды, а не просто заморозить, зря ты его не пометила несмываемым алым! Меченого я бы не тронул.

Вильяра хотела сказать, что не носит с собой краску из ракушек, а на колдовскую метку пожалела времени и сил. Да и вообще, она собиралась скоро вернуться за пленником, а Нимрин был рядом в засаде... Но зачем лишний раз объясняться и оправдываться, когда ход беседы позволяет без этого обойтись?

— Он хоть рассказал тебе, что обещал? — спросила она Наритьяру.

— Кое-что. Как Средний грозил вколотить Старшего в его же собственную ловчую яму и досыта накормить льдом. Мол, если у старого хрыча не хватило сил на ярмарочного шута и юную недоучку... Простите, мудрые, это не мои слова... Он говорил, у Великого Голкиры хватит сил на всех, включая престарелого наставника. Да погребён тот будет с великим почётом, тысячу лет ни один зверь не дороеся!

— То есть, твой беззаконник слышал, как Старший и Средний бранились между собой? Скажи, а в чём была суть их разногласий?

— Долгие зимы и лета Старший делал всё, чтобы усилить наш клан и ослабить все прочие. Хитростью он изводил опытных мудрых, а потом сам брался учить на их место новых. Хозяйничал то в одних угожьях, то в других, а учил кое-как. Вновь посвящённые мудрые часто гибли, а с ними — охотники их кланов, целые дома. Наставник многого достиг: за восемьдесят лет угожья Наритья выросли вдвое, а сам клан — вчетверо. Да и там, где мы постоянно не живём... Архане в их собственных угожьях уже не смеют взгляда поднять и слова сказать против наших купцов. Нари Голкья — прости меня, Вильяра — была уготована та же участь. Дом углежогов у Синего фиорда Старший и Средний нарочно выморили и заселили вновь всякой беззаконной поганью...

— Ты готов свидетельствовать, что дом выморили?! — сжав кулаки, прорычала Вильяра.

Наритьяра даже отшатнулся от нее, но продолжил говорить негромко и ровно, по старой привычке пряча взгляд:

— Я слышал, как они обсуждают замысел, и готов рассказать об этом. А ещё мне очень не нравилось, что делали в доме Поджи с женщинами из Вилья. Я рад, что знахарке удалось бежать. Я многое могу рассказать о браке обеих твоих родственниц...

— Не надо, — остановил его Латира и, глянув на кипящую гневом Вильяру, строго уточнил. — Не сейчас! А вот о поветрии — давай-ка подробно. Старший и Средний хотели выморить один дом — или пустить мор по всей Голкья?

— Великого мора не должно было случиться. Глухой зимой охотники мало путешествуют, а та зараза не живёт на холоде, только в живом теле. Но сколько-то домов могло опустеть, на это они надеялись. Дома вдоль трактов. Те, что стоят достаточно близко друг к другу, чтобы заразившийся успел добраться от одного до другого. Только после того,

как поветрие начало бы убивать по всей Нарии Голкья, мудрые Наритья принесли бы лекарство.

— Откуда? Я точно знаю: когда моя мать заразилась, в том мире не умели лечить болезнь!

Латира кивнул, подтверждая: собственно, от него Вильяра и знала... Младший говорил теперь совсем тихо и очень-очень виновато.

— Наритьяра Средний занёс ту заразу в несколько миров. В одном из них целители были так искусны, что спасли даже самых первых заболевших. Лекарство оттуда помогает и охотникам тоже. Мы проверяли, на осуждённых к изгнанию Наритья. Если начать есть те белые шарики, едва залихорадило, то лихорадкой всё и заканчивается. Никто не умирает, выкашливая лёгкие. Прости Вильяра, я видел, как это бывает, и переболел сам, — быстрый, опасливый взгляд на собеседников, и снова глаза в пол. — Да, к посвящённым зараза тоже цепляется. Дать мне лекарство Средний отказался, сказал, что мудрый должен исцелить себя сам. Я справился. Старший был этим рад, Средний — не очень.

— За что они тебя так? — поднял брови Латира.

— За непокорство. Тогда я ещё дерзал с ними спорить или молча поступал по-своему. Позже Средний силой заставил меня присягнуть на полное повиновение, и я не устоял, — даже просто вспоминая об этом, Младший взмок и затрясся.

— А скажи-ка, Наритьяра, что у вас была за затея с вечным летом и Солнечным посвящением? — сменил тему Латира.

— Не у нас — только у Среднего. Старший счёл затею опасным бредом, на этом они и стали врагами. Хранитель знаний Нельмара кое-что рассказал Среднему про орбиты светил, и как мудрые в древние времена пытались подправить путь Голкья вокруг Солнца. Чтобы наш мир стал немного теплее. Именно тогда вместо Камней-одиночек на Голкья начали зачаровывать круги, и мудрых посвящали гораздо больше, чем было кланов. Однако, видимо, старейшие что-то напутали в расчётах. Лето становилось всё жарче, но короче, а зима — холоднее и длиннее. С величайшим трудом тогда остановили перемены к худшему и всем Советом порешили оставить, как есть. Только Средний считал себя умнее всех! Он уверил самого себя и некоторых глупцов, что мудрым попросту не достало силы, а вовсе не знаний и точности расчёта. Известно, что Зачарованные Камни могут давать в сотни раз больше, чем мы берём. Но если посвятить каждого второго-третьего одарённого, чтобы воспользоваться всей этой силой, наши кланы попросту вымрут. Средний искал, как обойтись без отсечения родовой ветви, и кое-что придумал...

Слушая описание извращённого, живоедского ритуала, Вильяра чувствовала, как у неё без ветра шевелятся волосы. Латира сжал губы и гневно сверкал глазами из-под нахмуренных бровей. Но мудрые изо всех сил сдерживались. Слушали молча, не прерывая откровенную речь брата по служению. А Наритьяра всё говорил и говорил, торопливо, будто в последний раз. Собеседников он опасался всё меньше, но от застарелого, ввевшегося в кости страха, от привычки молчать, против которой он шёл, как против ветра, его корёжило и воротило.

— Да, Старший Наритьяра признал, и хранитель знаний Нельмара подтверждает, что такой ритуал может быть действенным. Но испытать его на ком-то живом Средний, кажется, не успел. Не пошёл в открытую против строжайшего запрета наставника. Старший рассуждал, что неодарённые — воистину, сор среди охотников, но если принести их в жертву, такая потеря тоже ударит по кланам слишком сильно, а главное, расколется даже

Наритья. Средний долго не решался на последний шаг. Исполдволь он готовил, воспитывал своих избранных живоедов. Лишь когда в угодьях Вилья всё задуманное Старшим пошло кувырком, когда наставник дал явную слабину, вот тогда Средний рискнул и выступил.

— А что было задумано-то? Расскажи?

— Дни, когда всё решалось, я провёл в угодьях Наритья. Старший и Средний совещались здесь без меня, потому я не постиг все тонкости их замыслов и расстановку предстоящей большой охоты. Старший желал так или иначе погубить тебя, Вильяра, а в твоих угодьях учинить большую усобицу и буйство стихий. Тебя, Латира, он собирался не просто убить, а посмертно выставить зачинщиком всех беззаконий. Бродячие архане и отщепенцы из Наритья, по замыслу Старшего, должны были погромить дома вдоль тракта и скоро сгнать. В действительность их клятв наставник не то, чтобы не верил, но мёртвые грабители, убийцы и живоеды молчат надёжнее заклятых. Старший навёл бы здесь порядок на правах недавнего временного хранителя Вилья. Навёл быстро и сурово, а потом взялся бы учить нового Вильяру. И на два-три года клан Вилья — в полном его распоряжении. Купцы Наритья снова хозяйничали бы здесь, а может, уже и поселенцы потянулись бы на родину предков. Нари Голкья — жирная добыча!

Вильяра не выдержала, ругнулась шурами. Нимрин, даром, что чужак, угадал всё в точности! Глянула в сторону воина — хранитель знаний рассказывал ему про Камни, показывал их на всей Голкья, заодно уговаривал спеть за мудрых. А самого-то Нельмару в круг пускать уже боязно, да и Наритьяру, хотя он моложе и целее. Оба не только пели в свой черёд, но постоянно вели и направляли остальных поющих. Вот как ни зла была мудрая на Наритьяра, а на рыжего сейчас злиться не могла: слишком напомнил он вдруг и видом, и повадкой несчастную дурочку Мули. Вот как такая одарённая колдунья не учуяла стрелка в скалах? Но вспомнив племянницу, Вильяра всё-таки разозлилась и мрачно спросила:

— Мудрый Наритьяра, ты говоришь, тебя здесь не было, и ты ничего толком не знал. А кто мешал мне петь великую песнь против «проклятья пурги»? Не ты ли?

Отпираться он не стал:

— Я. Увы, тогда Средний уже призвал меня, и я... В общем, я не смог ему не подчиниться... «Проклятье пурги» было ещё задумкой Старшего, с расчётом свалить запрещённую ворожбу на Латиру. Только когда Средний запел «проклятье», Старшего-то, скорее всего, уже не было в живых. А потом Средний начал раскачивать «качели смерти» и объяснил мне, что я должен делать, чтобы Голкья не погибла раньше времени. Пел он только сам, но ему нужен был напарник, который постоянно слушал бы стихии и направлял его усилия. Он очень подробно рассказал мне, как работает заклятье. Впервые в жизни я услышал от него, что я чуткий, внимательный и умный. После него, несравненного — лучший ученик нашего наставника. Мол, потому он и выбрал в помощь меня, а не кого-то другого. Луну назад я свой левый глаз отдал бы за такую похвалу, а тут уже — правый, лишь бы её не слышать. Я в последний раз попытался его отговорить, умолял не раскачивать Голкья, но он решил непреклонно. Он готов был убить меня на месте и петь один, с опасностью скоро сорвать заклятье, сгореть самому и сжечь мир в неистовом свете... Он же, правда, считал себя потерянным во младенчестве сыном Солнца и Луны! Говорил, что приёмные родители нашли его в снегах у тракта, завёрнутым в удивительную шкуру, цвета золота...

— Была такая история, — угрюмо подтвердил Латира. — Я даже знаю, кто умел так красить шкуры, и можно было по горячим следам разыскать, чей младенец. Дом, откуда

выбросили в снега новорождённого, есть заведомое логово беззакония. Даже если родителям ребёнка явилось некое ужасное пророчество, они должны были предъявить дитя мудрым и огласить слово. Но Наритьяра Старший не стал доискиваться. Сказал, раз другие охотники успели подобрать младенца живым-здоровым и приняли, как родного сына, то и ладно.

— Правильно его выбросили, и лучше бы не подбирали! — рыкнула Вильяра, сама ужаснувшись беззаконию своих слов.

— Кто знал тогда, что из малыша вырастет такая погань, — тяжело вздохнул Латира. — Даже если было пророчество, иногда они не сбываются, или их неверно толкуют... Ладно! Теперь-то уже всё равно: вырос, натворил поганых дел, по делам — сгинул.

Наритьяра устало потёр глаза. Он немного успокоился, убедившись, что Вильяра с Латирой не собираются рвать его на месте, и утомление брало своё.

— Брат по служению, желаешь ли ты рассказать нам ещё что-то о Старшем и Среднем? Или о чём-то другом?

— Я не знаю, о мудрые... Стихии поют, заглушают и путают мысли в моей голове, — рыжий шало улыбнулся, глядя сквозь собеседников, помолчал, вздохнул. — Всё хорошо пока! Ещё несколько деньков, и Голкья уснёт спокойным зимним сном... Довести бы, а дальше — хоть к шурам, в изгнание! — вот на последних словах он слукавил, не хотел рыжий к шурам, жить он хотел, отчаянно, до тоски. — Мудрый Латира, ты лучше сам спроси, что желаешь узнать, или я бы ещё немного поспал.

— Спрошу. Только давай присядем, что ли? А то всё топчемся и топчемся, будто на морозе...

Мороза в чёрной пещере не бывает, а шкуры — мягкие и тёплые. Древние заклятия Залы Совета действуют сейчас на Вильяру сродни песни умиротворения. А кроме душевного спокойствия, они возвращают телу — бодрость, уму — ясность и остроту. Понятно, почему двое мудрых поселились на время великих песен именно здесь. И как же Младший изнурил себя, если его то трясёт, то ведёт, несмотря на все местные чары!

Вопросы Латире к нему просты и коротки: старый нудно уточняет, кто где стоял, и что кому говорил в тупичке за торговыми рядами. Проверяет Младшего, как и собирался. Вильяра слушает обоих, но не особо внимательно: наслаждается мгновениями покоя и наблюдает со стороны за Нимрином и Нельмарой. А Латира, между прочим, с подробностей об украденном пленнике свернул на недопосвящённого Стурши. Вот это уже гораздо любопытнее... Даже не то слово — любопытнее! Если вдуматься, что по Голкья бродит могущественный и до крайности злой — в том числе, на неё, Вильяру — незаконный колдун! Мули он просто подвёл под стрелу мстителя. Младшего попытался зарезать лично...

На первый взгляд, дурацкая затея. Если у мудрого достаточно колдовской силы, чтобы обратиться снежным вихрем — а у Младшего сила была в избытке — никакая телесная рана мудрому не страшна. Лишь вместе с особой ворожбой, которой саму Вильяру наставник, между прочим, не научил. А вот беззаконники из дома у фиорда умели сбивать превращение «летучей песни», это она на себе испытала! Так что, возможно, затея Стурши могла удалиться. Да и Нимрин как-то зарубил и сжёг Среднего на выходе из круга... Нет, правда, очень неприятно думать о своей уязвимости даже в полноте силы! А если сила поистрачена, то убить мудрого немногим сложнее, чем любого охотника...

Размышления прервал вопрос Нельмары о неприбранных мертвецах и зверях на тракте. Вильяра ответила резко, может, даже слишком. Но охотниками своего клана она, правда, без

нужды рисковать не желала. Все дома на Нари Голкья, и даже Ярмарочное поселение, замкнулись в себе до полного усмирения стихий. Кто не обрёл какого-никакого убежища и бродит сейчас по трактам, тот, скорее всего, беззаконник. Ну и пусть двуногие дикие стаи делят снега с четвероногими, а зима их судит!

Нимрин послал Вильяре зов, как заправский купец, не переставая болтать вслух с другим собеседником: «Мудрая Вильяра, я почему-то вообще не расслышал, о чём вы здесь втроём говорили. У вас с Латирой всё в порядке?»

В порядке ли? Ну, если не считать, что Младший тоже не представляет, где и как искать поганца Стурши, а хорошо бы им всё-таки поймать его первыми. И что называя «глупцов, добровольно разделивших со Средним его солнечное безумие», Наритьяра дважды удивил её именами старейших... И не только мало искушённую Вильяру он этим неприятно удивил, но знавшего обоих Латиру!

Вопрос-то — не о том. Мудрая поспешила успокоить чужака, который впервые испытал на себе чары Залы Совета и заподозрил тут какой-то подвох. Может не беспокоиться: с ними всеми, здесь и сейчас, всё в порядке. А что будет дальше — отдельная забота, отдельный разговор.

— Нельмара, слушай, может, ты знаешь, какая метель выдула ум старейшим Ркайре и Тринаре? — Латира, наконец, оставил в покое засыпающего Наритьяру и обратился к хранителю знаний. — Поверить не могу, что двух старейших увлѣк бред опасного безумца!

Хранитель знаний оставил глубоко задумавшегося Нимрина наедине с образом Голкья, а сам со стоном опустил на табуретку.

— Великий... Тьфу, Наритьяра Средний... Тогда ещё он по-хорошему пытался убедить меня в своей правоте... Он уверял, что на этот раз поправки для великой ворожбы вычислят безупречно. Мол, двое старейших давно уже сновидят мир, обитатели которого знают всё о путях светил в пустоте. Ркайра и Тринара едины разумом с двумя особо знающими из того мира, и те независимо друг от друга проверили и перепроверили расчёты. Только для чужих знающих то была любопытная головоломка, игра ума и вызов мастерству, а для нас — жизнь и смерть. Возможно, Ркайра и Тринара тоже не вполне сознают цену, которую Средний готов был заплатить за быстрые, а не за многотысячелетние, как они предлагали, перемены...

— Многотысячелетние, говоришь? И дважды перепроверенные расчёты от знающих из другого мира? А ведь так, правда, может получиться что-то хорошее, — блеснул глазами Латира. — Только кто теперь в своём уме за это дело возьмётся — после беззаконной погани!

— Если не спешить и сперва навести порядок в Совете, то можно и взяться, — спокойно возразил Нельмара. — Думаю, старейшие всё-таки не выжили из ума и будут нам подмогой, а не заботой. А вот недоучки, которым безумец наобещал большое солнышко завтра, а они поверили... Но их тоже легче укоротить, если объяснить, что затея была, в целом, правильная. Нужно только ещё раз хорошенько всё перепроверить и набраться терпения.

Нимрин присел на шкуры рядом с Вильярой. Легко коснулся руки, шепнул на ухо:

— Какое удивительное место эта ваша Пещера Совета! Не ожидал я встретить на Голкья такую тонкую, сложную и красивую ворожбу. Удивительно, что вы, мудрые, столько знаете

и умеете, а охотники живут так трудно, бедно и просто.

Вроде, сказал без укоризны, но Вильяра тяжело вздохнула, вспомнив долгие зимние споры с тогда ещё женихом — Лембой. Знахаркина дочь не предполагала, что став мудрой, примется излагать чужаку то, что вдвоём они перемалывали тогда в жерновах споров и дум.

— Голкья питает всех одарённых колдовской силой, питает с избытком. Но лишь в этом она к нам щедра. В нашем мире мало тепла, значит, мало еды, значит, двуногих тоже мало, и никогда не станет больше. Многие из нас видели во сне миры, где разумные кишат, словно кричавки на зимовке, где жилые дома занимают всю сушу, громоздятся на сотни ярусов к небу. Где мастера создают удивительные и прекрасные вещи просто ради забавы. Где иные творения чьих-то умелых рук служат своим создателям, а иные живут рядом с ними как бы собственной жизнью, порождая новые, подобные и не подобные. У нас такого просто не может быть. Наша жизнь — всегда на изломе льда. Радость охоты и малый достаток, который добывается тяжёлым трудом. Мудрые, как могут, хранят равновесие. Предупреждают или сдерживают самое разрушительное буйство стихий. Следят, чтобы морские течения поровну делили тепло между обитаемыми голкья. Судят усобицы кланов. Заботятся, чтобы у всех разумных были кров и пища, чтобы никто не жирел незаконно, заставляя других голодать, — Вильяра резко оборвала речь, оказавшись на перекрестье усмешливых взглядов Латиры и Нельмары. — Да, получается у нас не всегда!

— Но что бывает, когда хотят всего и сразу, нам только что показал Средний. С большим размахом! — подытожил Латира.

Нимрин с непонятной улыбкой откинулся назад и разлёгся на шкурах, потягиваясь всеми конечностями, как зверь на свежем снегу. Ловко перекатился и снова сел: ближе к Нельмаре.

— Мудрый, ты можешь посчитать это за мой второй вопрос. Но почему ты не попросишь Вильяру подлечить тебя? Даже я чувствую, как у тебя болит всё отбитое.

— За второй вопрос я не посчитаю, но отвечу, чтобы другие больше не спрашивали. Я мог бы исцелиться сам, но не желаю. Это моё наказание за слепоту и самонадеянность, за пособничество незаконнику... Да, Латира! Как только всё это закончится, я откажусь возглавлять Совет даже временно. Должны быть глава и хранитель знаний — двое. Ты меня услышал?

— Услышал, услышал. А давай-ка, хранитель знаний, ты продолжишь наказывать себя, когда мы благополучно завершим Великие песни? Я понимаю, что тебя сломали об колено. Я сам такой. Но давай, всё-таки выпрямляйся! Уж если ярмарочный круг исцелил свои щербины, тебе не пристало ходить кривым да хромым!

Говорили вслух, но Вильяра вдруг перестала понимать, о чём они, почувствовала себя маленькой и глупой. А Нельмара с тяжким кряхтением встал с табуретки и похромал, переваливаясь, куда-то в сторону. Встал и запел «летучую»... Дымка на миг окутала его фигуру, дохнуло ворожкой и холодом... Вернулся, уверенно и упруго шагая, тот хранитель знаний, которого Вильяра привыкла видеть: старый, но крепкий и бодрый.

Нимрин пялился на преображение Нельмары во все глаза. Кажется, воин не просто был озадачен увиденным, а слегка испугался.

— Мудрый, скажи, любой из вас так может?

Нельмара не ответил сразу, а Латира переспросил с дружелюбной усмешкой:

— Хочешь сказать, ты не знал этого, когда шёл на Среднего?

Латира верно уловил суть замешательства. Чужак ответил не слишком-то добрым

взглядом исподлобья и улыбкой-оскалом.

— Не знал. Но Среднему это не помогло.

— На наше общее счастье, Иули! — рассмеялся Латира. — И мы даже не собираемся выпрашивать твои воинские секреты. Правда, Нельмара?

— Правда, — подтвердил хранитель знаний, усаживаясь обратно на свою табуретку. — Пока моя очередь отвечать на вопросы, Нимрин.

— Тогда вот тебе мой второй вопрос, Нельмара. Всегда ли мудрый может так легко и быстро исцелить себя, как сейчас — ты?

— Отвечу: не всегда. Только когда мудрый полон колдовской силы, и превращению ничто не мешает. Это не тайна, это знает любой охотник.

— А что может помешать превращению? Ты обещал исчерпывающие ответы.

— Обещал, обещал, не отказываюсь...

Продолжение Вильяра упустила: ей стало разом не до того, чтобы выслушивать давно известное. И даже не до того, чтобы наблюдать, как слушает Нимрин.

— Нельмара, погоди! — остановила она хранителя знаний. — Я знаю, где сейчас Стурши, Пурна прислал мне зов!

Ромига чувствовал себя удачливым дурнем. Ощущение-то не новое, хорошо знакомое, но на Голкья с такой силой — в первый раз. Избрать единственно верную тактику, не зная о противнике настолько важных вещей, как способность к мгновенному самоисцелению? Однако «навским арканом» Ромига лишил врага этой способности, а дальше — ничего сложного. Как всегда, как обычно: низкий поклон наставникам!

Нав старательно формулировал вопросы, что ещё он хочет узнать о местной магии, прикидывал, что важнее, и в какой очерёдности спрашивать...

— Нельмара, погоди! — Вильяра внезапно встопорщила гриву шаром, голос сорвался на рычание. — Я знаю, где сейчас Стурши, Пурна прислал мне зов! Идём выковыривать эту занозу, или будем дальше языки морозить?

— Где? — первым переспросил Латира.

— В снежных норах! Спит в одном из отнорков!

Нельмара задумчиво поскрёб за ухом:

— Лучше бы эту ядовитую занозу вытащить. Но мы с Наритьярой ловить его сейчас не пойдём. И тебе, о мудрая Вильяра, пора собираться в круг.

— Это так, но я...

— Никаких «но», малая! — строго сказал Латира. — Я хранитель ярмарочного поселения. Беззаконник в снежных норах — моё дело! И если воин из-за звёзд согласится...

— Я соглашусь, — мерзавца, который подставил Мули, Ромига искренне желал изловить и побеседовать с ним по душам. А не выйдет изловить, так просто убить. Хотя, почему бы вдруг не вышло?

— Значит, пойдём с тобой мы вдвоём, Иули, — подытожил Латира. — Живьём ловить не будем, слишком юркая и кусачая дичь. Такого нужно бить сразу и насмерть, как Среднего. Как ты умеешь. Я подстрахую.

Прежде Ромига не замечал за стариком особой кровожадности, даже удивился. Решил про себя, что если увидит возможность безопасно упаковать эту погань... Сказал, обращаясь ко всем присутствующим:

— За голову Стурши — ответ на мой вопрос, как за песню в круге. А если я возьму его живым, то вы, о мудрые, оставите нас наедине и не будете вмешиваться, что бы я с ним ни делал. Договорились?

— Ты хочешь спеть над ним Песнь Познания? — спросила Вильяра.

— Вроде того, — улыбнулся нав её догадливости.

Мудрая подмигнула и сладко облизнулась:

— Я, как хранительница Вилья, передаю тебе, воин Нимрин, право скорого суда над беззаконником Стурши. Хоть режь его, хоть...

Латира глянул на обоих с некоторым осуждением. Перебил Вильяру:

— Ладно, Иули, если ты так решил, если ты берёшься его скрутить, я помогу тебе удержать этого скользкого подкаменника.

— Воин Нимрин, ты расскажешь, если выведаешь у него что-то новое об изысканиях Среднего? — кто о чём, хранитель знаний — о своём. Впрочем, любопытство Нельмары Ромига вполне понимал.

— Расскажу, чтобы разобраться, что именно я узнал. Но прежде, чем делить добытую

шкурку, покажи-ка нам, Нельмара, где эти снежные норы?

Тут же выяснилось, что местное «Всевидящее Око» не такое уж всевидящее. Мудрые, создавая иллюзорную Голкья, заложили туда ограничение, которое не позволяет заглядывать внутрь обитаемых жилищ. Похвальная деликатность, но в данный момент — удивительно некстати! Осталось полюбоваться снаружи на большую, прямоугольную, очевидно, рукотворную гору снега. Хорошенько запомнить все подходы, входы и выходы. Собственно, входов-выходов — небольших арочных проёмов — было всего два. У одного из них сидел, облокотившись на стену, Пурна. Было ему явно худо. Переживёт ли охотник ночь, или болезнь догрызла уже до последнего края, и утро он встретит трупом?

Латира, глянув на Пурну, вздохнул и сказал:

— Иули, если мы идём, то идём сейчас. С другого входа. Пурна говорит, там сквозной коридор. С «нашей» стороны — двенадцатый отнорок слева.

— Идём. Веди. Будем рядом, я уточню, там ли Стурши. Две шерстины для поиска у нас есть.

После тепла пещеры мороз перехватил горло. Ромига осмотрелся в очередном снежном закоулке, мельком порадовался, что здесь хотя бы не загажено. Латира, первым делом, прикрыл себя и нава от чужих взглядов, и они пошли: Ромига впереди как главная боевая сила.

Вокруг — никого, и даже голосов не слышно. Время к полуночи. В безлунном небе тревожно перемигиваются звёзды. Ветра нет, но стыло и промозгло. Не удивительно, что обитатели ярмарки попрятались, кто куда смог. Нав их понимал! Однако ёжился он не от холода, а от пристального, неотступного чужого взгляда... Естественно: Нельмара с Вильярой как бы насквозь не проглядели ту красивую иллюзию Голкья! «Латира, ты чувствуешь вокруг нас какие-нибудь чары?»

«Заклятие для ветров, чтобы не таскать снег вручную. На нас с тобой никто не ворожит, если ты об этом».

Ярдов тридцать до входа в норы: снежные стены вдоль тропы поднялись выше навского роста, загородив обзор. Скрежет коготков по насту — Ромига вскинул голову, выглядывая источник — в снежную траншею ссыпался мелкий зверёк, именуемый прошмыгой, метнулся под ноги, возмущённо пискнул, развернулся и дунул в сторону нор. Ромига лишь выругался по-навски: тварь была слишком похожа на белку, чтобы прибить её влёт.

«Тьфу, погань! Воровать пошла, пока все спят!» — прокомментировал Латира. — «Сейчас разведает, а потом вернётся со всем выводком. Надеюсь, хоть кладовые у арханских недотёп зачарованы!»

«Это не наша с тобой печаль, старый!»

«Моя, отчасти.»

«Но не сейчас.»

У самого входа Ромига добыл из запаса и поджёт одну драгоценную серую шерстинку. Убедился, что обронивший её объект на месте: мирно спит в снежной пещерке, из кулька шкур лишь приметная макушка торчит. Нав спрятал последний волосок и нырнул под арку. Обрадовался, что сводчатый коридор за низким входом — нормальной высоты, как во всех жилых пещерах охотников. В нише над входом ярко и без копоты горела плочка с жиром: вероятно, для светлячков здесь было слишком холодно. Из-за живого огня и белых, искрящихся стен место выглядело неожиданно чистым и нарядным. Кто-то даже пустил над

аркой гирлянду незамысловатой резьбы...

Сторожким шагом — по коридору: считая боковые отнорки, которые шли часто, как комнаты в общежитии или номера в дешёвой гостинице. Судя по разноголосому храпу со всех сторон, место не пустовало, а его обитатели дрыхли сном праведников. На всякий случай Латира держал над собой и напарником «морозную дымку».

А вот и нужный отнорок! Нав ненавязчиво, чтоб не спугнуть, просканировал пространство — уловил и узнал ауру. Дичь на месте, всё по плану. Знаком показал Латире ждать в коридоре: войти одновременно им не позволял узкий, для сбережения тепла, лаз. Ромига приготовил «навский аркан» и оглушающее заклятье, опробованное на Пурне. Скользнул в логово Стурши, будто змея в птичье гнездо...

Внутри всё было в точности, как Ромига увидел, когда запускал генетический поиск. Кокон шкур, серая макушка. Всего-то миг нужен, чтобы освободить подвешенные заклятья, но тут что-то живое, мелкое с писком свалилось Ромиге на голову, пробежало по спине, по ногам — и в коридор. Вот же татский прошмыга! Нет, гарка не упустил заклятья и ударил, куда метил (не на белку же отвлекаться!), но вероятно, зверёк потревожил спящего — удар пришёлся в пустоту. Шкуры, под которыми мгновением раньше не стало живого тела, медленно проседали под собственной тяжестью.

Уже не спеша и не таясь, Ромига просканировал комнату: никого. Ловушек тоже, вроде, нет. Подошёл, в сердцах пнул пустой свёрток. «Латира, он ушёл изнанкой сна. Шустрый, как Вильяра. Я не успел...»

Среагировать на удар из ниоткуда нав тоже не успел, лишь почувствовал, как под лопатку с мерзким хрустом входит клинок... Застрял в рёбрах и сломался... Тьма-прародительница, обсидиановый!

Вспышка боли почти погасила сознание. Магическая энергия утекала из тела, как вода из разбитой чашки. Ромига всё-таки крутанулся на месте, вlepил «эльфийскую стрелу» наугад, но там, откуда атаковали, уже никого не было. Он страшно зарычал, оседая на пол:

— Латира, опасность!

Кое-как пересилил дурноту и попробовал позвать: «Вильяра, меня ранили. Обсидиан ядовит для меня. Убери осколки, иссеки омертвелые ткани. Иначе не выживу».

Но вместо ответа мудрых Ромига услышал лишь издевательский смешок и то ли вслух, то ли безмолвной речью произнесённое: «Сдохни, оборотень! Да взойдёт над Голкья Великое Солнце!»

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Персонажи «Из-под снега»: действующие и упоминаемые, по именам. Стараюсь не спойлерить, поэтому не ищите тут полных биографий.

Навы:

Ромига — главный герой цикла. Среди сородичей известен был длиной шила и способностью влипать в приключения. **Нимрин**, букв. Уголёк — прозвище Ромиги среди охотников Голкья.

Иули, букв. Тёмный — прозвище некого нава, жившего на Голкья задолго до появления там Ромиги. Известно, что **Иули** дружил с мудрым **Латирой**. Ромига тоже откликается на прозвище **Иули**, хотя предпочитает, чтобы его называли **Нимрином**.

Вельга — нав, без вести пропавший друг **Анги**, «болотного чёрта». Упоминается.

Анга — нав, товарищ Ромиги по арнату и поисковым экспедициям, «болотный чёрт». Действует в «Истории с фотографией», в «Из-под снега» только упоминается.

Дом Лембы:

Лемба — мастер, кузнец, глава дома Кузнеца в клане Вилья.

Тунья — старшая жена Лембы, дочь **Рамуи**, главы дома **Рамуи**. Распорядительница («правая рука» Лембы).

Зуни — старый охотник, дед Лембы и **Дюрана**. Был главой дома Кузнеца, передал дом отцу Лембы. Поныне здравствует, пользуется в доме большим авторитетом («левая рука» Лембы).

Вяхи — старшая из четырёх дочерей **Туньи** и **Лембы**.

Аю — младшая жена Лембы.

Дюран — кузен Лембы (сын брата его отца). Убит беззаконниками на тракте, вместе со всем обозом.

Рыньи — подросток, ухаживает за скотом в доме Кузнеца. В перспективе — подмастерье кузнеца. Племянник **Туньи**, внук **Рамуи**, главы одноимённого дома.

Дини — девочка-подросток из дома Кузнеца, поварёнок на кухне.

Насью — девочка-подросток из дома Кузнеца, поварёнок на кухне.

Жуна — девочка-подросток из дома Кузнеца, племянница **Лембы** (дочь одной из его сестёр).

Ньями — девочка-подросток из дома Кузнеца.

Зарлис — одноногий дозорный в доме Кузнеца. Звездочёт. Убит на посту беззаконниками.

Нтари — охотница из дома Кузнеца. Тяжело ранена во время неудачного спасательного рейда.

Ио — охотник из дома Кузнеца. Тяжело ранен во время неудачного спасательного рейда.

Лайса — охотник из дома Кузнеца. Тяжело ранен во время неудачного спасательного рейда.

Мыни — пожилой охотник из дома Кузнеца, пасёт скот.

Нгле — пожилой охотник из дома Кузнеца, занимается заготовкой дров.

Вули — охотник из дома Кузнеца, подмастерье Лембы.

Вурран — охотник из дома Кузнеца, подмастерье Лембы.

Грисма — охотник из дома Кузнеца, старший подмастерье Лембы (после Дюрана).

Угна — охотница из дома Кузнеца.

Мудрые:

Голкира — глава Совета Мудрых. В данный момент числится пропавшим без вести.

Нельмара — мудрый, хранитель знаний, в отсутствие Голкиры — временный глава Совета мудрых. Среди ныне живущих мудрых — один из самых старых. Клан Нельма на Марахи Голкья ныне не существует, слился с кланом Наритья.

Вильяра — мудрая клана Вилья (на Нариголкья), до посвящения — Яли, дочь Уюни (знахарки) и Круны (главы дома Углежогов у Синего фиорда). Молода, училась у Наритьяры Старшего.

Вильяра (старый, упоминается) — мудрый клана Вилья (на Нариголкья), друг Латиры.

Латира — мудрый ныне не существующего клана Лати (остров Лати Голкья разрушен катастрофическим извержением вулкана). В кругу старейших. Некоторое время был хранителем вольного ярмарочного поселения в угодьях Вилья.

Рунира — мудрый клана Руни, ближайших соседей Вилья (на Нариголкья).

Стира — мудрый клана Сти, ближайших соседей Вилья (на Нариголкья).

Ашмира — мудрый клана Ашми (на Нариголкья)

Наритьяра Старший — мудрый клана Наритья (на Марахи Голкья). В кругу старейших, отошёл от дел клана. Учитель Вильяры, Среднего и Младшего Наритьяра, многих других молодых мудрых.

Наритьяра Средний — мудрый клана Наритья (на Марахи Голкья), самый молодой в кругу старейших.

Наритьяра Младший — мудрый клана Наритья (на Марахи Голкья), в данный момент — основной хранитель клана.

Рийра — мудрый клана Рийи (на Арха Голкья). Из-за природных катаклизмов в своих угодьях потерял несколько домов и очень многих охотников.

Скундара — мудрый клана Скунда (на Арха Голкья). Молод.

Тхира — мудрый клана Тхи (на Арха Голкья). Молод.

Мьонкара — мудрый клана Мьонка (на Арха Голкья). Молод.

Ульдара — мудрая клана Ульда (на Арха Голкья). Из среднего поколения мудрых.

Альдира — мудрый клана Альди (на Арха Голкья и прилегающих мелких островах). Былой друг и старший соученик Латиры. В его клан влились большинство Лати, бежавших с родного острова, когда там началось разрушительное извержение.

Аргира — мудрый клана Арги (на островах). Очень молод.

Ркайра — мудрый из круга старейших (клан Ркайи на Марахи Голкья ныне не существует, слился с Наритья). Сновидец. Связан с неким учёным из другого мира, который рассчитал изменение орбиты Голкья для смягчения климата.

Тринара — мудрый из круга старейших (клан Трина на Марахи Голкья ныне не существует, слился с Наритья, частично — с их соседями Джуни). Сновидец. Связан с неким

учёным из другого мира, который рассчитал изменение орбиты Голкья для смягчения климата.

Тмисанара — мудрый из круга старейших, то ли покинул Голкья, то ли погиб. Учитель Альдиры и Латиры. Большой клан Тмисана на Арха Голкья и прилежащих островах давно не существует, распался на несколько более мелких, в том числе Лати и Альди.

Скьяра, Шункура, Гилмира и Тнара — мудрые с разных континентов, упомянуты вскользь. Вместе с Альдирой они завершили череду Великих песен.

«Бездомный дом, неведомый клан»

Вильгрин — купец из клана Наритья, сын купца и главы дома Поджи от знахарки Уюни. Один из вожаков беззаконников, самый преданный последователь Великого Безымянного.

Даруна — двоюродная сестра Вильяры (дочь Поджи от повитухи, сестры Уюни). Единокровная сестра, помощница и наследница Вильгринина. Знахарка.

Нгуна — двоюродная сестра Вильяры (дочь Поджи от повитухи, сестры Уюни). Единокровная сестра, помощница и наследница Вильгринина. Знахарка. Безъязыкая.

Мули — старшая, любимая дочь Вильгринина. Воительница. Ученица и наложница Наритьяры Среднего. Сильнейший дар, в том числе — целительский, но при этом у девушки «не все дома».

Чунк — беженец с Арха Голкья, один из вожаков беззаконников.

Арайя — беженец с Арха Голкья, бывший глава дома Каменных Клинков из клана Рийи, младший слуга в доме Лембы. Один из вожаков беззаконников.

Руо — беженец с Арха Голкья, из дома Каменных Клинков, младший слуга в доме Лембы. Беззаконник.

Фарна — беженец с Арха Голкья, из дома Каменных Клинков, младший слуга в доме Лембы. Беззаконник.

Литсу — беженец с Арха Голкья, из дома Каменных Клинков, младший слуга в доме Лембы. Беззаконник.

Му — беженец с Арха Голкья, из дома Каменных Клинков, младший слуга в доме Лембы. Беззаконник.

Марна — травник с Ярмарки, стрелял в мудрого Латиру.

Стурши — беззаконник, выдаёт себя за беженца с Арха Голкья, хотя на самом деле — из купцов Наритья. Воин, любимый ученик Наритьяры Среднего. Колдун, практически равный мудрым. Прошёл посвящение стихиями и кругом без ведома Совета. Его боятся в доме у Синего фиорда, и не только там.

Макиша — Воительница, любимая ученица Наритьяры Среднего. Колдунья, практически равная мудрым. Прошла посвящение стихиями и кругом без ведома Совета. Пропала без вести, вероятно, убита Наритьярой Старшим.

Прочие охотники:

Уюни — знахарка, мать Яли (Вильяры) от Круны, а также Вильгринина от Поджи.

Круна — глава дома Углежогов у Синего фиорда, в клане Вилья. Умер во время морового поветрия. Отец Яли (Вильяры).

Рамуи — глава одного из домов в клане Вилья, отец Туны, дед Рыныи.

Зейри — глава (матриарх) одного из домов клана Вилья, мать Ирими.

Ирими — невеста **Дюрана**, дочь **Зейри** из дома **Зейри**.

Скимпя — охотница из дома **Крури**, клана **Вилья**. Подруга **Ирими**.

Нгу — купец, мастер, друг **Лембы**. Пропал на тракте по пути к ярмарке, вместе со всем обозом.

Усси — купец, мастер, друг **Лембы**. Пропал на тракте по пути к ярмарке, вместе со всем обозом.

Тида чс — купец, сын **Муни** из дома **Муни**, клана **Вилья**. Ученик старого **Вильяры** и **Латирь**, мог бы стать хранителем **Вилья**, но мудрые выбрали **Яли**, дочь **Уюни**.

Поджа — глава дома **Купцов**, клана **Наритья** (на **Мараха Голкья**). Муж **Вильяриной** тётки, повитухи, сестры **Уюни**. Первый муж знахарки **Уюни**. Отец **Даруны** и **Нгуны** (от повитухи), а также **Вильгрин** (от знахарки **Уюни**). Дед **Мули**.

Груна — трактирщик на ярмарке, мастер огромных иглу.

Ласма — трактирщица, жена **Груны**, мастерица огромных иглу, сновидица.

Пурна — охотник из клана **Ашми** (на **Нари Голкья**). Меткий стрелок. Отец странника **Фарли**, убитого **Мули**. Отомстил за сына с помощью **Стурши**.

Фарли — охотник из клана **Ашми** (на **Нари Голкья**). Сын **Пурны**. Убит **Мули** ради её инициации в качестве воительницы.

Рела — мастер на **Ярмарке**, торгует готовой одеждой.